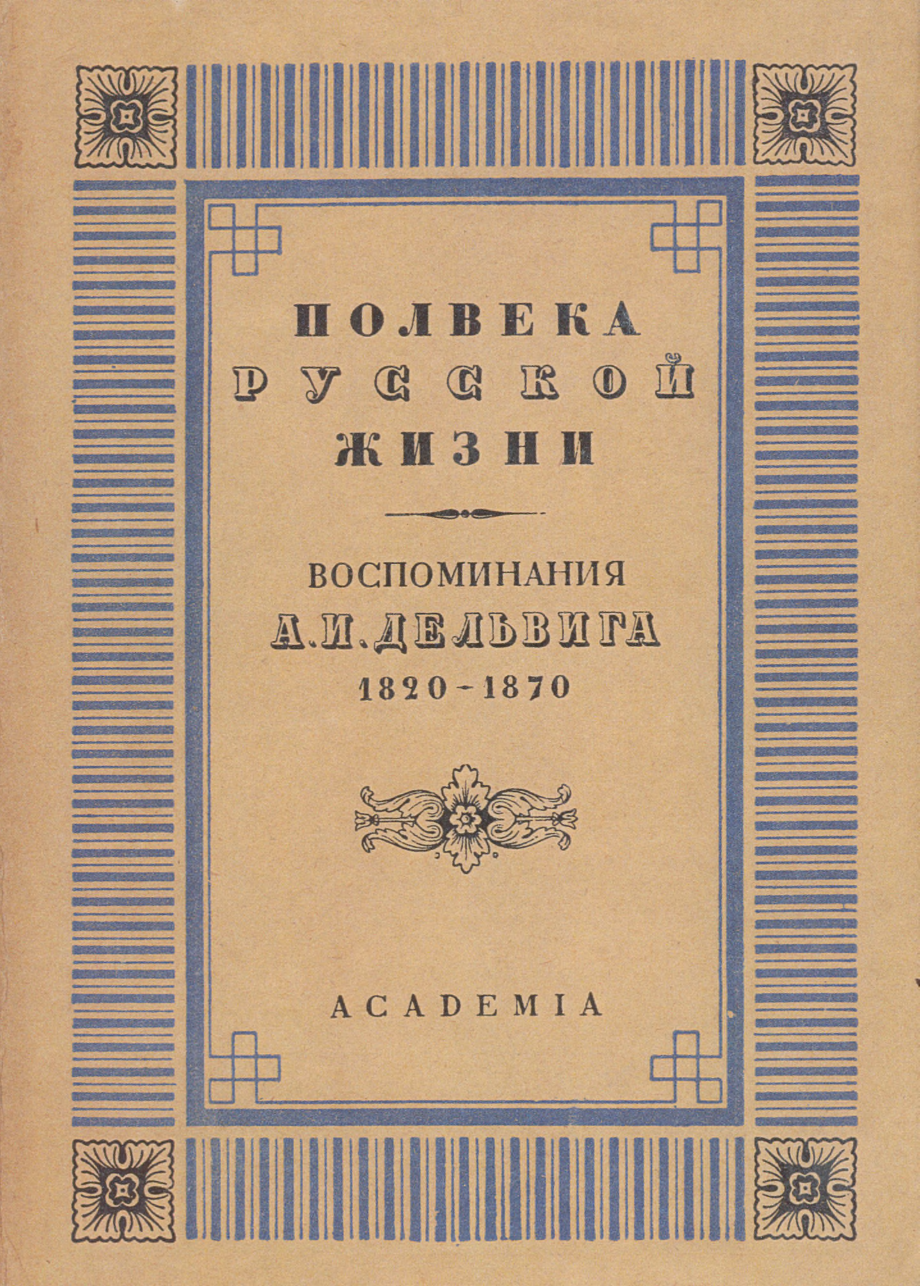
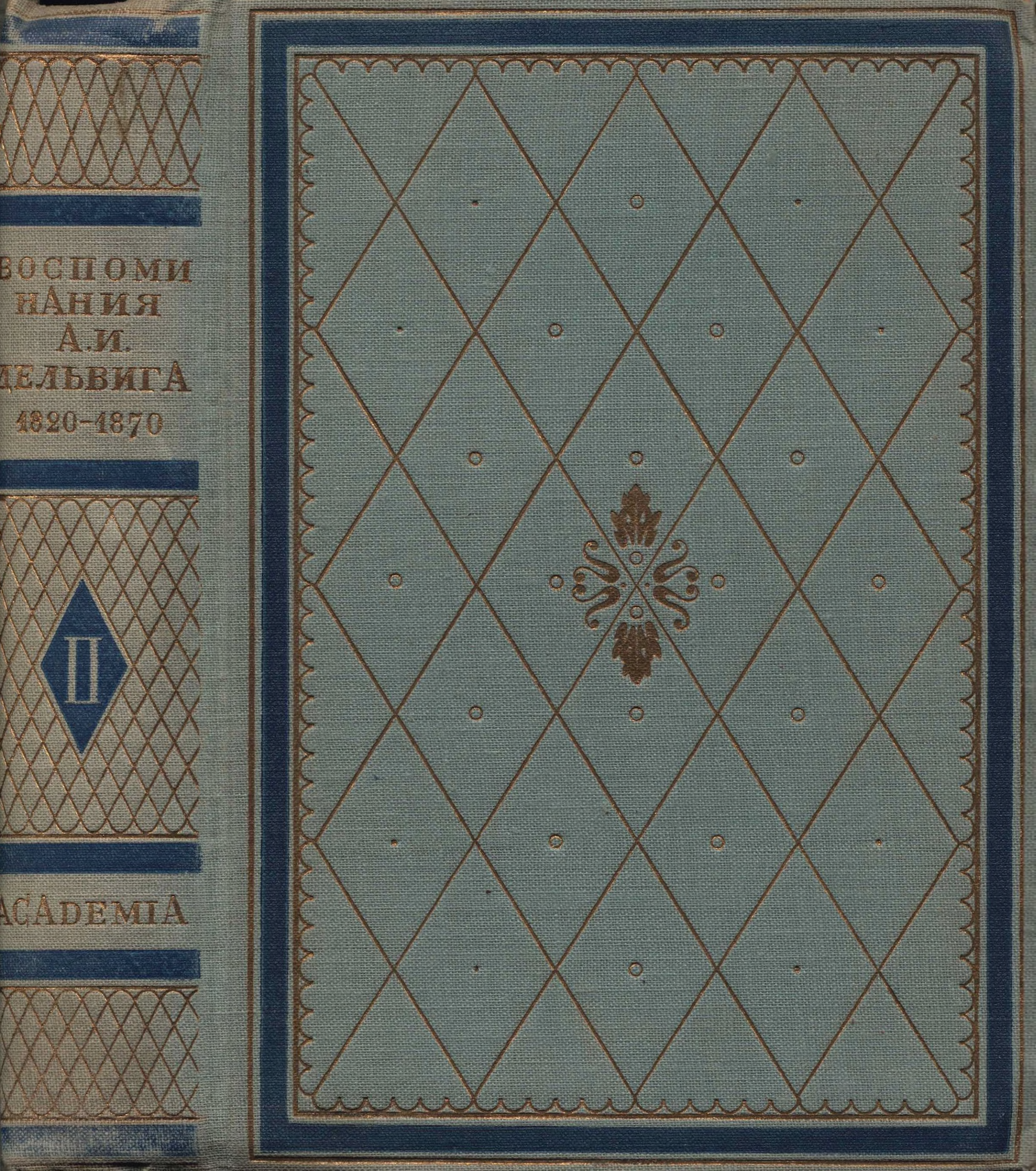

ПОЛВЕКА
РУССКОЙ
ЖИЗНИ
ВОСПОМИНАНИЯ
А. И. ДЕЛЬВИГА
1820 - 1870
ACADEMIA

ВОСПОМИНАНИЯ
А. И.
ДЕЛЬВИГА
1820–1870
II
ACADEMIA

ACADEMIA

ПОЛВЕКА РУССКОЙ ЖИЗНИ

ВОСПОМИНАНИЯ А. И. ДЕЛЬВИГА 1820—1870

РЕДАКЦИЯ И ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
С. Я. ШТРАЙХА
ПРЕДИСЛОВИЕ
Д. О. ЗАСЛАВСКОГО

II

ACADEMIA
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД
MCMXXX

Рисунок переплета и супер-обложки
И. Ф. Рерберга

Гос. тип. им. Евгении Соколовой,
Ленинград, пр. Кр. Команд., 29
Главлит № А 69865
Тираж 5.070—18 л.
Заказ № 855

А. И. ДЕЛЬВИГ

ПОЛВЕКА РУССКОЙ ЖИЗНИ

ТОМ ВТОРОЙ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1852—1858 гг.

В Москву я приехал в июле и остановился в доме графини Мансыревой, близ Малой Дмитровки, в приходе старого Пимена. Приятельница с детства жены моей А. Н. Шубина доставила нам это помещение на первое время нашего пребывания в Москве.

Наконец, я нашел квартиру в Ваганьковском переулке близ Знаменки, куда и переехал к 1-му сентября.

Немедля по приезде в Москву, я представился генерал-губернатору Закревскому, который принял меня весьма любезно и просил, чтобы я принял должность председателя архитектурного совета комиссии для построения в Москве храма во имя Христа спасителя, на что я согласился и 28 июля по высочайшему повелению был назначен на эту должность, от которой уволен 28-го декабря 1861 г. по переходе моем на службу в Петербург.

Вся постройка храма спасителя была вверена главному архитектору Константину Андреевичу Тону, жившему в Петербурге и приезжавшему только на несколько дней в Москву. Постоянно за постройкою наблюдал его помощник с подчиненными архитекторами. Главное наблюдение

за постройкою было поручено комиссии, в которой председателем был московский военный генерал-губернатор, а вице-председателем и членами наиболее почетные лица Москвы. В это время вице-председателем был действительный тайный советник I класса князь Сергей Михайлович Голицын, слывший самым богатым человеком в Москве.

В 1872 г. я осматривал продолжавшуюся постройку храма и видел, что многое, предложенное Тоном и устроенное, вопреки замечаниям совета еще в бытность мою в Москве, хотя и стоило очень дорого, но зато, действительно, прочно и соответственно цели, что меня очень порадовало.

В ноябре и декабре 1852 г., которые я провел в Петербурге, я жил у И. Н. Колесова на Бассейной улице в доме Киреева и бывал в тех же домах, которые посещал в последние четыре года моей жизни в Петербурге, а всего чаще бывал у Клейнмихеля, Баландина, Комарова и Анрепа. В декабре я услыхал от последнего, что по возникшим вопросам о перестройках в иерусалимском храме государь посылает адмирала князя А. С. Меньшикова в Константинополь, что об этом посольстве велено не разглашать, и что когда один из приближенных государя сказал, что это посольство не есть ли преддверие войны, государь ему отвечал, что он решительно не хочет войны, а кто думает иначе, тот ему не друг и не может оставаться приближенным. Анреп просил меня не говорить об этом никому, так как он,

конечно, желает оставаться генерал-адъютантом и полагает, что если государь не желает войны, то и не будет.

Меньшиков по дороге в Константинополь проехал через Москву в то время, когда я уже вернулся в этот город. Я его видел у Закревского, с которым он до сего времени был не в ладах. Причину их неприязни рассказывали мне следующим образом.

По возвращении Закревского в 1830 г. в Петербург из внутренних губерний России, которые он объезжал, как министр внутренних дел, по случаю посетившей их холеры, государь был им недоволен и Закревский решился просить об увольнении, но предварительно посоветовался со своим другом Меньшиковым, просить ли только об увольнении от должности министра, или вовсе от службы, т. е., и от звания финляндского генерал-губернатора, по которому Закревский получал значительное содержание.

Меньшиков насоветывал ему выказать вполне свое неудовольствие подачею просьбы о полной отставке, уверяя, что Закревский произведет этим эффект. По получении этой просьбы Закревского, он был уволен в чистую отставку, а Меньшиков назначен на его место финляндским генерал-губернатором с оставлением в прежних должностях. Меньшиков был очень богат, занимал место высшее, чем место финляндского генерал-губернатора, а все же надул Закревского.

Наиболее замечательными лицами, с которыми я часто виделся в Москве, были

П. Я. Чаадаев и граф А. А. Закревский. У первого собиралось в его маленьком флигеле на Новой Басманной, в доме Шульца, бывшем тестя моего Левашова, каждую неделю один раз большое общество из наиболее замечательных москвичей: А. С. Хомякова, братьев Киреевских, Аксаковых и многих других и из лиц, проезжавших через Москву, в том числе многих высокопоставленных в служебной иерархии. Собрания у него были по понедельникам не по вечерам, как прежде, а между 2-мя и 5-ю часами пополудни.

Флигель, который он занимал, очень обветшал; его нельзя было исправить, потому что Чаадаев по своим привычкам не в состоянии был переехать хотя на несколько дней в другую квартиру, а переделки при нем были невозможны, так как комнат было мало и каждая имела свое назначение; переменить же свой род жизни хотя бы на один день Чаадаев не мог. Видя, что скоро будет опасно жить в его флигеле, он обращался ко мне со словами: «В качестве друга и инженера, вы должны были бы дать мне совет, каким образом мне лучше устроиться с квартирой». Но этот совет не был бы выполнен, а потому давать его было бесполезно. Я просто в его отсутствие для летних прогулок приказал переделать печи, так чтобы он этого не замечал.

Я уже упоминал о том, что я очень понравился графу А. А. Закревскому и что я часто бывал у него и в городе и в его селе Ивановском. Конечно, здесь не место писать его биографию, и я для этого не имею достаточно

данных, но считаю необходимостью познакомить читателя с этою замечательною личностью, насколько она мне известна из моих собственных наблюдений и из рассказов самого Закревского и других лиц. Теперь я не могу различить, от кого что именно слышал, а потому если что-либо будет неправильно в моем повествовании, то это, конечно, надо приписать к рассказам не Закревского, а посторонних лиц.

Закревский был сын бедного дворянина. Он учился на медные деньги, отчего на всю жизнь остался безграмотным, и поступил в военную службу. В финляндскую войну 1809 г. он был адъютантом знаменитого тогда молодого генерала графа Николая Михайловича Каменского, который взял его в адъютанты, вероятно, для заведывания своими домашними делами, как это в то время было в обычае.

Закревский оставался при Каменском по назначении последнего главнокомандующим войсками против Турции и обедал с ним за одним столом в тот день, когда Каменский был отравлен. Каменский успел однако же перед смертью написать о Закревском военному министру Барклаю де-Толли.

Потеряв своего покровителя, Закревский выхлопотал себе в Петербурге место городничего в какой-то небольшой городок, куда и отправился в телеге. По дороге к месту назначения, он потерял свой чемодан, в котором заключалось все его имущество. Для людей, знавших чрезмерную аккуратность и заботливость Закревского, эта потеря кажется невероятною.

Закревский решился вернуться в Петербург, где и просил военного министра о пособии по случаю потери имущества. В это время происходила известная ссылка Сперанского, с которою связано было и удаление Воейкова, заведывавшего походною канцеляриею императора Александра I, состоявшею тогда под непосредственным ведением военного министра. Доклады военного министра о назначении преемника Воейкову и о пособии Закревскому были представлены в один день.

Государь, вспомнив о рекомендации Каменским Закревского, сказал Барклаю, что можно было бы назначить Закревского на место Воейкова, что и было исполнено. Барклай не мог не оценить необыкновенной аккуратности и деятельности Закревского, который последовал за ним, когда он был назначен главнокомандующим армиею против вторгшегося в Россию Наполеона.

По удалении после Бородинского сражения Барклая из армии, Закревский остался ему верен и вызвался проводить его в Лифляндию. По дороге он неоднократно спасал Барклая от ярости черни, которая почитала последнего изменником, причинившим все тогдашние бедствия России.

Закревский рассказывал, что при этих усмирениях бушующей толпы ему очень помогала крупная брань, сопровождавшаяся так называемыми крупными словами. В саду села Ивановского Закревским поставлены памятники Каменскому и Барклаю с надписью на первом из них: «Первому моему благодетелю».

По назначении в 1813 г. Барклая снова главнокомандующим армиею после смерти Кутузова, он не забыл преданности, выказанной ему Закревским, и вскоре произвел его в генерал-майоры, с назначением дежурным генералом армии и с званием генерал-адъютанта, которое давалось тогда весьма редко, так что генерал-адъютантов было всего девять человек.

По возвращении наших армий в Россию, Закревский был назначен дежурным генералом главного штаба его величества. В этой должности он привел дела по инспекторскому департаменту в неслыханный до того времени порядок. Он был известен тем, что принадлежал к весьма незначительному числу людей, которые не поклонялись перед всемогущим временщиком Аракчеевым.

Император Александр I сам заботился о его женитьбе на графине Толстой, единственной наследнице весьма значительного имения, и сверх упомянутой должности назначил его финляндским военным генерал-губернатором; этому месту присвоено значительное содержание.

Император Николай I назначил его министром внутренних дел с оставлением финляндским военным генерал-губернатором. Я уже говорил о том, как в 1830 г. он оставил службу. До 1848 г. он занимался управлением значительных имений своей жены, но держал себя постоянно как равный со всеми высшими сановниками: графами Орловым, Клейнмихелем и т. п. Я был неоднократно свидетелем, что он в статском сюртуке входил в кабинет Клейнмихеля без доклада.

Замужество его единственной дочери за сына канцлера графа Нессельроде поставило его вновь в сношение с императором Николаем I, и с того времени поговаривали о вступлении Закревского на службу. В 1848 г., при начале холеры в Москве, боялись в ней беспорядков; находя необходимым иметь начальником столицы человека строгого и распорядительного, назначили Закревского московским военным генерал-губернатором, с возвращением ему звания генерал-адъютанта.

Закревский с самого появления своего в Москве начал деспотически обращаться со многими, произвольно налагал на богатых купцов денежные требования на общеполезные предметы, удалял из Москвы без суда всякого рода плутов, вмешивался в семейные дела для примирения мужей с женами и родителей с детьми. Он принимал два раза в неделю просителей и разбирал споры приходивших с жалобами; таковых было всегда множество, и если кто из означенных лиц оказывался, по его мнению, виноватым, он обращался к Фомину, бывшему очень долго тверским частным приставом (отцу Фоминых, инженеров путей сообщения), восклицая особым тоном: «Фомин!» при чем делал особый жест рукою. Фомин препровождал указанное Закревским лицо в полицию.

Одним словом, Закревский действовал, как хороший помещик в своем имении [1]. Жители

[1] Арс. Андр. Закревский (1783—1865) был ген.-губернатором Москвы с 1848 по 1859 г. Оправдывая свои действия по управлению Москвой, З-ий говорил. «Никто

Москвы, привыкшие в продолжении нескольких десятков лет к гуманному и вежливому обращению генерал-губернаторов были недовольны Закревским, но по прошествии некоторого времени начали замечать, что в нем много и хорошего. Его произвольные распоряжения и резкие выражения большею частью относились к людям бесчестным.

Гостеприимство же, любезные отношения к большей части московского общества и скорый, а в большей части случаев и справедливый разбор разных споров и столкновений изменили отношение к нему московских жителей. В Москве он принимал гостей каждый вечер, приглашал многих к своему обеду, который всегда был хорошо изготовлен; он давал большие балы на 500 и более человек и умел каждому сказать любезность.

В с. Ивановском, где он жил летом, часто собирались к нему без приглашения по нескольку десятков гостей. Он был всем рад и никогда не было недостатка в кушаньях за столом. В день именин его жены, 23 июня, приезжало в Ивановское более ста гостей.

Вообще он имел многое, что принадлежит только людям знатного рода, и нельзя было не удивляться, как и где он без всякого обра-

не знает инструкции, которую дал мне император Николай, видевший во всем признаки революции; он снабдил меня бланками с собственноручной подписью, которые я возвратил в целости». О З-м много любопытного в Записках Ф. Ф. Вигеля (изд. 1928 г., под ред. С. Я. Штрайха, по указателю). См. еще дальше у Дельвига. *С. Ш.*

зования сумел все это приобрести. К нему постоянно приезжали гостить его прежние адъютанты и другие подчиненные, которые всегда вспоминали с особым удовольствием время, проведенное под его начальством. Некоторые из них, сами люди богатые и в преклонных летах, приезжали из очень дальних своих имений, чтобы провести время с любимым ими прежним их начальником.

Закревский также был хорош и с чиновниками особых поручений и адъютантами, состоявшими при нем, как при московском военном генерал-губернаторе.

Москва, запущенная в отношении внешнего благоустройства и полицейских порядков, видимо улучшалась его стараниями. Требования от богатых купцов пожертвований на разные общественные надобности были редки. Известно было, что пожертвовавший получит орден, до чего большая часть купцов были очень падки, а не пожертвовавший подвергнется разного рода преследованиям; но эти пожертвования, выманиваемые таким непозволительным образом, приносили пользу. Это напоминает мне речь, читанную на 50-летнем юбилее московской коммерческой академии, в совете которой московские генерал-губернаторы были постоянно председателями.

Юбилей происходил после увольнения Закревского от должности генерал-губернатора, и в речи выхваляли его предместников и преемников, а о нем прошли молчанием. Между тем из той же речи видно было, что до Закревского академия не имела ни своего дома, ни

нужных учебных пособий, ни ученых преподавателей, по неимению средств платить им. Все это академия приобрела в бытность Закревского генерал-губернатором, вследствие больших пожертвований, часто им вынужденных. Он говаривал, что купцы имеют во всей России одну академию и той не поддерживают, так что заставляют его прибегать к понудительным мерам.

Многие говорили, что он пользовался своею должностью для приобретения незаконных выгод; полагаю, что это неправда, так как не нахожу возможным человеку, столь высокопоставленному, делать злоупотребления из-за своих выгод.

Из рассказов моих о Клейнмихеле читатель уже знает, как тогда высокопоставленные лица обращались с казенными деньгами, и Закревский, конечно, не был выше людей своего времени, что можно видеть из следующего случая.

Закревский имел бани у Елохова через р. Чечору моста. На Богоявленской площади близ этого моста был построен бассейн для разбора мытищинской воды; вытекающую из этого бассейна излишнюю, неразбираемую воду полагалось провести в Чечору. Всем обывателям, имевшим промышленные заведения вблизи водоразборных бассейнов, отдавалась даром излишняя, вытекающая из них вода, но с тем, чтобы они от бассейнов до своих заведений пролагали водопроводные трубы на свой счет через что сберегались издержки города. Закревский, согласившийся на эту меру при проведении излишней воды из других бассейнов

в промышленные заведения, не хотел давать денег на проведение излишней воды из Богоявленского бассейна в принадлежащие ему бани, несмотря на то, что вследствие нахождения этих бань на противоположном берегу р. Чечоры, требовалось для доведения до них излишней воды из бассейна проложить несколько сажен лишних труб от Чечоры до бань.

Но повторяю, таково было время: высокопоставленные лица полагали, что они не должны подчиняться тем постановлениям, которым подчинены все остальные. Подобные выходки могли быть поводом распространившихся слухов о злоупотреблениях Закревского, но еще большим поводом служило, конечно, поведение его жены и дочери, графини Нессельроде, давно разъехавшейся с мужем и жившей у своего отца, который ее чрезвычайно любил, хотя и знал, что она родилась во время связи его жены с графом Армфельдом, впоследствии статс-секретарем по делам великого княжества Финляндского.

Обе эти женщины, в высокой степени безнравственные, занимали без отдачи деньги у кого только могли. Жена его была уже стара, а про безнравственные поступки ее дочери беспрестанно ходили новые слухи. Дочь впоследствии была причиною удаления отца от должности генерал-губернатора [1].

[1] Агр. Фед. Закревская (1799-1879), ур. гр. Толстая, известная красавица своего времени. Пушкин был особенно близок с нею в 1828 году, посвятил ей несколько стихотворений, называл ее «Медною Венерою», «Клеопатрою Невы». З-ая, по словам современников,

Чтобы дать понятие о тогдашнем значении в Москве генерал-губернатора, скажу, что во время объездов Закревского со мною в коляске для осмотра производящихся работ и мест, где предполагалось устроить фонтаны, окна в большей части домов, мимо которых мы проезжали, наполнены были любопытствующими видеть генерал-губернатора.

Для большего разъяснения личности графа А. А. Закревского привожу следующие сведения о нем, полученные от А. В. Головнина.

18 марта 1818 г. государь Александр Павлович открыл сейм в Варшаве знаменитою речью, по поводу которой Арсений Андр. Закревский писал Павлу Дм. Киселеву 31-го марта того же года: «Речь прекрасна, но последствия для России могут быть ужаснейшие, что ты легко усмотришь из смысла ее. Я не ожидал, чтобы он так скоро объявил свои мысли по сему предмету...» [1]

давала обильную пищу злословию, и по всей Москве ходили сплетни на ее счет. Е. А. Боратынский писал о ней: «Не утомлен ли слух людей молвой побед ее бесстыдных и соблазнительных связей». Ее воспевали и другие поэты, она выведена в неск. романах. Вольным поведением А. Ф. Закревская отличалась до весьма позднего возраста. Дочь ее соревновала с матерью в этом отношении; об ее вторичном замужестве см. ниже. *С. Ш.*

[1] Это была речь Александра I о том, что по образцу вводимой им польской конституции он дарует конституцию и России. Это обещание не было выполнено. Закревский в течение всей своей госуд. деятельности был ярым реакционером. Во время подготовки т. н. крестьянской реформы он запрещал обсуждать ее в Москве, говоря, что «в Петербурге одумаются, и все останется по старому». *С. Ш.*

Киселев отвечал Закревскому 11 апреля 1818 г.: «Благодарю тебя за все доставленное ко мне, а особенно за твое воспоминание. Речь царя для поляков есть чудесная и здешние возмечтали о будущем своем блаженстве, но у нас толки будут разные; удивление же твое насчет откровенности я весьма разделяю, но к удивлению нам, кажется, не привыкать».

31-го августа 1819 г. Закревский писал Киселеву: «О чугуевских [военных] поселениях, [где было восстание крестьян] мы давно знаем, ибо 4 полка пехоты из 1-ой армии пошли туда на помощь. Змей (Аракчеев) также туда отправился и вскоре туда ожидается. Признаться надо, что он единственный государственный злодей. У нас теперь существуют две чумы: одна— ваша, которая при мерах осторожности, исчезнет, а другая — Аракчеев,— не прежде изведется с земли, как после смерти, которой ожидать нам долго. Надо признаться, что он вреднейший человек в России. Мне кажется, что со временем Клейнмихель будет хуже его».

30 марта 1820 г.: «Не беда если б Аракчеев только делал ошибки, которые поставляют на вид. Он в государственных делах еще хуже поступает и притом к совершенному вреду России. Сие переменить может только его могила. Змей Аракчеев во все время Семеновской истории [восстание Семеновского полка в 1820 г.] носа своего не показывал и даже не спешил увидеть Пукалову [свою любовницу], приехавшую из-за границы».

Киселев в письме от 16 июля 1821 г. говорил Закревскому: «Ты не поверишь, сколько ны-

внешние обстоятельства расстраивают наши занятия; все желания устремлены к войне и учебный шаг остается в небрежении».

Закревский 22 августа 1821 г. отвечал: «стыдно, любезный Павел, так жалеть, что вас не увидят в знании учебного шага; ведь ты, как умный, честный и благородный человек, судить так не должен, и я замечаю, что ты очень переменился».

Граф Закревский по поводу назначения Киселева членом госуд. совета и отъезда Киселева в Петербург, писал ему 7 марта 1835 г. из Москвы: «Как ты доехал? Было ли предложение о принятии какой-либо важной должности, или разговоры были только о совете и о важности сего места, на счет которого ты уже имел здесь уроки? И будс ты останешься только в оном, то будешь сидеть на сем почетном месте по смерть и не принесешь сим никакой пользы отечеству, как и все твои товарищи, там сидящие. Будешь говорить правду и по совести, скоро не понравишься, ибо после каждого присутствия все передается насчет сих суждений в ином виде по разумению каждого; тогда станут морщиться, а после от тебя отворачиваться и тем все твое служение кончится в почетном месте; так я мыслю, но дай бог, чтоб тебе сие было в другом и полезном виде»...

Наши две комнаты в мезонине недолго оставались пустыми. Их вскоре заняла А. С. Иванова, урожденная графиня Толстая, сестра моего свояка.

Выйдя в 1840 году замуж за профессора Казанского университета Иванова и прижив

дочь и сына, она его оставила. Не имея средств к жизни, она приехала в Москву искать места директрисы в женском заведении или по крайней мере классной дамы.

В ней было много хитрости, что-то кошачье, но жена моя в то время страстно ее любила, хлопотала о ней у своих знакомых и меня заставляла хлопотать. Я обратился к главной надзиратильнице московского воспитательного дома г-же Мец, и она была назначена классною дамою в девичьем отделении этого дома.

Постоянно экзальтированная, она недолго удержалась на этом месте. Г-жа Мец говорила мне, что женщина, которая бредит повестями А. Марлинского (псевдоним А. Бестужева) и постоянно носит на себе письмо Ксенофонта Алексеевича Полевого, брата известного издателя «Московского телеграфа» и автора «Истории русского народа», плохая классная дама.

В первое время моего пребывания в Москве я довольно часто бывал у сенатора, генерал-адъютанта Сергея Павловича Шипова. 3-го февраля, по случаю именин жены его Анны Евграфовны, как-то попал к ним дядя мой Дмитрий [князь Волконский], до того времени с ними незнакомый. Ужинать сел он за один стол со мною, с известным поэтом Федором Николаевичем Глинкою и несколькими другими лицами.

Узнав, что его сосед Глинка, дядя мой начал рассказ о том, с каким удовольствием он и все его родные и знакомые читали патриотические рассказы Сергея Николаевича Глинки, при чем называл по имени и отечеству мно-

жество лиц, живших 40 лет назад, описывая с мельчайшими подробностями, где и как он с ними виделся, и называя по имени даже прислугу некоторых из них.

В своей Задонской деревне, где он жил летом, он продолжал безобразничать, несмотря на то, что был в 1844 г. сильно побит крестьянами. Мне рассказывали, что он раз, при приезде в деревню, требовал, чтобы крестьянки встретили его и жену сгорбившись, опираясь на землю руками и повернувшись к ним спинами. Он умер от удара незадолго до манифеста об освобождении крестьян; не могу себе вообразить, в какое положение привел бы его этот манифест, если бы он до него дожил!

Граф Закревский, в бытность московским военным генерал-губернатором, ежегодно ездил на богомолье в Троицкую лавру и на пути заезжал в Мытищи и в Алексеевское водоподъемное здание, почему и знал хорошо надсматривавших за водопроводом нижних чинов. При возвращении его в 1853 г. из Троицкой лавры, я встретил его в Больших Мытищах. Немедля по его приезде, прискакал из Москвы курьер, который привез ему известие, что князь А. С. Меньшиков оставил Константинополь и что война с турками неизбежна.

Он с неудовольствием немедля сообщил мне эту новость и, заметив, что я принял ее довольно равнодушно, изъявил удивление, присовокупив: «разве вы не видите, что война с турками вовлечет нас в войну с французами и англичанами, а флота у нас нет, армия

плохо вооружена и без генералов». Сознаюсь, что я приписал его слова тому, что он пробыл почти 18 лет в немилости. * Мы во все царствование императора Николая I привыкли думать, что «все обстоит благополучно». Печать о внутренней и внешней политике молчала или изредка только расхваливала отечественную политику; живое слово также молчало; общество было так воспитано и направлено, что оно предоставляло все распоряжения правительству *.

Люди с высшим образованием разрабатывали общие философические и религиозные вопросы, но не касались практики жизни, а некоторые из них, как напр. П. Я. Чаадаев, были уверены, что время войны прошло навсегда, и удивлялись, зачем содержат армии и учат военным наукам. Это состояние общества объясняет мое равнодушие при сообщенном мне Закревским известии. Мне в голову не приходила возможность войны, стоившей нам столько потерь и законченной таким несчастным для нас миром.

Я нанял в 1853 г. дачу в Богородском для того, чтобы быть, по возможности, ближе к Мытищам и вообще Мытищенскому водопроводу. Каждую неделю раза два я ездил в Мытищи на своих лошадях и возвращался домой к обеду.

Однажды, возвратясь из Мытищ, я нашел у себя собственноручную безграмотную записку Закревского, в которой он, уведомляя меня, что получил верное сведение о незаконной продаже принадлежащего водопроводам кирпича, просит в точности исследовать это дело

и на другой день передать ему результат исследования.

В проезд императора Николая I в сентябре 1853 г. через Москву в Ольмюц, погода была отвратительная. Он был мрачен и недоволен всем и, между прочим, 6-м пехотным корпусом, которым прежде оставался постоянно довольным,—и постройкою огромного деревянного цирка против Большого театра, рядом с Малым театром.

Цирк казался государю опасным, в случае пожара, для обоих означенных театров, некрасивым и непрочным. Наряжена была для его освидетельствования комиссия, в которой и я участвовал. Комиссия же однако не потребовала сломки цирка, а только довольно значительных переделок для его украшения, а в особенности упрочнения.

Цирк этот был построен вышедшим незадолго перед этим в отставку адъютантом Клейнмихеля Новосильцовым, который был женат на одной из наездниц цирка. В 1853 г. Новосильцов уже нуждался в деньгах, но до этого времени, долго служа и в фронте и адъютантом, он, не имея состояния, тратил несчетные суммы на экипажи, лошадей, стол и пр.; источник, откуда он брал эти суммы, был для всех неизвестен, и до сего времени остается для меня загадкою. Вскоре сгорел Большой московский театр, но цирк остался невредимым при этом пожаре.

При начале войны с турками, я желал в ней участвовать в звании инспектора военных

сообщений действующей армии, но начатые работы по водопроводам этому воспрепятствовали. Все московское общество было уверено в несомненности успеха нашего оружия; говорили, что мы забросаем неприятеля шапками.

Сражение при Синопе еще более возбудило уверенность в том, что мы должны победить. Из моих знакомых один П. Я Чаадаев ходил сумрачный и недовольный. Он опасался вмешательства Франции и Англии, с которыми мы не в состоянии будем совладать. За это все прокричали его недругом России, чуть не изменником. Я не разделял этого мнения, но, не предвидя беды, полагал, что Чаадаев так рассуждает из привычки к оппозиции правительству.

Денежные дела Клейнмихеля были в дурном положении. Жена его, при сдаче ремонтного содержания пути и зданий железной дороги между двумя столицами купцу Смолину, заставила его уплатить ее долги на сумму, как говорили тогда, выше 100 тыс. руб. Бывший в то время директором канцелярии главноуправляющего путями сообщения Никита Ефимович Заика, честный человек и единственное лицо, преданное Клейнмихелю, рассказывал мне по величайшему секрету со слезами на глазах, что он 20 лет служил при Клейнмихеле, который никогда не брал взяток, а теперь, хотя он непосредственно не участвует во взятках жены, но не может не знать о них. Вскоре Заика был назначен членом совета главного управления путей сообщения, а директором канцелярии назначен чиновник особых пору-

чений Мицкевич, который более гармонировал с другими приближенными Клейнмихеля, искавшими в службе средств к обогащению.

В 1854 г. заведена была в Петербурге такса на извозчиков, и замечательно, что ни один не выехал в светлое Христово воскресение, так что я из гостиницы Демута, где простоял в этом году более 2½ месяцев, должен был в этот день, несмотря на дождь и грязь, пройти пешком к Клейнмихелю, жившему у Обухова моста, и к И. Н. Колесову, жившему на Бассейной улице.

Всем, и мне в особенности, желательно было, чтобы паровые машины для подъема воды как в Мытищинском, так и в Алексеевском зданиях, были изготовлены в России. В Петербурге в это время был устроен механический герцога Лейхтенбергского завод, с директором которого, горным инженер-генерал-майором Фуллоном, я заключил контракт на поставку машин.

Никакое служебное дело мне не доставило столько забот и неприятностей, как этот контракт. Заказ машин и постоянное желание Клейнмихеля, чтобы я оставался в Петербурге как можно долее, были причиною того, что я вернулся в Москву только в конце апреля.

Клейнмихель в 1854 г., в бытность в Москве, осматривал производившиеся в ней водопроводные работы. В этот приезд он по моему ходатайству не согласился на продажу на слом Красных ворот, чего сильно добивался Закревский, так как они требовали постоянных расходов на ремонт,

Красные ворота, кажется, были построены для триумфального шествия императрицы Елизаветы Петровны. После увольнения Клейнмихеля от должности главноуправляющего путями сообщения, эти ворота были проданы на слом. Купивший их однако же не сломал, но в последнее время вовсе не ремонтировал, так что езда под воротами делалась опасна и была запрещена.

Не знаю, как они поступили снова в городское ведомство, но в настоящем 1873 г. московская городская дума снова ассигновала на их ремонт, кажется, до семи тысяч рублей.

Принужденный выход наших войск из придунайских княжеств, занятие их австрийцами, высадка англо-французско-турецких войск в Крым, несчастное Альминское сражение, занятие неприятелем позиции против южной стороны Севастополя, осада его и страшная бомбардировка произвели уныние на Москву и на всю Россию. Уже не было толков, что всех шапками забросаем. П. Я. Чаадаев и А. С. Хомяков старались объяснить наше положение; первый тем, что Россия, как масляное пятно, все расширяется и Европа нашла нужным поставить преграду этому расширению; а второй тем, что Россия всегда держалась особо от других Европейских держав и, как медведь в берлоге, стращала тем, что выйду и всех вас задушу, что это надоело Европе и она отыскала медведя в его берлоге. Но это были только фразы, которыми они старались себя утешить; на самом деле мало было людей, на которых наши

неудачи так сильно действовали, как на эти в высшей степени впечатлительные натуры, а Москва все продолжала видеть в Чаадаеве человека, враждебного России.

Известие об Инкерманском сражении с помещением в бюллетене о нескольких тысячах наших воинов, выбывших из строя, повергло всех в глубочайшую печаль. Через несколько дней вышел об этом сражении новый бюллетень, в котором было сказано, что по новым сведениям оказалось выбывшими из строя двумя тысячами более.

В первом бюллетене меньшее число показано было не с намерением, а просто по несобранию точных сведений; едва ли нужно было делать поправку во втором бюллетене. Надо сказать, что вообще наше правительство было откровеннее в заявлении о наших потерях, чем воевавшие с нами две образованные державы: Франция и Англия.

Брат мой Николай, бывший полковником в Житомирском полку, находился в 1853 и 1854 годах в придунайских княжествах. По выступлении наших войск из княжеств, он жил в Измаиле, куда приехала его жена, оставив трех малолетних детей у своих родителей в нижегородском имении. В октябре брат мой был назначен командиром Владимирского пехотного полка и из бюллетеня об Инкерманском сражении мы узнали, что он ранен. Понятно, какое впечатление произвело это известие на меня и сестру. Полагая, что жена брата осталась в Одессе, мы опасались, что он останется без должной помощи.

Мне немедля пришла мысль ехать к брату. В Екатеринославе я перегнал сестер милосердия, отправленных в Крым по распоряжению великой княгини Елены Павловны. На первом перегоне от Перекопа экипаж мой завяз в селении «Армянский базар» в грязи, из которой с трудом вытаскивали простые телеги. Опасаясь снова где-нибудь завязнуть и встречая, несмотря на курьерскую подорожную, на всех станциях затруднения в получении лошадей, я решился с первой станции за Перекопом ехать с каким-то чиновником на перекладной, уплачивая за него прогонные деньги и приказав моему слуге с моим тарантасом продолжать путь до Симферополя по моей подорожной.

Благодаря этому распоряжению, я доехал до Симферополя в полтора суток, тогда как экипаж мой употребил шесть суток, чтобы проехать менее 200 верст. Чиновник, с которым я ехал до Симферополя, говорил, что он послан из штаба князя М. Д. Горчакова, чтобы направить в армию последний неправильно посланный в Симферополь обоз с порохом, но мы его не догнали, и потому, вероятно, он не был возвращен.

Поручение, возложенное на чиновника, дать другое направление пороху, когда в нем ощущалась в высшей степени нужда в Севастополе и когда он уже почти достиг этого города, по невообразимой грязной и неудобной дороге, казалось мне тогда и продолжает казаться неправдоподобным.

Все время, которое я ехал с означенным чиновником в телеге, лил проливной дождь. Это

было 20 и 21 ноября. Всю теплую одежду я оставил в моем экипаже и остался в одной холодной шинели, поэтому я промок насквозь до костей и сильно прозяб.

Выходя на почтовые станции для отогревания, я в них не садился, чтобы мокрые подштанники хотя на-время отделились от моего тела.

На всех станциях мы заставали проезжающих, ожидающих своей очереди для получения лошадей. Между ними были и медики, ехавшие в нашу армию из северо-американских штатов; они, видя, что я не сажусь на станциях, полагали, что я это делаю из-за уважения к ним, а потому приглашали меня сесть и удивлялись, что я не пользуюсь их приглашением. Эти медики, по прибытии в Симферополь, долго не получая лошадей для поездки в Севастополь, отправлялись туда пешком; иные сами несли свои пожитки. Я этих пешеходов, снова повстречал при обратном моем проезде из Севастополя в Симферополь.

В Симферополь я приехал 21 ноября поздно вечером. С трудом найдя квартиру брата, я своим появлением чрезвычайно удивил его и его жену. Первым делом было снять все мокрое платье и белье и надеть белье и халат брата, так как все лежавшее в захваченном мною с собою небольшом чемодане, находившемся полтора суток под проливным дождем, было мокро.

Брата я нашел здоровым. Он был ранен в руку выше локтя пулею, которая засела в мягкой части тела, не раздробив кости. Рана была не опасна, но требовала ухода, очищения

от нагноения и хорошей перевязки, что моя невестка исполняла превосходно, как о том свидетельствовал лечивший брата доктор.

О том, как невестка моя нашла ее раненого мужа в Севастополе после Инкерманского сражения, имеется рассказ Горбунова, бывшего впоследствии адъютантом моего брата,—в I томе Севастопольского сборника, изданного по повелению наследника цесаревича. Подвиг моей невестки в рассказе Горбунова, конечно, несколько опоэтизирован.

В Симферополе я нашел нового губернатора, полковника графа Николая Владимировича Адлерберга (впоследствии генерал от инфатерии и финляндский военный генерал-губернатор), в страшных хлопотах по недостатку перевозочных средств, которые ежедневно требовались в огромном количестве. Пожертвованные вещи для войска по этой причине, а также по причине беспорядков и злоупотреблений, не доходили до своего назначения. Целые городские площади были завалены пожертвованными полушубками, перевезенными до Симферополя с необычайными затруднениями, а в то же время наши войска были плохо одеты и мерзли в своих земляных бивуаках.

Брат и невестка советовали мне привезенные мной чай, кофе, сахар, корпию, белье и пр. не передавать официальным лицам, убежденные, что в таком случае ничего не дойдет по назначению, а передать все жене председателя казенной палаты Владислава Максимовича Княжевича, с которою, равно как и с ее мужем, они меня познакомили,—что я и исполнил.

Княжевич отдал все свое помещение под лазарет, оставив для себя и жены две комнаты, расположенные на разных концах его квартиры. Жена его сама ходила за больными. Теперь их обоих уже нет на свете.

В Симферополе было более 30 лазаретов, которые я все посетил и нашел во всех отношениях в самом жалком положении.

Мне очень хотелось видеть осажденный Севастополь, но сообщения между ним и Симферополем на почтовых лошадях почти не существовало.

Дорога была невыносимо дурна, в особенности по берегу реки Бельбека; грязь стояла выше ступиц колес, так что телега загребала ее и потому, несмотря на шесть запряженных в нее рослых лошадей, мы подвигались шагом. Дорога по р. Бельбеку была устроена следующим образом: в крутой каменной горе, образующей берег реки, была на некоторой высоте вырублена узкая полоса для дороги; с одной стороны над нею возвышалась каменистая гора, а с другой был поставлен сплошной из камня парапет вышиною около $^3/_4$ аршина; в этом парапете были оставлены отверстия для стока через них с дороги грязи, стекающей в огромном количестве во время дождей с откоса горы, ограничивающей противоположную сторону дороги.

В проезд мой эти отверстия были заполнены засохшею грязью, так что грязь с дороги стекала только по верху парапета, где он случайно был ниже общей его высоты. В этой узкой грязной полосе, называемой дорогою потому только, что по ней ездили, валялись покрытые

грязью околевшие волы; когда на них наезжала моя телега, я едва мог в ней удержаться.

По дороге из Симферополя в Севастополь я обогнал ехавшего верхом юнкера Сергея Алексеевича Нарышкина, старшего сына моего друга.

Сергей Нарышкин находился постоянным ординарцем у князя М. Д. Горчакова. В рассказе этого юноши об Инкерманском сражении, он обвинял своего начальника, который по диспозиции должен был сделать фальшивую атаку на французский лагерь для отвлечения внимания неприятеля от главных наших сил, наступавших у Инкермана; но по внушению генерал-лейтенанта Липранди сделал свою атаку до того фальшивою, что ею не мог обмануть не только французского генерала, но и самого неопытного юношу.

Я вез Нарышкину несколько денег золотою монетою, которою он был очень недоволен, не зная куда положить. Золотою же монетою я вез большие суммы разным лицам, в том числе Римскому-Корсакову, которого нашел в селе Бельбеке.

Он также был недоволен получением золотой монеты, которую с трудом разменял на кредитные билеты. Между тем это золото меня чрезвычайно обременяло в продолжении всей дороги между Москвою и Симферополем, так как, опасаясь положить его в чемодан, который мог легко быть украден, я им набил все мои карманы.

В России звонкая монета ходила тогда al pari с кредитными билетами, но меня снабдили зо-

лотом, а не билетами, в опасении, что последние ходят в Крыму ниже настоящей их цены.

Подъезжая к Бельбеку ночью на 30 ноября, я видел по направлению к Севастополю беспрепрерывные огни, которые сначала принял за падающие звезды; потом услыхал отдаленный грохот, подобный грому, и очень удивился такой сильной грозе в это время года. Наконец я понял, что это были пушечные выстрелы у Севастополя.

На первой станции от Симферополя на р. Салгире мне сказали, что нет почтовых лошадей, что много проезжающих и в том числе генерал Данненберг, остановлены за неимением лошадей. Я призвал старосту и требовал от него, чтобы он мне нанял лошадей, а за неимением их верблюдов или волов.

К утру были заложены в мой тарантас, не помню какие из последне-поименованных животных, за наем которых я заплатил очень дорого. Я употребил на проезд почтового перегона, менее 30 верст, целый день. На следующей почтовой станции повторилось то же самое. Дорога в Крыму ничем не обозначена и возчики не знали ее направления, а потому мне случалось плутать по крымским степям по нескольку часов во все стороны, так что потребовалось шесть дней для переезда до Перекопа, откуда я поехал с меньшими затруднениями.

По дороге я перегонял целые обозы раненых и партии пленных французов, англичан и турок. Между Екатеринославом и Харьковом, в одном большом селении, в котором я переменял лошадей, вошли рано утром в занимаемую

мною на станции комнату несколько пленных французов; они объявили, что, узнав о моем полковничьем чине, пришли ко мне с просьбою. Я им отвечал, что я не принадлежу к полиции, но готов, если их обижают обыватели или конвоирующие их нижние чины, передать их жалобы ближайшему полицейскому или военному начальству.

Они объявили, что их никто из русских не обижает, что конвой обходится с ними ласково, а конвойный унтер-офицер наилучший человек в свете, но что они просят отделить их от англичан и турок, из-за которых они так долго находятся в пути, так как первые от излишнего употребления русской водки не могут держаться на ногах, а последние, хотя и не пьют, но вовсе ходить не умеют, так что конвойные выбились из сил, отыскивая лошадей для перевозки турок и пьяных англичан. Я объяснил им невозможность исполнить их желание.

После того пленные сказали мне, что четвертак, положенный на каждого в день, им выдается аккуратно, при чем некоторые показали мне столько четвертаков, сколько дней они были в походе. Я удивился, что они ничего не издержали из выданных им денег. Они объяснили это тем, что в селениях нечего было покупать по случаю поста (рождественского), а хлеб белый им дают крестьяне вдоволь и ни под каким видом не хотят принимать от них никакой платы, приговаривая при отказе от денег слово «нечасни», т. е. несчастные.

Но они слышали, что недалеко от Харькова, о котором им говорили, как об очень хорошем

городе, и они надеются в нем достать все нужное на деньги, которые накопят в походе. Я их напоил чаем; он им очень понравился; некоторые из них пили его в первый раз.

Выйдя садиться в тарантас, я заметил несколько пьяных англичан, валяющихся по земле, и несколько турок, сидящих по их обыкновению на корточках. Снег около Харькова был так глубок, что я не мог продолжать мой путь в тарантасе, который оставил в Харькове, и купил зимнюю повозку.

Вскоре по приезде в Москву, я описал мою поездку в Крым в письме от 30 декабря 1854 г. к товарищу моему Баландину:

«Обо всем происшедшем в Крыму мнения и рассказы столь различны, что необходимо изо всего составить собственный рассказ, отбросив все невероятное и преувеличенное. В одном только все согласны: в неудовольствии против главнокомандующего [1] и в том, что Тотлебен [2] спаситель Севастополя. Брат мой оптимист и его мнение я также принял в соображение.

Ты помнишь еще два правила войны: что надобно всегда в решительных точках совокуплять наибольшие массы и уметь их расположить так, чтобы все они в решительную минуту могли быть употреблены с пользою. Конечно, одна из решительных точек настоящей войны — Крым, но мы в нем численностью войск оказались вдвое слабее неприятеля, при-

[1] Адмирала князя А. С. Меньшикова. *Авт.*

[2] Бывший тогда саперным полковником, впоследствии граф, инженер-генерал и генерал-адъютант. *Авт.*

шедшего из-за тридевять земель; решительная же минута—было сражение под Барлуком (как называют его в Крыму), или на Альме, но войска были расположены при первой встрече с неприятелем противно здравому смыслу и всем требованиям науки. В действие могла быть употреблена только наименьшая часть нашего войска и, несмотря на крепость нашей позиции, хорошее действие артиллерии и храбрость войск, мы должны были уступить, понеся значительную потерю в людях и расстроившись до такой степени, что войска надо было сбирать несколько дней, так как не было определено куда и как отступать, а человеку, занимавшемуся военным делом с любовью, как наукою, не трудно было бы всем распорядиться, как следует.

Главнокомандующий, как говорят, сам отказывается от составления диспозиций; начальника штаба и генерал-квартирмейстера при нем не было; следовавший за ним генерал [1] хорош только потому, что в него попало 8 пуль и его не ранило; был один дивизионный генерал Квицинский лучше других, но ему не дозволили распорядиться, и он, получив три раны, лежит в Симферополе в очень опасном положении; об остальных генералах лучше умолчать. Конечно, по превосходству вооружения и числа неприятеля, сражение не могло кончиться в нашу пользу, но при наших лучших распоряжениях мы бы менее потеряли, и они долее бы не опомнились.

[1] Князь Петр Дмитриевич Горчаков. *Авт.*

После этого сражения был совет, в котором участвовали между прочим покойный Корнилов [1] и Тотлебен, только что присланный от князя Горчакова [2] и дурно принятый, как вообще все от Горчакова присылаемые. На совете главнокомандующий полагал, за невозможностью удержать Севастополь, так как северное укрепление весьма непрочно и дурно устроено, а южная часть города открыта, как поле, выйти с флотом и, хотя не было никаких вероятий победить флот впятеро больший, но умереть с честью.

Корнилов не находил положение еще столь отчаянным и полагал нужным укрепляться, а так как неприятель перешел на южную сторону, то Тотлебен и укрепил ее и в несколько дней сделал то, чего не подумали сделать в полтора года, т. е. с того времени, как восточный вопрос сделался военным вопросом. С южной стороны существовала тонкая кирпичная стена сажени в две вышины, длиною до 600 саж.; остальная часть этой стороны была совершенно открыта. В городе почти не было войска и артиллерии и потому неприятель мог бы вступить в город без сопротивления, как в собственный город, и завладеть им, флотом и, главною, бухтою, но бог затемнил им очи: они прошли к Балаклаве и приготовились к правильной осаде неукрепленного города, но и по сделании земляных укреплений, нечего в них производить

[1] Вице-адмирал, командующий Черноморским флотом. *Авт.*

[2] Князя Михаила Дмитриевича, главнокомандующего Дунайскою армиею. *Авт.*

бреши, так как бастионы не имеют непрерывного соединения между собою. Сколько я понимаю, они боялись итти на приступ и думали, вооружив свои батареи, разгромить Севастополь и своим громом перепугать нас до того, что мы сдадим его, но дело под Барлуком, кажется, уже доказало, что мы не китайцы и народ вовсе не трусливый.

В Евпатории высадилось 10 т. турок, но и бывшие там голодали; не знаю, как же будут кормиться они в столь значительном числе. Вообще положение осаждающих войск должно быть невыносимо. Доказательством служит значительное число перебегающих, не могущих выносить голода и холода; в числе беглых были даже офицеры: французы и англичане. Конечно, подвозы облегчают их участь, но они по состоянию моря не могут быть ежедневны и следовательно бывают дни для них невыносимые.

По значительности идущих транспортов от Бахчисарая, существующей дороги, проложенной на откосе горы по Бельбекской долине, было бы недостаточно, если бы она была и удобопроезжаема. Можно было бы за небольшие расходы открыть новый добавочный путь сообщения, но главнокомандующий не дает денег и вообще на них скуп. Ты знаешь, как мне нравятся все наблюдающие интерес казны, но всему должен быть предел и не должно бы скупиться на устройство столь важного сообщения, а в особенности на устройство госпиталей, которые в Симферополе в жалком положении. Так как не сделано было заблаговременно распоряжений

о доставлении запасных аптек и госпитальных кадров и об увеличении числа докторов и транспортных подвод, то раненые и оставались несколько дней без перевязки. Казенная аптека не успевала доставлять лекарства, так что офицеры по 3 дня их не получали. Большой недостаток в белье. Перевязка раненых была затруднительна, а в госпиталях дурной воздух и вообще неустройство.

Между тем говорили, что прибыла еще запасная аптека, а прибывшие сестры, состоящие под покровительством великой княгини Елены Павловны, уже оказывают много полезного. По приезде остальных сестер и сердобольных вдов, нет сомнения, что госпитали поправятся, но удивительно, кому могло притти в голову отправить сердобольных вдов в почтовых каретах по нашим новороссийским дорогам, где каждую карету запрягают по 20 волов очень искусно, по шести в ряд, три ряда и впереди два вола. Местный военный губернатор [1], о бегстве которого из Симферополя расскажу после, не занимался госпиталями; новый не ответствен и не знаю, что он сделает, если ему не дадут денежных средств, которых у него нет вовсе в распоряжении. Жители Симферополя принимают сильное участие в раненых и больных и

[1] Генерал-лейтенант Пестель, умерший (в 1865 г.) сенатором в Москве. *Авт.* Это младший брат декабриста П. И. Пестеля, Владимир Иванович. Он был причастен к Тайным обществам, но в виду своей пассивности избег наказания. Повесив его брата 13 июня 1826 г., Николай первый наградил Владимира в тот же день званием флигель-адъютанта. *С. Ш.*

делают для них все по возможности. Симферополь—совершенный госпиталь. Грязь в нем непроходимая и непроезжаемая. До 3 т. раненых отправлено к колонистам в Мелитополь, где многие от хорошего за ними ухода выздоравливают.

Все в один голос говорят, что войско наше отличается храбростию, рвением, преданностию государю, но не любит своего начальника. [1]

Не знаю, до какой степени виновато военное министерство в недостатках армии в Крыму, но князь Горчаков из южной армии, говорят, присылает многое в крымскую армию, не ожидая требования; но так как он человек рассеянный, то говорят, что его заботливость простерлась до того, что он прислал одного офицера ожидать падения Севастополя, с тем, чтобы иметь это сведение как можно скорее. Конечно, Меньшикову должно было скоро надоесть видеть подобное лицо, и он ему приказал ехать назад. Меньшикову дают разные названия весьма для него невыгодные.

К Данненбергу Меньшиков почему-то не благоволил. Первый еще из Перекопа послал донесение о том, что вступает с вспомогательными войсками в Крым. Меньшиков спросил адъютанта Данненберга, привезшего донесение:

[1] Впоследствии мой брат говорил мне, что Меньшиков громогласно перед солдатами называл войска 6-го корпуса трусами; так он в Инкерманском деле назвал Владимирский полк, когда нашел нижних чинов этого полка в резерве лежащими. Брат объяснил Меньшикову, что они лежат по его приказанию, чтобы не служить мишенью неприятельским выстрелам. *Авт.*

«А где генерал Данненберг?» Он идет с первым эшелоном. «К чему он торопится; я слышал, что он получит новое назначение». Этот разговор был передан Данненбергу; последствия его ты сам поймешь.

Но по Крымской армии не надо судить о наших действующих армиях, которые лучше организованы, хотя по вышеописанному путешествию моему можно подумать, что везде сильный беспорядок, особливо если принять в соображение, что на обратном пути в Екатеринославе я не мог добиться лошадей более 2½ суток, несмотря на то, что сам губернатор и вся полиция об этом заботились».

12 января 1855 г. Московский университет праздновал свой столетний юбилей; * надо же было дожить этому старейшему русскому университету до ста лет в то время, когда его попечителем был В. И. Назимов, о котором я говорил в VI главе «Моих воспоминаний», — человек необразованный до того, что на счет его невежества ходила бездна рассказов, к которым юбилей прибавил еще следующий *. Назимов, увидя, что университетский зал украшен девятью статуями, изображавшими муз, был недоволен несимметрическим их расположением и сердился за то, что не приготовили для симметрии десятой музы.

В Московском университете и гимназиях, и в особенности в первой гимназии, происходило во время попечительства Назимова много перестроек на значительные суммы. Многие обвиняли Назимова в злоупотреблениях по построй-

кам, но я этому не верю, хотя из передаваемых им мне по этому предмету суждений имел бы право сделать противоположное заключение. Полагаю, что обманывал и заставлял высказывать передаваемые мне суждения бывший в то время директор московской 1-ой гимназии.

При наступившем вскоре новом царствовании этим двум лицам предстояла еще более важная роль, а именно Назимов был назначен генерал-губернатором северо-западных губерний, при чем упомянутого директора гимназии сделал гродненским губернатором. Они дурно исполнили свои обязанности и были уволены от этих должностей в 1863 году.

В половине февраля 1855 г. я, по причине простуды, не выходил из дома. 19 февраля после полудня, когда я занимался моим сочинением «Руководство к устройству водопроводов», приехала к нам друг моей жены Е. И. Вельяминова-Зернова и объявила, что получено официальное известие о последовавшей накануне кончине императора Николая I.

Не слыхав ничего об его болезни, эта весть сильно поразила меня. Положение России было самое критическое: она была в войне с двумя сильнейшими европейскими державами, поддерживающими Турцию. Все говорили о скорой высадке в Крыму итальянского войска и о двусмысленной политике Австрии, заставлявшей нас держать на ее границе сильную армию. Я лично удостоверился в крайней затруднительности сообщений внутренних губерний России с Севастополем и в совершенной неспособности

к начальствованию армией князя А. С. Меньшикова, который от этого начальствования был уволен только накануне кончины императора Николая I.

Слухи о слабости характера воцарившегося императора приводили в отчаяние многих и в том числе А. И. Нарышкина, который в прошедшее царствование беспрерывно поносил Николая I, но, узнав об его кончине, говорил мне неоднократно, что каков бы ни был покойник, все же при настоящих обстоятельствах было с ним лучше.

Почти 30 лет прожили мы под величайшим гнетом, но, несмотря на это, почти все желали продолжения этого царствования из опасения, что при новом наши военные действия пойдут еще хуже. Впрочем, надо сознаться, что мы, воспитанные под гнетом, свыклись с ним и вполне поняли его значение, только прожив несколько времени при новом царствовании.

* Кончина императора Николая первого была официально подробно описана; нет сомнения, что некоторые из его приближенных описали ее в своих записках, в которых можно будет видеть насколько справедливы носившиеся слухи о том, что он умер неестественной смертью. Я же передам только то, что мне достоверно известно *. Последнее время император не спал по ночам, а молился, стоя на коленях, и не внимал просьбам лиц, уговаривавших его лечь спать. Привыкнув не только повелевать всем в России, но и иметь постоянно сильное влияние на судьбы большей части Европы, он не

мог без сильных нравственных потрясений видеть падение своего могущества.

По моему мнению, эти нравственные потрясения и довели его до преждевременной могилы; известно, что при них простуда сильнее действует.

27 января 1855 г. была свадьба старшей дочери Клейнмихеля, Елизаветы, в домовой церкви главноуправляющего путями сообщения. Жених ее, флигель-адъютант Пиллер-фон-Пильхау, считался в кавалергардском полку, а потому государь, бывший его посаженным отцом, надел мундир этого полка. Найдя поданные ему сапоги некрасиво сидящими, он приказал подать другие, но для того, чтобы их надеть, надо было снять шерстяные носки.

Государь ездил всегда в санях и, по возвращении от Клейнмихеля, почувствовал простуду, так что не выезжал после этого дней десять. Почувствовав себя лучше, он, вопреки совету врачей, выехал для смотра какого-то маршевого баталиона, проходившего через Петербург для укомплектования наших действующих войск, при чем еще сильнее простудился и, проболев после этого еще дней десять, скончался [1].

[1] Сообщаемые Дельвигом слухи о неестественной смерти Николая первого были в свое время сильно распространены в русском обществе, повторялись в заграничной печати и нашли, впрочем, недостоверное, подтверждение в русской исторической печати. Н. С. Стакельберг в журнале «Русское прошлое» (1923 № 1) доказывает на основании рассказов Е. В. Пеликана и некоторых записей в камер-фурьерском журнале, что император Николай покончил самоубийством. Знаменитый хирург Н. И. Пирогов писал жене из Севасто-

20-го февраля была назначена торжественная присяга в Успенском соборе, куда я по болезни не поехал. В начале звона на Ивановской колокольне, один из самых больших колоколов, называемый Реут (ré, ut), упал и проломал своды колокольни. Не знаю причины этого падения; в народе оно принято за дурное предзнаменование.

В июле 1855 г. заехал ко мне в деревянный домик при Алексеевском водоподъемном здании П. П. Мельников, бывший в это время начальником изысканий железной дороги между Москвою и Севастополем, куда он уехал из Петербурга. Застав меня перед самым обедом, обложенного французскими и немецкими книгами, служившими мне для справок при составлении «Руководства к устройству водопроводов», он спросил меня, что я делаю, и, узнав, что я пишу «Руководство», сказал:

поля 1 марта 1855 года: «Итак, имя Николая первого принадлежит уже истории. Я слышал подробности, но не верится... Замечательно, что французский парламентер сказал нашему (а я слышал лично от нашего) 16 числа еще, что государь скончался и что будет мир. Меня уверял сам парламентер. Если правда, то необъяснимо» («Севастопольские письма» Н. И. Пирогова, Пет. 1907, стр. 116). Известный писатель Н. В. Шелгунов сообщает в своих Воспоминаниях (изд. 1923 г., под ред. А. А. Шилова, стр. 26): «Причина смерти Николая не осталась темной. Рассказывают, что, позвав Мандта, Николай велел ему прописать порошок. Мандт исполнил, Николай принял. Порошок начал действовать, Николай спросил противоядия. Мандт молча поклонился и развел отрицательно руками». Подтверждение слухам о Мандте и данном им Николаю Павловичу яде находим в том, что М. М. Мандт быстро исчез из России после смерти императора. *С. Ш.*

— Не надоело ли вам рыться в книгах, а я вот уже несколько лет ни одной книги не беру в руки.

За обедом он говорил, что долее невозможно терпеть Клейнмихеля, сделавшегося по его словам, хуже прежнего, и что приняты меры для его свержения. Я заметил на это, что он играет в слишком большую игру, так как Клейнмихель очень хитер и может подделаться и к новому государю.

Он отвечал, что теперь Клейнмихель во всяком случае не может ему сделать ничего более, как уволить со службы, а если Клейнмихель останется, то он сам ее оставит, к чему он уже и готов, имея небольшой капиталец и весьма ограниченные потребности в жизни; сверх того, он может найти для себя выгодное место и в частных занятиях.

Мельников мог тогда ожидать, что он получит место Клейнмихеля, так как он был в большой милости у нового императора, который, быв наследником, председательствовал в комитете по устройству железной дороги между двумя столицами, а равно благодаря своим знакомствам в дамском обществе.

Страшная драма, разыгрывавшаяся в Крыму, привлекала общее внимание. Долгая защита Севастополя, укрепленного во время его осады многочисленным неприятелем с небывалыми до того средствами, приободрила Россию, но известие о поражении на р. Черной и вслед затем и об оставлении нашими войсками южной части Севастополя, ввергло всех в уныние. Замеча-

тельно, что в день падения Севастополя в Москве был поднят большой колокол во храме Спасителя, который строился по обещанию императора Александра I в память избавления России от нашествия галлов и с ним двадесяти языков.

Новый император, проездом на южный театр войны, посетил осенью Москву. Его провожал Клейнмихель, который этот раз остановился в кремлевском дворце, тогда как он обыкновенно во время проездов своих через Москву останавливался в нанятом, кажется в 1849 г., для приезда его и его семейства, большом доме на Тверском бульваре, впоследствии принадлежавшем Рукавишникову. Этот дом занимался на казенные деньги, что служит новым доказательством, до какой степени Клейнмихель не жалел их ради своих удобств; для нескольких дней в году, которые он проводил в Москве, израсходовывалась значительная казенная сумма на наем большого дома и на его содержание.

По отъезде государя в Крым, Клейнмихель вернулся в Петербург и вскоре он был заменен в должности главноуправляющего путями сообщения генерал-лейтенантом Константином Владимировичем Чевкиным (впоследствии генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии и председатель департамента экономии в государственном совете). Известно было, что государь, быв наследником, не любил Клейнмихеля, но со времени его воцарения носились слухи, что государь переменился к Клейнмихелю, так что он и жена его неоднократно были приглашаемы к государю и государыне.

По дороге в Москву и в самой Москве государь был благосклонен к Клейнмихелю. В эту поездку, согласно представлению последнего, вышло повеление о наименовании железной дороги между столицами Николаевскою.

Казалось, что слухи о смене Клейнмихеля неправильны.

Многие полагали, что Клейнмихель останется и при новом императоре. Но вовсе неожиданно он получил от государя, помнится из Николаева, письмо, в котором государь писал о необходимости его удаления в виду общественного против него мнения.

Говорят, что Клейнмихель, при получении этого письма, вышел из себя и при нескольких лицах сказал:

— Государь находит нужным, чтобы я удалился в виду общественного мнения; это что значит? Разве у него нет своего мнения?

Во всяком случае, увольнение Клейнмихеля от должности, в бытность государя вдали от Петербурга, ясно доказывает, что трудно было ему расставаться с любимым слугою отца.

Говорят, что на окончательное решение государя много подействовал бывший в это время на юге России великий князь Константин Николаевич, который сам не любил Клейнмихеля и у которого многие настаивали об увольнении Клейнмихеля и, между прочими, бывший в сентябре на юге России П. П. Мельников.

Клейнмихель был человек большого ума, без всякого образования, весьма энергичный, капризный до нельзя, имел большой навык рас-

познавать людей, так что в своем обхождении с ними сообразовался с их характерами[1].

В первый после его увольнения мой приезд в Петербург в 1856 г., Клейнмихель мне рассказывал, что еще до получения им указа об увольнении Чевкин явился к нему в полной форме и просил не оставить советами и наста-

[1] Как сообразовался Клейнмихель в своих отношениях к разным лицам, видно из его поступка с одним из немногих честных инженеров его ведомства, слывшим белой вороной среди своих сослуживцев. Г. Д. Щербачев рассказывает в своих воспоминаниях («Идеалы моей жизни», М. 1895) со слов разных лиц и самого полковника Богданова, как с последним обошелся Клейнмихель за его честность: «Последнее место служения Богданова была должность начальника дистанции по дороге от Петербурга в Новую Ладогу. В то время чины м-ва, во главе которого стоял гр. Клейнмихель, известны были своим умением собирать незаконные доходы. Место Богданова было одно из самых доходных; но как честный человек, он не только уничтожал поборы, но и педантично следил за своими подчиненными, чтобы они не брали взяток. Такая честность, как несогласная с порядками. существовавшими в м-ве, не могла, конечно, не возбудить к нему ненависти не только его подчиненных, но и лиц, окружавших Клейнмихеля. Начались жалобы, наговоры, доносы. Богданов не обращал на них внимания, продолжал работать и преследовать взятки; наконец, он напечатал какую-то брошюру, которая заслужила внимание ученого мира. Клейнмихель решился его наградить и дал ему в полное и потомственное владение 3000 десятин земли в тундре Архангельской губ.». Преследования и издевательства довели Богданова до психической болезни, а когда он выздоровел, то безуспешно пытался продать свои 3000 дес. земли за 1 р. 50 к.—и этого не стоила награда Клейнмихеля за усердную службу человека, не бравшего взяток и преследовавшего взяточников *С. Ш.*

влениями по управлению ведомством путей сообщения.

— Я отвечал, сказал мне Клейнмихель, что немедля по получении указа сдам ему должность и всегда готов ему служить моими советами. Но узнав на другой день, что Чевкин отдал нелепый приказ, в котором намекает с невыгодной стороны на время моего управления, я приказал швейцару не пускать более ко мне горбатого.

Этот рассказ был передан мне Клейнмихелем в лицах, и именно, как Чевкин униженно явился к Клейнмихелю и как последний в покровительственном тоне обещал свои советы, при чем он не называл Чевкина иначе, как горбатым, присовокупляя к этому нецензурные бранные слова.

В это же время предложено было соорудить в Петербурге памятник императору Николаю I. Исполнение 4 барельефов к этому памятнику было поручено даровитому скульптору Рамазанову, бывшему тогда директором Московского училища живописи и ваяния. Мне же поручено было Чевкиным наблюдать за успешностью работы Рамазанова, который был большой кутила; в каждый мой приезд к нему я заставал его за водкой и закуской.

Вначале сюжетами трех барельефов были назначены эпизоды из бунтов 14 декабря, на Сенной во время холеры 1831 г. и варшавского, хотя при последнем императора не было в Варшаве. Сюжеты для барельефов передавались Рамазанову через меня. Когда я сообщил их П. Я. Чаадаеву, он заметил, что не следовало бы

передавать потомству несчастных эпизодов из истории царствования того, кому сооружается памятник, и что в Петербурге, вероятно, одумаются и изменят сюжеты барельефов.

Действительно, я вскоре получил изменение сюжетов двух барельефов; тогда Чаадаев мне сказал, что и третий бунт отменят. Так и случилось. Между тем у Рамазанова многое было уже сделано, и его работа пропала понапрасну.

В марте 1856 г., вскоре по заключении невыгодного для России парижского мира, государь приезжал в Москву. На Николаевской железной дороге поезд государя сошел с рельс, но не было никакого несчастия и никаких поломов в поезде.

Главноуправляющий путями сообщения Чевкин провожал государя и по приезде в Москву немедля воротился на место происшествия для исследования, при чем взял меня с собою.

Путь после проезда государя не был исправляем. Мы проехали в царском поезде несколько раз с различным скоростями по тому месту, где поезд сошел с рельс, но он проходил свободно и никакой причины к сходу поезда не отыскано.

По осмотре пути мы нашли в нем недостатки, которые впрочем не могли быть причиною схода поезда с рельс; за эти недостатки Чевкин сделал замечание дистанционному инженеру Садовскому, известному впоследствии по его товариществу с строителем железных дорог Петром Ионовичем Губониным и приобревшему очень большое состояние.

На сделанное ему Чевкиным замечание за недостатки в пути, он утверждал, что всему при-

чиною оптовый подрядчик Смолин, которого Чевкин тогда поддерживал, и на каждое слово Чевкина отвечал десятками слов, так что последний на следующей станции просил передать Садовскому, чтобы он пересел в другой вагон.

•

Московский военный генерал-губернатор граф А. А. Закревский, в приезд государя в Москву, не мог дать бала по случаю великого поста. Бал был заменен раутом. На нем был П. Я. Чаадаев, который, как и все русские и в особенности участвовавшие, подобно ему, в действиях, приведших к славному для России Парижскому миру 1814 г., был очень недоволен недавно заключенным миром.

Он мне, так же как и некоторым другим, говорил на рауте:

«Я очень внимательно смотрел на нового императора и чрезвычайно удручен; ведь его глаза ничего не выражают, решительно ничего»[1].

[1] П. И. Бартенев записал о том же вечере со слов А. И. Дельвига в своей записной книжке (отрывки из нее опубликованы М. А. Цявловским в «Голосе минувшего», 1918 № 7-9): «Что с тобою, — спросил Дельвиг Чаадаева, — отчего ты так грустен? — Указывая ему на государя, Чаадаев сказал: — Разве Россия может ждать какого добра от этих глаз? Взгляни на эти бессмысленные, бычьи глаза». Воспитатель Александра Николаевича, поэт Жуковский в разговоре со своей племянницей, известной А. П. Елагиной, называл своего воспитанника «диким бараном». Н. Н. Муравьев-Карский характеризовал преемника Николая первого теми же словами. Более чем умеренный либерал и убежденный монархист Б. Н. Чичерин пишет, что у Александра второго «телячьи глаза, пустая речь, пошлые ухватки». Ближайший друг этого императора, князь

К этому он присовокуплял, что он очень рад тому, что скоро должен умереть.

Его мнение о новом императоре можно было приписать неудовольствию, происходившему из того, что государь даже и не заметил его, тогда как император Николай знал его лично, и, конечно, обращал на него внимание. О своей же близкой смерти Чаадаев говорил давно, а потому на его предположение, высказанное на рауте, я не обратил особого внимания.

Дней через десять после этого раута, по возвращении моем из Петербурга в Москву, в самый день светлого христова воскресения, жена моя подала мне записку, полученную ею накануне от Чаадаева на мое имя. Адрес на записке был написан не рукою Чаадаева. По раскрытии записки, я увидел, что она камердинера Чаадаева, который уведомлял меня о кончине последнего и звал поскорее приехать.

Я узнал впоследствии, что Чаадаев был болен в продолжение всей страстной недели; в пятницу ездил в ресторацию Шевалье; в этот же день ему были приставлены пиявки, по отпадении которых кровь не была остановлена; но Чаадаев в субботу собирался снова в ресторацию Шевалье.

Шульц, хозяин дома, в котором Чаадаев жил, сидел у него, когда Чаадаев мгновенно умер.

Устройством лагеря [войск, на Ходынке, в Москве] в военном отношении заведывал ге-

Н. А. Орлов говорил об его «тусклом, безжизненном взгляде». В литературе есть еще много подобных отзывов об Александре втором. *С. Ш.*

нерального штаба капитан Шидловский (впоследствии генерал-лейтенант, товарищ министра внутренних дел и сенатор), а постройку лагеря хозяйственным способом принял на себя бывший тогда московским гражданским губернатором Синельников (впоследствии генерал-от-инфатерии, генерал-губернатор Восточной Сибири и сенатор).

Синельников, большой охотник строить, принял на себя эту обязанность, совсем не подобающую губернатору. Он, по этому званию, позволял себе наряжать на работы в лагерь крестьян, тогда как все рабочие должны были быть из вольнонаемных, плата которым перед коронацией значительно возвысилась.

К коронованию государя съехались в Москву все высшие сановники и между прочими главноуправляющий путями сообщения Чевкин, который с женою своею и сыном поселился в нанятом при графе Клейнмихеле доме Базилевского (впоследствии Рукавишникова) на Тверском бульваре.

В это время я познакомился с его женою и ближе сошелся с Чевкиным. Их сына я тогда видел только один раз. Я пришел к Чевкину очень рано по делам службы. Он пригласил меня в столовую, где его жена разливала чай. Вдруг с треском отворились двери в столовую, через которую пробежал красивый молодой человек в растегнутом военном сюртуке, бледный, нечесаный. Он не ночевал дома и, конечно, мог бы пройти в свою комнату и не мимо своих родителей. Отец при входе сына пожал плечами, а лицо матери выразило сильное огорчение.

Впоследствии я ближе познакомился с сыном Чевкина. При хорошей образованности, недюжинном уме и весьма замечательном даре слова, он был большим негодяем: занимал без отдачи; пользовался положением отца, чтобы занимать или просто брать деньги у подрядчиков ведомства путей сообщения; наконец, вследствие дурных проделок должен был оставить Россию и жить во Франции, где и умер, кажется, в 1869 году. Потеря единственного, хотя и блудного сына была очень горька его родителям, и в особенности матери.

Чевкин, при частых свиданиях со мною, неоднократно рассказывал, что его, несмотря на представления обоих фельдмаршалов, Паскевича и Дибича, долго не производили в генерал-майоры. На мое замечание, что он скорее всех своих современников был произведен в генералы, так как в офицерских чинах он состоял всего 9 лет (с 1822 г. по 1831 г.), Чевкин мне отвечал, что он в 1828 и 1829 гг. был неоднократно представляем обоими фельдмаршалами к производству в генералы, за отличие в военных действиях; так как эти представления не были уважены, то он, потеряв надежду быть когда-либо произведенным, объяснялся об этом с графом (впоследствии с князем) А. И. Чернышевым.

К изложенному рассказу он присовокупил, что в 1829 г., когда он привез известие об Адрианопольском мире, он будто бы сам не желал получить генеральский чин, так как до того времени он получал все чины за отличия в сражениях.

Впрочем, он за это известие получил вдруг три награды, что едва ли был не первый пример в царствование Николая Павловича, а именно: он получил орден св. Владимира 3-й ст., 3 000 червонцев и назначен флигель-адъютантом. По случаю этого назначения, известный остряк князь А. С. Меньшиков, бывший в 1854 и 1855 гг. главнокомандующим в Крыму, сказал, что взяли Эзопа ко двору, намекая на то, что Чевкин горбат. Когда последний узнал об этом, то заметил, что Эзопа взяли ко двору, чтобы заставить говорить скотов.

Чевкин, не смотря на свое чрезмерное трудолюбие, был любезен в обществе, в особенности с дамами, и вообще остер и находчив. Расскажу об его находчивости, которую он высказал в январе 1872 г. Константин Карлович Грот в 1870 г. был сделан членом государственного совета и назначен в департамент экономии, в котором Чевкин был председателем.

Между Чевкиным, привыкшим не обращать внимания на мнения членов департамента, и Гротом было несколько споров по делам. 1 января 1872 г. объявлено высочайшее повеление о перемещении Грота в департамент законов.

Когда Грот на другой день нового года вошел в присутствие департамента экономии и прощался со своими прежними сочленами, Чевкин подал ему левую руку, вероятно, без всякого намерения. Грот сказал Чевкину: «я не знал, что вы левша», на что последний возразил: «это только вчера у меня отняли правую руку». Но не подлежит сомнению, что Грот был перемещен по инициативе Чевкина.

Торжественный въезд царской фамилии из Петровского дворца в Москву я видел из окна какого-то дома на Тверской улице. Русское дворянство при этом въезде не отличилось: представителей его было мало и те ехали верхом на плохих лошадях и сами были плохо одеты в довольно потертых мундирах, право ношения которых они получили при выходе в отставку.

В самый день коронования я был на выходе во дворце. Государь и государыня прошли мимо собравшихся во дворце с грустными лицами и очень заплаканными глазами. Во время коронования корона упала с головы императрицы, что принято было за дурное предзнаменование.

Графиня К. П. Клейнмихель была в числе четырех статс-дам, которые прикалывали корону на голове императрицы. Не знаю, почему ее, более чем других трех, обвиняли в том, что корона не была крепко приколота. Скипетр во время шествия из дворца в Успенский собор нес наместник царства Польского князь М. Д. Горчаков и, по причине желудочного расстройства, не мог донести скипетра до собора.

По заключении мира в 1856 г., главнокомандовавший в Крыму граф Лидерс неоднократно посылал моего брата Николая в лагерь наших бывших противников, при чем брат очень сошелся с итальянскими офицерами. Некоторые из бывших под Севастополем итальянцев вошли в состав итальянского посольства, присланного на коронацию. Эти лица бывали у брата и обедали у сестры.

В начале сентября я и брат возили их в Троицкую лавру, древностями и богатствами которой

они сильно восхищались. Я теперь с намерением упоминаю об этих наших отношениях к итальянской миссии, так как они имели большое влияние на дальнейшую службу брата.

Зима 1856 — 1857 г. в Москве отличалась от прежних зим тем, что после 30-летнего гнета дышалось свободнее, языки развязались, литература оживилась и в периодических изданиях начали появляться такие статьи, за которые в прежнее царствование их авторы и издатели подверглись бы строжайшим наказаниям [1].

[1] Строгость печати во все царствование императора Николая I превосходит всякое вероятие. Репрессивные меры против печати постоянно усиливались и достигли своего апогея после французской февральской революции. * Революционные движения в западной Европе вызывали в России новые строгости и упомянутая революция вызвала у нас между разными другими репрессивными мерами * учреждение, под председательством члена государственного совета Дмитрия Петровича Бутурлина, особого комитета 2 апреля 1848 г., контролировавшего действия обыкновенных цензур, как главной, состоявшей в ведении министерства народного просвещения, так и специальных, учрежденных почти в каждом ведомстве. * Сознавая весь вред означенных мер для нашего образования и для науки вообще, я после 1831 года имея мало сношений с литературными кружками, не знал всех грустных и часто курьезных подробностей той строгости, до которой доходила цензура *. Жена моя положила на музыку несколько русских песен и романсов. В 1851 году она вздумала литографировать свои музыкальные пьесы, которых слова были уже неоднократно напечатаны. Позволение цензуры тогда требовалось не только для литографирования музыкальных нот, но даже на гравирование простой графленой бумаги. Много было хлопот для получения дозволения от попечителя петербургского учебного округа Мусина-Пушкина, который

В зиму 1855—1856 г. все еще были заняты несчастною Крымскою войною, и потому тогда было не до пересудов о внутреннем состоянии России. В московском английском клубе отражалось мнение Москвы. Смерть П. Я. Чаадаева дала место новым деятелям, которые при нем едва ли могли бы выказаться.

Начали собираться маленькие кружки в небольшой комнате или, лучше сказать, в проходе между библиотекой и так называемой «адской комнатой». В ней обсуживались разные журнальные статьи и в особенности статьи «Русского вестника», начавшего выходить под редакцией Каткова и Леонтьева в либеральном английском направлении, под цензурою Крузе, с большою смелостью, по тогдашним понятиям, допускавшего эти статьи к печатанию.

В этих обсуждениях, конечно, касались и внутренней политики, и действий нашего правительства. Главным лицом в этих суждениях был Головкин, отставной чиновник, происхождением

окончательно запретил печатание нот на слова Пушкина «Дар напрасный, дар случайный» и на ответ на это стихотворение, начинающийся словами: «Не напрасно, не случайно». Эти ноты были напечатаны позднее, по переезде нашем в Москву.

Упомянутый ответ был написан московским митрополитом Филаретом. Для напечатания безошибочного текста при нотах, я обратился к П. А. Плетневу, который немедля достал мне из своей библиотеки собственноручный ответ Филарета. * Весьма обширная библиотека Плетнева, которая должна заключать в себе много интересного, теперь в руках его вдовы; очень желательно, чтобы она или ее два сына поскорее поделились с публикою содержанием библиотеки. * *Авт.*

из духовного звания, человек весьма умный, способный и начитанный.

Вторым лицом, постоянно участвовавшим в этих беседах, был чиновник особых поручений при московском военном генерал-губернаторе Михаил Николаевич Лонгинов (впоследствии тайный советник и председатель главного цензурного управления).

Вскоре означенная комнатка сделась тесною, и клуб распространил свое помещение двумя комнатами, из коих одну, наибольшую, назначили для сбора членов, не играющих в карты. В этой комнате каждый вечер можно было видеть Головкина и Лонгинова, которых и прозвали президентом и вице-президентом говорильной или, как другие называли, вральной комнаты. Вместе с ними всегда можно было в ней найти от 5 до 10 членов. Я бывал не так часто в клубе, но когда приезжал в клуб вечером, то обыкновенно проходил прямо в эту комнату.

Большая же часть членов в нее не входили: некоторые опасались, чтобы правительство не потребовало их к ответу за то, что в ней говорилось, или не почитали себя довольно образованными, чтобы вмешиваться в разговоры, или даже слушать их. Смешно было видеть, как некоторые из членов подходили к стеклянной двери, ведшей во «вральную» комнату, с явным намерением войти в нее и, постояв у двери, не решались привести его в исполнение.

Мой свояк, граф Н. С. Толстой, не был членом клуба, но его ежедневно записывали гостем и он был постоянным членом общества, собирав-

шегося в означенной комнате. В Толстом только в это время, когда ему был 45-й год, открылись литературные способности; многие юмористические рассказы его тогда очень нравились.

Положение его при встрече со мною было очень щекотливое, и он просил жену мою свести нас, на что с моей стороны не было препятствий.

Я нашел моего свояка во многом изменившимся. Он из сварливого, вспыльчивого человека сделался очень мягким и расположенным к добру, нисколько не изменив резкости в своем обращении и оставшись попрежнему большим чудаком. Он и в Москве продолжал носить фантастическую одежду своего изобретения.

В январе 1857 г. была дана частному обществу концессия на окончание постройки Петербурго-варшавской железной дороги с ветвью к прусской границе, на постройку Московско-феодосийской и других дорог, всего протяжением до 4000 верст, и на их эксплоатацию.

Обществу этому дано название «Главного общества российских железных дорог», название многим показавшееся странным.

И. Д. Якушкин, двоюродный брат моей тещи, был с нею очень дружен до ссылки его в Сибирь в 1826 г., и это чувство дружбы он перенес на любимую ее дочь, мою жену. В разговорах моих с Якушкиным я передавал ему о многих происшествиях минувшего царствования, и он неоднократно выражал радость тому, что прожил эти 30 лет в таком краю, в который не доходили

вести о том гнете, какому Россия подвергалась во все это время. Хотя он, вместе с другими декабристами, был возвращен из Сибири с дарованием всех прежних прав, но, однакоже, ему не было предоставлено права жить в столицах.

Якушкин в 1858 г. уехал в Тверское имение управлявшего московскою удельною конторою Николая Николаевича Толстого.

Сырость почвы этого имения подействовала на здоровье изгнанника. В следующем году испрошено было дозволение ему жить в Москве для излечения от болезни, но уже было поздно.

В Москве первое время он чувствовал себя лучше и начал выезжать. Последний его выезд был к нам в Алексеевское: он, не застав меня дома, обедал у жены моей. Вскоре узнали мы об его кончине, и я проводил его смертные останки на Ваганьково кладбище. Из декабристов на похоронах был Матвей Муравьев-Апостол.

Якушкин был человек весьма образованный, умный и добрый. Я мало говорю об Якушкине, так как сведения о нем можно иметь из его собственных записок, а также из записок других декабристов.

В ноябре 1857 г. издан первый Высочайший манифест об улучшении быта помещичьих крестьян или, проще, об освобождении их от крепостной зависимости. Это великое дело было желанием только весьма небольшого числа лучших людей, большая же часть помещиков и чиновников и все низшие сословия не были к тому приготовлены. Были достоверные слухи, что когда при императоре Николае составлен

был комитет с целью приготовить основания к освобождению крестьян, наследник был против этой меры, а потому хотя и известно было некоторым, что для разработки этого вопроса в Петербурге был образован секретный комитет из высших сановников, но почти все были уверены, что о нем потолкуют попрежнему и попрежнему же его отложат.

Мне известно было, что в числе членов означенного комитета был Чевкин, который в проезд свой через Москву осенью 1857 г., для осмотра работ ведомства путей сообщения, разъезжая со мной по этой столице в одном экипаже, обращал особое внимание на мой рассказ о значительном числе домов, отдававшихся в наймы, так как их владельцы, по запутанности дел, а в особенности в ожидании переворота, не в состоянии жить в столицах. Чевкин ни одним словом не дал мне понять о том, как этот переворот был близок к осуществлению.

Манифест об улучшении быта крестьян разрешил все недоумения. Почти все помещики были против освобождения крестьян с наделом земли; многие хотели сохранить полицейскую власть над крестьянами, т. е. сохранить крепостное состояние в другом виде.

В разговорной комнате английского клуба отражались мнения всей Москвы. Так называемые ее президент Головкин и вице-президент Лонгинов (М. Н.) приняли сторону большинства и постоянно осуждали меры правительства. Между тем, сначала в Нижегородской губернии, где в это время производились дворянские выборы, а потом в Московской и других губерниях

составлялись адресы к государю, в которых изъявлялись по обыкновению всеподданнейшие чувства и отзывались на вышеупомянутый манифест желанием дворянства улучшить быт крестьян [1].

Эти адресы писались большею частью потому, что после издания манифеста в ноябре 1857 г. нельзя было не писать их, а частию и потому, что дворянство надеялось, выказав готовность исполнить волю государя, потерять при этом

[1] Начало движению среди русского помещичьего класса за отмену т. наз. крепостного права положил нижегородский губернатор Александр Николаевич Муравьев, один из основателей тайных обществ, из которых вырос заговор декабристов. Муравьев был осужден в каторгу, но вследствие того, что непрестанно посылал царю покаянные письма, был помилован и сослан на службу в Сибирь. После длительной борьбы за новую служебную карьеру (об этом — С. Я. Штрайх: «Кающийся декабрист», «Красная новь», 1925 № 10 и С. Я. Штрайх: «Роман Медокс», М. 1930), блестяще начатую задолго до восстания 1825 года, он был в чине генерал-майора, назначен в конце 1856 года нижегородским губернатором. Выдвинул Муравьева его старый друг и товарищ по массонству первой четверти XIX столетия С. С. Ланской, назначенный после крымской войны министром внутренних дел и вместе с А. Н. Муравьевым действовавший в пользу разрешения крестьянского вопроса в либеральном духе. За это Муравьеву пришлось выдержать тяжелую борьбу с крепостниками, которые вопили об анархической деятельности нижегородского губернатора и в своих нападках на Муравьева напоминали об его участия в заговоре декабристов. Образчик таких нападков ниже, в той части «Воспоминаний», которые были изъяты в предшествующем издании (см. ниже стр. 72). Герцен по поводу его кончины писал в «Колоколе», что «Муравьев, до конца своей длинной жизни сохранил безукоризненную чистоту и благородство». *С. Ш.*

перевороте сколь возможно менее своих имущественных и политических прав.

Толкам об этом важном деле, так близком каждому из помещиков, не было конца. Периодические органы печати были наполнены статьями по тому же предмету. Образовались новые органы в защиту прав дворянства, старавшиеся о том, чтобы оно их потеряло как можно менее. Одним из замечательнейших органов этого направления был журнал, [«Журнал землевладельцев]», издававшийся в Москве Желтухиным, человеком весьма хорошим, который впоследствии имел большое влияние на бывшего председательствующим в государственном совете и председателем комитета министров князя П. П. Гагарина.

Но все эти толки и оппозиционные журналы ни к чему не привели: правительство продолжало начатое им дело, не обращая на них внимания, и упомянутые журналы вскоре прекратились, более по недостатку сотрудников, чем вследствие цензурной строгости.

Одним из самых ярых сотрудников Желтухинского журнала был мой свояк граф Н. С. Толстой, который не мог себе представить Россию без крепостного состояния и без телесного наказания. Он писал по этим предметам очень плодовитые статьи, которые до напечатания носил в своем кармане и читал всем, кого мог поймать, по нескольку раз в день.

Статьи эти были резки и наполнены самыми чудовищными мыслями; цинизм в выражениях этих мыслей часто доходил до нельзя. При этом надо заметить, что Толстой диктовал свои сочинения, почти совершенно отучившись писать

собственноручно. Толстой читал свои статьи очень громко и с особою интонациею. Все это забавляло многих и в том числе Головкина и Лонгинова, которые хотя и любили Толстого и разделяли многие из его мыслей, но и очень любили над ним посмеяться, чему много способствовала совершенная глухота Толстого.

Они, смеясь над ним, часто заставляли его в разговорной комнате клуба перечитывать сряду по десяти и более раз написанные им статьи, перед лицами, нарочно с этою целью приглашенными в означенную комнату.

Толстой до того увлекался своим чтением, что не замечал урочного часа, после которого должен был платить штраф за нахождение в клубе, что очень забавляло Головкина, Лонгинова и других. Странности Толстого доставили ему прозвание «дикого графа», которое часто употреблялось в его присутствии, но он по глухоте не знал об этом, пока жена моя не заметила ему, что напрасно он подвергает себя насмешкам, которых он не подозревал, и когда она ему сказала, что все его зовут «диким», он не хотел этому верить. Впрочем, это замечание жены моей, конечно, нисколько не изменило поведения Толстого.

Чтобы не возвращаться в следующих главах «Моих воспоминаний» к этому индивидууму, я теперь же расскажу его дальнейшие похождения.

Имея, по доверенности жены своей, право быть на дворянских выборах Нижегородской губернии, он, как человек опытный, был избран редактором комитета, вырабатывавшего правила,

долженствовавшие служить основанием к уничтожению крепостного права. Мнения комитета разделились: конечно, Толстой принадлежал к большинству, которого мнение не было принято правительством.

Толстой ожидал, что он будет в числе депутатов от дворянства, которых предполагалось вызвать в Петербург, и что он там изустно будет защищать мнение большинства. Но он не попал в число этих депутатов. Впрочем известно, какую жалкую роль заставили их играть в Петербурге в редакционных комиссиях по улучшению быта помещичьих крестьян.

Между тем Толстой продолжал писать статьи, касавшиеся этого вопроса, и между прочим написал: «Шесть вечеров с разговором». Последний из этих разговоров написан весьма резко и цинически: он трактует о необходимости сохранить телесное наказание. Толстой печатал эти «Вечера» в зиму с 1859 на 1860 г.

В бытность графа Сергея Григорьевича Строганова в 1859 г. военным генерал-губернатором в Москве, Толстой сумел заслужить расположение Строганова, через которого добивался, чтобы его статьи не подвергались цензурному запрещению; на все это требовалось много хлопот и времени.

Получив от наших шурьев значительную часть того капитала, который он сумел вытребовать у М. В. Абазы за их земли, заложенные по откупам, он купил подмосковную, в которой оказалось торфяное болото.

Он начал его разрабатывать, для чего должен был войти в долги. Торф получался довольно

хороший, но, при бестолковости и нерасчетливости Толстого, это предприятие дало только убыток. Во время разработки торфа никому не было прохода от Толстого: он всякому встречному подробно объяснял по несколько раз способ производства торфа и ожидаемые выгоды.

Он вместе с нанятыми рабочими копал торф и производил наравне с ними все другие работы, но, никогда не забывая, что он граф, а они простые мужики, давал им затычки и, конечно, им бы не позволил себя ударить.

Найдя раз одного крестьянина, который сидел, разговаривая с его женою, Толстой немедля поднял его за волосы, что он называл «поднять его за пресвятые». Он уверял, что рабочие, им нанятые, сами по приговору секут провинившегося между ними, так что в продолжении лета они все пересекли друг друга.

В семейном отношении Толстой был не более счастлив: жена его, сын и две дочери обращали мало на него внимания; он в своей семье казался чужим и не имел в своем доме пристанища; дети над ним посмеивались. Дом моей свояченицы был постоянно посещаем какими-то молодыми людьми без имени и воспитания; беспорядок и грязь в доме были невообразимые.

Дети плохо учились. Наконец, появились в их доме так называемые нигилисты, и в это время старшая их дочь Мария, убежав из дома, обвенчалась с лекарем Покровским, который к счастью вышел очень хорошим человеком, а сын Николай недоучкой женился.

В начале 60-х годов обстоятельства Толстого дошли до того, что он должен был, для уплаты

своих долгов, продать подмосковную. Ему не на что было нанять квартиру в Москве, так что он переехал жить в нижегородскую деревню, оставив в Москве жену, которая осталась жить у своей дочери Покровской.

Толстой не переписывался ни с кем и не жил в нижегородском имении своей жены, так что в то время, в которое он не занимал официальной должности, никто не знал о том, где он находился. Были слухи, что он арендовал мельницу в имении своей сестры Екатерины Сергеевны Киреевской, но что и это дело у него шло нехорошо.

Жена и дети видели Толстого только в 1875 г. во время его кончины в Москве.

По издании манифеста 19 февраля 1861 г. пришлось всем противникам уничтожения крепостной зависимости крестьян, в том числе и Толстому, помириться с новым положением. Во всем околотке, в котором находится нижегородское имение его жены, крестьяне, поддерживаемые мировыми посредниками, избранными из числа так называемых красных, в продолжении трех лет почти вовсе не платили оброка, а впоследствии нижегородское губернское по крестьянским делам присутствие, основываясь на донесениях упомянутых мировых посредников, оценивало выкуп крестьянских наделов в означенном околотке до того дешево, что выкупной суммы едва достало для уплаты долга в сохранную казну опекунского совета, в которой все имения этого околотка были заложены.

По этому случаю Толстой произносил чрезвычайно резкие речи в дворянских собраниях во время выборов и приезжал в начале 1860 годов в Петербург, где останавливался у меня.

Я видел Толстого в последний раз в 1866 г. в Нижнем-Новгороде, откуда я по званию главного инспектора частных железных дорог сопровождал великих князей Александра и Владимира Александровичей. Все нижегородцы выехали на станцию железной дороги, чтобы проститься с великими князьями, в мундирах и во фраках. Толстой же один приехал в какой-то своей обычной фантастической одежде, в роде дорожного зипуна.

Вижу, что я слишком много занял читателей описанием моего свояка Толстого, но меня извинят в виду странности и дикости этого индивидуума и того, что подобные типы, конечно, будут все реже и реже и, вероятно, вскоре совсем исчезнут.

* В доказательство резкости Толстого во всем им говоренном и писанном по поводу освобождения крестьян от крепостной зависимости, приведу речь, сказанную им на дворянских выборах Нижегородской губернии в начале 1862 года об управлении этою губернию Александром Николаевичем Муравьевым, назначенным в августе 1861 года сенатором в Москву. Вот эта речь:

«Милостивые государи!

В 11-м № «Московских ведомостей» прошла статья под заглавием «Прощание Нижнего-Новгорода с Муравьевым». Не буду опровергать тех слов статьи этой,

которые оскорбляют исключительно нижегородское дворянство,—есть люди с большими на это правами; но разберу лишь то, что подлежит суду всех и каждого, что возмущает всякого беспристрастного человека, всякого гражданина, понимающего гражданственность.

Статья эта, подписанная буквами А. Н., начинается дерзким, никаким доказательством не подкрепленным рассуждением автора, которому единственный возможный ответ заключается в вопросах: Убежден ли он, что при вести о новом назначении А. Н. Муравьева «одно своекорыстие да взятка встрепенулись (в Нижег. губ.), подняв, по выражению автора, с улыбкою надежды и упования свои истощенные долгим постом лица»? Убежден ли он, что не было «истинно честных и искренно преданных добру и правде людей» между этими встрепенувшимися, которые тоже постились, но не от помехи своекорыстию их или взяткам, а от разорения, причиненного им уже начинающеюся, но спокойной еще анархией, водворяемой мирным управлением А. Н. Муравьева? Убежден ли наконец, что все корыстолюбцы, любостяжатели и взяточники радовались отбытию из губернии прежнего начальника и что не было между ними таких, которые напротив сильно печалились?

Все эти вопросы требуют разрешений фактических; голословно же можно утверждать многое. Но не буду останавливаться на рассуждениях безымянного автора; скажу, что знаю между встрепенувшимися много людей, истинно честных и добрых, заслуживающих глубокого сочувствия, по огорчениям и лишениям, испытанными ими под управлением А. Н. Муравьева, от явного неуважения к самым законным требованиям и кровным нуждам людей, разоренных ложным либерализмом, непонимающим различия между насилием и законностью!

Главная роль панегириста на этом прощании бесспорно принадлежит бывшему губернскому предводителю дворянства, Николаю Петровичу Болтину.

Как человек, не сознающий правды слов его и имеющий совершенно противоположные данные, как представитель нескольких семейств, крайне расстроенных ложным направлением бывшего начальника губернии, потщусь публично и печатно, если позволят обстоятельства, опровергнуть публичный и печатный панегиризм ему. Речь Н. П. настолько ошибочна в своих воззрениях, настолько несправедлива в изложении фактов, так превратно изображает настоящее положение дел, так затмевает взоры правительства, что всякий имеющий фактические опровержения, обязан бы высказаться, чтобы вывести из заблуждения не только простых читателей, но и высших администраторов, людей с властью и силою, и указать ложность, ошибочность и вред направления А. Н. Муравьева, как в общегражданском и государственном смысле, так и в частности и для самых крестьян, которых навело на стезю анархии и обольстило не прекращением «наказаний их без суда и следствия», по словам Н. П., но напротив, отсутствием всякого справедливого суда и расправы за неисполнение ими самых законных и необходимых обязанностей.

Но обращаюсь к речи.

«Грустная мысль о необходимости расстаться с вами, говорит Н. П., в такое время, когда управление ваше губернией давало нам верное ручательство к сохранению в ней порядка и спокойствия и на будущее время» и пр.

Если б Н. П. восхвалял просто почтенные качества души и сердца бывшего начальника губернии, то всякая рекламация была бы неприличием, но восхваление

административных качеств такой личности, которая многие годы выражала собою идею, многие годы применяла эту идею на практике, служила предметом ожесточенных споров между утопистами и людьми практическими, превозносилась одними, порицалась другими, восхваление, говорю, административных качеств такой личности, заявленное публично и печатно в укор всем противникам, требует и опровержения публичного, ибо между почтенными качествами души и сердца и качествами административными или гражданскою мудростию лежит глубокая наука, далеко не всем честным и добрым людям дающаяся, наука применения этих качеств к жизненным потребностям места и времени! И потому открыто спрошу Н. П., в чем видит он «верное ручательство к сохранению порядка и спокойствия», которое давало нам управление губернией бывшим начальником?! Что называет он «порядком и спокойствием губернии»?!

С самого знаменитого циркуляра земской полиции, с самого водворения посредников, избранных А. Н., там где безусловно последовали наставлениям его, барщинские работы пошли из рук вон дурно, оброки в пользу помещиков обратились в фантазию, и разорение множества помещичьих семейств, не требовавших ничего, кроме законного, не отступавших ни на шаг от «Положения», снисходивших брожению и недоразумениям крестьян до последней крайности,—сделалось почти неотвратимым. Для примера возьму местность подробно известную мне—участок посредника Немчинова, в Ветлужской половине Макарьевского уезда: в нем с небольшим 7 000 душ, из коих почти 4 000 принадлежат жене моей с сестрой и братьями, около 2 000 госп. Щепочкину, остальные — госп. Рахманову и князьям Шаховскому и Сибирскому. О трех последних, у кото-

рых около 1 500 душ, скажу, что, по слухам, дела у них крайне плохи, но о 6 000 душах госп. Щепочкина и наследников Н. В. Левашева могу говорить положительно, как предмете, хорошо мне известном от самих помещиков.

И так:

У г. Щепочкина, на 2 000 душ из оброка приблизительно в 18 000 р. сер. в недоимке к 1862 г. осталось слишком 15 000 р. сер. У баронессы Дельвиг на 1 100 душ из оброка почти в 10 000 р. сер. в недоимке почти 6 800 р. У Н. Н. Левашева на 164 душ из оброка с небольшим в 7 800 р. сер. в недоимке 5 184 р. сер. Следует заметить, что у этих трех помещиков до сего года недоимок никогда не было, а ныне недоимки чуть не поглощают оброков.

У В. Н. Левашева на 438 душ из оброка приблизительно в 4 300 р. сер. в недоимке 3 475 р. сер. О Валерии Николаевиче Левашеве не говорю за неимением верных данных, но знаю, что и у него также плохо.

У граф. Толстой на 657 душ из оброка с небольшим в 5 800 р. сер. в недоимке 6 094 р. сер., т. е. не только ни гроша оброка не выплачено, но и часть самых земских повинностей, уплачиваемых деньгами, состоит в недоимке, а между тем во всех имениях, кроме голословных убеждений, ничего не делалось посредником, несмотря на самые справедливые и законные жалобы лишенных своих насущных потребностей помещиков, которым грозит нищенство и которые становятся несостоятельными и пред сохранной казной, и пред частными кредиторами, могущими повергнуть описи и продаже движимое и недвижимое имущество и наложить арест на самые их личности. В сходственном положении находятся многие оброчные имения в губернии; о барщинских же говорить не стану,—дождливая осень

прикрывает всякую неурядицу и одна во всем виновата!

Повторяю, я говорю о местности, где недоимки составляли исключение, ныне же поглощают оброки; где народ был смирен и послушен, где с покорностью исполнял все требования не только самих помещиков, но бурмистров и старост, теперь же буйными толпами врывается в конторы, ругается над вотчинными начальниками, требует отчетов, не подлежащих мирскому ведению, распахивает господские сады, окруженные господскими строениями, за что впрочем арестуют домашним арестом, вменяя труд в наказание!

И в этом видите вы «ручательство в порядке и спокойствии»?! Это называете вы «удержанием порядка и спокойствия мирным путем закона и справедливого, нелицеприятного суда»?! Это, по вашему, «постепенный ход народного перевоспитания, долженствующий довести народ до нравственного сознания своих прав и обязанностей»?!

Нет, господа, это не постепенный, не нормальный ход, а скачок, на котором немудрено свихнуть себе шею! Это не порядок и спокойствие, а предзнаменование страшных бед, уготованных нам пропагандою А. Н.! Это зачатки анархии—наследие его гражданской мудрости, которая, как справедливо говорите вы, надолго врежется в нашей памяти и долго не забудется несчастным народом, искусившимся анархизма в его безмятежное управление и, так сказать, забывшимся в грезах безнаказанности и безответственности за всякое неисполнение законных обязанностей.

Но каково будет пробуждение этого народа от минутного усыпления, когда необходимость заставит администрацию принять крайние меры и прервать обаятельные грезы безданного, беспошлинного и безна-

казанного существования, которого миражи так великолепно представлялись ему под управлением бывшего начальника?! Каково будет пробуждение его, когда придется тащить последнюю деньгу взамен беспутно растраченных или и вовсе невырабатываемых, в золотой век беспечной лени, гульбы и праздности, под управлением бывшего начальника?! Каково будет это болезненное пробуждение при полицейских или военных экзекуциях, неминуемых следствиях лживого спокойствия и порядка, восхваляемых вами?!

Такого порядка и спокойствия, уверяю вас, легко достигнуть всякому начальнику губернии; стоит только не понуждать ни в каким обязанностям, не собирать оброков, не требовать подушных и земских повинностей, словом—оставить народ жить, как живется, в полном забвении всяких гражданских обязанностей,—народ этот будет покоен до времени. Но при всеобщем подобном управлении покойна ли будет Россия?! Не придется ли завоевывать ее у анархии?!

Нет, господа, не путем безнаказности и презрения к законам можно достигнуть постепенного перевоспитания народа и доведения его до нравственного сознания своих прав и обязанностей! Не этим путем «устранится в будущем, как говорили вы, печальная необходимость принятия чрезвычайных мер для вразумления крестьян в их обязанностях»!!

Нет, этим лишь отсрочивается и усиливается неизбежная кара, ожидающая приведенный в заблуждение и сбитый с толку народ, и вся нравственная ответственность за все эти беды, накликанные на него в будущем, падет не на тех, кто вынужден будет поправлять ошибки ложной системы, приводить народ к законным обязанностям и водворять не мнимые, а истинные спокойствие и порядок, но на тех, кому так легко было

с нашим смиренным, послушным народом достигнуть тихого перехода от старого произвола к водворению истинной законности и кто сам заронил первую искру народной крамолы и подготовил все эти беды—ложной системой, ошибочными мерами, безнаказанностию и безответственностью крестьян пред законами!

Самые прощальные слова А. Н., обращенные к старшинам, которым, вместо полезного и крайне бы нужного наставления, говорилось, что сами крестьяне много содействовали ему, исполняя в совершенном порядке, тишине и спокойствии все требования нового «Положения», тогда как они положительно не исполняли самых главнейших указаний его, — распространяют в народе недоверие, ослушание и упорство против законных требований помещиков, заблуждая народ на счет законности этих требований и действительных указаний «Положения»! И это административная мудрость по вашему? Не отсутствие ли скорее всякого административного такта?

В противном же случае, обычная уловка бюрократа, ложными манифестациями заблуждающего правительство, чтоб оправдать пред ним собственные ошибки или вредные действия.

Долго, повторяю, действительно долго не забудем ни мы, ни крестьяне того мирного управления, которое подготовило нам такую немирную будущность и поставило так сказать «на ножи» два главные сословия!

Мудреное наследство оставил бывший начальник губернии новому!

Много запутанных счетов придется распутать, много темных статей достанется привести в ясность!

Везде молчаливое упорство, везде презрение к законам, везде безнаказанность, поблажки и потворство народу, везде скрытая анархия, не разражавшиеся до

времени, не встречая препятствий; одним словом, везде все тлеет; горючий разрушительный материал разбросан повсюду, а пламя прикрыто! Как заглушить его без взрывов и разрушений, без жертв и несчастий?!

Господь да поможет»*!

В Лондоне (1858 г.) я часто посещал эмигранта Александра Ивановича Герцена, известного в литературе под псевдонимом Искандера. Он издавал в это время еженедельную газету «Колокол», в которой клеймил вкоренившиеся в России беспорядки и злоупотребления, а равно и лица, часто высокопоставленные, участвовавшие в этих злоупотреблениях.

Цензура в России была тогда очень строга. Журналы и газеты хотя и заговорили свободнее с 1856 г., но все еще находились под ее гнетом, и потому экземпляры «Колокола», строго запрещенного в России, доставались с большим трудом и нравились очень многим, чему способствовали несомненные дарования Герцена и любовь его к России, явно проглядывавшая в его ядовитых рассказах и насмешках.

Герцен принял меня очень радушно, рассказывал вкратце гонения, которые он потерпел от русского правительства, сожалел о том, что русские, столь храбрые в военное время, потеряли под постоянным гнетом чувство гражданского мужества, что все правительственные лица жестоко его преследовали за проступки, не имевшие значения. Он вспомнил только две личности, которые составляли исключение, а именно бывшего московского коменданта генерала Стааля

и вятского жандармского штаб-офицера Замянина.

Последний не только не преследовал его, но даже оказал ему разные услуги, несмотря на то, что вследствие присланного им к Герцену письма моей тещи Е. Г. Левашевой, явно бывшего распечатанным, Герцен обходился с ним дурно и дурно о нем отзывался. История этого письма подробно рассказана мною в IV главе «Моих воспоминаний».

Герцен, говоря мне это, и не подозревал, что Замятин женат на моей родной тетке.

Во всем, что Герцен говорил о России, всегда была сильная к ней любовь. Сколько раз повторял он мне с грустью о том, что неужели он, или по крайней мере его сын, не увидят России, и спрашивал моего мнения о том, не написать ли ему просьбы о дозволении сыну его вернуться в Россию, и какова в ней будет участь последнего.

Несколько раз я обедал с Герценом в ресторанах и у него в доме и между прочим непременно по воскресеньям. В этот день собирались у него все эмигранты разных стран, которые около него кормились, не имея сами средств к существованию, но большей части которых он мало доверял. Он, знакомя меня с ними, называл своим соотечественником, но никогда не называл по фамилии, и предостерегал меня, чтобы я не называл себя без надобности: он не был уверен, что между его гостями нет шпионов.

Герцен был вполне русский человек. Он восхищался умом и добродушием русского народа

и говорил, что жизнь в России, при этом добродушии, проще и вообще не так трудна как в Англии, что подкреплял фактами, из которых приведу следующие.

Когда в следующий мой приезд в Лондон в 1860 г. Герцен должен был переменить квартиру, он рассказывал мне, что многие домовладельцы, у которых он осматривал квартиры, хотели его надуть, и что необходимо иметь при найме квартиры адвоката, который принял бы ее по подробной описи с тем, чтобы, по истечении срока найма, ее сдать по этой описи.

Когда Герцен переехал на новую квартиру и в комнате его маленькой дочери было разбито стекло (это было в ноябре), на что он указал хозяйке дома, то последняя соглашалась, что стекло было разбито до сдачи квартиры, но вольно же было адвокату Герцена не заметить этого, и затем она стекла не вставила.

Литератор Огарев жил с женою своею, урожденною Тучковою (они, кажется, не были венчаны в церкви) у Герцена. К Огареву поступило из России требование об уплате долга около тысячи рублей, которого Огарев не признавал.

Обратились к адвокату, который за справки в русском своде законов, за перевод из него статей и за свои советы и разъезды в несколько дней потребовал сто рублей, ничего не сделав; не видно было конца выдачам денег адвокату.

Герцен, чтобы покончить с ним, заплатил долг Огарева, при чем говорил, что если в русских судах дать сто рублей по правому делу, суммою в тысячу рублей, то по крайней мере уверен,

что оно решится справедливо, а в Англии нет конца выдачам и нет уверенности, что правое дело выиграет.

Одним из постоянных посетителей Герцена был поляк эмигрант книгопродавец Техаржевский, о котором Герцен часто упоминает в своих сочинениях и изданиях, не имея которых, я, может быть, неправильно называю фамилию этого книгопродавца [1].

В бытность мою в Лондоне, он был за что-то посажен в тюрьму, но вскоре освобожден. Герцен был у него в тюрьме и с отвращением рассказывал, как в ней содержатся заключенные, и что̀ между смотрителями и сторожами тюрьмы он не нашел ни одного сострадательного человека, тогда как он убежден был, что в русских тюрьмах всегда найдутся сострадательные люди, в особенности между низшими классами.

Герцен был мне очень симпатичен. Одно не нравилось мне в нем: это тщеславие, породившее в нем уверенность, что он — власть, с которой сообразуются действия императоров Александра II и Наполеона III и на которую он мне намекал неоднократно и в особенности при передаче мне нескольких экземпляров его сочинения, напечатанного перед самым отъездом моим из

[1] Это Стан. Тхоржевский, арестованный в 1858 г. за издание брошюры известного франц. политич. деятеля Феликса Пиа, который был в 1871 г. одним из активных участников руководителей Парижской коммуны и по почину которого свергнута Вандомская колонна. О сотрудничестве Тхоржевского с Герценом см. в сочинениях Герцена под ред. М. К. Лемке и в Воспоминаниях Н. А. Тучковой-Огаревой, под ред. С. А. Переселенкова, изд. «Academia», Лен. 1929. *С. Ш.*

Лондона: «La France ou L'Angleterre», в котором он обсуждает: которую из этих стран должна Россия выбрать своею союзницею.

Я взял с собою два экземпляра этого сочинения. По приезде в Париж, меня спросили на таможне, не имею ли я с собою запрещенных книг, на что я заявил, что не могу знать, какие книги запрещены во Франции и что между прочими книгами имею два экземпляра означенной брошюры.

Оказалось, что они запрещены, но таможенный чиновник спросил меня, приобрел ли я их для собственной надобности, и, получив утвердительный ответ, оставил их у меня, несмотря на то, что это было во время, следовавшее за покушением Орсини на жизнь Наполеона III, которое, как известно, было очень грозное во Франции.

С Герценом я ходил в Аделаид-галлери и в какой-то ресторан, в котором по вечерам даются представления, изображающие английские суды.

На сцене суд, прокуроры, адвокаты, преступники, свидетели, одним словом вся обстановка настоящего суда. Суд над воображаемым преступником производится по всем формам английского судопроизводства и он произносит приговор на основании существующих законов.

Меня это представление очень занимало. Говорят, что мнимые прокуроры, адвокаты и члены суда люди весьма образованные и способные, так что их речи и решения очень замечательны, о чем я не мог судить по незнанию английского языка.

Аделаид-галлери замечательна только тем, что приезд на балы в ней начинается в половине второго пополуночи. Распорядитель бала одет, как и все прочие мужчины, во фраке, но со звездою на левой груди, очень похожею на нашу владимирскую звезду.

Каждое воскресенье в нашей русской церкви я видал жену австрийского посла при лондонском дворе, графиню Апони, урожденную княжну Трубецкую. Она очень усердно молилась и часто становилась на колени.

Зайдя раз, за несколько дней перед отъездом из Лондона, к нашему священнику Попову, я узнал, что он очень огорчен письмом, полученным от графини Апони, в котором она уведомляет его, что перешла в римское католичество и излагает причины, побудившие ее к переходу.

Попов отвечал ей весьма умно, прочитал мне свой ответ и просил, чтобы я никому не сообщал об этой переписке. Несмотря на его настоятельную просьбу встретить с ним в Лондоне светлое Христово воскресение, я, по заключении 20 марта (1 апреля н. ст.) договора с домом «Джемса Уатта и К°» на поставку машин для московского водопровода, выехал в тот же день в Париж вместе с Блеком.

Переезд в ночное время через Ламаншский пролив был очень неприятен. На пристани в Калэ какой-то толстый французский чиновник осматривал паспорта проезжающих, которые должны быть визированы во французском посольстве в Лондоне.

Осмотр производился особенно строго после покушения Орсини, и чиновник исполнял свою обязанность с особенным педантством, выкликая пассажиров по фамилиям и жестоко коверкая последние, при чем часто произносил слово «une», т.-е. едет ли пассажир один, или при нем есть еще кто-нибудь.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1858 — 1862 гг.

На масляницe 1858 г., перед отъездом за границу, я обедал у генерал-адъютанта Сергея Павловича Шипова. В числе обедающих были братья Шипова, Александр, Дмитрий и Николай. Разговор, между прочим, коснулся устройства железных дорог в России, и братья Шиповы заявляли сожаление, что, по недостаточным сведениям русских инженеров путей сообщения, необходимо было прибегнуть к образованию главного общества русских железных дорог, которого иностранные администраторы и инженеры уже выказали в первый год существования общества свою нерасчетливость в употреблении денег, как на постройки, так и на содержание личного состава, а равно и пренебрежение к русским помещикам при занятии их земель под железные дороги и к русским мастеровым и рабочим, которых они били и с которыми вообще обращались, как со скотами.

Я возражал Шиповым, что напрасно они считают наших инженеров неспособными к устройству железных дорог, так как дорога между двумя столицами, построенная русскими инженерами, признается очень хорошею, но что правительство, при учреждении главного обще-

ства русских железных дорог, прибегло, за недостатком капиталов в России, к иностранным капиталистам, которые поставили условием, чтобы главный администратор и часть инженеров были иностранцы.

Я присовокупил, что если бы русские капиталисты собрали достаточные суммы для постройки железной дороги, то я нашел бы русских инженеров для исполнения работ, что хотя известный откупщик Василий Александрович Кокорев предлагает составить капитал на постройку железной дороги между реками Волгою и Доном, работами которой будет руководить П. П. Мельников, но, по ее отдаленности и невозможности получать проценты на затраченный капитал, ее хорошее устройство не разуверит русскую публику в том, что мы в деле постройки железных дорог не можем обойтись без иностранцев, а потому я полагал нужным устроить русскими капиталистами и инженерами дорогу, идущую от Москвы по такому направлению, по которому можно было бы ожидать, что дорога может приносить проценты на затраченный капитал.

Главному обществу железных дорог была уже предоставлена постройка дорог от Москвы по двум направлениям, а именно на юг и на Нижний-Новгород. Известно было, что учреждалось особое общество для постройки дороги от Москвы через Рязань в Саратов. Оставалось одно выгодное для постройки железной дороги от Москвы направление, именно на Ярославль, но в виду значительности требующегося капитала, на собрание которого потребовалось бы

много времени, я полагал ограничиться на первое время устройством дороги до Сергиевского посада.

Братья Шиповы объявили, что они готовы составить общество для приведения моей мысли в исполнение.

Вскоре я уехал за границу. По моем возвращении снова начались толки об образовании означенного общества и к трем братьям Шиповым присоединились откупщики Николай Гаврилович Рюмин и Иван Феодорович Мамонтов. В число учредителей общества они пригласили меня.

Братья Шиповы, Рюмин и Мамонтов содержали питейные откупа, и потому в начале июля 1858 г. отправились в Петербург на торги, назначенные на содержание этих откупов с 1859 г. по 1862 г.

Эти торги были последние, так как с 1 января 1863 г. питейные откупа были заменены свободною продажею хлебного вина с уплатой за него акциза и взятием патентов на право торговли вином.

Вскоре, после данных мною Чевкину объяснений о предположениях учредителей по устройству железной дороги до Сергиевского посада, получено высочайшее разрешение на производство изысканий для этого устройства.

По моем возвращении в Москву было немедля к ним приступлено под непосредственным наблюдением предварительно избранного мною для исполнения этого дела инженера путей сообщения, отставного полковника Михаила Ромуальдовича Богомольца.

Фамилия Богомолец принадлежала к числу аристократических и имевших порядочное состояние в наших северо-западных губерниях. М. Р. Богомолец ополячился, как и все помещики этих губерний, но, вследствие жизни с русскими, это ополячение в нем изгладилось. Сверх того, он наследовал от матери строгую немецкую аккуратность. Находясь при устройстве железной дороги между двумя столицами, а по открытии движения по этой дороге быв в продолжение пяти лет помощником начальника отделения дороги от Москвы до Клина, Богомолец приобрел большую опытность по железнодорожному делу.

В начале 1859 г. прожила в Москве несколько месяцев С. М. Боратынская. С нею были ее сын и дочери, Лиза Дельвиг и три Боратынские. Мать и дочери были очень начитаны и притом чрезвычайно симпатичны. Они очень понравились моей жене и мы часто видались. До переезда моего в Петербург в 1861 г. С. М. Боратынская со своим семейством еще раз приезжала в Москву, но после того я ее уже не видал.

В доме Д. П. Шипова я познакомился с Феодором Васильевичем Чижовым, человеком немного меня старшим по летам, который с первого нашего свидания произвел на меня весьма приятное впечатление.

Чижов, уроженец Костромской губернии, в которой его родители владели небольшим имением. По окончании курса в Петербургском университете, он был в нем экстраординарным

профессором математики. Вскоре он оставил это место и поехал за границу, долго жил в Италии в кругу знаменитого Гоголя, поэта Языкова, живописца Иванова и других знаменитостей. Не имея ни гения, ни таланта упомянутых лиц, он был, конечно, всех их образованнее. Природа и искусство во всех формах должны были сильно повлиять на впечатлительную душу Чижова.

Принадлежа к так называемой партии славянофилов, он высоко ставил знамя народности и православия и не любил Петра I и преобразованного им самодержавия.

В конце царствования императора Николая I он привез в один из принадлежащих австрийской империи славянских городов разные принадлежности церковной службы, в которых нуждались тамошние православные церкви. Эти принадлежности с корабля, на котором они были привезены, были торжественно всем населением перенесены в церковь. Австрийские местные власти были этим очень недовольны, но не посмели противиться воле целого населения. Австрийское правительство сообщило об этом русскому, которое распорядилось, по приезде Чижова на русскую границу, отправить его с жандармами в III отделение собственной его величества канцелярии.

Просидев в помещении этой канцелярии несколько дней, в которые он написал несколько ответов на заданные ему вопросы, он был выслан в Киевскую губернию под надзор полиции. В этом положении он не мог проявить своей деятельности иначе, как занявшись хозяйством.

С этой целью он взял от министерства государственных имуществ в аренду небольшое количество земли, на которой начал разводить шелковичныя деревья и поощрял к разведению их и мотанию шелка окрестных крестьян, чем открыл им новый способ промышленности.

Впоследствии Чижов купил эту землю и, живя постоянно в Москве, получал оттуда шелк, продававшийся за пуд рублей по четыреста; шелковый же промысел сделался обычным для окрестных крестьян и крестьянок.

Ни с кем не сходился я так скоро, как с Чижовым, и ни к кому не питал такой дружбы, несмотря на то, что познакомился с ним, когда мне было около 45 лет от роду.

В начале царствования Александра II надзор полиции над Чижовым был снят, и он приехал в Москву, где немедля приступил к изданию журнала: «Вестник промышленности». В главные сотрудники он пригласил Ивана Кондратьевича Бабста, молодого профессора, незадолго переведенного из Казанского университета в Московский, обратившего на себя внимание читающей публики.

Бабст впоследствии участвовал в путешествиях по России цесаревичей Николая и Александра Александровичей.

При учреждении Московского купеческого банка, Чижов, избранный в председатели правления банка, доставил место члена правления Бабсту с тем, чтобы подготовить его на место председателя, в чем и успел. Когда он, после двухлетнего председательства, отказался от этого места, благодаря его влиянию Бабст был избран в председатели.

Отношения Бабста к Чижову были дружественные до конца 60-х годов, но в это время они разошлись. Бабст по необыкновенной лености относился к своим занятиям не с тою любовью, которую ожидал от него Чижов, обходился с подчиненными и даже с публикой в банке по-чиновничьи и сверх того подчас любил выпить лишнее; все эти качества сильно не нравились Чижову [1].

В конце марта 1859 г., по изготовлении предварительных проектов и смет по устройству железной дороги от Москвы до Сергиевского

[1] Фед. Вас. Чижов (1811-1877), выдающийся участник т. н. славянофильского кружка, интересен как представитель нарождавшейся после Севастопольской войны русской промышленной буржуазии. Происходя из бедной дворянской семьи, он в молодости занимался обычными для славянофилов пустяками, заключавшими в выходках, вроде описанной Дельвигом истории с церковной утварью, ношения бороды и т. п. В 1836 году получил степень магистра за сочинение по механике, в 1836 г. выпустил первое в России сочинение о паровых машинах, в университете преподавал математику до 1840 г. Тогда же стал писать по истории литературы и искусства, сошелся с кружком Гоголя, о котором оставил очень ценные воспоминания. Арест Ч. относится к 1847 г. После Севастополя стал одним из деятельных созидателей крупной промышленности, участвуя в строительстве железных дорог, в учреждении пароходств, банков и т. п., объединяя русских капиталистов и ревниво отстаивая их интересы от поползновений иностранцев на участие в добыче. Однако, нажитые таким путем 6 милл. руб. оставил на устройство профессиональных технических школ. Ч. гордился тем, что дворяне дали России декабристов и говорил купцам: «вы, алтынники, мы головы клали на плахи, у нас декабристы были, а вы только наживались». *С. Ш.*

посада и проекта устава этой дороги, я отправился в Петербург для представления их главноуправляющему путями сообщения Чевкину.

По изменении редакции проекта устава, я отвез его в Москву, и он, по подписании всеми учредителями, был представлен Чевкину и высочайше утвержден 29 мая 1859 г.

Накануне моего отъезда из Петербурга в Москву носились слухи, что граф Закревский увольняется от звания московского военного генерал-губернатора, и потому, приехав в Москву, я не поехал на торжественный обед, который он давал в этот день по случаю празднования рождения государя, и только 18 числа пошел к нему представляться.

Дежурный адъютант, весьма расстроенный, объявил мне, что Закревский перед самым моим приходом получил извещение об увольнении его от должности и что он никого не принимает, но может быть сделает для меня исключение. Действительно, Закревский приказал принять меня.

Причиною его увольнения был выход его дочери, графини Нессельроде, в замужество за князя Друцкого-Соколинского, при жизни ее первого мужа, с которым она не была разведена.

Я уже говорил о гнусном поведении графини Нессельроде, которая, между прочими многочисленными любовными связями, завязала связь и с упомянутым Друцким, чиновником по особым поручениям при Закревском, отличавшимся только высоким ростом и небольшим актерским талантом в пьесах, которые иногда разыгрыва-

лись в летнем пребывании Закревского, с. Ивановском.

Непонятно желание графини Нессельроде выйти замуж за Друцкого, но Закревский, сильно любя ее, готов был на значительные пожертвования, чтобы исполнить ее желание, причем может быть надеялся, что дочь его, по выходе замуж за Друцкого, будет вести себя приличнее.

Графиня Нессельроде от первого брака имела сына. Граф Закревский вступил в переговоры с свекром ее о разводе с его сыном. Граф Нессельроде соглашался, но при этом заявил, несмотря на свое несметное богатство, столь значительные денежныя требования, что Закревский не мог их исполнить.

Троицкий, стряпчий по делам в Москве, человек пользовавшийся дурной репутацией, но которого Закревский любил за его ум, уверил последнего, что если он выдаст дочери своей дозволение выйти замуж за Друцкого, то они будут обвенчаны, и это венчание не будет иметь дурных последствий.

Закревский дал дочери своей свидетельство, в котором дозволял ей выйти замуж за князя Друцкого, но в этом свидетельстве назвал ее просто своей дочерью графиней Лидиею, умолчав, что она замужем за Нессельроде.

Она была обвенчана в начале 1859 г. Конечно, вскоре об этом узнали старик Нессельроде и многочисленные враги Закревского, в числе которых были все прогрессисты, не любившие его за то, что он не сочувствовал освобождению крестьян от крепостной зависимости и другим

реформам. Он неоднократно громко осуждал правительственные меры, принимавшиеся по делу об освобождении крестьян, распоряжения об уничтожении гауптвахт на городских заставах, об отмене снятия нижними чинами фуражек перед офицерами и т. п.

Защитники же Закревского граф Алексей Феодорович Орлов и некоторые другие в это время или померли, или сами потеряли всякое значение.

Затем понятно, что в Петербурге очень обрадовались случаю спустить Закревского. Непонятно только, что никто из Петербурга не предварил его, когда отставка сделалась там известною. Конечно, в таком случае он не дал бы 17 апреля торжественного обеда.

Закревский при входе моем в кабинет, видимо огорченный и оскорбленный, сказал мне, что я, вероятно, уже знаю о случившемся и что его заслуги весьма скоро забыты; в тоне его выражений высказывалась досада.

На заявление мое, что он остается же генералом-адъютантом и членом государственного совета, Закревский ничего не отвечал, хотя ему было уже известно, что он не оставлен в последнем из этих званий.

Закревский долго добивался, чтобы брак его дочери был признан законным, но не успел в этом; только впоследствии дети его дочери от князя Друцкого были признаны законными.

Дочь его с Друцким должны были немедля уехать за границу. Закревский с женою продолжали жить в Москве, сначала в наемной квартире, а потом он купил дом в Леонтьевском

переулке; лето он жил попрежнему в с. Ивановском.

До перехода моего в 1861 г. на службу в Петербург, я часто у него бывал и в городе и в деревне. С 1862 г. он начал ездить на летнее время за границу для свидания с дочерью. При этих поездках он не заезжал в Петербург, а из Колпина, последней станции Николаевской железной дороги, переезжал на лошадях на Александровскую станцию (близ Царского села) Петербурго-варшавской дороги, куда я ездил для свидания с ним.

В одну из этих заграничных поездок он умер во Флоренции. Но и мертвому ему не дали покоя: его вырыли из могилы и ограбили, — тело его снова было похоронено опять в той же Флоренции.

Я уже говорил о гостеприимстве Закревского, его обходительности и привязанности к нему большей части его подчиненных, к которым он был постоянно благосклонен.

Я мало знаю о дальнейшей судьбе жены и дочери Закревского; кажется, последняя продолжала прежнюю жизнь. Друцкого я встречал несколько раз во время его приездов в Россию. В 1872 году он приехал ко мне в Петербург и объявил, что поселяется в нем навсегда и что он выбран в председатели правления устраиваемой в Петербурге Европейской гостиницы.

Московским военным генерал-губернатором назначен был генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии, граф Сергей Григорьевич Строганов (впоследствии член государственного со-

вета и председатель комитета железных дорог). Сознаюсь, что, представляясь ему вместе с другими служащими в Москве, я с неудовольствием и даже с некоторым страхом смотрел на нового начальника столицы, человека с виду весьма сурового и сухого.

Я уверен был, что никто лучше и дешевле меня не устроил бы московских водопроводов; но по особой ко мне доверенности бывшего главноуправляющего путями сообщения Клейнмихеля, а также и Закревского, я при устройстве водопроводов действовал не всегда согласно с установленными для производства работ правилами и не всегда соблюдал требуемые формальности.

Теперь оба эти начальника были удалены от их должностей и некому было бы меня защищать против придирок, которые могли бы сделать при обревизовании не представленных еще отчетов по устройству водопроводов.

На нового главноуправляющего Чевкина, несмотря на его ко мне расположение, я не мог много надеяться, так как он вообще не допускал возможности исключений из правил по производству работ и сверх того, при самом своем вступлении в должность, находил созданное для меня Клейнмихелем положение неправильным и не изменил его собственно из угождения Закревскому.

Но мои опасения были напрасны. На представленные мною отчеты по устройству московских водопроводов не было сделано никаких замечаний. Строганов же, как воспитанник института путей сообщения, благоволил к инже-

нерам путей сообщения, а в особенности ко мне, оценивая пользу только что оконченного мною сооружения и, вероятно, потому, что я был ему известен еще в начале 40-х годов, когда он был попечителем московского учебного округа.

По его поручению я тогда был приглашен для занятия профессорской кафедры в Московском университете, что за командированием меня в 1842 г. на Кавказ, а впоследствии за назначением по особым поручениям к Клейнмихелю, не состоялось.

Выше я упоминал об избрании меня в члены московского общества сельского хозяйства, а потом и в начальники III (механического) отделения этого общества.

Вскоре был избран в члены и свояк мой граф Н. С. Толстой. Совет управления этого общества, учрежденного в бытность князя Дмитрия Владимировича Голицына московским генерал-губернатором, с самого его основания был составлен из наиболее значительных лиц московского общества; так, в 1859 г. председателем его был действительный тайный советник князь Сергей Иванович Гагарин и вице-председателем генерал-адъютант Сергей Павлович Шипов.

Личности в совете общества часто изменялись, не изменялся только один непременный секретарь общества Степан Алексеевич Маслов, который мало-по-малу сделался единственным деятелем общества и вполне завладел его дей-, ствиями, что приносило Маслову личные выгоды, так как он, сверх получаемого им по званию секретаря содержания, повышался и в чиновной

иерархии: он, не имея никакой другой службы, был в 1859 г. действительным статским советником и имел две орденские ленты[1].

После этого Маслов оставил место непременного секретаря общества и на это место был избран профессор Московского университета Модест Яковлевич Китары (впоследствии тайный советник, председатель технического комитета при главном интендантском управлении военного министерства).

Заседания общества продолжались под председательством вице-председателя С. П. Шипова. До того времени заседания московского общества сельского хозяйства, равно как и других обществ в России, отличались отсутствием прений: съезжались члены общества, чтобы выслушать молча какое-нибудь сообщение одного из членов, преимущественно секретаря, или отчет о действиях общества за прошлый год.

Эта вынужденная монотонность заседаний отвлекала от них полезных членов. Я уже говорил, что с воцарением императора Александра II языки развязались. Прения, в которых каждый член свободно излагал свои мнения,

[1] Степ. Ал. Маслов (ум. в 1879 г. — 86 л. от роду) — личность незаурядная. Получив ученую степень, он отказался от профессуры в Московском ун-те, как отказался и от предложенного ему крупного административного поста по мин-ву госуд. имуществ, предпочитая работать в об-ве сельского хозяйства. Действовал, по словам биографа, бескорыстно и оставил собранный небольшой капитал в пользу просвещения. Был противником крепостного права, положил почин основанию неск. ученых сельско-хоз. и технич. обществ, содействовал развитию русского сахароварения. *С. Ш.*

начались собственно в заседаниях московского общества сельского хозяйства; эти прения послужили первым образцом для прений в других подобных обществах.

Устав этого общества совершенно устарел, а потому найдено было необходимым представить на утверждение новый проект устава, составление которого было поручено особой комиссии; в нее между прочими были выбраны: я, известный поэт А. С. Хомяков и Александр Иванович Кошелев, издатель журнала «Русская беседа» (бывший впоследствии директором финансов в царстве Польском), который избран был при следующей баллотировке председателем общества, что побудило С. П. Шипова оставить должность вице-председателя.

Комиссия по составлению нового устава общества собиралась у Кошелева и занималась порученным ей предметом с большим усердием. Я обращал большое внимание на редакцию устава и мои на нее замечания, по их правильности, неоднократно вызывали удивление Хомякова, который называл меня пуристом.

Хомякову сильно не нравилось, что в обществе есть III отделение, которое напоминало о III отделении собственной его величества канцелярии; он предлагал при учреждении четырех отделений общества придать им наименования I, II, IV и V, уверяя, что я много от этого выиграю, так как я буду тогда именоваться начальником уже IV, а не III отделения.

Общество занималось не только составлением устава; оно обратило внимание на сельское хозяйство, на издававшийся обществом журнал и

на школу и ферму, учрежденные при обществе. Но это рвение продолжалось недолго: наиболее ревностные члены вскоре оставили Москву, и общество стало влачить свое существование попрежнему, а может быть и хуже, так как оно лишилось в Маслове скучного, но все же деятельного секретаря.

Сергиевский посад с Троицкою в нем лаврою, которой архимандритом считается московский митрополит, составлял при жизни митрополита Филарета как бы его владение и потому необходимо было до приступа к устройству дороги от Москвы до посада испросить его благословение.

Зная, что митрополит не расположен, как и многие старые люди, к устройству железных дорог, учредители до этого времени не сообщали ему о своих предположениях, так что сведение об образовании общества Московско-ярославской железной дороги он узнал из газет. Но когда устав этого общества был уже высочайше утвержден, учредители, перед приступом к устройству дороги, поехали в лавру, чтобы побывать у митрополита.

Н. Г. Рюмин, Д. П. Шипов, И. Ф. Мамонтов и я, придя 3-го июля в собор Троицкой лавры, просили дозволения представиться митрополиту. Нам отвечали, что он по нездоровью никого не принимает, но что для нас делает исключение и примет нас после обедни.

На объяснение наше, что пришли просить его благословения на устройство дороги от Москвы до Сергиевского посада, он отвечал,

что вообще не охотник до железных дорог, а в особенности до предположенной нами, что они могут быть и полезны в западной Европе, по густоте ее населения и значительности торговли, но у нас по крайней мере преждевременно, что Россия не богата капиталами и не может вынести огромных издержек на их устройство тем более, что дороги, по малому населению и по малому количеству перевозимых грузов, будут бездоходны.

Дорога, ведущая в святую лавру, невыгодна по неимению грузов для перевозки, а между тем может быть вредна в религиозном отношении.

Богомольцы будут приезжать в лавру в вагонах, в которых наслушаются всяких рассказов и часто дурных, тогда как теперь они ходят пешком и каждый их шаг есть подвиг, угодный богу.

Мы, учредители, полагали, что железная дорога привлечет еще более богомольцев в лавру по причине доставляемых ею удобств. Митрополит простился с нами весьма любезно, благословил нас, пожелав успеха предприятию и нам выгоды, и проводив, несмотря на болезненное состояние, до передней, снова нас благословил.

В половине 1859 г. пронеслись слухи, что по достижении наследником престола великим князем Николаем Александровичем 16-летнего возраста, для определения успехов его в науках, были произведены в присутствии императрицы испытания, на которых он оказался слабо подготовленным.

В этот возраст наследников престола назначаются к ним, вместо воспитателей, попечители,

Императрица, недовольная успехами наследника в науках, не пожелала оставить при нем попечителем бывшего его воспитателя генерал-адъютанта Н. В. Зиновьева, а с ним должен был оставить свое место и помощник его генерал-адъютант Г. Ф. Гогель.

Попечителем к наследнику был назначен московский военный генерал-губернатор граф С. Г. Строганов, который пробыл в последнем звании всего четыре месяца. Перед самым оставлением этого места, Строганов дал два торжественных обеда: в день коронации 26 августа и в день тезоименитства государя 30 августа.

Граф Перовский, по оставлении им звания начальника штаба корпуса путей сообщения, был назначен помощником к графу Строганову, а по кончине наследника Николая Александровича, поступил попечителем к наследнику великому князю Александру Александровичу; по выходе же из этого звания, по случаю совершеннолетия наследника, получил сверх содержания пенсию по 8.500 р. в год и назначен заведывающим собственною конторою детей их величеств; эта должность, кажется, только номинальная, потому что конторою этою всегда управлял тайный советник Сушинский.

Стараясь искоренить всякий повод к злоупотреблениям по вверенной мне части, я заменил дрова английским каменным углем, отопка которым по тогдашним ценам на него и на дрова была не дороже; я хотел доказать это московским фабрикантам и тем заставить их в своих заведениях заменить дрова каменным углем.

Последний для водоподъемных машин был заподряжаем в Англии, и так как его требовалось менее, чем было определено по контракту со строителями означенных машин, то остававшееся на дворах водоподъемных зданий количество уменьшало требование из Англии каменного угля в следующие годы.

Известный поэт А. С. Хомяков предложил поставлять каменный уголь из своего Тульского имения с тем, чтобы ему была уплачиваема та сумма, которая ежегодно тратилась на действие водоподъемных машин при покупке английского угля.

Я представил это предложение Чевкину, принимая на себя ответственность в том, что уголь Хомякова будет держать пары в котлах в надлежащем виде. Чевкин требовал, чтобы Хомяков непременно понизил цену. Находя это несправедливым, я убедил Чевкина согласиться на мое предложение, хотя бы на первое время, в виде покровительства вновь развивающемуся промыслу, представляющему весьма большую важность.

На этом основании был заключен с Хомяковым контракт на отопку машин его каменным углем. А. С. Хомяков умер в сентябре 1860 г. и поставка по контракту производилась опекуном над его детьми, А. И. Кошелевым. Хомяковского каменного угля, по его свойству, требовалось в полтора раза более, чем английского (валлийского, который выписывался в первые два года действия вновь поставленных машин). Пуд последнего с поставкою на дворы водоподъемных зданий стоил 30 коп. и следовательно,

чтобы поставка хомяковского угля была безубыточна, он не должен был обходиться выше 20 к. с пуда. Но одна перевозка пуда угля обходилась до 20 коп., а с добыванием на месте до 24 коп., так что наследники Хомякова терпели убыток и вследствие этого Кошелев просил дозволения на второе полугодие заменить хомяковский уголь валлийским, на что было испрошено мною разрешение Чевкина. Хомяков заключил контракт на отопку машин по оптовой цене в год на 14 140 р., что составляло за полугодие 7 070 р. Так как водоподъемные машины употребляли в сутки английского угля не 120 пуд., назначенных в контракте со строителями машин, а только 100 пуд., то наследники Хомякова, через замену угля, выиграли в это полугодие 1 100 руб.

В издававшемся Г. Тимом «Русском художественном листке» за 1859 г. было помещено описание 50-летнего юбилея института инженеров путей сообщения и рисунок, представляющий рекреационную залу института, с изображением четырех портретов наиболее замечательных бывших воспитанников института, именно, бывших начальников дирекций устройства Николаевской железной дороги Н. О. Крафта и П. П. Мельникова, строителя Николаевского через реку Неву моста С. В. Кербедза и строителя моста через Веребью на Николаевской дороге и железного шпица на соборе Петропавловской крепости, Д. И. Журавского.

Чевкин тогда же заявил мне свое сожаление о том, что моего портрета нет на означенном

рисунке и что он попросит издателя «Художественного листка» исправить эту ошибку, напечатав в нем мою биографию с приложением моего портрета. Это было исполнено в статье, помещенной в листке, вышедшем 20 мая 1860 г., под заглавием «Московский мытищинский водопровод», к которой был приложен рисунок с моим портретом, окруженным изображением фонтанов и других сооружений упомянутого водопровода.

В статье были кратко изложены история водопровода и описание его настоящего положения, а в конце и моя биография, в которой было, между прочим, сказано, что устроенный мною «Мытищинский водопровод» во всех отношениях оправдал ожидания жителей Москвы и что при этом устройстве я показал себя не только честным и добросовестным исполнителем, но и ученым инженером, вводящим новые данные в гидравлику, и описаны мои другие служебные занятия, в том числе две командировки на Кавказ, при чем приведена выписка из моего послужного списка о действиях моих на Кавказе.

Эти действия были так незначущи, что описание их не могло возродить зависть даже самых незначительных кавказских деятелей, но вышло противное. Знаменитый деятель Кавказа, оставивший его в 1827 г., генерал-от-артиллерии Алексей Петрович Ермолов, принимавший меня очень ласково в своем московском доме, был очень недоволен статьею «Художественного листка», говоря, что обо мне следовало писать как о деятеле, принесшем большую пользу

снабжением Москвы чистою водою, но не к чему было упоминать о моих действиях на Кавказе, из описания которых можно было будто бы предположить, что я был там замечательным деятелем, чего не было в описании моей незначительной кавказской деятельности.

Из этого можно судить, до какой степени должна была простираться зависть Ермолова к людям, имевшим равное с ним значение. Свое неудовольствие на меня за эту статью Ермолов передавал многим и, между прочим, моему свояку графу Н. С. Толстому.

Соглашения с владельцами земель, которые необходимо было приобресть для дороги от Москвы до Сергиевского посада, были весьма затруднительны и неприятны для правления этой дороги. При произведенных в 1859 г. изысканиях было принято за правило не рубить деревьев в лесах, а там, где они мешают геодезическим работам, обрубать только ветви.

Несмотря на это, бывший тогда директором почтового департамента Прокопович-Антонский чрез леса которого было проведено при изысканиях несколько линий дороги для отыскания наиболее выгодной, потребовал, основываясь на донесении своего управляющего, 7.200 р. за причиненные ему убытки в его лесах. Присланный от него поверенный, какой-то чиновник означенного департамента с орденом на шее, весьма резко требовал, в присутствии правления, немедленной уплаты означенной суммы, грозя в противном случае жалобою государю, которого Прокопович-Антонский будто бы видит

ежедневно, и эта жалоба может наделать разных бед директорам правления.

Я отвечал, что мы готовы удовлетворить правильные, а не голословные требования Антонского, и потому просил его уполномоченного поехать на место и вместе с управляющим имением и инженером, который производил в 1859 г. изыскания, сосчитать число срубленных деревьев, за которые будет немедля уплачено. Но они на землях Антонского не только не нашли срубленных деревьев, но даже и срубленных ветвей, в чем сознался означенный чиновник в присутствии правления, что не помешало ему требовать денег в вознаграждение за убытки, понесенные Антонским, так как он опасался воротиться к своему начальнику, издержав только деньги на поездку в Москву.

Один из директоров правления, И. Ф. Мамонтов, предложил ему 200 руб.; чиновник же, вместо прежнего требования в 7.200 руб., просил только 300 и, наконец, согласился на 250 р. с тем, чтобы этих денег не вычитать из суммы, которая причтется за землю, имеющую отойти под дорогу. За эту землю, по определении ее количества, Антонский потребовал за десятину пахотной по 400 р. и бывшей под вырубленным сосновым лесом по 260 р. Всего отходило под дорогу от Антонского в расстоянии от Москвы около 50 верст более 25 десятин, которые правление разделило по качеству на три разряда и назначило цены за десятину первого разряда 60 р., второго 45 р. и третьего (болотистой) 30 р.

После долгих споров, правление заявило Антонскому, что оно перенесет это дело в оценоч-

ную комиссию для определения ценности отходящей от него земли, на основании правил об отчуждении принадлежащих частным владельцам земель для общественных надобностей, и тогда Антонский согласился на получение денег за все отходящие от него земли, не разбирая их качества, по 60 р. за каждую десятину.

Правление хотя и находило эту цену высокою, но, в виду незначительной разности суммы, требуемой Антонским и предлагаемой правлением, согласилось на нее.

Эта сделка с Антонским была впоследствии весьма полезна для правления, которое могло сослаться на означенную цену при оценке других земель, одинаковых с землями Антонского, и только этим путем могло достигнуть того, что земля, отошедшая под дорогу между Москвою и Сергиевским посадом, не включая земель в этих двух городах, обошлась среднею ценою по 70 руб. за десятину.

При этом расскажу несколько дел, относящихся до приобретения некоторых других земель под дорогу. У одного лесопромышленника отходило под дорогу около 5 десятин земли из-под вырубленного леса. Когда он пришел в правление для соглашения о стоимости отходящего от него участка, занимавший в это время должность директора, кандидат правления Ф. В. Чижов, основываясь на славянофильской теории, сказал мне, что этот простолюдин, не испорченный западным образованием, конечно, не будет требовать того невероятно значительного вознаграждения, которого требовал Антонский за свою землю.

Я обратился к лесопромышленнику, прося его назначить цену отходящих от него под дорогу 5 десятин земли, и он, низко кланяясь, отвечал, что государю угодно было, чтобы дорога строилась, а потому он покоряется воле государя и назначить цену своему участку земли не может. Я объяснил ему, что государь, утверждая устройство дороги, дозволил отчуждение потребной для нее земли, но с тем, чтобы за отчуждаемую землю было уплачено владельцам по соглашению с ними, а если такового не состоится, то по решению правительственной оценочной комиссии.

Он долго низко кланялся и не назначал цены, но по моему настоянию, наконец, заявил цену в 5.000 руб., что составляло за десятину около 960 руб.

Тогда я обратился к Чижову с замечанием, что, конечно, западная цивилизация испортила честную натуру русского человека, так как требования неиспорченного ею простолюдина в несколько раз превышают требования ею испорченного Антонского.

Несколько десятин земли отходило под дорогу от белого духовенства Хотьковского женского монастыря, которое заявило, что каждая десятина земли приносит ему ежегодно 10 руб. чистого дохода и требовало по 1000 руб. за десятину. По закону земля ценится по 10-летней сложности дохода и в известных случаях к этой оценке прибавляется еще $^1/_5$ часть оценочной суммы. Вследствие этого, допуская даже, что показание духовенства о 10-рублевом ежегодном доходе с десятины верно, хотя легко было до-

казать противное, цена за десятину земли определяется по закону в 100 или 120 руб.

Поэтому правление не могло согласиться на требование духовенства, но принимая в соображение, что последнее, при упомянутой законной оценке, может получать в год 5 и 6 руб. с десятины, вместо показанных им 10 руб., правление положило выдать за каждую десятину 5%-ными билетами государственного банка на 200 руб., так что духовенство получало бы без всяких забот ежегодно 10 руб. за каждую отошедшую от него десятину земли.

Духовенство осталось недовольным, и бывший московский митрополит Филарет заявлял, что стыдно правлению обижать бедный причт Хотьковского монастыря.

С большим неудовольствием он выслушал заявление, что правление дает более, чем следует по закону, и что причт при этом ничего не теряет, но выслушав предложение правления, он согласился с ним.

В столице под дорогу требовалось до 20 десятин земли, которые обошлись по 5.200 руб. каждая. Почти половина этой земли принадлежала к даче Митькова, купленной у графа Ростопчина. Митьков, продажею части этой обширной дачи разным частным лицам и под станцию Николаевской и Саратовской железных дорог, выручил, конечно, вдесятеро более, чем было за нее уплачено Ростопчину.

Получив с Саратовской дороги по 12.000 руб. за десятину, он, в виду того, что земля, потребовавшаяся под Ярославскую дорогу, более удалена от проезжих улиц, соглашался взять с по-

следней за десятину 9.900 руб., имея в виду, что земля под Николаевскую дорогу, смежная с отчуждаемою под Ярославскую, была оценена в 1 руб. 80 коп. за кв. саж.

Правление не соглашалось на требование Митькова и дело должно было перейти в правительственную оценочную комиссию.

Владелец дачи Митьков (впоследствии тайный советник) служил тогда в канцелярии государственного совета и Чевкин свел меня с ним на цене в 4.800 руб. за десятину; деньги ему были немедля выданы, но при их получении он потребовал уплаты процентов с того времени, как его земля занята для дорожных работ, всего за два года 12%, так что он вдруг получил из правления Ярославской дороги 45.000 руб., сумму едва ли не в полтора раза большую заплоченной его отцом за всю дачу Ростопчина.

В Сергиевском посаде требовалось отчуждение земель, принадлежащих частным владельцам и собственно посаду. Один из частных владельцев, имевший значительное количество земли по обе стороны реки, протекающей по середине посада, желал продать всю свою землю без остатка.

Правление дороги согласилось на эту покупку, в виду умеренной цены, просимой владельцем, и того, что земля по правую сторону реки потребуется для продолжения дороги к Ярославлю. Это выгодное предложение дало возможность приобресть 24½ десятин земли в посаде по 1.272 руб. за каждую. Собственно посадской земли отчуждалось 7¼ десятин, и местное управление, подкрепляемое московским губернатором, который считал правильным обобрать

общество железной дороги в пользу посада, что явно выражалось в его отношениях в правление общества — требовало по 7.200 руб. за каждую десятину, тогда как при отведении наилучших мест под постройки в посаде взималось не более 720 руб. за десятину. Правление дороги предлагало 2.400 руб., и сумму, причитавшуюся по этой цене за отчуждаемую от посада землю, внесло в правительственную оценочную комиссию.

Одним из первых наших визитов [в Лондоне в 1860 г.] был визит к А. И. Герцену, которому я рекомендовал Чижова и который был очень рад видеться с нами.

Приняв нас, он немедля прочел передовую статью последнего номера его издания «Колокол» о приезде в Варшаву трех монархов: русского, австрийского и прусского (последний тогда был регентом), угнетающих, по его мнению, Польшу, разделенную их предками. Непонятно, как русский человек, хотя и оскорбленный русским правительством, мог защищать поляков, вечных врагов его отечества, с которыми покончить было для России исторической необходимостью.

Известно, что во время упомянутого пребывания государей в Варшаве, в тот день, когда их ожидали в театре, в зале его было такое зловоние (кажется, от асафетиды), что необходимо было начать представление позже обыкновенного. Это был первый акт вскоре вспыхнувшего мятежа, который так дорого стоил обеим сторонам. Во время этого же пребывания в Варшаве государь получил известие о смертельной

болезни его матери, что заставило его поспешить возвращением в Петербург.

Прогуливаясь с Чижовым часов в 10 вечера по Манчестеру, мы были свидетелями следующей сцены, указывающей на грубость нравов английского народа. На одной из площадей стояло несколько длинных крытых фургонов на очень высоких колесах. В этих фургонах разъезжают странствующие актеры и торгаши разных товаров. В одном из них слышны были глубокие женские стоны и крики. Собравшийся вокруг фургона во множестве народ изъявлял неудовольствие, что полиция не остановит побоища, явно происходившего в фургоне, при чем многие кричали: «да он убьет ее».

Бывшие в толпе полисмэны не трогались с места. Чижов обратился к одному из них с вопросом, отчего полиция не вступится за женщину, которую бьют. Полисмэн отвечал, что мы, иностранцы, не знаем, что полиции нет дела до семейных дрязг. На замечание Чижова, что женщина так кричит, что она может быть убита, полисмэн хладнокровно отвечал: «нет, ее не убьют».

В это время что-то упало из фургона на мостовую; оказалось, что мужчина выбросил женщину, которую он бил. Тогда полисмэны подняли ее с окровавленным лицом и повели обмывать в ближайшую цирульню; толпа же продолжала бранить мужчину, сидевшего в фургоне. Вслед за поданием помощи избитой женщине, полисмэны подняли ее в фургон, из которого она упала, и один из них объяснил Чижову и мне, что так как она оказалась женою муж-

чины, сидевшего в фургоне, то ее и отдали ему по принадлежности. После этого не было более слышно ни побоев, ни стонов, и толпа, постояв несколько времени около фургона, разошлась, как ни в чем не бывало. Ясно было, что подобные сцены весьма обыкновенны в манчестерском населении.

В Глостере я спросил себе порцию пулярдки. В Англии порции очень велики, и я не мог съесть ее. Тогда Гартмейер, постоянно оберегавший мои издержки в пути, съел кусок, оставшийся от моей порции. Но надо было видеть его удивление и досаду, когда с нас потребовали уплату за две порции, так как англичане берут не за количество съеденного, а определенную плату с каждого лица, которое ело известное кушанье. Таким образом, часто обедая в Лондоне с старым моим знакомым С. А. Соболевским, я платил за обед втрое более, чем он, хотя ел менее. Он спрашивал одно кушанье и клал себе на тарелку столько больших кусков, что они составляли более, чем взятые мною три разных кушанья. Гартмейер терпеть не мог англичан, но в личных с ними сношениях принимал униженный тон; так и платя двойные деньги за одну порцию кушанья в Глостере, он ограничился бранью англичан про себя.

У мужа моей сестры А. И. Викулиной был родной племянник Василий Сергеевич Танеев, наследовавший от отца 700 душ прекрасного имения в Елецком уезде. Он женился очень молодым на девице Наталье Дмитриевне Новиковой, которая подружилась с моею сестрою.

Мне помнится, что я уже говорил в «Моих воспоминаниях» о беспутной жизни В. С. Танеева, доведшей его до совершенного разорения, и о том, что его похождения описаны в повести «Корнет Отлетаев» князя Кугушева, помещенной в «Русском вестнике» [1].

Когда Н. Д. Танеева разъехалась со своим мужем, она поселилась в Москве и часто видалась с моею сестрою, у которой подружилась с женою моею. У нее тогда были два сына и дочь; последняя, помещенная в Екатерининском институте, вскоре умерла. Старший сын Сергей был помещен в московский кадетский корпус, из которого в 1860 г. вышел офицером в один из полков, стоявших в Москве, а младший сын Николай жил у матери и, по достижении узаконенного возраста, также поступил в московский кадетский корпус.

Этот Николай Танеев представляет любопытный феномен для психолога и потому я опишу здесь его похождения. Он родился в тот год, когда мать его оставила мужа и потому он вовсе не знал своего отца, а между тем в нем проявились все отцовские недостатки в самой высшей степени. Он был недурен собою, остроумен и имел приятный голос, но явно было, что его мать предпочитала старшего сына. Чтобы вознаградить это предпочтение, сестра моя, ее дочери и моя жена особенно ласкали Н. Танеева,

[1] Названный роман — лучшее произведение плодовитого и наблюдательного романиста и драматурга кн. Гр. Вас. Кугушева (1824—1871 г.); роман печатался в 1856 г. (отд. вышел в 1858 г.); герой романа — бесшабашный прожигатель жизни. *С. Ш.*

тем более, что он был болезненный мальчик (у него были полипы в заднем проходе). Он за болезнию был выключен из кадетского корпуса. Пролежав несколько месяцев в университетской клинике, где подвергался операциям, он переехал к матери и ходил в гимназию.

В бытность мою за границею, я получил извещение от жены моей, что Николай Танеев пропал, и что когда он, после нескольких дней совершенной о нем неизвестности, был привезен в Москву старостою небольшой деревушки, принадлежавшей его матери во Владимирской губернии, то последняя требовала наказания ее сына розгами в полиции. Она, совершенно отказываясь от него, не хотела его брать из полиции, и мальчик провел ночь в полицейском доме.

Жена моя, сожалея о 15-летнем ребенке, поспешила взять его к себе. Опасаясь, чтобы он снова не убежал, жена моя не пускала его никуда. Пригласив для него учителей, она озаботилась присмотром, чтобы он не мог уйти. Жена провела 7-е ноября у моей сестры. Танеев, в ее отсутствие, уверил жившего у меня отставного солдата, что жена моя приказала ему привезти книги, оставшиеся в 3-ей гимназии, куда и поехали они вместе. Танеев вошел во внутренние комнаты гимназии, из которых вышел в другие ворота; солдат же, остававшийся на подъезде, видя, что Танеев не возвращается, пришел сказать об этом жене моей, которая, возвратясь домой, нашла один ящик своего письменного стола открытым и в нем недоставало золотой цепочки и других небольших и не очень ценных вещей, а другой ящик, в котором лежали деньги,

хотя и запертым, но по царапинам около замка видно было, что его старались отворить.

Вместе с тем жена нашла письмо Танеева к ней, адресованное на нескольких листах, ясно показывавшее, что он в 15 лет испытал все степени разврата, и наполненное такими непристойными против всех близких выходками, что жена мне его никогда не показывала.

По исчезновении Танеева начались хлопоты об его отыскании. Он в другой раз ушел в ту же деревню, из которой его и привезли прямо к моей жене. При первом свидании с нею он не только не выразил раскаяния, но напротив сожалел, что не удалось ему унести деньги из стола жены, при чем угрожал непременно это исполнить. Жена моя посадила его в запертую ключом комнату на хлеб и воду. Решено было наказать его розгами, но она отклонила это решение до моего возвращения.

По приезде моем в Москву, я грозно усовещевал Танеева, который на коленях просил прощения и обещался хорошо себя вести и прилежно учиться в том заведении, которое я изберу, за исключением московских гимназий, в которых слишком известно его прежнее поведение.

Я не согласился на телесное наказание Танеева, улучшил его пищу и приискал для него учителей с тем, чтобы приготовить его в соответствующий его возрасту класс Константиновского межевого института. Бывший в это время в Москве внучатный брат мой, Владимир Петрович Колесов (впоследствии гвардейской артиллерии полковник), принимая живое участие в молодом человеке, которого надеялся вывести на истинный

путь, взялся учить его некоторым предметам бесплатно.

Между тем, по письму жены моей, М. Н. Муравьев, бывший в это время министром государственных имуществ, председателем департамента уделов и главным директором межевого корпуса, приказал начальству межевого института принять Танеева, куда последний, вследствие этого приказания, поступил в феврале 1861 г., хотя и не выдержал экзамена в класс, соответствующий его возрасту.

Начальство института первое время было довольно Танеевым, который порядочно учился; может быть оно умалчивало об его поведении, в виду высокого покровительства Муравьева и того, что в институте, основываясь на словах Танеева, его считали моим родным племянником. Он проводил у нас все праздничные и воскресные дни.

В мае 1861 г. жена моя и его мать уехали лечиться в Германию, а в июне воспитанники межевого института выступили в лагерь, расположенный близ с. Коломенского. 30-го июня я получил извещение из института, что Танеев накануне отпросился из лагеря ко мне и не возвращался. Между тем он ко мне не приходил. Вскоре затем пришли из манежа Фрейтага с извещением, что накануне воспитанник межевого института нанял на несколько часов верховую лошадь и не возвращался, а так как он назвал себя моим родным племянником, то просили о возвращении лошади или уплаты ее стоимости.

Через несколько дней я получил от Танеева письмо из г. Дмитрова (Московской губернии),

в котором он сообщает мне, что в то время, когда он намеревался продавать нанятую им в манеже Фрейтага лошадь, он был заподозрен в том, что лошадь не принадлежит ему, за что арестован, и просит моей защиты, без которой ему, по его словам, нет спасения.

В этом же письме он пишет, что дело о нем представлено земским судом в губернское правление такого-то числа и за таким-то номером. Как он узнал об этом, а главное почему ему было знать, что есть номера на бумагах, пересылаемых из одного учреждения в другое, и что по этим номерам они легче отыскиваются?

Между тем начальство межевого института дознало, что Танеев в день ухода из лагеря нанял на несколько часов казачью верховую лошадь и продал ее крестьянину, у которого, по заявлению казака о принадлежности ему лошади, она была отобрана.

По доставлении Танеева в Москву, я решительно отказался принять его к себе, и он был посажен в карцер межевого института, в котором просидел до возвращения в августе воспитанников из лагеря, и вслед за тем выключен из этого заведения. Я в это время уже переехал на службу в Петербург, передав Танеева попечению Ф. В. Чижова с тем, чтобы, по миновании Танееву 16 лет, отправить его в Казань юнкером под команду знакомого строгого офицера.

Чижов до наступления этого времени, по малости своей квартиры и по значительности занятий, не знал, куда деваться с Танеевым и вместе с последним отправился к бывшему московскому губернатору князю Алексею Васильевичу Обо-

ленскому (ныне сенатору и генерал-лейтенанту) просить его о принятии Танеева на несколько месяцев в какое-либо исправительное заведение. Подобного учреждения не было, но Оболенский, из жалости к мальчику, пожелал представить его жене своей, урожденной графине Сумароковой, которой он очень понравился, а так как живший при детях Оболенских педагог Михайлов заявил уверенность, что он сумеет из этого испорченного мальчика, которого он впрочем не видал, сделать человека, то Оболенские решили, по приезде матери Танеева из-за границы, с ее согласия, взять его к себе на воспитание.

Мать Танеева вернулась в Москву в сентябре и хотя наняла всего две комнаты, но принуждена была взять к себе сына, который ежедневно напивался в кабаке, куда носил, за неимением денег, разные вещи, которые ему удавалось украсть у матери или у старшего брата.

В октябре упомянутый Михайлов, придя в первый раз к Танеевой, встретил ее сына, которого он не знал, на лестнице и назвал себя. Николай Танеев, указав ему квартиру матери, пошел в кабак, в котором пропил всю свою одежду, и пьяный почти нагим вернулся домой, где нашел еще Михайлова. Последний, несмотря на это, все еще утверждал, что он поставит Танеева на истинный путь и сказал матери, чтобы она, одев своего сына приличным для дома Оболенских образом, отправила его к последним, что ею и было исполнено.

Вскоре княгиня Оболенская переехала со своими детьми и с Танеевым в Петербург к своему отцу, графу Сумарокову (члену государственного

совета и генерал-адъютанту). Михайлов, по переезде моем в Петербург, начал требовать от меня денег на одежду и на учебные потребности для Танеева, когда же я ему в них отказал, то он мне написал длинное письмо, исполненное разных неуместных советов и удивления, что такой близкий, как я, родственник Танееву не хочет ничего сделать для него, тогда как в нем приняли участие посторонние лица.

Я послал Михайлову сто рублей, которые назначал для отправки Танеева в Казань, при чем заявил, что Танеев мне вовсе не родня и что я более своих денег на него тратить не буду. Мое письмо к Михайлову было написано в таком тоне, что он с этого времени не отваживался уже вступать в сношения со мною.

Вскоре Танеев наделал какие-то пакости в семействе Оболенских, которые, найдя нужным избавиться от него, определили его юнкером во флот.

Он бежал из Кронштадта и пропил бывшую на нем казенную одежду. В таком виде был приведен к бывшему тогда начальником штаба корпуса жандармов и управляющим III отделением канцелярии государя Потапову (впоследствии генерал-адъютант и генерал-губернатор северо-западных губерний), который был женат на сестре князя А. В. Оболенского и видал у него Танеева.

Потапов, одев с ног до головы Танеева, отправил его снова в Кронштадт. Вскоре после этого, при осмотре паспортов рабочих одной из петербургских фабрик, были задержаны несколько человек, не имевшие паспортов, и в их числе

Танеев с другим своим сослуживцем по флоту; они были отданы под военный суд.

Мать Танеева очень опасалась, что его только исключат из службы и отправят к ней, вследствие чего уговорила меня съездить к управляющему морским министерством Николаю Карловичу Краббе, просить его подвергнуть ее сына наистрожайшему наказанию. Он по суду был послан под надзор полиции в Вологду на 4 года, и когда оканчивался срок его ссылки, он умер почти в одно время с отцом своим.

Говоря о Николае Танееве, скажу кстати несколько слов об его матери и брате Сергее. Мать его, разойдясь с мужем, очутилась в бедственном положении и была поддерживаема пособиями моей сестры, а впоследствии и моей жены. Кроме ежегодно выдаваемых ей денег, моя жена заплатила ей 700 р. по заемному письму каких-то князя и княгини Долгоруковых, по которому ничего нельзя было получить с них.

Конечно, Танеева пользовалась пособиями и от других лиц и между прочим от своей родственницы Феодоровой, в московском доме которой она занимала очень порядочную квартиру, платя за нее безделицу. Несчастные отношения ее к мужу, к сыновьям, сестрам и брату и физические страдания нисколько не смирили врожденных ей гордости и тщеславия. Она осталась такою же неуживчивою, напыщенною своим дворянским происхождением и охотницею до хорошо убранной квартиры и нарядов, какою была в молодости.

В 60-х годах она ежегодно приезжала в Петербург гостить по нескольку недель у жены моей,

но эти посещения не приносили последней удовольствия и наконец прекратились, хотя довольно частая переписка между ними продолжалась постоянно.

Старший сын ее Сергей, плохо учившийся в кадетском корпусе, по выходе в офицеры в армейский полк, будучи недурен собою, находил какие-то средства к жизни, которых, конечно, не могла ему дать его мать. Он было устроил в Москве залу для стрельбы, но это предприятие ему не удалось. При назначении покойного генерал-адъютанта Безака генерал-губернатором юго-западных губерний, он сумел попасть к нему в адъютанты, а по смерти Безака в число офицеров, состоящих по особым поручениям при московском генерал-губернаторе князе Долгорукове.

Большой лгун и хвастун, он мне очень не нравился, тем более что, не получив никакого воспитания, он не только находил, что все средства хороши для приобретения денег, но и цинически передавал о своих неблаговидных поступках. Так, он сам рассказывал, что посылал из Киева в «Московские ведомости» статьи против строителей железной дороги от Киева по направлению к Одессе до того времени, пока не начал получать денег от строителя Филлёля. Нельзя не удивляться, что несмотря на то, что Танеев ничему не учился, статьи эти были довольно грамотны и издатели Ведомостей Катков и Леонтьев очень ценили Танеева, как своего киевского корреспондента.

В Москве он вступил в общество по очищению города от нечистот и сделался директором пра-

вления этого общества, благодаря своему положению при генерал-губернаторе. Впоследствии в сообществе с другими лицами он купил строение народного театра, оставшееся после московской выставки. Но кажется, оба эти предприятия не принесли ему выгод.

Всего замечательнее в Сергее Танееве было постоянное его желание жениться и через это разбогатеть или по крайней мере улучшить свое положение. Конечно, я не знаю и десятой доли его проделок в этом отношении. Мне же известно, что он в Киеве готов был жениться на дочери инженера путей сообщения Крейслера, о чем знал весь Киев, но оставил это намерение в предположении найти более богатую невесту.

В Москве он делал предложение своей двоюродной сестре Кошелевой, очень красивой девице (впоследствии вдове Головиной), чем довел до ссоры свою мать с ее родною сестрою, матерью Кошелевой. Когда дочь моего брата Николая, Александра, приезжала с своею теткою Елизаветою Борисовною фон-Брин в Петербург, он делал моей племяннице предложение, которое было одобрено ее теткою фон-Брин, но брат мой и его жена слышать не хотели об этой женитьбе.

Танеев, несмотря на свое безденежье, ездил в начале 1869 г. в Женеву, где в то время лечился мой брат, и успел видеть мою племянницу, но не посмел быть у ее родителей. В начале 1872 г. Танеев должен был венчаться в домовой церкви московского генерал-губернатора, который был приглашен им в посаженные отцы, на вдове довольно известного лица Буссе; она

должна была выехать из Петербурга накануне свадьбы. Все это делалось в большой тайне.

Однакоже перед отъездом она заехала проститься с своими родственниками, генералом Данненбергом и его женою, которые, должно быть, уговорили ее не делать глупости выходом замуж за столь ничтожного во всех отношениях господина. Наконец, в 1873 г. Танеев женился на актрисе Васильевой. Гордая мать его была сильно раздражена этою женитьбою, просила генерал-губернатора запретить ее сыну вступление в брак, отговаривала священников, у которых Танеев намеревался венчаться, но все это не помешало ему жениться. Мать долго не видала сына и невестку, не хотела ни слова слышать об них и на замечания ближайших ее друзей отвечала, что между нею и сыном такая пропасть, что они никогда не могут сойтись. С моей же стороны, я удивляюсь, из-за чего эта бедная и, как говорят, милая молодая девушка погубила себя выходом замуж за пустого лгуна, не имеющего никаких средств к жизни.

Осенью 1860 г. брат мой Николай, никогда не выезжавший из России, поехал с женою и детьми за границу. Несносный характер моей невестки, наконец, вывел из терпения и добрейшего ее мужа. Он писал из-за границы, что разъехался с женою навсегда, но потом они снова сошлись.

В начале 1861 г., возвращаясь из-за границы они проезжали через Петербург, где я с ними встретился. С ними были их два сына; дочь же Александру они оставили в учебном заведении в Женеве. В этот приезд в Петербург, они по-

местили своего старшего сына Дмитрия в заведение Шакеева для приготовления к поступлению в лицей. Брат мой, по выходе в начале 1839 г. из военной академии, ни разу не был в Петербурге. Неоднократно раненый на Кавказе и в Севастополе и милостиво принятый государем в Москве во время коронации, он надеялся на столь же благосклонный прием в Петербурге. Каково же было его удивление, когда, при представлении бывшему военному министру Н. О. Сухозанету, последний, приняв его очень грозно, сказал, что государь, недовольный поведением брата в Италии, не желает его видеть, и потому Сухозанет запретил брату представляться государю, хотя на такое представление имеют право все приезжающие генералы.

Сухозанет требовал, чтобы брат немедля ехал в корпусный штаб, который помещался тогда в Воронеже и которого он был начальником, и сказал, что корпусному его командиру обо всем касающемся до брата написано.

Брат мой был честолюбив, но еще более до наивности предан государю и старым служебным порядкам. Он не хотел выехать из Петербурга, не испробовав всех средств к тому, чтобы государь его принял. Сухозанет не слушал его просьб об этом. Бывший в это время товарищем военного министра Дмитрий Алексеевич Милютин (впоследствии военный министр) заявил брату, что он хотя и бывает при докладах военного министра государю, но ни о чем не касающемся докладов не смеет произнести слова.

Тогда брат мой обратился с просьбой о дозволении ему представиться государю к своим сослуживцам по Кавказу, людям близким к государю: к начальнику военно-походной канцелярии генерал-адъютанту графу Александру Владимировичу Адлербергу (впоследствии министр двора) и к бывшему начальником штаба гвардейского корпуса генерал-адъютанту графу Эдуарду Трофимовичу Баранову (впоследствии член государственного совета). Но они оба заявили ему, что государь, по неудовольствию за поведение брата в Италии, о котором узнал от министра иностранных дел (впоследствии канцлера) князя Александра Михайловича Горчакова, решительно не хочет видеть брата.

Последний поехал для объяснений с Горчаковым, от которого узнал, что поведение брата в Италии не может быть оправдано, а в особенности то, что брат представлялся в Неаполе королю Виктору-Эммануилу. Вот в чем состояло это поведение брата, которым он навлек на себя столь сильное неудовольствие.

В Милане брат мой пошел на смотр части того корпуса, которым командовал известный итальянский генерал Ламармора.

В предыдущей главе «Моих воспоминаний» я говорил о том что брат, по заключении мира 1856 г., познакомился с начальством итальянского отряда под Севастополем, что некоторые из лиц, бывших в этом отряде, участвовали в итальянском посольстве, приехавшем на коронацию императора Александра II, и что они бывали в это время у моей сестры Викулиной, у которой брат останавливался,

и ездили с ним и со мною в Троице-сергиевскую лавру.

В толпе, которая смотрела на обучение войска под Миланом, Ламармора узнал брата и, пригласив его к себе, познакомил с своею женою, которая, будучи англичанкой, не разделяла, по словам моего брата, идеи Ламарморы об единстве Италии.

Ламармора, собрав довольно значительную часть командуемого им корпуса в Милан пригласил брата на смотр этого войска, которое провел мимо брата, отдавая ему военные почести, установленные для лиц, инспектирующих войска. Такое отношение Ламарморы к русскому генерал-майору, казалось, могло бы только польстить русской армии, а если в нем было что-либо не нравящееся русскому правительству, то виною этому был Ламармора, а никак не брат мой. Последний, желая из научных видов осмотреть поля сражений при Мадженте и Сольферино, просил Ламармору послать с ним офицера генерального штаба для объяснения военных действий на самых полях битвы.

Ламармора дал брату письмо к Кавуру, призиденту-министру, которому Италия обязана своим объединением, сказав, что Кавур пошлет с братом одного из офицеров, участвовавших в означенных сражениях, что и было исполнено Кавуром.

Брат составил подробные описания сражений но не мог их напечатать, по причине неудовольствий, возбужденных в высших сферах его посещением Италии, и я не знаю, куда девались эти описания. Кавур дал брату письмо

к генералу Чиальдини, который в это время осаждал Гаэту. Брат в его отряде провел несколько дней, конечно, не принимая участия в военных действиях, и потому я не понимаю, что могло быть и в этом предосудительного.

По приезде в Неаполь, брат навестил нашего общего знакомого, которого фамилии я не помню, бывшего в чине майора во время коронации в Москве, а в конце 1860 г. состоявшего уже в чине генерал-майора чем-то в роде начальника военной канцелярии короля.

Последний, узнав о приезде брата в Неаполь, пригласил его к себе и был с ним вообще чрезвычайно любезен, при чем относился с величайшим уважением о нашем государе и душевно соболезновал о недавней кончине императрицы Александры Феодоровны, которую ценил весьма высоко.

Горчаков поставлял в большую вину моему брату это представление его королю и в особенности то, что он представлялся в парадном мундире. Брат возражал, что он не мог не ехать к королю по получении приглашения от него, а поехал в мундире, считая, что он не имел права явиться в статском платье к царственной особе.

Горчаков сказал, что это было бы правильно, если бы брат представлялся в Турине, а не в Неаполе, где Виктор-Эммануил не признается за короля нашим правительством, которое дурно смотрит на его присоединения в южной Италии, вследствие чего прекратило с ним дипломатические сношения, даже как с сардинским коро-

лом, и что это должно было бы заставить брата иначе вести себя.

Брат заявил, что он и не знал даже о прекращении дипломатических сношений с Виктором-Эммануилом, а тем менее мог понимать то, что в Турине он должен был бы явиться к королю в мундире, а в Неаполе в статском платье.

Отпуская брата, Горчаков сказал ему, что, получив от нашего посла в Париже графа П. Д. Киселева подробное сообщение о похождениях брата в Италии, он до того считал их неправильными со стороны русского генерала, что не мог их скрыть от государя, хотя вообще не любит докучать ему сведениями о проделках наших путешественников за границею. Настоящий случай в особенности неприятно было ему докладывать, так как он полагал, что путешествующий по Италии генерал Дельвиг был старый его знакомый, воспитанник его товарища по лицею, поэта Дельвига.

Оказывается, что брат по приезде в Париж, где 1 января (н. ст.) 1861 г. был на бале представлен императору Наполеону III, сам все свое путешествие по Италии пересказал Киселеву.

Брат, после свидания с Горчаковым, снова пытался представиться государю, но граф Э. Т. Баранов сказал ему, что и новые старания перед государем были безуспешны и что государь выразился: «я не хочу видеть Дельвига потому, что не удержусь не высказать ему моего неудовольствия, а между тем не желаю поставить в неприятное положение неоднократно раненого генерала».

Я подавно настаивал, чтобы брат уезжал из Петербурга, не добиваясь представления государю, полагая, что вскоре об его путешествии забудут, а он своим пребыванием в Петербурге и неоступными просьбами быть представленным государю только напоминает о себе, тогда как выгоднее было бы некоторое время остаться забытым.

Наконец, вследствие моих настояний брат поехал к месту своего служения (Воронеж). Бывший тогда командиром 4 корпуса генерал Карл Карлович Врангель (умерший в 1872 г.) был человек хороший во всех отношениях и очень любивший моего брата.

Он, в противность сказанного брату Сухозанетом, не получил никакого сообщения о брате, который сам рассказал ему о своем путешествии по Италии и его последствиях.

Как ни странно подобное преследование со стороны правительства, но нельзя не сказать, что оно отнеслось к брату милостивее той среды, которая составляет у нас общественное мнение. Весть о посещении братом короля Виктора-Эммануила разнеслась очень скоро по Петербургу. Его называли итальянским генералом, чуть ли не изменником, и придумывали ему всякого рода наказания. Расскажу об этом два следующих случая.

На танцовальном вечере в доме инженер генерал-майора (впоследствии действительного тайного советника) С. К. Кербедза он сказал мне, что несколько лиц, увидев меня на его вечере, рассказывали историю путешествия моего брата по Италии и о последовавшем ему

наказании, при чем, по обыкновению, рассказы этих господ не совсем между собою сходились, а потому он просил меня передать ему о том, как все происходило в действительности.

По пятницам были в то время вечера у министра финансов А. М. Княжевича. На одном из этих вечеров Иван Матвеевич Толстой (бывший впоследствии графом и министром почт), человек очень близкий к государю, рассказывал собравшимся около него лицам о поведении брата в Италии, за которое он отставлен от службы и сослан на жительство в какой-то отдаленный город, при чем Толстой указывал на излишнюю в этом случае доброту государя, полагая с своей стороны, что брат заслуживал более строгого наказания.

На это Княжевич объявил Толстому и собравшимся около него лицам, что поведение брата моего в Италии не заслуживает порицания, а потому он и не подвергался никакому взысканию. В доказательство же того, что брат мой продолжает служить и никуда не сослан, он подвел брата к Толстому и познакомил их.

В начале лета 1861 г. государь поехал на юг России и по дороге осматривал войска. В Туле стояла 11 дивизия, которою командовал генерал Семякин. К приезду государя в Тулу приехали только что назначенный новый командир 4 пехотного корпуса генерал-адъютант Сергей Дмитриевич Безобразов и брат мой. При смотре дивизии, государь находил все в ней дурно и, в виду того, что корпусный командир был недавно назначен, винил во всем начальника корпусного штаба, т. е. моего брата.

После смотра Безобразов спросил у брата, чему он приписывает явное к нему неблаговоление государя. Брат отвечал, что он это неблаговоление полагает последствием его путешествия по Италии. Безобразов, получив уверение брата, что нет другой причины к неудовольствию государя, сказал, что необходимо теперь же покончить с этим делом, потому что брату невозможно было оставаться начальником корпусного штаба при таком нерасположении к нему государя.

Вскоре Безобразов, пробыв несколько минут в кабинете государя, позвал к нему брата. Государь, при входе брата, подал ему руку, три раза поцеловал его и сказал:

— Кто старое вспомянет, тому глаз вон; только я никогда не забуду твоей усердной службы и тобою полученных ран.

В Орле государь смотрел другую дивизию того же корпуса, остался вполне ею доволен и благодарил, между прочими, моего брата. Поступок Безобразова был тем похвальнее, что он совсем не знал моего брата и, как новый корпусный командир, мог желать иметь другого начальника штаба из близко знакомых ему лиц.

Спустя несколько лет я рассказывал об этом похвальном поступке Безобразова вполне убежденному спириту, инженер генерал-майору Д. И. Журавскому, который отвечал мне, что брат мой отплатил Безобразову сторицею, научив последнего спиритизму, следовательно доставив ему душевное спасение, несравненно превосходящее всякие материальные услуги.

Между тем Безобразов, за упразднением в войсках звания корпусных командиров, проживавший в это время в Петербурге без занятий, предался спиритизму до умопомешательства, так что, по моему мнению, брат мой, изучивший спиритизм собственно из любознательности, научив ему Безобразова, оказал последнему очень дурную услугу.

Указ об освобождении крестьян из крепостного состояния 19 февраля 1861 г. был объявлен в Петербурге и Москве 5 марта, которое прошло как-то нерадостно: казалось, что великое дело не по силам предпринимавшим его.

В Москве войска были на ногах; ясно, что они должны были служить угрозою народу, но зачем же он стал бы бунтовать, когда и без бунта ему дали волю, а того, что ему дали не все то, на что он надеялся, он тогда еще не раскусил. Выказанное правительством опасение бунта или беспорядка от народа дало повод большей части живших в Москве помещиков опасаться того же.

В Москве было тихо: на улицах простонародья было немногим более обыкновенного и оно как-то мало разгуливало. Только вечером молодые люди, из сочувствовавших великому делу или желавших показать, что они ему сочувствуют, собрались по нескольким ресторанам, где некоторые из них, напившись вдоволь, братались с половыми. Когда на другой день узнали об этом, в Москве бранили их неприличное поведение и вместе подсмеивались над ними.

В Москве вскоре увидали, что манифест не ведет за собою ничего страшного. Только старые люди охали, что приходится отказаться от привычек, порожденных крепостным правом, и некоторые из дворян, а более из псевдодворян, втихомолку заявляли неудовольствие, что им при освобождении крестьян не даровано новых прав.

В некоторых домах были торжественные обеды по случаю манифеста. Я был на одном из них у откупщика, жившего в своем доме близ Ивановского монастыря, В. А. Кокорева (ныне Т. С. Морозова), которого первое нажитое богатство было тогда еще в полном блеске. За обедом тосты в похвалу простого русского народа были неистощимы. Все это очень не нравилось так называемому высшему в Москве обществу и строго критиковалось в говорильной (вральной) комнате московского английского клуба.

В Петербурге 5 марта 1861 г. провели так же, как и в Москве, в разных опасениях, к которым не было никакого повода. Говорили, что ближайшие к государю лица, князь Василий Андреевич Долгоруков, бывший в это время шефом жандармов, и граф Александр Владимирович Адлерберг, провели ночь перед этим днем в Зимнем дворце. *Вероятно опасались столь обычного в России дворцового мятежа*.

Конечно, между помещиками было много недовольных, но все обошлось совершенно спокойно. Только несколько членов государственного совета в общем собрании, бывшем под председательством государя, заявили свое мне-

ние против мер, выработанных редакционными комиссиями по освобождению крестьян. В числе недовольных, говоривших по этому случаю, был граф П. А. Клейнмихель, который, кажется ни прежде, ни после не говорил ни слова в государственном совете.

Понятно, что эти мнения не могли нисколько изменить намерения государя, но нельзя не удивляться его настойчивости привести к концу дело освобождения крестьян в виду того, что почти все его окружавшие этому делу несочувствовали. В продолжение 3½ лет, в которые обрабатывались положения о новом устройстве крестьянского быта, государь получал несколько обстоятельно составленных писем от весьма значительных лиц, ему угрожавших революцией, семена которой он сам сеет, но письма эти, из которых я сохранил одно весьма замечательное, не остановили его.

Однако надо полагать, что он истратил свои силы на этот великий подвиг, потому что со дня его совершения началась заметная реакция в управлении, и хотя впоследствии были даны новые суды и земские учреждения, но они были необходимым следствием крестьянской реформы. Конечно, лица, трудившиеся по делу об освобождении крестьян, получили разные награды, и в их числе В. К. Чевкин был награжден андреевскою лентою, но в то же время высшие лица министерства внутренних дел, на котором преимущественно лежала обязанность приведения в исполнение новых порядков, были заменены новым министром внутренних дел: на место Ланского был назначен Петр Алексан-

дрович Валуев (впоследствии министр государственных имуществ и потом председатель комитета министров), которого считали преданным пользам дворянства.

Вместе с Ланским был уволен, не получив никакого назначения, товарищ министра Николай Алексеевич Милютин, конечно, наиболее всех потрудившийся в деле освобождения крестьян[1]. Государь в то время, считая Милютина,

[1] Гр. Серг. Степ. Ланской (1787 — 1862), один из видных сторонников отмены крепостного права; главной заслугой его в этом деле было то, что он окружил себя деятельными и дельными помощниками. В молодости был масоном и участником тайных обществ, из которых вырос заговор декабристов. Николай Ал. Милютин (1818 — 1872), брат известного военного министра, виднейший участник крестьянской реформы 1861 г., один из умнейших госуд. деятелей при Александре II. Для сохранения владычества царя в Польше применял меры, которые считались недопустимыми для России с точки зрения интересов русского дворянства, — провел передачу всей пахатной земли крестьянам, ввел единый поземельный налог и т. п. См. еще ниже стр. 229. Любопытную характеристику обоих братьев Милютиных с точки зрения правящих кругов, особенно Н. А. Милютина, как руководителя русской политики в Польше, — дал Е. М. Феоктистов («За кулисами политики и литературы» Лен. 1929) в своем рассказе о приемах влияния гр. П. А. Шувалова (см. стр. 301 и др.) на Александра II: «Честолюбие Шувалова было безгранично, и он всячески старался оттеснить людей, которые могли бы быть опасными ему соперниками. Серьезная опасность угрожала ему со стороны братьев Милютимых: оба они, особенно младший из них Николай Алексеевич, слишком тесно связали свое имя с укрощением польского восстания, не стесняясь прибегать к мерам демократического характера для ослабления высших классов в Польше, достаточно явно стояли на стороне крестьян против помещиков во всем, что касалось крестьянского

что называлось, «красным», его не любил, а большая часть дворян его ненавидели. Он оставался без дела до того времени, пока не был призван в начальники гражданского управления в царстве Польском, где также успел устроить быт крестьян. По упразднении последнего места, он был назначен главноуправляющим канцеляриею государя по делам царства Польского и состоял членом высших государственных учреждений.

Постоянные труды, а еще более нравственные неудовольствия, которые ему пришлось испытывать вследствие наступившей по всем отраслям управления реакции, довели его до нервического удара, который лишил его памяти. Долгое пребывание за границею не улучшило его положения: он переехал в Москву, где и скончался в начале 1872 г.

Непосредственным следствием освобождения крестьян относительно собственно моих денежных обстоятельств было неполучение мною с января 1861 г. оброчных денег из имения жены моей, что меня поставило в затруднительное положение. Крестьяне жены моей, услыхав от некоторых молодых «красных» соседей-помещиков о скорой воле, полагали, что оброка более платить не следует, а впоследствии, подстрекаемые теми же помещиками, сделавшимися мировыми посредниками, продолжали не платить оброка в продолжение 2½ лет.

вопроса, чтобы Шувалов не упускал случая выставлять их чуть не революционерами». Об Н. А. Милютине — см. ниже, стр. 229 и др. *С. Ш.*

В Москву с государем приехал новый министр внутренних дел Валуев. Бывший в это время в Москве нижегородский губернский предводитель дворянства Петр Дмитриевич Стремоухов, враждовавший против нижегородского губернатора генерал-лейтенанта Александра Николаевича Муравьева (декабриста), заявил нескольким дворянам Нижегородской губернии, и в их числе мне, что Валуев желает выслушать от нижегородских дворян их жалобы на губернатора, которого они считали главным виновником неплатежа крестьянами оброка и вообще их незаконных поступков.

К Валуеву собралось человек до десяти дворян. Между ними не было ни одного богатого или чиновного и вообще по чему-либо замечательного. Валуев, посадив нас около своего кресла, произнес длинную блестящую речь, в которой заявил между прочим, что должность его требует равного внимания к дворянскому и крестьянскому сословиям, но что, конечно, сердце его лежит к первому, так как он сам дворянин и потомок одной из самых старых русских дворянских фамилий, уже известной в XII столетии (?).

Уверенный, что мы удовлетворены блестящею трескотнею его речи, Валуев встал и хотел с нами прощаться. Меня взбесила бесцеремонность Валуева. Я, не принимая его руки, которую он подавал для прощания, сказал ему, что по словам Стремоухова мы были созваны для изложения наших жалоб и потому я заявляю Валуеву, что в последние 5 месяцев не получал ни копейки оброка с нижегородского имения жены

моей, тогда как прежде получал его аккуратно, что, находясь на службе в Москве, я не знаю причины этого неплатежа, но что мои соседи помещики обвиняют в этом мировых посредников, выбранных в наш околоток губернатором.

Стоило только мне начать говорить, как у всех развязались языки; потекли жалобы и на крестьян, не идущих на установленные законом работы, не платящих оброков и вырубающих помещичьи леса, и на мировых посредников, допускающих эти беспорядки, и на губернатора, покровительствующего незаконным действиям крестьян. Многое из объясненного некоторыми из дворян трудно было понять. Валуев отделался тем, что он совершенно нов в министерстве и что ему необходимо несколько время осмотреться.

Стремоухов находил, что наше посещение Валуева было очень удачно, так как не мог же он, основываясь на нашем неудовольствии против губернатора, заявить, что последний будет сменен. Действительно, через три месяца Муравьев был назначен сенатором, что очень было по сердцу Стремоухову, который успел так угодить Валуеву, что вскоре был назначен, несмотря на свой небольшой чин, рязанским губернатором с производством в статские советники.

Он был дурным губернатором и не долго. Потеряв губернаторскую должность, он не получил никакого места и пошел на службу к железнодорожному концессионеру С. С. Полякову. Впоследствии он состоял членом совета министра внутренних дел, главного управления по делам печати и военно-тюремного комитета и вместе с тем директором правления железных дорог,

которых учредителем был Поляков, владелец наибольшего количества акций этих дорог.

1-го июля, день рождения императрицы Александры Феодоровны, праздновали в московском воспитательном доме особым торжеством, к которому приглашались находящиеся в Москве высшие чины. В 1861 г. председатель государственного совета граф Дмитрий Николаевич Блудов проводил летние месяцы в Москве в Александринском дворце. Встретив меня на означенном торжестве, он вспомнил о поэте Дельвиге, пожалел о его ранней смерти, при чем обвинял его в напечатании в издававшейся им «Литературной газете» четырех стихов Казимира Делавиня, после чего Дельвиг вскоре умер.

Я выразил Блудову мое удивление, что он признает Дельвига виновным, и что я за ним не признаю ни малейшей вины.

Блудов, несколько десятков лет бывший очень близким ко двору, был до того пропитан его духом, что в продолжение 30 лет, истекших после упомянутого происшествия, в его голове составилось новое понятие об этом происшествии, совершенно противоположное тому, которое он выражал за 30 лет.

Многие либеральные люди, и даже славянофилы, относились к нему с особым уважением, но я не мог понять этого чувства с их стороны к человеку, написавшему донесение следственной комиссии о декабристах с явным направлением усилить их вину, о чем декабрист Николай Иванович Тургенев заявляет в изданном им в 1847 г. описании тогдашних заговоров и дру-

гие современники, конечно, упомянут в своих записках.

Я часто встречал Блудова у графа П. А. Клейнмихеля. Мне казалось, что, несмотря на высокое положение, он заискивал у последнего, бывшего тогда в силе у императора Николая, а это не могло мне нравиться, но может быть я слишком много требую от человека, проведшего всю жизнь при дворе [1].

В бытность мою в Петербурге, в конце июня 1861 г., Чевкин объявил, что намерен дать мне новое назначение в Петербурге и что он недели через две вызовет меня и тогда переговорит со мною об этом. Из его слов я понял, что он еще не решился, и потому не спросил его, какое назначение предполагает он дать мне, хотя это меня очень занимало.

Три недели спустя по возвращении моем в Москву, я получил сообщение от Чевкина, что он докладывал государю о назначении меня главным инспектором частных железных дорог

[1] Дм. Ник. Блудов в царствование Александра первого проявлял либеральный образ мыслей и был близок со многими членами тайных обществ; особенно был он дружен по литературному обществу «Арзамас» с братьями Тургеневыми, из которых Николай Иванович был деятельным участником заговора декабристов. Во время следствия по делу декабристов Блудов старался заслужить прощение Николая первого усердным подбором обвинительных пунктов против членов тайных обществ и сумел понравиться новому императору, при котором делал хорошую административную карьеру, выявляя себе убежденным реакционером. При Александре втором Блудов, в соответствии с духом времени, снова стал говорить либеральные фразы и действовал в пользу крестьянской реформы. *С. Ш.*

и что через неделю я получу высочайший приказ об этом и немедля по его получении должен прибыть в Петербург.

Приказ этот был мною получен в конце июля, и я 1-го августа был уже в Петербурге и вступил в означенную должность.

Русскому читателю, конечно, любопытнее всяких воспоминаний этого времени сведения о польском мятеже в начале 1860 годов, его причинах и последствиях, но так как многое из этого уже описано с большими подробностями, напр., в записках Берга, печатавшихся в «Русском архиве» и вышедших особою книгою, то я буду упоминать только о тех происшествиях, которые имели влияние на мои служебные занятия [1]. Не могу удержаться однако же, чтобы не высказать, что, вспоминая о тогдашних распоряжениях русского правительства в отношении к царству Польскому и о действиях князя Горчакова и впоследствии графа Ламберта в Варшаве, волосы становятся дыбом у каждого

[1] Ник. Вас. Берг (1824 — 1884), писатель, поэт, лектор Варшавского ун-та (с 1868 г. до смерти), автор «Записок об осаде Севастополя» (1858 г.) и «Записок о польских заговорах и восстаниях» (1873 г,); последние считаются в литературе достаточно объективными, нося, однако, на себе печать принадлежности их автора к той группе немцев, которые, подобно Дельвигу, старались выказать свою особенную любовь ко всему русскому и в «споре славян между собою» проповедывали т. н. великорусский патриотизм. Берг много переводил из славянских поэтов и издал лучший перевод «Пана Тадеуша» А. Мицкевича, непревзойденный до сих пор, ввиду его близости к подлиннику и изящества стиха. *С. Ш.*

истинного русского от унижения, до которого было ими доведено русское значение в Польше.

К сожалению, и в России в то же время начали проявляться разные беспорядки, но по совершенно противоположной причине. В Польше аристократия опасалась крестьянской реформы и была поддерживаема помещиками наших западных губерний, на которые распространялся манифест 19 февраля 1861 г.; в России же была недовольна реакциею, начавшеюся с этого времени, — известная партия, впрочем весьма немногочисленная, не имевшая никакого значения: она находила великое дело реформы недостаточным.

Мой старый хороший знакомый генерал-лейтенант Григорий Иванович Филипсон в июле 1861 г. проехал через Москву в Петербург. Последнее время он состоял начальником главного штаба Кавказской армии и, по нежеланию оставаться долее на Кавказе, был назначен членом военного совета. Приехав в Петербург недели на две позже Филипсона, я от него узнал что, пользуясь пребыванием в Петербурге кавказского наместника и главнокомандующего кавказскою армиею, он испросил себе назначение в сенаторы, с увольнением от звания члена военного совета, так как он не хотел состоять в зависимости от Д. А. Милютина, с которым находился не в хороших отношениях на Кавказе, — и увеличение содержания до 10 тыс. руб. в год, согласно обещанию, данному ему Барятинским при увольнении его с Кавказа.

Передавая мне это, Филипсон говорил, что он совершенно доволен своим положением и

не желает более никакого служебного назначения. Я ему возражал, что, напротив, желательно, чтобы он, при крепком его здоровье, был назначен на более деятельное поприще, на котором он мог бы с пользою употреблять свои познания и опытность. Он отговаривался, но жена его сильно меня поддерживала.

На другой день Филипсон объявил мне, что мое желание исполнилось, что вскоре по моем уходе зашел к нему граф Ефим Васильевич Путятин (министр народного просвещения, генерал-адъютант, адмирал), которого он вовсе не знал, с предложением поступить в попечители с.-петербургского учебного округа, и что он, полагая на этом месте быть полезным вообще, а так же своим детям, принял предложение Путятина. Я заметил Филипсону, что мое желание было видеть его на каком-либо высоком военном посту, а не в учебном ведомстве, тем более, что то время было весьма трудное для руководства молодежью и что ему, по причине продолжительной его службы на Кавказе, неизвестны порядки учебного ведомства, а потому я предлагал ему отказаться от должности попечителя.

Но Филипсон возразил, что, по случаю выезда государя в этот же день в путешествие, доклад об его назначении, вероятно, уже утвержден. Впоследствии я постоянно был очень близок с Филипсоном и его семейством, которое состояло из жены и семерых детей, а состояние его было весьма ограниченное. В то время, когда начали раздавать кавказские земли служившим на Кавказе, он только по моему настоянию решился

просить военного министра Д. А. Милютина ходатайствовать о пожаловании ему земель. Ему дали 6.000 десятин, которые он сдал в аренду на первые 5 лет за 3.000 тыс. руб. в год, а с 1874 г. на 12 лет за 6.000 руб. На бывший у него небольшой капитал, он, по моему совету, купил 30 акций русского общества пароходства и торговли (черноморские), которых ценность со времени сделанной им покупки удвоилась.

Студенты русских университетов после 1856 г. получили разные льготы, дававшие им по разным частям некоторое самоуправление. Реакция в правительственных сферах, начавшаяся с начала 1861 г., находила нужным уничтожить означенные льготы и подчинить студентов довольно строгим правилам, которые были составлены под руководством Путятина.

Каждый студент должен был получить экземпляр этих правил, под названием матрикулы, и дать письменное обязательство в том, что он будет им следовать. Филипсон присутствовал при молебне в университете перед начатием курса. Это была его первая встреча с массою студентов, которым он при этом случае ничего не сказал. Студенты выказывали, без особых демонстраций, свое неудовольствие тем, что попечителем назначен военный кавказец, и хотя Филипсон носил мундир генерального штаба, но они его называли казаком, вероятно, зная, что он был некогда наказным атаманом черноморских казаков.

Студенты, не соглашаясь давать требуемых от них письменных обязательств, не получали матрикул и следовательно права слушать лекции.

В конце сентября они, собравшись все вместе, отправились гурьбою из университета, находящегося на Васильевском острове, по Невскому проспекту к квартире попечителя, жившего близ Владимирской церкви на Колокольной улице.

Подойдя к квартире Филипсона, они требовали его выхода к ним. Его не было дома. Приход студентов перепугал его жену. Я не буду подробно описывать этого происшествия и его последствий; вероятно, их описание появится в записках современников. Скажу только, что когда после означенного происшествия студенты пришли в университет для слушания лекций и, найдя двери его запертыми, начали шуметь, то многие из них были арестованы, при чем присланные для соблюдения порядка войска били их ружейными прикладами. Многие из студентов, поняв, что они имели в Филипсоне прямого своего защитника и что матрикулы были составлены без его ведома, обращались к нему с просьбою о защите; они, чтобы не быть замеченными, приходили поздно вечером.

Но Филипсон, не имея никакого знакомства между сильными сего мира, не мог им помочь ничем, кроме утешительного слова. Этим бунтом студентов (как его тогда называли) немедля занялся комитет, управлявший Россиею во время отсутствия государя из Петербурга. Филипсон, призванный в этот комитет для объяснений, был очень недоволен жестоким отношением его членов к учащейся молодежи, но так как они почти все были ему незнакомы, то он и

не знал, как и на кого подействовать для ее защиты. Ему очень не понравилось мнение сидевшего подле него генерала, величая которого «вашим высокопревосходительством», он спросил одного из знакомых ему членов, зачем генерала такого-то посадили в комитет, и получил ответ, что лицо, к которому он обращался с своими замечаниями, был принц Петр Ольденбургский.

Вскоре С.-Петербургский университет был закрыт несколько времени, а Филипсон в начале 1862 г. уволен от должности попечителя учебного округа. Граф Путятин оставил должность министра народного просвещения еще в конце 1861 г. и на его место был назначен Александр Васильевич Головнин. С того времени Филипсон присутствует в департаменте герольдии, не занимая никакой другой должности.

По поводу высылки войск против шумевших студентов граф П. А. Клейнмихель мне сказал:

— Вот до чего дошло правительство, до необходимости употреблять ружья против мальчишек; в мое время в этом не было надобности; идешь или едешь бывало по улицам, не только студенты, но все встречавшиеся дрожали.

К сожалению, беспорядки произошли и в Московском университете, студенты которого собрались на площади генерал-губернаторского дома, от которого они были отогнаны полициею, преследовавшею их по улицам. Рассказывают, что при этом полицейские чины некоторых из студентов били [1].

[1] Известный профессор государственного права Б. Н. Чичерин в своих воспоминаниях описывает сту-

В моей поездке в коляске до Нижнего-Новгорода меня сопровождал Казначеев и директор по устройству железной дороги французский инженер Помье, имевший свой экипаж, но поместившийся на козлах моей коляски. В нескольких верстах от Владимира строился мост на р. Нерли. На этой работе узнал я, что Помье бьет русских рабочих, ударяя их ногою под живот между ногами. Самые ничтожные французы, присматривавшие за работами, били рабочих, и когда подрядчик Андрей Никитин, владимирский городской голова, имевший высшую золотую медаль на шее, именно на андреевской ленте, хотел удержать одного из них от

денческое движение 1861 года в Москве и Петербурге, как результат социалистической пропаганды Н. Г. Чернышевского и других тогдашних революционных писателей. О Филипсоне Чичерин пишет, что его обвинили в том, что его объяснения со студентами имели вид извинений. О Путятине тот же автор сообщает: «Вместо слабого Ковалевского министром назначен был граф Путятин, адмирал, вовсе незнакомый с университетами, человек честный, но ограниченный, крутой и упорный. Чтобы остановить наплыв в университет демократических элементов, отменено было освобождение бедных от платы за слушание лекций. Нельзя было придумать ничего более неловкого. Приняли ряд мелочно стеснительных мер. Путятин просто туп и вдобавок упрям». Между прочим, Путятин замышлял передачу народных школ в ведение духовенства. Многие свидетели сообщают, что при подавлении так наз. студенческих беспорядков полиция и дворники били студентов. При этом было арестовано несколько офицеров, выражавших сочувствие студентам. Подробности в «Воспоминаниях» Н. В. Шелгунова, под ред. А. А. Шилова, Лен. 1923; см. еще «Воспоминания» А. П. Керн, под ред. Ю. Н. Верховского, изд. «Academia», Лен. 1929. *С. Ш.*

побоев, то последний ударил и Никитина. Кто-то при моем осмотре работ моста на Нерли спросил у каменщика, зачем он не отплатил Помье за побои побоями же, он отвечал, что не смел быть генерала, да еще французского. Помье носил в дороге красные штаны, которые тогда в России носили только одни генералы при парадной форме, а потому его и считали генералом.

Дело, начатое Никитиным о побоях, ему причиненных французом-пикером, было прекращено во исполнение желания бывшего тогда французским послом герцога Монтебелло.

Варшавы я не видал с 1849 года. Я нашел в ней (1862 г.) какую-то мертвенность, но эта тишина видимо предвещала бурю. Временным наместником царства Польского и главнокомандующим в нем войсками был генерал-адъютант граф Лидерс. В это время русское правительство, несмотря на разные злобные демонстрации аристократии, шляхты и среднего сословия против России и ее местных в Польше администраторов, склонялось все более и более к дарованию новых льгот царству Польскому.

По мысли маркиза Гонзаго графа Велепольского, никогда нигде не служившего и вдруг пожалованного в действительные тайные советники и каким-то высшим русским орденом, предположено было управление царства Польского совершенно отделить от управления империи с тем, чтобы царство было соединено с Россией только в лице императора и царя. Великий князь Константин Николаевич назначен

был наместником царства, а Велепольский главным начальником гражданского управления, в котором все чиновники должны были быть поляки, и ничтожное число бывших в царстве русских гражданских чиновников были уволены. При этом бывший варшавский округ путей сообщения был переименован в управление путей сообщения в царстве и начальником этого управления и вместе членом совета царства назначен был инженер путей сообщения генерал-майор Кербедз, который вместе с тем оставался и членом совета главного общества.

В Москве были мне очень рады все деятели Московско-ярославской железной дороги, и в особенности Чижов и Богомолец, и многие члены английского клуба и в их главе Головкин и Лонгинов, так называемые президент и вице-президент вральной комнаты московского английского клуба, в которой в это время много говорили о польском движении. Московское общество, в особенности члены его, недовольные освобождением крестьян, относились благоприятно к польскому движению. От людей вполне русских и умных, и между прочим от Головкина, я слышал, что не следует нам удерживать Польши, так как невозможно столицу Польши и весь край, населенный поляками, удерживать вечно под угрозою пушек. Это расположение Москвы, а может быть и всей России, к полякам продолжалось до 1863 г., когда другие европейские державы выступили с дипломатическими нотами в пользу поляков, а последние заговорили о присоединении к Польше наших западных губерний, в которых крестьянское население

русское. Только после этого Москва, а за ней и вся Россия, отнеслась к польскому делу, как следовало.

Перед переездом нашим на дачу были частые пожары в Петербурге; бывало по шести пожаров в день. В конце мая загорелся навес на дворе против нашей квартиры. Навес был далеко от печей и загорелся с крыши, что подтверждало подозрение о поджогах. В то же время был сильный пожар в Лештуковом переулке. Пожар против нашего дома усилился до того, что из него выносили на улицу имущество, а один из жильцов переехал в Стремянную улицу, но дом, в который он переместился, в тот же вечер сгорел, при чем пострадала его мебель. В первое воскресенье по переезде нашем в Павловск сгорели рынки, называемые Апраксиным и Щукиным дворами. Гостиный двор и Пажеский корпус были в сильной опасности: последний был спасен паровою пожарною трубою, которую, Чевкин, воротившийся во время пожара с своей дачи в Петергург, потребовал с Александровского механического завода от контрагента Уайнанса.

Этот пожар, кроме страшного разорения многих торговцев, имел самые горькие последствия для России. В поджоге были заподозрены поляки и учащаяся русская молодежь. Производились строжайшие следствия о причинах пожара, я не знаю, что по ним открыто. Известно только, что и после пожара правительство продолжало давать новыя льготы Польше, а в России усилило разные меры в духе уже начавшейся в прошлом году реакции.

В это же время получено было известие, что временный наместник в царстве Польском генерал-адъютант граф Лидерс опасно ранен пулею во время утренней прогулки близ заведения искусственных минеральных вод, устроенного в Саксонском саду в Варшаве, и что стрелявший скрылся. Беспорядки на улицах Варшавы и в других польских городах все усиливались и положение наших войск и большей части русских в Польше делалось с каждым днем более и более невыносимым.

По получении известия о ране, нанесенной Лидерсу, было сделано распоряжение о немедленном отъезде в Варшаву назначенного наместником в царстве Польском великого князя Константина Николаевича. Я передал Чевкину мое мнение о том, что правительству следовало бы принять в Польше строгие меры к предупреждению еще больших беспорядков, вредных и русским и полякам, а что назначение в царство наместником брата государя, которому не подобает быть исполнителем подобных мер, явно показывает, что правительство продолжает итти по скользкому пути дарования новых льгот Польше.

Чевкин вполне разделял мое мнение и сказал, что он все еще надеялся, что назначение великого князя наместником в царстве будет отменено, но что покушение на жизнь Лидерса побудило государя поспешить отправлением великого князя, о чем Чевкин очень сожалел, находя что присутствие его, полезное в Петербурге, не только бесполезно, но может быть и вредно в Варшаве.

Я должен был сопровождать великого князя по железной дороге.

Он перед отъездом из Павловска несколько раз призывал меня к себе для передачи разных распоряжений по его поездке. Он ехал с великою княгинею Александрою Иосифовною, дети же их должны были выехать несколько дней позже. Великий князь приказал мне иметь в поезде наименьшее число вагонов, так как багаж отсылался с особым поездом, а он отправлялся налегке, в виду незаконченности дороги между Вильною и Варшавою. Я однако же распорядился, чтобы в поезд было поставлено два багажных вагона. Багажа оказалось до того много, что, по их наполнении, пришлось им наполнить часть пассажирского вагона II класса.

Великий князь выехал с Александровской станции, что близ Царского села, где не было запасных вагонов, и если бы я его послушался, то половина привезенного на Александровскую станцию багажа не могла бы поместиться в нашем поезде. Великая княгиня была в это время беременна, а потому с нами ехал в Варшаву лейб-акушер Яков Яковлевич Шмидт, лечивший и мою жену. При великом князе ехал доктор Иосиф Игнатьевич Мяновский (тайный советник и совещательный член медицинского совета министерства внутренних дел), который занимал какую-то высшую медицинскую должность в Варшаве, Дмитрий Николаевич Набоков (статс-секретарь, управляющий канцелярием его величества по делам царства Польского) и адъютанты великого князя князь Ухтомский и Киреев.

Польскому царству полагалось дать полную автономию и удалить из него всех русских гражданских чиновников; исключение было сделано для одного Набокова[1]. Я просил оставить на службе родившегося в Варшаве и постоянно в ней служившего Есакова, сына товарища по лицею моего двоюродного брата барона А. А. Дельвига; но просьба моя в виду принципа, чтобы русские гражданские чиновники не служили в Польше, была тщетна. Поляки же оставались в большом количестве на русской службе, вредя России всеми способами.

Великий князь всю дорогу был очень весел, часто приходил в занимаемый мною и его свитою вагон, в котором вместе с нами курил, хвастался, что в короткое время выучился по-польски, говорил на этом языке с Мяновским, которого просил замечать, если он будет выражаться неправильно. В императорском поезде имелся особый вагон, называемый столовым; в него приглашали меня завтракать и обедать. Тут только, во время поездки в Варшаву, я видел великую княгиню.

На границе царства Польского встретили великого князя высшие чины царства и Велепольский, сын начальника гражданского управления в царстве. По приезде в Варшаву, наш поезд был встречен огромною толпою. В газетах было сказано, что она встретила великого

[1] При Александре III он был министром юстиции и действовал в реакционном духе. Сын его, Вл. Дм. Набоков — один из вождей кадетской партии, убит заграницей белогвардейским эмигрантом после октябрьской революции, от которой сам эмигрировал. *С. Ш.*

князя весьма сочувственно, но я этого не заметил. В Варшаве перед вагоном, в котором ехал великий князь, стояло множество высших чиновников и во главе их Велепольский, которого великий князь пригласил войти в вагон к великой княгине, а сам отправился к стоявшему близ поезда войску, приказав мне, по выходе Велепольского из вагона, впускать в него поодиночке высших лиц, желающих представиться великой княгине.

Это поручение было для меня очень затруднительно, так как я никого не знал из представлявшихся и очень был рад, когда великий князь возвратился и, сев с великою княгинею в коляску, уехал в Бельведерский дворец. В большей части домов Варшавы жалюзи или сторы на окошках были опущены.

На другой день было в Бельведерском дворце представление великому князю высших лиц духовного, военного и гражданского ведомств. Подле меня стоял незнакомый мне генерал-майор. Великий князь, сказав несколько слов разным лицам и в том числе мне, прошел молча мимо этого генерала, который вслед затем жаловался мне на невнимание к человеку, которому по его мнению, обязаны, что не возгорелся сильнейший бунт в Варшаве в бытность наместником князя Горчакова. Этот генерал был маркиз Паулучи, о подвигах которого я не упоминаю, так как они описаны в записках Н. В. Берга и других. Когда я завтракал на террасе Европейской гостиницы, проехал великий князь с великою княгиней. Я встал и приложил руку к фуражке, сидевшие же на той же тер-

расе поляки не привстали и не поклонились. Перед этим они обратили внимание, что два инженера, не заставшие меня в гостинице, являлись ко мне в полной форме, и потому видя, что я отдаю честь по военному уставу, не могли не знать, кто были проезжавшие.

Вечером в большом театре ожидали великого князя и великую княгиню, но последняя не приехала. Великий князь, пробыв недолго в театре, вышел. Когда он садился в экипаж, он был ранен пулею в плечо. Адъютант графа Лидерса Бремзен задержал стрелявшего. Жандармский полковник Житков немедля сообщил мне о случившемся, с присовокуплением, что раненый великий князь вошел обратно в театр для перевязки раны. Я поехал в Бельведерский дворец узнать о последствиях, но великий князь еще не возвращался, и видно было, что во дворце ничего не знают о случившемся.

Свита великого князя помещалась в здании, называемом «померанцарнею». Приехав в это здание, я узнал, что из свиты великого князя только один Чичерин, управлявший его конторою, дома и что он лег спать. Я приказал его разбудить и доложить, что я имею крайнюю надобность его видеть. Чичерин, лежа в постели в комнате, соседней с тою, в которой я находился, заявил, что он очень утомлен и принять меня не может.

Вследствие моего настояния, он вышел ко мне в халате и очень испугался, выслушав рассказ о происшествии, о котором, по моим соображениям, в Бельведерском дворце никто ничего не слыхал. Чтобы узнать, что делается с вели-

ким князем, я поехал в театр, но по дороге встретил его в карете, окруженной значительным конным конвоем. Не возвращаясь во дворец, я поехал в Европейскую гостиницу сказать сопровождавшему меня инженеру Зальману, чтобы он не отлучался из гостиницы. Пока его отыскивали, я зашел к жившему в той же гостинице Верещагину, адъютанту графа Лидерса, бывшему прежде адъютантом моего брата Николая, когда последний состоял начальником штаба 4-го корпуса.

Верещагин лежал больной в постели, у которой сидел какой-то поляк. Они еще ничего не знали о случившемся. Услыхав мой рассказ, поляк жалобным тоном произнес, что стрелявший в великого князя, конечно, был русский, что великий князь, столь сочувственно (по его словам, ничем не оправдывавшимся) принятый в Варшаве, конечно, привез новые льготы для Польши, а русские прислали убийцу в Варшаву, чтобы остановить их объявление. Сколько я ни уверял поляка в том, что его предположение нелепо, он остался при своем.

По отыскании Зальмана, я снова поехал в Бельведерский дворец, где адъютант великого князя, князь Ухтомский, сказал мне, что великий князь телеграфировал о случившемся государю и пишет теперь ему письмо. Ухтомский должен был отвезти это письмо и для этого выехал на другой день не позже 8 часов утра. Правильных поездов по железной дороге еще не было. Достройкою дороги и движением по ней заведывал С. В. Кербедз. При проезде великого князя через Гродно, гродненский вице-губернатор князь

Юрий Александрович Оболенский (ныне член совета министра финансов) просил меня взять его с собою в поезд с условием доставить обратно в Гродно по железной же дороге.

Не зная, к какому часу возможно будет устроить выезд из Варшавы, я, взяв с собою Оболенского и Зальмана, отправился к Кербедзу. Было около часу ночи. В это время в Варшаве вспыхнул пожар, который еще более усилил опасения за спокойствие в городе. Кербедз, по обыкновению своему, еще не ложился спать. Он жил в доме, где помещалось управление путями сообщения в царстве (ныне правление XI округа путей сообщения). Я выслал Зальмана сказать Кербедзу, что имею ему передать приказание великого князя, для чего просил его выйти ко мне на одну минуту.

Кербедз, выйдя на балкон, упросил меня и приехавших со мною Оболенского и Зальмана зайти к нему. Он ничего не знал о происшествии в театре и, по выслушании моего рассказа, тем же жалобным тоном, как и поляк, которого я видел у Верещагина, утверждал, что стрелявший по великому князю, конечно, не поляк, а русский, которого русские подослали, чтобы лишить Польшу тех льгот, которые она уже получила и еще ожидала. Несмотря на то, что я изъявил удивление, что умный человек, проведший несколько десятков лет в Петербурге на государственной службе, делает такое нелепое предположение, Кербедз упорно настаивал на нем.

Перед отъездом я заметил Кербедзу, что, после моего проезда в марте по С.-Петербурго-вар-

шавской железной дороге, на ней ничего не было сделано для открытия правильного движения, и убедительно просил не тормозить дела, а спешить работами для возможно скорейшего открытия дороги.

Кербедз, плохой администратор вообще, торгуясь из-за каждой копейки, пропустил лучшее время для производства работ. Впрочем, может быть, сознавая важность сообщения С.-Петербурга с Варшавою по железной дороге в случае мятежа в Польше, он с намерением не допускал никаких работ по этой дороге, на что все местные их распорядители мне жаловались. Кербедз уверял меня, что в Польше не может ни под каким видом вспыхнуть общее восстание, а тем менее вооруженное, что могут произойти местные беспорядки и то незначительные. Едва ли не был он убежден в противном тому, в чем хотел меня уверить.

Не выезжая еще из царства Польского, я встретил поезд, в котором следовали дети великого князя Константина Николаевича и наставница его детей девица Распопова. Она с крайним удивлением и испугом выслушала мой рассказ о выстреле в великого князя, о чем она и никто в поезде ничего не знали.

На обратном пути из Варшавы, Зальман, в присутствии ехавшего с нами Ю. А. Оболенского, заявил, что если России так трудно справляться с Польшею, то зачем ее удерживать? Я возразил, что кроме других причин, побуждающих сохранить соединение России с Польшею, последняя, в случае отделения, старалась бы привлечь к себе наши западные

губернии, в которых только большая часть высшего сословия польского происхождения, а большинство населения состоит из русских, что, конечно, Польша не успела бы в этом, но тем не менее она могла бы возбуждать беспрерывные смуты в означенных губерниях, усмирение которых стоило бы и крови и денег и которые ставили бы русское правительство в затруднительное положение.

Оболенский в Гродно пригласил нас к обеду, перед которым познакомил меня с своею женою и десятью польскими дворянами Гродненской губернии. Когда все сели за стол, Оболенский передал вышеприведенный разговор об отделении Польши от России, хотя подобных вещей, высказываемых в интимном обществе, не следовало, и особенно русскому вице-губернатору, передавать полякам. К этому он еще присовокупил свое мнение, которого не выражал в вагоне мне и Зальману, что при отделении Польши от России, конечно, наши западные губернии должны отойти к Польше, что иначе, по его мнению, и быть не может. Вот каких администраторов назначало русское правительств в край, которого высшее сословие было готово возмутиться против него.

Ехавший со мною князь Ухтомский уверял меня, что решено уволить Чевкина от должности главноуправляющего путями сообщения, на каковую будет назначен шурин Ухтомского, Самуил Алексеевич Грейг (впоследствии государственный контролер и генерал-адъютант), и что Грейг примет эту должность только с условием, чтобы я назначен был товарищем главноуправляющего.

В бытность мою в Варшаве, я каждый раз бывал у старого моего знакомого Алексея Петровича Мельникова, который, пробыв долго в чине генерал-лейтенанта генерал-интендантом действующей армии, а впоследствии комендантом г. Варшавы, в 1861 г., после бывших в Варшаве уличных беспорядков, для прекращения которых действовал вяло, вышел в оставку. Он жил в собственном доме, которого окна выходили в известный общественный сад Красинского. Жена его была весьма красивая женщина, высокая, стройная, с белокурыми волосами, какие редко можно встретить. Убранство комнат, в которых они помещались, было роскошно. Красота жены А. П. Мельникова и роскошь в комнатах напоминали мне фразу П. П. Мельникова, которую он сказал, когда я в первый раз увидал в его кабинете портрет его брата Алексея Петровича и жены последнего:

— Вы засмотрелись на портрет этой красавицы; мой братец, ваш старый приятель, вздумал на старости жениться на молодой красавице, которая, конечно, вышла за него замуж не для него, а из-за его состояния, которое он нажил тем, что дурно кормил и одевал бедных солдат. Дурная эта нажива, а всем известно, что у нас с братом родового состояния быть не могло.

Подобные фразы не мешали однако же братьям оставаться в хороших отношениях.

Императрица постоянно последнее время проводила лето за границей. Польские смуты удерживали императорскую фамилию в России. Наши прибалтийские немцы воспользовались

этим, чтобы выказать ей свою преданность: под их влиянием, медики назначили летнее пребывание императрицы в Дуббельне. Эти русские немцы, нерасположенные к России, всегда изощрялись в выказывании своей преданности к царскому дому. Убежденные в том, что Петром великим даны им особые права, которых не имеют другие русские подданные, в чем они впрочем ошибаются, высшие сословия трех прибалтийских губерний опасаются распространения на них всех новых мер правительства, принимаемых во всей остальной империи. В особенности в настоящее время реформ по всем частям управления они более чем когда-либо опасались распространения на них реформ по крестьянскому вопросу, земским учреждениям и по введению в делопроизводство русского языка в правительственных местных учреждениях, чему реформа по судебной части могла бы сильно содействовать.

Крестьяне в этих губерниях, латыши и эсты, были освобождены от крепостной зависимости еще в начале XIX столетия, но так как они не были наделены землею и помещики пользовались на своих землях полицейскою и судебною властию и, сверх того, по выборам занимали все судебные и полицейские места в этих губерниях, то положение освобожденных крестьян сделалось хуже прежнего. Помещики опасались, чтобы в этих губерниях не ввели правил о наделе крестьян землею, постановленных для других русских губерний манифестом от 19 февраля 1861 г. Введение новых судебных уставов лишило бы местных помещиков права творить

суд над несчастными крестьянами, а введение земских учреждений поставило бы их на равную ногу с сими последними, чего они, созданные, по их убеждениям, из другой кости, допустить не могут.

Новые судебные места были бы подведомственны кассационным департаментам сената в Петербурге. В настоящее время местные правительственные учреждения подчинены сенату, но многие из немцев надеялись, что с предстоящим уничтожением департаментов сената, представлявших при прежнем порядке высшую судебную инстанцию, они, сохранив в своих губерниях старый судебный порядок, добьются учреждения особого сената в Риге для трех прибалтийских губерний. Введение же русского языка в делопроизводство местных правительственных учреждений, которое было постановлено еще императором Николаем, но осталось без исполнения, могло бы повести к обрусению латышей и эстов, которых они всеми средствами старались онемечить.

Прибалтийские немцы надеялись во время посещения государя и государыни добиться, чтобы означенные реформы вовсе не были на их край распространены, или по крайней мере отсрочены на неопределенное время. Множество прибалтийских дворян, занимающих высшие должности во всех частях управления, в особенности в придворной службе, к которой они несомненно пригоднее русских, поддерживали этот особого рода сепаратизм.

По получении приказания о поездке государя и государыни с младшими детьми в Ригу, меня

неоднократно посещал какой-то барон Икскуль. Ему лифляндское дворянство поручило приготовления в Петербурге к празднику, который оно назначило дать государю в замке Кокенгаузене, близ станции того же имени на Риго-динабургской железной дороге. Икскуль надоел мне своими рассказами о приготовлениях к празднику и в особенности о принимаемых им предосторожностях для благополучного проезда императорской фамилии.

Смуты в царстве Польском и в смежных с ними губерниях, огромные пожары, которые приписывались поджогам, и незначительные беспорядки в нескольких местностях России, которым старались придать важное значение, распространили в публике сильную панику. Опасались злоумышления против жизни государя. Икскуль неоднократно выражал мне опасение, чтобы провизия, изготовляемая для праздника в Кокенгаузене, не была отравлена, и рассказывал о принятых им мерах к тому, чтобы этого не могло случиться.

Состоя 11 месяцев главным инспектором частных железных дорог, я еще ни разу не сопровождал поезда государя, так как при поездках его в Царское село и в Петергоф его сопровождал инспектор этих дорог.

С государем, из старших лиц ехал Чевкин, князь Василий Андреевич Долгорукий, бывший тогда шефом жандармов, и граф А. В. Адлерберг. Из дам, сопровождавших императрицу, обратила мое особое внимание фрейлина княжна Долгорукова, известная тогда под названием «la grande demoiselle», вышедшая впоследствии

замуж за генерал-адъютанта Петра Павловича Альбединского. Она была высокая и стройная женщина, но лицом не была очень красива: выражение лица показалось мне неприветливым [1].

Чевкин сказал мне, что он опасается ехать в Ригу с государем, которому, конечно, немцы представят разные проекты по устройству крестьян, а государь передаст их Чевкину для рассмотрения, но с предварением, что проекты эти ему кажутся одобрительными, и будет трудно одному лицу противиться его воле. Если же при государе не будет лица, которому он мог бы поручить рассмотрение подобных проектов, то они будут пересланы в Петербург и рассмотрены в подлежащем учреждении до заявления о том, что они одобряются государем.

По возвращении моем на Кокенгаузенский праздник, государь спросил меня, уехал ли Чевкин и, получив утвердительный ответ, сказал, что Чевкин очень упрям и не едет в Ригу потому, что не любит немцев.

По приезде Чевкина (в Петербург, в конце 1862 г.) я доложил ему несколько бумаг и мои

[1] Это Александра Сергеевна Долгорукая, фаворитка Александра второго, однофамилица другой его фаворитки и впоследствии жены, Ек. Мих. Долгорукой. Александру Долгорукую царь сбыл генералу Альбединскому, который в награду за согласие жениться на ней получил выгодные и дорого оплачиваемые должности генерал-губернатора в Риге, Вильне и Варшаве. И. С. Тургенев вывел их обоих в «Дыме» — Альбединского под именем генерала Ратмирова, жену под именем Ирины. О них интересные подробности в Воспоминаниях Е. М. Феоктистова, ред. Ю. Г. Оксмана, Лен. 1929. *С. Ш.*

по ним заключения. Чевкин, видимо, не слушал меня, потому что, против обыкновения, не сделал ни одного замечания и киванием головы показывал согласие на все мои заключения. Бумаг было немного и они не представляли важности, а потому я скоро окончил мой доклад и, видя, что Чевкин чем-то очень занят, хотел уйти. Чевкин однакоже удержал меня и выразил удивление, что я так скоро его оставляю, ничего не сказав о беспорядках, происходивших за два дня перед этим в институте инженеров путей сообщения.

Я ему отвечал, что я ничего о них не слыхал. Это его еще более удивило, и он мне рассказал следующее.

В предшествовавший вторник, утром, воспитанники института, который был тогда закрытым заведением, заявили директору инженер генерал-майору Владимиру Петровичу Соболевскому, очень неровному в обращении с воспитанниками, что они не желают, чтобы он долее оставался директором. Соболевский, испуганный этим заявлением, прибежал просить помощи Чевкина, рассказав все происшедшее, конечно, с преувеличениями, так как у страха глаза велики.

Принятые меры к водворению порядка в институте не подействовали, и потому Чевкин нашел нужным в среду утром лично усовещевать собранных в рекреационную залу воспитанников, чтобы они испросили прощение у Соболевского, угрожая в противном случае довести об их поступке и непослушании до сведения государя, но все было тщетно,

В подговоре сделать упомянутое заявление директору были заподозрены преимущественно воспитанники старшего класса, которые через несколько месяцев должны были быть произведены в инженер-поручики. Получив в четверг утром сведение, что воспитанники не исполнили его приказания об испрошении прощения у Соболевского, Чевкин доложил о происходившем государю, который передал это дело на обсуждение собранного в этот день, под председательством государя, совета министров.

Совет положил, в особенности по настоянию, как заверил меня Чевкин, военного министра Д. А. Милютина, исключить из института всех воспитанников и набрать новых. Мысль о приведении в исполнение этого высочайшего повеления привела Чевкина в совершенное расстройство: у него показывались слезы. В заключение Чевкин просил меня изложить мое мнение по всему этому делу и сказать, что я сделал бы, будучи на его месте.

Я отвечал, что, по моему мнению, из мухи сделали слона; что не следовало придавать важности поступку воспитанников, чтобы они и в самом деле не вздумали, что начальство придает им какое-либо значение; что так как воспитанники старших классов большею частию 20-летнего возраста, то я не сомневаюсь в том, что действуя на них убеждением и только в крайнем случае строгостью, можно достигнуть с их стороны совершенной покорности. Я находил, что едва ли подобное происшествие заслуживало того, чтобы главноуправляющий лично в него вмешался, и не одобрял того, что

Чевкин угрожал воспитанникам донести о происшедшем государю.

Чевкин придавал особое значение воспитанникам, тогда как они должны видеть в главноуправляющем своего главного начальника, от которого вполне зависят. Главноуправляющий может находить нужным доводить до сведения государя об их поступках, но им сообщать об этом не было надобности. О случившемся в институте следовало доложить государю для его сведения, а не с целью получить его решение о том, что делать с непослушными воспитанниками.

Очень понятно, что, вследствие доклада Чевкина, государь перенес рассмотрение дела в совет министров, но я не мог понять, почему совет решился на такую чрезвычайную меру и в особенности, как мог ее предложить и на ней настаивать Д. А. Милютин. Меру эту я находил крайне несправедливою, невыгодною для правительства и даже в некоторой степени опасною. Несправедлива она потому, что истинно виновных между воспитанниками гораздо менее, чем таких, которые пристали к первым или из страха, или по духу товарищества; были, конечно, такие, которые вовсе к ним не пристали, а только им не противодействовали; между тем всех постигает одинаковое наказание.

Исключение всех воспитанников из института я признавал невыгодным для правительства тем, что оно издержало на их образование значительные суммы, которые оно безвозвратно теряет, и что оно в продолжение нескольких лет не будет иметь средств для пополнения корпуса

путей сообщения новыми инженерами в то время, когда, при устройстве новых железных дорог, в них чувствуется потребность.

Потеря родителей, которые, будучи большею частью бедными людьми, платили ежегодно в институт по 300 р. за своекоштного воспитанника, не может не быть принята в соображение: они отдавали своих детей в институт для образования их науками и для воспитания, некоторые заплатили уже за 7 лет более 2.000 руб., слышали постоянные похвалы относительно учения и поведения их детей, которые вдруг оказались никуда негодными, во всяком случае не по вине родителей, а по вине институтского начальства. Что же будут делать эти молодые люди, которым прекращается всякая карьера, тогда как многие из них получили довольно обширное специальное образование. Все они, а также их родители и родственники будут целую жизнь негодовать на правительство, а многие из воспитанников сделаются совершенными негодяями. Вот почему я считал исключение всех воспитанников из института мерою в некоторой степени опасною.

Чевкин сказал мне, что он во многом со мною соглашается, но считает это дело непоправимым. Я возразил, что так как он имеет свободный доступ к государю, то я полагал бы, что ему следует, не объявляя состоявшегося высочайшего повеления, ехать на другой день в Царское село и испросить помилования государя воспитанникам института.

Чевкин соглашался, что он мог бы это сделать, если бы мера против воспитанников была

принята по его личному докладу, но что она была последствием обсуждения поступка воспитанников в совете министров, а потому он не может испрашивать у государя отмены этой меры. Я убеждал его решиться просить у государя о помиловании, которое избавит стольких молодых людей от незаслуженного ими наказания.

Чевкин полагал, что если он и решится на это, то все же необходимо пожертвовать несколькими воспитанниками, именно лучшими в старших классах, так как это будет служить большою острасткою другим. Я находил и эту меру несправедливою и невыгодною, — несправедливою потому, что нет убеждения, чтобы лучшие воспитанники высших классов были зачинщиками, а прилежание и хорошие способности воспитанников могут служить только смягчающими и ни в каком случае отягощающими обстоятельствами при взысканиях за их вины, — невыгодною, так как служба лишится через это тех, которые наиболее могут быть полезными.

Вследствие этого я настаивал, чтобы Чевкину было предоставлено принять те меры взыскания, которые начертаны в уставе института и которые соответствовали бы действительной вине каждого воспитанника. Чевкин, по нерешительности, то изъявлял согласие ехать к государю на другой день для испрошения помилования, то находил это невозможным.

Разговор наш длился часа два. Когда я расставался с Чевкиным, он провожал меня, продолжая тот же разговор, и у самой передней

снова спросил меня, что сделал бы я на его месте. Я отвечал, что я поехал бы на другой день просить государя о помиловании, и выслушав снова его возражения, настаивал на своем заключении. Хотя Чевкин и обещался исполнить мой совет, но, оставив его в нерешительности, я, несмотря на то, что вернулся домой очень поздно, немедля написал к нему длинное письмо, в котором весьма подробно изложил весь наш разговор по означенному предмету и в заключение просил, чтобы он ехал к государю с просьбою о помиловании.

Послав ночью за состоявшим при мне инженером Зальманом, я вручил ему запечатанный конверт с приказанием отдать его в 8 часов утра лично Чевкину. По приезде Зальмана к Чевкину, о нем сначала вовсе не хотели докладывать, а потом Чевкин приказал взять у него конверт, но Зальман его не отдавал. Наконец, Чевкин приказал его позвать и взял у него мое письмо. Меня очень занимало знать, поедет ли Чевкин к государю, и потому я отправился на станцию Царскосельской железной дороги, на которой, не найдя Чевкина, сел в поезд, отходящий в 10 час. утра в Царское село, под предлогом осмотра дороги. Перед самым отходом поезда Чевкин прислал сказать, чтобы для него был готов экстренный поезд через четверть часа по отходе пассажирского, но я не вышел из последнего, а ожидал приезда Чевкина на платформе станции в Царском селе.

Чевкин выразил большое удивление при этой встрече и, заявив, что едет к государю, при-

гласил меня вернуться с ним в экстренном поезде. Пока я сидел на станции, пришел духовник их величеств Василий Иванович Бажанов с просьбою принять его на экстренный поезд, на что получив, по возвращении Чевкина из дворца, согласие, сел с нами в одно отделение и своим беспрерывным розговором помешал Чевкину рассказать происходившее между ним и государем. Чевкин успел только сказать мне:

— Император приказал исключить не больше 15 воспитанников.

Пожалев, что результат не полон я отвечал:

— Во всяком случае, 225 воспитанников спасены; это уж чистый выигрыш.

Таким образом Чевкин весь этот день не мог передать мне о том, что предшествовало этой резолюции, а впоследствии никогда не говорил об означенном происшествии. Надо сказать, что он имеет дар не вспоминать о тех присшествиях, в которых он почему либо играл не совсем завидную роль, и в особенности перед теми, которые при этом были ему полезны советами или другим способом. Это совсем не русская черта, а вероятно последствие иезуитского воспитания.

На другой день Чевкин предложил мне место директора института инженеров путей сообщения с оставлением и главным инспектором частных железных дорог. Несмотря на усиленную просьбу Чевкина, я отказался от его предложения, находя, что я неспособен смотреть за одеждою и пищею воспитанников и что даже считаю для себя это неприличным, при чем

выразил, что заведение, подобное институту, не может быть закрытым.

Чевкин обещался не замедлить его преобразование, но я, зная, что подобные дела скоро не делаются, решительно отказался. Тогда Чевкин сказал, что кроме его желания, чтобы я был директором института, это желание выражено многими воспитанниками этого заведения. Я отвечал, что слышал об их демонстрациях с изъявлением желания, чтобы я был директором, но эти демонстрации служат вящшим побуждением к тому, чтобы я ни в каком случае не принимал этой должности. Чевкин выразил, что он ни от кого не находит помощи в затруднительном своем положении, и в этом упрекнул меня.

Александр Васильевич Головнин, бывший тогда министром народного просвещения, не присутствовал в совете министров, решившем исключить из института путей сообщения всех воспитанников. Он не всегда был приглашаем в этот совет, вероятно, вследствие поданных им мнений в двух заседаниях, бывших в конце 1861 г. и летом 1862 года.

Первое из них происходило несколько дней после назначения Головнина министром. В этом заседании министр юстиции граф Виктор Никитич Панин, которому поручено было расследование беспорядков, бывших осенью 1861 г. в Петербургском университете, объяснил результаты этого расследования и строгие взыскания, которым он полагал подвергнуть студентов.

По окончании объяснений Панина, государь обратился к Головнину с словами:

— Хотя университетские беспорядки произошли задолго до твоего назначения, но желаю прежде всего знать твое мнение.

Головнин отвечал, что он полагал неправильным налагать предложенные сильные наказания административным порядком, и что, по его мнению, следовало отдать студентов под суд, тем более, что они с университетских кафедр неоднократно слышали, что в благоустроенном государстве никто без суда не наказывается. Все прочие, бывшие в совете министров лица, согласились с заключением Панина. Тогда государь снова обратился к Головнину с вопросом:

— После общего согласия изменили вы ваше мнение?

Головнин повторил прежде им сказанное. Затем государь, заметив, что в подобных случаях неудобно отдавать студентов под суд, утвердил доклад Панина.

Во втором из упомянутых заседаний совета министров, в котором рассуждалось о бывших частых пожарах и предполагаемом поджоге Апраксинского и Щукина дворов в мае 1862 г., Панин полагал поджигателей подвергать смертной казни, и с ним согласились все прочие члены совета.

Головнин доказывал невозможность возобновления для обыкновенных преступлений смертной казни, уничтоженной более ста лет назад императрицею Елизаветою, каковая мера составила славу ее царствования.

Прочие члены совета доказывали необходимость этой меры, как временной и для исклю-

чительного случая. Тогда государь, заявив, что ему неприятно видеть разногласие между его министрами по подобному предмету, сказал, что он оставит их на полчаса в надежде, что они в это время успеют согласиться. По возвращении государя в залу заседания, Панин доложил, что все соглашаются в необходимости смертной казни для поджигателей, за исключением Головнина. Государь утвердил мнение прочих министров, но это утверждение не было распубликовано [1].

[1] Заседание совета министров кончилось тем, что шеф жандармов князь [В. А.] Долгоруков, бывший в числе соглашавшихся на введение смертной казни, сказал, что следовало бы конфирмацию судебных приговоров поручить князю Суворову, который, по известному добродушию, никогда не решится конфирмовать смертные приговоры. Это заключение можно было бы принять за злейшую иронию, если бы оно было сказано не Долгоруковым. *Авт.* Знаменитая пожарная эпидемия 1862 года возникла в Петербурге 16 мая и продолжалась до начала июня, вызвав ужасную панику во всех слоях населения. Причины пожаров не удалось выяснить, но каждый день выгорали целые кварталы наиболее густо населенных районов столицы, в том числе и торговые ряды в центре города. Никакие меры по тушению пожаров не помогали, и власть была бессильной наблюдательницей эпидемии. Реакция использовала пожары для своих целей — для приостановки т. н. реформ и борьбы с революционным движением. Распустили слухи, что пожары — результат революционной пропаганды, что поджогами руководит Н. Г. Чернышевский, которого уже готовились устранить от влияния на русское общество, называли Герцена, который был заграницей, М. И. Михайлова, которого задолго до того уже сослали на каторгу, говорили, что поджоги делают студенты, на которых наускивали темную массу. Особенно усердно пользовался

Поджигателей не нашли и некого было казнить. Вероятно, Головнин был убежден, что не было поджогов, и потому возобновление смертной казни для несуществующих преступлений произвело бы только вредное влияние на массу. Во всяком случае, были или не были поджоги, Головнину делает большую честь, что он настаивал на своем мнении о невозобновлении в России смертной казни за обыкновенные преступления.

Исключенные из института 15 воспитанников были все из старшего класса. Выбор был сделан без всякого основания и потому не мог не быть пристрастным. В числе этих 15 воспитанников был Василий Максимович Панов, сын бывшего нижегородского вице-губернатора, который в это время жил со своею многочисленною семьею в Нижнем-Новгороде.

Вскоре дочь последнего Анна Максимовна, молодая, очень умная девица, приехала в Петербург хлопотать об облегчении участи выключенного брата. Жена моя, познакомясь еще в 1856 г., во время коронации, с племянницами Мельникова, хотя и не видала их с того времени, направила к ним Панову. Племянницы Мельникова приняли ее хорошо, просили своего дядю простить Панова и при моем содействии успели уговорить его испросить у государя помилование, каковое к новому 1863 г. и воспоследовало не только относительно Панова, но и всех

пожарной эпидемией для борьбы с революционным движением министр внутр. дел П. А. Валуев (о нем см. ниже по указателю). *С. Ш.*

с ним исключенных товарищей, так что они снова поступили в институт и в том же году были выпущены в инженер-поручики.

Впоследствии Панов служил по Николаевской железной дороге в Клину, где у него жила сестра его Анна. Последняя неоднократно приезжала в Петербург жаловаться жене моей на притеснения, делаемые брату его начальниками за то, что он не хочет участвовать в их злоупотреблениях. Жена передавала мне эти жалобы, на которые я отвечал, что Николаевская дорога, как казенная, не подведомственна моей инспекции, а потому я не могу разбирать жалоб Пановой, и вместе с тем советовал последней передать своему брату, чтобы он держал себя смирно и если недоволен своим начальством, то искал бы другого места. Такового однако же он не находил, а занимаемое им место давало ему порядочное содержание, и он его не оставлял.

Между тем, по случаю схода поезда на его дистанции, он был неправильно обвинен своим начальством. Оправдываясь во взводимом на него обвинении, он приписал его преследованию начальства, которому он подвергается за то, что не хотел показывать в расходе большого количества дров, чем выходило их в действительности. Для раскрытия всего дела был послан инженер путей сообщения генерал-майор Петр Данилович Готман, человек вообще мало способный к производству следствий и сверх того очень старый.

К нему в помощь был дан аудитор штаба корпуса путей сообщения, который вел все дело

и направил его к очищению начальства Николаевской железной дороги и к обвинению Панова. Он действовал таким образом явно из пристрастия к начальству дороги и в уверенности, что его действия будут одобрены Мельниковым, который, проезжая через Клин, вскоре после того, что Панов обнаружил злоупотребления по расходу дров, сказал последнему весьма грозно:

— До сего времени считали, что между инженерами много воров, но, по крайней мере, не говорили, что между ними есть доносчики. Вы первый доносчик.

Следствие, по рассмотрении его в штабе корпуса путей сообщения, поступило в совет министерства, журнал которого по этому предмету поступил в июне 1869 г., вскоре по моем возвращении из-за границы, на утверждение графа Владимира Алексеевича Бобринского, только что назначенного на место Мельникова. По просьбе Бобринского, я частным образом рассмотрел это дело. Я объяснил ему, что нахожу виновным начальника Панова, инженер-подполковника Петрова, а также инженер-подполковника Губина, обвиняемого упомянутым подполковником в растрате казенных денег, которые Губин пополнил; что следствие дурно произведено, а потому новые судьи могут и не согласиться на предание суду виновного в краже дров, а подвергнут наказанию Губина, не участвовавшего в делавшихся на дороге злоупотреблениях, и, может быть, даже Панова, указавшего высшему начальству на злоупотребления.

Бобринскому не хотелось начать свое управление преданием гласному суду, а потому он решил особым всеподданнейшим докладом испросить у государя увольнения обоих подполковников теми же чинами от службы, а пристрастно производившему следствие аудитору приказал подать в отставку. Подполковники были уволены, за аудитора ходатайствовало его непосредственное начальство, но он все же должен был, под угрозою увольнения без прошения и без пенсии, подать в отставку.

Впоследствии он жаловался сенату на Бобринского за неправильное будто бы требование от него подачи прошения об отставке. Сенат потребовал объяснения, вследствие которого просьба бывшего аудитора оставлена без последствий. Инженер В. М. Панов состоит теперь (1874 г.) в чине титулярного советника при устройстве Ландварово-Роменской железной додороги.

В Варшаве все чего-то ждали. Военные утверждали, что без мятежа не обойдется, и заявляли неудовольствие за особое внимание, оказываемое великим князем Константином Николаевичем и его супругою полякам.

Последняя постоянно носила платья и проч. польских национальных цветов, а дома у себя рядилась, как рассказывали, в польскую корону. Поляки сильно подняли носы. Они утверждали, что, может быть, будут кое-где ничтожные вспышки, но общего мятежа быть не может.

Кербедз мне утверждал это неоднократно и именно всякий раз, когда я требовал, чтобы,

в виду могущего быть мятежа, железная дорога от Ландварова до Варшавы была немедленно открыта для движения. Он, полагавший возможным это открытие еще в марте, спустя восемь месяцев, вопреки мнениям моему и Граве, находил, что дорога не довольно закончена для ее открытия. По возвращении моем в Петербург, я передал Мельникову, что если он не потребует от совета главнаго общества железных дорог, чтобы означенный участок был открыт не позже одного месяца, и не пригрозит, что в противном случае он будет открыт правительством, то по нем будет еще долго пропускаться только то, что захочет Кербедз, которого нельзя было не подозревать в солидарности с народным ржондом.

Мельников П. П., [новый начальник путейского ведомства] исполнил согласно моему представлению и с 15 декабря 1862 г. была открыта эксплоатация по всему протяжению С.-Петербурго-варшавской железной дороги.

При отъезде моем из Варшавы, Кербедз приехал меня провожать на станцию. Когда я сел в вагон, и поезд весьма медленно тронулся, он, вспрыгнув на наружную ступень моего вагона, сказал, что пролегающие по царству Польскому участки С.-Петербурго-варшавской железной дороги, вследствие нового образования царства, должны иметь особую инспекцию и полицию, не подчиненные русским властям, и что он надеется, что вскоре последует об этом распоряжение.

В бытность мою в Варшаве я виделся с Кербедзом ежедневно и перед отъездом в Петер-

бург довольно долго сидел с ним на станции, но он нашел более удобным свое замечание об инспекции и полиции на дорогах в царстве заявить мне только тогда, когда поезд, в котором я сидел, тронулся. Я однакоже успел ответить Кербедзу, что не разделяю его мнение: так как вся дорога гарантирована на средства русскаго казначейства, то инспекция должна быть поставлена русским правительством, и что я нахожу неудобным, чтобы при дороге, состоящей в нераздельном управлении совета общества, были две инспекции и полиции.

Несмотря на этот ответ и на начавшийся военный мятеж, в начале 1863 г. поступило требование наместника об учреждении в участках С.-Петербурго-варшавской железной дороги, проходящих по царству Польскому, инспекции и полиции, назначенных правительством царства; но это требование по моему настоянию, отклонено.

Московское общество охоты пригласило государя на охоту за медведями, которые были обойдены на границе Московской и Владимирской губерний в 20 верстах от ст. Павлово на Нижегородской железной дороге. Государь выехал из Москвы вечером. В пассажирском доме московской станции Нижегородской железной дороги он меня спросил, каменный ли этот дом. Я отвечал, что он деревянный, что станция слишком отдалена от центра города и потому будет служить для приема пассажиров только до того времени, пока устроится каменная станция, более центральная.

Государь вообще казался мрачным, что одни приписывали весьма дурной погоде, а другие вестям, полученным из Польши.

Комнаты ст. Павлово были превосходно украшены разными охотничьими принадлежностями. В них государю представлялись местные власти и ревизовавший Владимирскую губернию сенатор генерал-лейтенант Александр Христианович Катер, жаловавшийся государю на препятствия, делаемые владимирскими дворянами по предмету наделения крестьян землею, согласно манифесту 19 февраля 1861 года.

Катер, не имевший права выезжать на встречу государя без высочайшего на то разрешения, а тем менее утруждать его личным докладом, выбрал для этого весьма неудобное время, так как в числе членов общества охоты было несколько владимирских дворян, а государь был в это время их гостем.

Государь ничего не отвечал Катеру, но выслушал его с видимым неудовольствием: лицо его сделалось еще мрачнее. Вслед затем одним из приближенных государя было, по его приказанию, выражено Катеру неудовольствие за его неловкий поступок. Погода улучшилась, и государь поехал до места охоты в санях, сопровождаемый теми членами общества охоты, которые встретили его в Павлове.

Перед отъездом государь назначил мне время своего обратнаго отъезда в Москву и спросил, буду ли я его ожидать в Павлове или вернусь в Москву. Я отвечал, что полагаю ехать в Москву и воротиться на другой день к назначенному государем времени. Тогда он прика-

зал мне перед отъездом из Москвы зайти к шефу жандармов князю Долгорукову и то, что я получу от него, привезти государю. Это было мною исполнено, но князь Долгоруков ничего мне не вручил, о чем я доложил государю по возвращении его в Павлово. Явно было, что ожидались донесения о происшествиях в Польше.

Государь приехал в Павлово ранее назначенного времени. К счастью, и я приехал заблаговременно. Государь, выйдя из саней, сказал мне, что ему долго придется ждать на станции, на что я отвечал, что можно выехать немедля. Государь был этим очень доволен. Вообще, лицо его, по приезде с охоты, разъяснилось. Огромного медведя, им убитого, повезли в императорском поезде в Москву.

Из рассказов лиц, бывших с государем на охоте, я узнал, что помещичий дом, в котором он ночевал, был прекрасно убран и иллюминирован, что охотники по очереди всю ночь сторожили этот дом и что государь, ужиная вместе с ними, был очень весел и в том же духе оставался во все время охоты.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1863—1867 гг.

11 января 1863 года получено в Петербурге известие о вооруженном восстании в Польше. Первым действием его было убийство ночью спящих солдат, живших в крестьянских избах. Наместник в царстве, великий князь Константин Николаевич, не верил в возможность вооруженного восстания и потому, вопреки представлению многих военных начальников, приказал разместить войска на широкие квартиры, где отдельно живущие солдаты были во время сна убиты.

Русское правительство не объявляло об этом избиении. Вскоре за получением известия о вооруженном мятеже, мне дали знать, что телеграфное сообщение по С.-Петербурго-варшавской железной дороге производится неправильно, с перерывами. На петербургской станции этой дороги я получил известия то из дальнейших станций, то из ближайших северо-западного края, сообщавшие, что телеграф на дальнейшем протяжении испорчен. Его немедленно исправляли, но также снова скоро портили. Окончательно я добился депеши со ст. Белосток, извещавшей, что не только телеграфного, но и паровозного сообщения нет между этим го-

родом и Варшавою, так как протяжение дороги между последним городом и станцией Лапа захвачено вооруженными мятежными шайками. В этом положении дорога оставалась целую неделю и служила для перевозки означенных шаек.

Инспектор дороги Граве был немедленно командирован для наблюдения за восстановлением сообщения по дороге и по телеграфу, по мере занятия дороги нашими войсками. С этого времени начались для меня разные тревоги. Днем и ночью получались телеграммы о покушениях к крушению поездов незаметным в ночное время расстройством рельсового пути, положением на путь пред проходом поездов больших камней, рельсов, шпал и т. п., и о неблагонадежности разных служащих, из которых многие были уроженцы северо-западных губерний польскаго происхождения. Движение по дороге было затруднено еще тем, что все ее протяжение было разделено на военные отделы. Начальники этих отделов и их подчиненные, командующие войсками, расположенными на станциях железной дороги и при искусственных на ней сооружениях, предъявляли начальникам станций требования, которых невозможно было исполнить, через что происходили между ними столкновения.

С самаго начала вооруженного восстания очень часто собирались у государя совещания для определения мер к охранению С.-Петербурго-варшавской железной дороги. На этих совещаниях постоянно участвовали: военный министр, министр внутренних дел, главноупра-

вляющий путями сообщения и генерал-адъютант граф Эдуард Трофимович Баранов, который избран с 1 января 1863 года председателем совета главнаго общества железных дорог, так как граф Ламсдорф, по убеждению Чевкина принявший в 1862 году эту должность, с увольнением последнего от звания главноуправляющего, от нее отказался. Я представил Мельникову для внесения в означенные совещания проект небольших укреплений при главных искусственных сооружениях дороги, на подобие устраиваемых в Алжире, но этот проект не был приведен в исполнение.

Министру внутренних дел Валуеву пришла мысль охранять целость железных дорог и телеграфных линий в западных губерниях империи участием и содействием городских обществ, а равно местных обывателей всех вообще сословий. Государь приказал Валуеву снестись об этом предмете с Мельниковым, который поручил мне рассмотреть проект Валуева и переговорить с ним об этом предмете.

Найдя проект Валуева неудобоисполнимым и вообще бесполезным, я ему лично представил об этом, конечно, в самых вежливых выражениях. Но Валуев, после заявления о своем проекте государю, не хотел от него отказаться и потому, согласившись только на небольшие изменения, представил его чрез комитет министров на высочайшее утверждение, которое воспоследовало 23-го января, при чем в собственноручной резолюции государя на журнале комитета сказано: «исполнить». Вместе с тем приказано было сообщить правила сии, чрез

министра статс-секретаря царства Польского, его высочеству наместнику для применения их по его усмотрению и в царстве. Эти правила остались без всяких последствий по их неудобоисполнимости, на которую пред их утверждением я подробно указывал и Валуеву, и Мельникову.

В начале мятежа я испросил назначения на С.-Петербурго-варшавскую железную дорогу инженеров путей сообщения младших чинов, которые, сверх технического наблюдения за прочностью пути и правильностью движения, обязаны были предупреждать столкновения между местными военными начальниками и местными агентами по дороге, а возникшие столкновения устранять. Эти инженеры оказались весьма полезными вообще, и в особенности по уничтожению означенных столкновений и по отклонению неудобоисполнимых требований военных начальств, часто делавших необыкновенные глупости. Укажу только на один случай: генерал-лейтенант граф Толь был начальником военного отдела дороги от Варшавы до станции Лап. Узнав о шайке мятежников, скрывающейся вблизи станции Чижово, он посадил солдат в поезд и отправился ее отыскивать. Этот поезд был остановлен сторожем, который заявил, что несколько человек на ближайшей версте испортили путь.

Толь вспылил, назвал сторожа мятежником, приказал его связать, а поезду, несмотря на предупреждения состоявшего при нем инженера путей сообщения, спешить к месту назначения. На ближайшей версте поезд потерпел круше-

ние: поляки подпилили несколько шпал и снова засыпали их гравием, так что нельзя было заметить поврежденного места. К счастью вагоны опрокинулись так, что солдаты успели вылезть из вагонов до появления шайки мятежников. При этом крушении вагонов несколько солдат были убиты и ранены. Шайки мятежников неоднократно повреждали путь и в особенности перед проходами поездов с солдатами, из которых несколько каждый раз подвергались увечью и даже смерти.

Первые три месяца вооруженного польского восстания ознаменовались страшными жестокостями повстанцев, появлявшихся шайками в Польше и западных губерниях с так называемыми жандармами-вешателями. В этих жестокостях принимали участие и католические духовные лица.

Русское правительство действовало против восстания вяло, частью в надежде, что восстание само собою исчахнет, частью не желая давать ему огласки, а также по недостатку войска в западных губерниях и затруднительности зимою и в начале весны преследовать мятежнические шайки. Но восстание с каждым днем увеличивалось. Поляки из моих сослуживцев, обрусевшие настолько, насколько они могли обрусеть в наше время, утверждали, что причиною восстания было неудовольствие помещиков западных губерний на освобождение их крестьян с наделом землею, и что если бы правительство могло отказаться от этой меры, то и восстание прекратилось бы. Хотя первый шаг к освобождению крестьян был официально сделан дворян-

ством северо-западных губерний, но оно сделало это по принуждению русских властей и в полной уверенности, что последствия будут, как и прежде, самые незначительные.

Манифест 19 февраля 1861 года открыл им глаза, и поляки-помещики, будучи не в состоянии примириться с мыслью, что угнетаемые ими русские крестьяне, которых они называли «bydlo» (скотом), сделаются равноправными землевладельцами, немедля начали восстание, уверенные, что в России начнутся по тому же поводу большие смуты и что восстание будет поддержано Франциею и другими великими державами. Надежда их на возникновение смуты в России оказалась ошибочною: весьма незначительное число беспорядков не имело никаких последствий. Надежда же на вмешательство держав осуществилась [см. добавку в конце книги].

Австрийское правительство видимо покровительствовало повстанцам своими распоряжениями в соседней нам Галиции, а французское и английское в марте 1863 года прислали ноты, в которых порицали меры, принимаемые русским правительством в царстве Польском, считая себя, по участию в Венском конгрессе 1814 года, в праве защищать конституцию царства, будто бы условленную на этом конгрессе.

Таким образом, правительства двух наиболее либеральных и образованных европейских наций делались солидарными с людьми, добивающимися права угнетать своих прежних, ныне освобожденных рабов, и противниками того правительства, которое освободило последних, наделив их землею. Эти ноты, конечно, были

весьма неприятны русским, но они не удовлетворили и поляков, так как в них говорилось лишь о царстве Польском, называемом поляками «конгрессовкою», а они мечтали о возобновлении Польши в пределах 1772 года.

Русское правительство ответило на ноты весьма уклончиво, что не понравилось большей части русских. Оно поступило так, вероятно, из опасения новой войны с упомянутыми двумя державами при совершенной к ней неподготовленности. Осенью того же года русское правительство дополнило свои ответы Франции и Англии нотами, написанными с большею энергиею, которые признаны были важною победою министра иностранных дел князя Горчакова над дипломатиею обеих держав.

Эти энергические отзывы нашего кабинета были последствием энтузиазма, овладевшаго всею Россией в виду дипломатическаго нападения на нее, а также невозможности флотам этих двух держав, по случаю скораго наступления зимы, действовать в Балтийском море. Весною же 1863 года правительство и многие русские были до того запуганы, что не надеялись, чтобы царство Польское могло быть удержано под скипетром русского императора.

Между прочими фактами, доказывающими эту общую панику, расскажу следующее. На страстной неделе распространился слух, что живущие в Петербурге поляки вырежут в ночь на светлое Христово воскресение жителей Петербурга, вследствие чего гвардейским полкам приказано было всю ночь ходить по улицам Петербурга, с заряженными ружьями. Поляки

не составляют и одного процента населения Петербурга, и я многим доказывал нелепость означенного слуха, присовокупляя, что если один поляк оказывается сильнее ста русских, то последние вполне заслуживают быть перерезанными. В проезд мой ночью в Зимний дворец к заутрене светлого Христова воскресения, я встретил несколько многочисленных военных патрулей.

Перед отъездом моим в Зимний дворец к заутрене я получил телеграмму о беспорядках на Антопольской станции С.-Петербурго-варшавской железной дороги и о появлении шайки около Динабурга. Во дворце я передал это известие генерал-адъютанту графу Шувалову, которому, после слишком годового бездействия по службе, походившего на немилость к нему государя, был поручен первый военный отдел этой дороги.

Шувалов немедля выехал на место происшествия. Предводительствуя небольшим отрядом, он разбил мятежническую шайку, за что получил саблю «за храбрость» и представил к разным военным отличиям бывших с ним в отраде и, между прочим, провожавшего его по железной дороге, служившего в главном обществе ревизором, Ротчева. Полагаю, что не требовалось особых подвигов храбрости для разбития русским военным отрядом мятежнической шайки, но отряд был под начальством графа Шувалова, и этого было достаточно, чтобы он и его подчиненные получили такие знаки военного отличия, которые офицерами из простых смертных не всегда получаются за действительные подвиги храбрости.

Этот эпизод под Динабургом заслуживает быть рассказанным. Из Динабурга послан был в часть войск, расположенную недалеко от этой крепости, транспорт пороха под прикрытием весьма старых инвалидов. Мятежническая шайка, уведомленная об этом транспорте кем-то из крепости (подозревают жену коменданта, польку по происхождению), напала на конвойных солдат, из которых некоторые были убиты, а другие ранены, и завладела порохом.

Окрестные крестьяне староверы, узнав об этом и о том, что предводительствуют шайкою местные дворяне, отправились к помещику, графу Малю, напали на его усадьбу и, забрав некоторых из предводителей, привезли их на на Антопольскую станцию для выдачи полиции. Витебский губернатор Оголин, бывший воспитанник училища правоведения, по прибытии на станцию, поздоровался с задержанными помещиками и говорил с ними по-французски, а с крестьянами обращался весьма грубо, что вызвало между ними восклицание:

— Да уж одному ли царю служим мы и губернатор?

Оголин, помнится мне, был вскоре назначен губернатором в одну из внутренних губерний. Большая часть высших русских чиновников в начале польского мятежа вела себя в подобных случаях так же, как и Оголин, а потому понятно, как трудно было русскому правительству справляться с мятежом.

В начале марта 1863 года Мельников заметил мне, что я никогда не бываю при отъезде и приезде государя на станциях жел. дорог.

Я объяснил, что Чевкин при этих случаях не требовал моего присутствия на станциях и сам на них не бывал, но что если Мельников прикажет, то я буду на станциях при отъезде и приезде государя. Мельников ответил мне, что он не приказывает, потому что я, по его мнению, лучше его должен знать этого рода приличия. Я, конечно, принял это за приказание и в первую же поездку государя на охоту за Красное село явился на петербургскую станцию Петергофской железной дороги, где был и Мельников, постоянно выезжавший на станцию при отъезде государя.

Когда государь подъезжал к станции, Мельников и я стояли вместе подле крыльца и расступились в разные стороны. Государь, видимо чем-то недовольный, увидев Мельникова, отвернулся от него, вероятно, в надежде никого не увидать на другой стороне, но, увидя меня, наскоро поклонился и пробежал мимо. Мельников и я вошли за государем в залу, в которой ожидали его ехавшие с ним на охоту. Он, подав им руку и не останавливаясь, пошел на станционную платформу и вошел в вагон.

Кто-то из свиты государя сказал, чтоб поезд отправлялся, не спрашивая предварительного соизволения государя, как это обыкновенно водилось. Когда поезд тронулся, Мельников и я остались вдвоем на станционной платформе, и он мне сказал:

— Какими вы и я простояли (употребил нецензурное слово).

Я отвечал:

— Это ваша воля быть (нецензурным словом), а меня при этих отъездах более не увидят.

И действительно, я более не ездил на станцию при отъездах государя в один из окрестных дворцовых городов или на охоту, но Мельников продолжал в этих случаях ездить на станции, хотя и сознавал, что это было вполне бесполезно. Замечательно, что в тот день, в который Мельников и я присутствовали при отъезде государя на охоту и отпустили его с инспектором петербургской дороги подполковником Бентковским, получено было известие, что родной брат последнего, прусский артиллерийский офицер, вступил в войско польских повстанцев и получил в нем назначение, очень близкое к главнокомандовавшему этим войском Лингевичу.

Я уже говорил, что ноты Франции и Англии, присланные нашему правительству в защиту поляков, и заявления последних о присоединении к Польше наших западных губерний, переменили воззрение общественного мнения в России на польское восстание.

Во вральной комнате московского английского клуба, где я бывал почти ежедневно, следовали этому общему направлению. В бытность мою в Москве в апреле 1862 года в этой комнате много говорили о проекте восстановления курса наших кредитных билетов посредством продажи хранившейся в обеспечение этих билетов золотой монеты, уменьшая каждые два месяца стоимость ее в отношении кредитных билетов.

Эта мысль принадлежала бывшему тогда помощником управляющего государственным банком Евгению Ивановичу Ламанскому, который перед самым моим приездом в Москву провел в ней несколько дней. Бывая каждый вечер во вральной комнате, он старался доказать благие последствия своего проекта. Но его красноречие не помогло: проект его был дурно принят, и ему предсказывали, и словесно и в периодических изданиях, несостоятельность его предположения и вредные его последствия. Правительство однако же приняло проектированную меру и предсказания сбылись: осенью 1863 года, когда мы потеряли на этом размене более 100 миллионов рублей и принуждены были его прекратить, курс нашего кредитного рубля упал в один день на 8% и долго продолжал еще падать, так что было время, в которое рубль был ниже металлического на 35%.

1-го мая (1863 г.) в бытность мою в Нижнем-Новгороде я получил телеграмму моей жены от 30 апреля, в которой она извещала меня, что Пелагея Васильевна Муравьева (жена Михаила Николаевича) [1] просила ее телеграфировать, чтобы я немедля воротился в Петербург. Я терялся в догадках о значении этой телеграммы. В «Моих воспоминаниях» неоднократно было упомянуто об отношениях моих к Муравьевым. По приезде в Петербург в 1861 г. я довольно часто посещал их. 1 января 1862 г. я заехал поздравить

[1] Это дочь Над. Ник. Шереметевой, сестра жены декабриста И. Д. Якушкина. *С. Ш.*

Муравьева с новым годом и застал его принимающим чиновников подведомственных ему министерства государственных имуществ, департамента уделов и межевой части, из которых с первыми он прощался по случаю воспоследовавшего увольнения его от звания министра. По случаю заведывания Муравьева тремя ведомствами наш лондонский публицист Герцен напечатал в своем «Колоколе», что Муравьев, при поездке по России, получал прогонные деньги по всем трем ведомствам, и назвал его «трехпрогонным министром».

Я не имел случая проверить справедливость этого, но знаю, что прежние министры государственных имуществ испрашивали особые суммы на расходы при поездках, а Муравьев их не спрашивал. Тем не менее он не пользовался репутацией бескорыстного человека, каким слыл и был его старший брат Николай [Муравьев-Карский].

М. Н. Муравьев, пройдя чрез многие невзгоды, помирился с существующим порядком и полюбил жизненные удобства. Публика, зная его бедным человеком, по роду его жизни в бытность министром полагала, что он получает неправильные доходы по министерству.

Действительно, до этого времени Муравьев жил бедно, но начав получать весьма большое содержание, особливо по должности председателя департамента уделов, в доме которого имел большое помещение, он мог жить роскошнее. Конечно, он, как я уже сказал выше, не отличался безукоризненной честностью; для того, чтобы не потерять выгод по службе, он угождал сильным мира. Так, несмотря на неоднократные

обиды, претерпенные им от бывшего в фаворе у императора Николая графа Клейнмихеля, он не упускал случая угодить последнему, хотя принадлежал к противной ему партии. После смерти министра уделов графа Льва Алексеевича Перовского, министерство уделов было присоединено к министерству двора в виде департамента, которого председателем назначен Муравьев, бывший до того только главным директором межевого корпуса. С назначением Муравьева министром государственных имуществ, он сохранил и обе прежние должности, а так как назначение казенных земель и аренд, жалуемых государем, зависит от министра государственных имуществ, то Муравьев сумел назначить, при пожаловании земель графу А. В. Адлербергу, сыну тогдашнего министра двора и уделов, наилучшие земли, а когда министр двора и уделов исходатайствовал Муравьеву весьма значительное число десятин земли за службу его по званию председателя департамента уделов, то, конечно, он, как министр государственных имуществ, избрал для себя наилучшие земли. Все это весьма неблаговидно, но, к сожалению, свойственно, если не всем, то большей части наших сановников. Люди же, подобные брату Муравьева, Николаю Николаевичу, были весьма редким исключением.

Живя в такой испорченной среде, достаточно оставаться строгим к самому себе и снисходительно смотреть на подобные проделки других лиц. Вот почему я, видя в Муравьеве умного и энергичного человека, продолжал мои хорошие к нему отношения.

Муравьев провел лето 1862 г. в Германии, где лечился минеральными водами, а по возвращении в Петербург искал, как уверяли, иметь лично доклад у государя по департаменту уделов, но, по нерасположению к нему государя, не достиг этого и затем оставил все свои должности, сохранив только звание члена государственного совета. В зиму 1862—1863 г. он купил дом на Сергиевской улице, в который полагал переехать с наступлением летнего времени. В эту зиму я у него часто обедал. Мы неоднократно обсуждали польское восстание, и он постоянно говорил, что нам и думать нечего об удержании царства Польского, а надо употребить все средства к удержанию наших западных губерний, в которых большая часть образованного сословия состоит из лиц польского происхождения.

По моем возвращении из Нижнего-Новгорода, я узнал, что 1 мая Муравьев назначен начальником северо-западного края, т. е. Витебской, Минской, Могилевской, Виленской, Ковенской и Гродненской губерний. Он мне объяснил, что, до получения официального назначения, он послал через мою жену телеграмму ко мне с просьбою скорее прибыть в Петербург, так как ему необходимы разные сведения по С.-Петербурго-варшавской жел. дороге, а неоднократные его разговоры со мною о необходимости энергических мер в северо-западном крае, в котором ему никогда в голову не приходило быть начальником, служат ему доказательством, что я буду ему усердным помощником в деле прекращения мятежа.

С того времени мы видались почти каждый день до отъезда Муравьева в Вильну. Убийства из-за угла поляками-изуверами русских чиновников подали повод к принятию мер для безопасного проезда Муравьева, без всякого с его стороны в этом участия. Я приказал ко дню отъезда Муравьева приготовить вагон, в котором я обыкновенно инспектировал дорогу, и распустил слух, что проеду по дороге до его выезда. По прибытии же Муравьева на станцию жел. дороги, я посадил его в этот вагон и приказал жандармским офицерам провожать его каждому по своей дистанции и, не спуская с него глаз, оберегать от всякой опасности. Я не мог сам проводить Муравьева, так как он выехал 14 мая, а на другой день я должен был присутствовать в общем собрании акционеров главного общества жел. дорог по должности главного инспектора и в качестве представителя правительственных акций. Муравьев по болезни не мог ездить в вагонах иначе, как сидя на особого рода качалке, которая и была прикреплена на скамейке вагона.

16 мая накануне моего отъезда в Вильну, я провел вечер у П. В. Муравьевой, которая только через несколько времени собиралась переехать к мужу в Вильну. Все время сидел с нами Н. Н. Муравьев (Карский). Вследствие вышеупомянутых нот великих держав, ожидали войны, а потому предположено было сформировать две армии, командование которыми поручить графу Лидерсу и Н. Н. Муравьеву. С этою целью они оба были вызваны в Петербург. Последний, после того, что я простился

с П. В. Муравьевой, провожал меня до передней, что меня весьма удивило, так как подобная вежливость не была в его обычае.

Перед самой передней он мне сказал, чтобы я передал его брату, что он попрежнему сидит у моря и ждет погоды и не знает, когда и чем кончится его пребывание в Петербурге. К этому он прибавил, что, зная своего брата, он уверен, что последний будет бравировать опасностями, а потому просил меня посоветовать ему быть осторожнее, потому что если какой-нибудь изувер-поляк его убьет, то Россия много проиграет в польском деле. Я отвечал, что вполне разделяю его мнение, однако же, несмотря на хорошие мои отношения к М. Н. Муравьеву, не позволю себе давать ему совета, как вести себя с поляками. На это Н. Н. Муравьев возразил:

— Передайте ему этот совет от его старшего брата.

Идя по Вильне из гостиницы, в которой я остановился, в занимаемый М. Н. Муравьевым генерал-губернаторский дом, я заметил в городе чрезвычайную перемену. Месяца за два виленские обыватели имели мрачный вид. Встречавшиеся со мною, в особенности женщины и духовные лица, не давали прохода по тротуарам, бросали презрительные взгляды и толкали меня. Теперь же лица сделались веселее, все, и в особенности духовные лица, давали мне свободный проход, даже сходили с тротуара и низко мне кланялись.

Муравьев приехал в Вильну 16-го мая, только за два дня до меня, и не мог успеть показать

свою энергию. Но имя его было страшно полякам еще со времени восстания 1831 года и им памятны были его энергические действия, когда он был гродненским губернатором.

Назначение его главным начальником северо-западного края показало полякам, что русское правительство не будет более оказывать снисхождения мятежникам, и многие из них отрезвились. В приемной зале Муравьева я застал более двадцати поляков, в разных мундирах, с прошениями и докладными записками в руках, его адъютанта и молодого гражданского чиновника. Муравьев выслал мне сказать, что он меня примет после выхода поляков. Войдя, он после обычного поклона, подходил к каждому из поляков и по их прошениям давал немедленные решения, а некоторые из прошений передавал адъютанту, обещая их подробно рассмотреть.

По выходе поляков, он позвал меня в свой кабинет, где я ему немедля передал совет брата его быть осторожнее, присовокупив с своей стороны, что я сам только что был свидетелем его неосторожности в обращении с поляками. Он отвечал мне:

— Брат мой большой чудак. Неужели он и вы хотите, чтобы я прятался от поляков и тем выказывал им свою боязнь? Но это и невозможно для начальника края: какое право имеет он не выслушивать просьб обывателей? Впрочем, пусть брат будет покоен на мой счет: если в первые два дня моего здесь пребывания не нашлось изувера, чтобы убить меня, то его не найдется и впоследствии.

Мы занялись немедля рассмотрением разных мер, необходимых для упрочения безопасности движения по С.-Петербурго-варшавской жел. дороге. Между прочими мерами предполагалось вырубить леса по обе стороны дороги по ширине в 150 саж. с тем, чтобы затруднить мелким мятежническим шайкам повреждение дорожного пути.

Муравьев сказал мне, что для разработки подробностей исполнения этой меры он пришлет ко мне военных офицеров, и просил для того же пригласить местных инженеров путей сообщения, а за обедом, к которому он меня пригласил, передать о результатах нашего совещания. Вскоре прибыли ко мне, между прочими, генерального штаба полковник Свечин и начальник отделения по ремонту пути от Динабурга до Поречья инженер путей сообщения Иван Семенович Кологривов. Все собравшиеся у меня были люди русские, между тем они выказывали явное неудовольствие на Муравьева: живя в среде польских дворян, подчиняясь их псевдолиберальному направлению, они ополячились. Сверх того, многие из них опасались известной строгости Муравьева и, вследствие ее, потери своих мест, в особенности за снисходительное их воззрение на проделки мятежников.

По планам местности, по которой проходит дорога, леса оказались на весьма значительном протяжении, и мои собеседники полагали, что по малому числу войск в северо-западном крае не достанет средств для вырубки столь значительного количества леса, за который придется еще заплатить большие суммы.

Заявив, что воля начальника края в военное время должна быть выполнена, я немедля послал благонадежных инженеров путей сообщения поверить планы лесных пространств между Динабургом и ст. Ланы и между ст. Ландварово и Ковно с местностью и поручил им о последствиях своего осмотра представить мне при обратном моем проезде через Вильну. За обедом я передал Муравьеву о высказанных на совещании опасениях по вырубке леса. Он ответил, что все землевладельцы более или менее участвовали в восстании и потому принимаемая мера по порубке лесов послужит им наказанием, а на счет недостатка рук для вырубки лесов присовокупил:

— Если некем будет вырубить леса, я их сожгу.

По осмотру инженеров оказалось, что почти половина дороги идет лесами, но в вырубке их не представилось затруднений: местные крестьяне за незначительную плату вырубили их и окончили эту работу к осени. Многие находили эту меру и несправедливою и бесполезною, и в том числе бывший в то время гродненским военным губернатором граф Владимир Алексеевич Бобринский (впоследствии бывший исправляющим должность министра путей сообщения), но я не разделяю их мнения: движение по жел. дороге необходимо было сделать безопасным, и упомянутая мера для достижения этой цели была необходима. Эта мера была предписана к исполнению и на протяжении дороги в царстве Польском, но там осенью еще не было приступлено к ее исполнению. Генерал-адъютант граф Федор

Федорович Берг, назначенный наместником в царстве по вызове из Варшавы великого князя Константина Николаевича, писал к Мельникову, что до вырубки лесов следует произвести их оценку. Ему было объявлено высочайшее повеление, чтобы он немедля распорядился вырубкою лесов, не ожидая их оценки, которая могла быть произведена и по вырубке. Гораздо позже состоялось новое высочайшее повеление, чтобы за леса, вырубленные около дороги в царстве Польском, ничего не платить по случаю восстания. Чтобы показать, как часто поляки портили жел. дорогу, скрываясь в окружающих ее лесах, приведу следующее. В бытность мою в Варшаве, в мае 1863 года, я получил телеграмму о повреждении поляками рельсового пути и немедля выехал в Вильну. Поврежденное место к моему проезду было уже исправлено. Немедля по прибытии в Вильну я снова получил телеграмму о повреждении пути вблизи прежнего повреждения. Я возвратился, чтобы наблюсти за скорейшим исправлением повреждения, но по дороге получил извещение, что оно исправлено.

В Варшаве поляки все еще надеялись на успех восстания. Этот дух поддерживался в них недостаточно энергическими и даже казавшимися двусмысленными мерами наместника в царстве, великого князя Константина Николаевича, а также ходившими слухами об участии, оказываемом полякам его женою.

Великий князь был очень недоволен Муравьевым, и несогласие в их направлениях

много вредило действиям последнего[1]. Поляки продолжали в Варшаве гордо и презрительно смотреть на русских и производить разные неистовства как в этом городе, так и в других местностях царства. Кербедза я не застал в Варшаве; я встретился с ним на виленской станции при обратном моем проезде через Вильну. Он мне говорил, что настоящие действия русского правительства делают невозможным примирение поляков с Россиею, что русские солдаты бесчинствуют так, что он, из опасения подвергнуться их бесчинствам, не выезжал из Варшавы для осмотра управляемых им путей сообщения в царстве. Я отвечал ему, что слуху о безчинствах наших солдат не верю, а неистовства, произведенные жандармами-вешателями и другими поляками, не подлежат сомнению, и что русскому генералу нечего опасаться русских солдат, которые всегда оказали бы должное уважение к носимому им военному мундиру.

[1] М. Н. Муравьев в своих Записках («Сочинения» Герцена, т. 16, Пет. 1920, стр. 290—1) говорит: «Революционеры возымели намерение возвести вел. кн. Константина Николаевича на польский престол, чему особенно сочувствовала вел. кн. Александра Иосифовна... При проезде он (великий князь) надеялся, что я встречу его в Вильне со всеми почестями, как главнокомандующего и царского брата, и мне дано было по телеграфу знать о выезде его из Варшавы... Я не признавал достойным, как главный начальник края, лично принять его, тем более, что известная его необузданность и невежливость могли бы возбудить самые неприятные и неприличные при других столкновения... Он вышел из вагона взбешенный, наговорил грубостей присутствующим и отправился в дальнейший путь». *С. Ш.*

Во время моей поездки из Вильны в Варшаву была совершена первая смертная казнь—над Сераковским. Он служил капитаном генерального штаба в русской службе. Состоя на хорошем счету у военного министра, он по высочайшему повелению был послан последним во Францию, причем снабжен на путевые издержки довольно значительною суммою. Он был представлен к светлому Христову воскресению в подполковники и не произведен только потому, что все производство по военному ведомству было отложено до 17-го апреля. В промежуток этого времени сделалось известным, что он предводительствует мятежнической шайкой[1]. Когда эта

[1] Сиг. Сераковский (1826-1863), студентом спб. ун-та вступил в 1848 г. в польский политич. кружок, пытался бежал в Австрию, сослан солдатом в Оренбург; списывался с начальником III отделения Л. В. Дуббельтом, который при содействии шефа жендармов гр. А. Ф. Орлова устроил ему производство в унтер-офицеры (1852) и офицеры (1856) с переводом в Россию. Затем С-му разрешили поступить в академию генер. штаба, которую он окончил в 1860 г. Получал командировки в разные крепости и за границу для изучения вопроса о телесном наказании в войсках и добивался отмены его. Участвовал в русско-польской печати вместе с Н. Г Чернышевским, Иос. Огрызко и др. В марте 1863 г. получил новую командировку за-границу, но примкнул в Литве к польскому восстанию, объявил себя воеводой, имея отряд в 5 000 чел. Участвовал в сражениях, был разбит, раненый попал в плен (26-IV) и по приказу М. Н. Муравьева повешен (15 июня) в Вильно. Беременная жена его арестована, вся семья подверглась преследованиям. Чернышевский вывел его под именем Соколовского в романе «Конец пролога». Герцен был с ним хорошо знаком, высоко ценил его, называл благороднейшим, лучшим из поляков, писал о нем

шайка была настигнута русским отрядом, он при схватке убил из револьвера схватившего его солдата, но когда увидал, что не может избавиться от плена, бросив револьвер, сказал, что сдается на основании манифеста, выданного в светлое Христово воскресение.

В этом манифесте объявлялось всемилостивейшее прощение тем полякам, которые до 1-го наступающего мая заявят покорность русскому правительству. Понятно, что этот манифест не мог относиться к предводительствовавшему мятежническою шайкою офицеру русской службы, схваченному с оружием в руках, и к убийце. Военный суд приговорил его к повешению. Муравьев утвердил приговор, который и был приведен в исполнение. Было много искательств о смягчении приговора и, между прочим, от министра внутренних дел Валуева. Говорили даже, что было дано повеление о приостановлении приговора, но что депешу, извещающую об этом, Муравьев распечатал после его исполнения.

Молодая вдова Сераковского, при возвращении моем из Вильны в Петербург, ехала от Динабурга в одном поезде со мною. Несмотря на болезнь, доходившую до того, что ее носили из вагона на станцию в креслах, она казалась очень красивою женщиною. По совершении казни над Сераковским, многие поляки присмирели, а в Европе увидали, что энергичные люди есть между русскими сановниками.

в «Колоколе» («Сочинения», т. 16, Пет. 1920; там же в примечаниях — много сообщений о Сераковском). *С. Ш.*

Положение Муравьева в Вильне было весьма трудное. Ему приходилось там бороться не с одною польскою интригою. Известно, что он не пользовался расположением государя, который, по указанию генерал-адъютанта Зеленого, назначил его начальником северо-западного края за неимением кого-либо, достаточно на это способного. Большая часть лиц, окружающих государя, и в том числе министр внутренних дел Валуев, ненавидели Муравьева и при всяком случае выказывали свою ненависть. Они, равно как и все либералы, кричали про него, что он дикий зверь [1].

Я уже говорил, до какой степени были недовольны его назначением служившие в этом крае, которые поэтому дурно ему содействовали. Нельзя же было переменить всех местных чиновников и весьма сомнительно, чтобы новые были лучше прежних. Нельзя даже было найти хорошого непосредственного помощника Муравьёву. В эту должность назначили сначала генерал-адъютанта Крыжановского (впоследствии

[1] М. Н. Муравьев в своих Записках рассказывает о свидании с императором Александром 30 апреля 1863 г. перед назначением его в Вильно: «Я заметил уже в нем некоторую холодность, так что я вынужден был повторить ему, что не лучше ли послать другого. Государь прогневался и сказал: «Я однажды высказал свои убеждения и не намерен их повторять», а когда я ему сказал, что его министры не совсем разделяют его убеждения, он мне с некоторой грубостью отвечал: «Это неправда». Тогда я встал и сказал: «находите другого вместо меня». Государь взял меня за руку и просил извинения». Но Муравьев продолжал дуться, и царь обнял его, снова попросив извинения. *С. Ш.*

оренбургского генерал-губернатора), который хвалился публично, что скоро заменит Муравьева; потом генерал-адъютанта Фролова (впоследствии сенатора), человека с нехорошей репутацией по карточной игре; и наконец, свиты его величества генерал-майора Потапова (впоследствии шефа жандармов), большого интригана, противодействовавшего Муравьеву. Неудовольствие к последнему высказывалось многими высшими сановниками при торжественных случаях; так, между прочим, с.-петербургский военный генерал-губернатор князь Суворов на обеде, данном по случаю открытия вновь выстроенных лавок Щукина и Апраксина дворов, вместо погоревших в 1862 году, громко при всех назвал Муравьева зверем-разбойником.

Несмотря на все противодействия, Муравьев усмирил северо-западный край, а это усмирение имело сильное влияние на уменьшение беспорядков в Польше и на взгляд на польское восстание Франции и Англии, которые более в него не вмешивались. Нет сомнения, что в этом отношении Россия много обязана действиям Муравьева. [1]

[1] Сам Муравьев так характеризовал свои действия по усмирению польского восстания: «Очень часто я их (поляков) сажаю без малейшей вины, даже подозрения нет; в таком случае я всегда решаю: пусть посидит, да подолее, может быть, что-нибудь да отыщется. И что же вы думаете? Я был так счастлив, что всегда что-нибудь за сидельцем моим и отыскивал». Один из свидетелей его трудов такого рода пишет про Муравьева: «слова повесить, расстрелять выходили у него всегда разборчивее других, как будто писались с особенной любовью» (см. статью В. И. Семевского о Му-

В конце мая 1863 года Мельников сказал мне, что донские казаки делают разные беспорядки на Грушевской жел. дороге, не состоявшей в моей инспекции, так как она строилась на счет сумм войска донского, что военный министр Милютин находит нужным для их расследования и прекращения послать компетентное лицо из инженеров путей сообщения и просит, в случае моего согласия, назначить меня. Я отвечал Мельникову, что дам ответ по рассмотрении переписки по означенному предмету.

Из этой переписки я узнал, что донские казаки, недовольные постройкой жел. дороги, поглотившей их общественный капитал и затеянной прежним атаманом генерал-адъютантом Хомутовым, разрушают дорожные сооружения, именно мосты, устроенные в идущей по берегу р. Аксая дамбе, отделяющей Новочеркасск от

равьеве в «Гол. минувшего», 1913, № 9). По ведомостям, составленным для самого М-ва, за его двухлетнее управление сев.-зап. краем, казнено 128 чел., сослано в каторгу 972 чел., на поселение в Сибирь — 1.427 чел., отдано в солдаты 345 чел., сослано в арест. роты 864 чел., выслано из своего места жительства (т. е. разорено) 5.625 чел. Все эти цифры сильно уменьшены против действительности. Н. В. Берг сообщает, что по офиц. сведениям казнено по утвержденным Муравьевым приговорам 240 чел. М. Н. Муравьев, бывший после войны 1812 г. одним из основателей первого тайного об-ва, из которого вырос заговор декабристов, но отошедший от заговора задолго до восстания, говорил, про свою деятельность по усмирению польского восстания 1831 года: «я не из тех Муравьевых, которых вешают (намек на его троюродного брата С. И. Муравьева-Апостола, повешенного Николаем I за устройство восстания Черниговского полка в 1825 году), а из тех, которые вешают». *С. Ш.*

этой реки, утверждая, что ни число этих мостов, ни их размеры недостаточны для удобного проезда к реке и прогона скота на водопой.

Из донесения по этому предмету нового наказного атамана генерал-адъютанта Павла Христофоровича Граббе, большого друга Мельникова, видно было, что он принимал, насколько было возможно, сторону казаков, поставляя в вину директору работ по жел. дороге, инженеру путей сообщения подполковнику Валерьяну Александровичу Панаеву (впоследствии действительный статский советник в отставке), то, что он выстроил мосты, не спрося мнения обывателей об их числе и размерах.

Грушевская дорога, соединявшая антрацитные копи этого наименования с р. Доном при ст. Аксае, строилась по высочайшему повелению; источник сумм, потребных на ее постройку, был также высочайше утвержден; технический же проект дороги был утвержден высшим начальством; за сим неудовольствие, заявленное донскими казаками на то, что жел. дорога строилась на их суммы, и разрушение мостов на сей дороге означали такое сопротивление, которое имело вид бунта, а потому я представил военному министру, что едва ли посылка меня на дорогу может принести пользу.

Милютин отвечал мне, что не посылать же войска для усмирения казаков и особливо в то время, когда от них требуется необычайная присылка полков для усмирения царства Польского и наших западных губерний, и что он вполне надеется, что, по признанной всеми моей компетентности в деле устройства же

дорог и по личному моему характеру, я успею покончить миролюбиво все происшедшие на Грушевской дороге столкновения. Я принужден был принять означенное поручение.

На Аксайской пристани меня встретил В. А. Панаев. Я с ним доехал до Новочеркасска, где он приготовил мне две комнаты в своей канцелярии, помещавшейся во флигеле дома, в котором он жил с семейством. На другой день утром я ездил представляться к старому моему знакомому, наказному атаману П. Х. Граббе. Он мне объяснил, в высокоторжественных выражениях, неудовольствие донских казаков на то, что у них отнята, устроенною для жел. дороги дамбою, возможность сообщения с рекою, на невнимание, оказываемое Панаевым к их правильным, по мнению Граббе, требованиям, и на презрительное обхождение Панаева с казаками.

Он уверял, что некоторые буйства казаков на жел. дороге были следствием неправильных распоряжений Панаева, который присваивал себе полицейскую власть. На вопрос мой о том, что действительно ли дамба жел. дороги отделила вполне городских обывателей от р. Аксая и что отверстия в устроенных в дамбе мостах недостаточны для проезда возов с сеном, Граббе отозвался незнанием, потому что, несмотря на то, что был более полугода в Новочеркасске, он еще ни разу не был на жел. дороге, идущей через самый город. Впрочем, он заявлял, что Панаев вел дело честно, так как никто из озлобленных против него казаков не говорил противного, но осуждал Панаева за излишнюю

щепетильность и вспыльчивость, которая была причиною того, что он, после первых свиданий с Панаевым, избегал всяких объяснений с последним.

В тот же день и в следующие мои посещения Граббе, он подробно излагал мне свой взгляд (далеко не практичный) на донских казаков и неправильность взгляда на них военного министерства, которая подала повод к деятельной неофициальной переписке между ним и военным министром Милютиным. Он мне читал всю эту переписку. В ней оставались следы отношений командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-адъютанта Граббе к присланному для участия в экспедиции против горцев гвардейской артиллерии поручику Милютину. В письмах Граббе часто повторялось о 50-летней его службе, на которой он приобрел опытность, и об усердии донских казаков, выставивших по первому требованию 20 полков, уже следовавших в царство Польское и в наши западные губернии. Этими письмами Граббе явно указывал на относительно недолговременную службу Милютина, его неопытность и на то, что будто бы Милютин сомневался в усердии казаков в царской службе.

Поводом к этой переписке послужило, между прочим, следующее обстоятельство. Предместник Граббе генерал-адъютант Хомутов действовал в донском войске произвольно, согласно с духом, царившим в России при императоре Николае. Повеявший на Россию более свободный дух, в начале царствования Александра II, не

мог не отразиться в донском войске. Недавно назначенный начальником штаба этого войска, генерал-майор свиты его величества князь Александр Михайлович Дондуков-Корсаков поддерживал этот дух в войске в уверенности, что Хомутов не может более оставаться атаманом, в надежде заместить его. Многие предположения Дондукова по устройству войска найдены были военным министром не соответствующими видам правительства и потому, хотя Хомутов, действительно, был уволен от должности наказного атамана, но при назначении на его место Граббе, последнему поручено было приказать Дондукову-Корсакову немедля выехать из Новочеркасска и выбрать нового начальника штаба из офицеров донского войска.

Дондукову не трудно было убедить Граббе в пользе своих предположений относительно устройства войска донского, а потому последний просил министра оставить его начальником штаба и, несмотря на отказ, не удалял его. При проезде великого князя Михаила Николаевича, по назначении его кавказским наместником, он не принял Дондукова, и наконец, получен был из Петербурга приказ о назначении исправляющим должность начальника штаба полковника Павла Степановича Фомина (впоследствии генерал-лейтенанта и наказного атамана в варшавском военом округе).

Несмотря на отъезд Дондукова, завязавшаяся между Граббе и Милютиным переписка продолжалась. Письма последнего отличались особенною почтительностью к Граббе. Дондуков с того времени долго жил в деревне и только после

смерти генерал-адъютанта Безака, пользуясь покровительством всесильного графа Шувалова, назначен был генерал-губернатором юго-западного края.

Его предместник Безак был командующим войсками, расположенными в этом крае. Вследствие несогласия Милютина назначить в эту должность Дондукова, она была возложена на генерал-адъютанта Николая Феодоровича Козлянинова, а по его увольнении на генерал-адъютанта Александра Романовича Дрентельна.

Панаев, от которого я слышал большую часть рассказанного мною об отношениях Дондукова к донскому войску, полагал, несмотря на свое либеральное направление, что меры Дондукова могли иметь последствием восстание казаков. Находясь в наилучших отношениях с Хомутовым, который часто посещал работы затеянной им жел. дороги, Панаев не мог иначе относиться к Дондукову, как враждебно.

Избалованный Хомутовым, самолюбивый до крайних пределов, гордый своим образованием и честным ведением дела, он не мог сносить положения, в которое его поставляли Дондуков, а впоследствии и Граббе, обращавшие более внимания на показания казаков, чем на его объяснения, что, конечно, происходило от непонимания ими дела.

Панаев полагал, что неудовольствие казаков на него происходило от того, что они, привыкшие ко всякого рода злоупотреблениям, не могли вследствие его распоряжений, грабить общественную сумму, расходуемую в столь значительном количестве на жел. дорогу. Предпо-

ложение Панаева было весьма вероятно. Ему было досадно, что Граббе, своим вниманием к жалобам казаков, как будто поощрял бесчестное их направление.

В комиссию для освидетельствования жел. дороги депутатом от донского войска был назначен вышеупомянутый Фомин, для исследования же удобства сообщения города с р. Аксаем и затруднений, представляемых лесным торговцам от устройства дамбы вдоль упомянутой реки, назначены были 15 депутатов от городских обывателей и от торговцев, которые составляли тогда особое сословие в донском войске.

Устройство дороги найдено удовлетворительным, а число мостов в дамбе (помнится, 10 на двух-верстном протяжении) достаточным для сообщения города с р. Аксаем; размеры же отверстий под этими мостами были таковы, что воз сена проходил в них без затруднения. Казаки, для определения достаточности этих размеров, навалили воз такой величины, какого мне не случалось видеть, но и он проходил в отверстия всех мостов.

Жалобы лесных торговцев были найдены также не заслуживающими уважения. Депутаты от города и от торгового сословия были урядники и казаки без всякого образования. Когда они во время исследования позволяли себе относиться о жел. дороге и о производителях работ в неприличных выражениях, Панаев их немедля останавливал, объясняя неправильность их заявления и указывая на неприличие их поведения. Он делал это с большим хладнокровием, но

в тоне его и в выражениях звучало какое-то презрение к необразованным казакам.

В Грушевке, где начиналась жел. дорога, я посетил рудник антрацита, который вырабатывался казаками самым невежественным, хищническим образом: многие заложенные шахты, из которых можно было добыть еще множество антрацита, были залиты водою. Продолжение добычи его таким способом грозило богатейшему руднику совершенным уничтожением. Панаевым была представлена записка об устройстве более правильной добычи антрацита.

Умиротворив казаков в отношении железной дороги и улучшив по возможности отношения между Граббе и Панаевым, я собрался в обратный путь.

По затруднительности плавания по Дону, я опоздал прибытием в Царицын, где принужден был оставаться более суток в ожидании отхода парохода вверх по Волге. Жара была нестерпимая; я весь день провел в одной рубашке; ставни в моей комнате были постоянно закрыты. Вечер я провел в обществе ехавшего на юг для поправления здоровья знаменитого московского актера Михаила Семеновича Щепкина, с которым я познакомился лет тридцать назад у Н. Х. Кетчера и впоследствии неоднократно встречался у наших общих московских знакомых.

На другой день по прибытии в Нижний-Новгород цесарёвича[1], которого я там прождал два

[1] Наследник Николай Александрович, род. в 1843 г., ум. в 1865 г. Преподавателями его были лучшие профессора 60-х годов: К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин, Н. Х. Бунге и др. *С. Ш.*

дня, я просил его попечителя графа С. Г. Строганова исходатайствовать мне дозволение немедля продолжать мой путь в Петербург. Я передал ему, по моему поручению относительно железной дороги, все то, что могло по этому предмету интересовать цесаревича. Чтобы мне доставить возможность до моего отъезда пробыть с цесаревичем, меня пригласили к завтраку, за которым не было никого из посторонних, и посадили возле него.

Цесаревич, которому Строганов успел передать мой рассказ о земле войска Донского, изъявил мне благодарность за хорошие вести. Разговор за завтраком был довольно оживленный, хотя Строганов по обыкновению говорил мало, сохраняя свой суровый вид и, обращаясь к цесаревичу, выражался, как царедворец, с особым почтением.

Между прочим, разговор коснулся разных личностей ведомства путей сообщения и злоупотреблений, в нем вкоренившихся. Я уже говорил неоднократно, что в высших сферах существовало мнение, что злоупотребления в этом ведомстве гораздо значительнее, чем в других, но к сожалению, они во всех ведомствах были велики. В ведомстве путей сообщения можно было назвать много лиц, за честность которых можно поручиться, что не так легко по другим ведомствам.

Цесаревич желал знать именно тех, за честность которых я мог бы ручаться. Я уклонился от ответа, выставляя причиною то, что я мог по забывчивости не назвать некоторых лиц и тем бросить на них несправедливое подозрение.

Цесаревич однако ж настаивал, чтобы я назвал хотя некоторых, и когда я это исполнил, то он, при имени Кербедза, остановил меня и сказал, что Кербедз весьма вредная личность, как поляк, и что лучше быть вором, чем изменником.

Время, проведенное мною в Нижнем-Новгороде в ожидании цесаревича, я употребил, между прочим, на просмотр «Московских ведомостей» за последний месяц, так как они тогда получались в Новочеркасске только через две недели по их выходе. При этом я не мог не заметить, до чего изменилось не в пользу поляков общественное мнение в России, которое редакторы этих ведомостей, гг. Катков и Леонтьев, умели поддержать с большою энергиею и тактом, чем, конечно, оказали России большую услугу [1].

[1] Чем именно руководствовался М. Н. Катков в своих статьях по польскому вопросу, видно из его письма (май 1863 г.) к тогдашнему министру внутр. дел П. А. Валуеву: «По всем признакам польская или лучше сказать, европейская, организованная против нас революция не ограничится Польшей и западными губерниями; система, принятая революцией, состоит в том, чтоб постепенно разбрасываться все далее и далее за пределы Польши. Революционные агенты разосланы по всей России» («Русск. старина» 1915 № 8). Это Катков писал, когда стал выражать мнение кругов, напуганных революционным движением, усилившимся после ограбления крестьян в пользу помещиков при упразднении т. н. крепостного права в 1861 г. Но за пять лет до письма к Валуеву, когда редактор «Моск. ведом.» был еще умеренным конституционалистом, он иначе смотрел на вопрос об угнетении русским царизмом подвластных ему народностей. Е. Г. Бекетова рассказывала Л. Ф. Пантелееву («Из воспоминаний прошлого», стр. 68): «На 1858 г. мы встречали Новый

Замечание, сделанное во время завтрака цесаревичем о Кербедзе, показало мне, что вражда к полякам существует и в высших сферах.

В то же время из тех же ведомостей я узнал о предположении дать английскому акционерному обществу концессию железной дороги от Москвы до Севастополя, с необыкновенными льготами, которые не нравились редакторам ведомостей и мне показались чрезвычайными.

По приезде моем в Петербург в половине июля, эта концессия была уже рассмотрена в министерстве финансов и главном управлении путями сообщения, а 25-го июля утверждена государем и в тот же день препровождена в сенат при высочайшем указе, который начинался фразою:

«В постоянной заботливости о благе нашего отечества мы изыскивали средства к распространению железных путей, которые наиболее удовлетворяли бы потребностям сообщения в империи».

Известно, что, несмотря на данные концессионерам льготы, капитал на постройку дороги не был реализован, и столь торжественно заявленное предприятие окончилось объявлением главноуправляющим путями сообщения сенату следующего высочайшего повеления:

«По всеподданнейшему докладу главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями, его императорское величество, в 12 день

год у Катковых, была вся редакция; после разных тостов Катков вскочил на стул и провозгласил тост за расчленение России». *С. Ш.*

ноября сего (1864) года, высочайше повелеть соизволил: концессию, утвержденную его величеством 25 июля 1863 года на линию железной дороги от Москвы до Севастополя, объявить не состоявшеюся».

В Павловске я часто видался с моими близкими знакомыми: Колесовыми, Филипсонами, Плетневыми и другими. Названные семейства и летом 1862 года жили в Павловске. Тогда еще жена моя сошлась с женою Плетнева, которая с самоотвержением ходила за своим больным старым мужем, сделавшимся по болезни чрезвычайно капризным. При обратном переезде осенью из Павловска в Петербург, я пригласил в отведенный мне особый вагон Плетневых и в полчаса, употребленных на переезд в Петербург, я и жена моя были свидетелями капризов больного Плетнева и ухода за ним его жены. Вскоре они уехали за границу. В бытность мою в 1864 году в Париже, наш парижский священник Васильев дал мне адрес Плетневых в Ville d'Auvray, но он был неправильный. Я по адресу его не нашел и более его не видал. По получении известия об его смерти, я был на панихиде в университетской церкви, а впоследствии и на его похоронах в Александро-невской лавре.

По приезде в Нижний-Новгород, мы нашли на станции жел. дороги приготовленные для их величеств и сопровождавших их лиц экипажи в таком количестве, что я не полагал, чтобы возможно было столько достать в этом городе. Воспитательница великой княжны Марии Але-

ксандровны Анна Феодоровна Тютчева (впоследствии жена И. С. Аксакова) замешкалась на станции, так что при выходе ее на крыльцо не было более карет, а оставались только коляски. Погода была великолепная и небольшой переезд до пристани, у которой стоял пароход, назначенный для плавания императрицы по Волге, был приятнее в коляске, чем в карете. Однако Тютчева самым резким образом заявила претензию, что ей не оставили кареты. Ее тон при этом удивил меня: я всегда слышал, что она женщина умная, но жизнь при дворе портит всех. Впоследствии, в один из моих приездов в Москву, я провел целый вечер у И. С. Аксакова, который меня представил жене своей. Весь вечер она была очень любезна. Разговор ее показывал действительно умную женщину [1].

Государыня со станции жел. дороги переехала на пароход, а государь в губернаторский дом, называемый дворцом. На другой день граф Э. Т. Баранов, во время обеда у государя, получил телеграмму, которая видимо его смутила. Он немедля передал ее мне. Государь, заметив эту передачу телеграммы, спросил Баранова о ее содержании. Баранов отвечал очень уклончиво. В телеграмме извещалось, что у секретаря Кенига, который вез в Петербург 100 тыс. руб., собранных на нижегородской жел. дороге, эти деньги украдены из вагона на одной из станций Николаевской дороги. Секретарь Кенига был поляк и потому первою мыслью у всех

[1] О ней см. ниже, стр. 442. *С. Ш.*

было, что он сам украл эти деньги для отсылки в Польшу для поддержания восстания.

Баранов о покраже доложил государю за вечерним чаем, при котором не было посторонних лиц. Эта покража была скоро отыскана состоявшим в полицейском управлении дороги жандармским капитаном, благодаря мерам, немедля принятым начальником Николаевской дороги Серебряковым, который хорошо знал способности жандармских офицеров полицейского управления: они были ему подчинены, и потому он мог выбрать способного к розысканию денег и немедля начать это розыскание.

С 1867 г. жандармские офицеры полицейских управлений на железных дорогах не подчинены более ни начальникам дорог, ни правительственным инспекторам, вследствие чего розыскания украденного на дорогах делаются вяло, так как штаб корпуса жандармов, которому теперь подчинены означенные офицеры, не знает их способностей и не имеет возможности принять таких скорых мер, как начальник или инспектор дороги. При настоящем порядке, конечно, означенные 100 тыс. руб. не были бы отысканы.

При обратном пути в Москву, государь завтракал на Вязниковской станции. По обыкновению, я сидел за столом против него. Толпы народа окружали станцию и, напирая на окна комнаты, в которой завтракали, разбивали в них стекла, с шумом падавшие на пол. Государь при этом вздрагивал, а при третьем разбитом стекле отбросил от себя столовый прибор и гневным голосом сказал:

— И есть не дают покойно; я более есть не буду.

Тогда я вышел из комнаты и приказал жандармскому офицеру полицейского управления дороги распорядиться, чтобы не допускали народа близко к окнам. По возвращении моем в комнату, государь сказал, что я, вероятно, выходил, чтобы удалить толпу от окон, и спросил меня, надеюсь ли я на успех. На мой утвердительный ответ государь сказал: «посмотрим», а между тем приказал подать мне то кушанье, которое успели разнести в мое отсутствие, и требовал, чтобы я его ел, не стесняясь тем, что меня будут ждать. Сам он после того продолжал спокойно завтракать и по обыкновению ел довольно много. Стекол более не разбивали.

Обед был на Владимирской станции. Только что мы сели за стол, мне подошли сказать, что генерал-адъютант Сергей Павлович Шипов просил меня немедля выйти к нему. Он просил меня сказать одному из приближенных государя, чтобы доложили о его желании представиться государю после обеда. На вопрос государя о том, зачем я выходил, я передал просьбу Шипова, который был немедля приглашен к обеду.

Государь обращался к нему с большою любезностью, сказал между прочим:

— Сидящие за столом полагали, что вы произведены в генералы в декабре 1825 г.; я утверждаю, что вы произведены в генералы ранее, а в декабре назначены генерал-адъютантом. Кто прав?

Оказалось, что государь был прав.[1] К обеду были приглашены начальники войск, стоявших во Владимире, и государь вспоминал, где и при каком случае он прежде видел эти войска, а также и их начальников, чем последние в то время командовали, в каких они состояли чинах и кто тогда были их начальники. Разговор за этим обедом, как и за многими другими, бывшими на станциях жел. дорог, состоял преимущественно в этих воспоминаниях, причем государь выказывал необыкновенную память.

Осенью 1863 г. цесаревич Николай Александрович, возвращаясь с юга России, ездил из Москвы в Троицкую лавру. Он пригласил меня сесть в императорский вагон этой дороги, состоявший из двух отделений. В большом из них сидел цесаревич и все его сопровождавшие, а в меньшее отделение мы ходили курить. Цесаревич также хотел курить, но его попечитель граф С. Г. Строганов решительно запретил ему курение в виду того, что ему предстоит прикладываться к мощам преподобного Сергия.

В продолжение 1½-часового пути разговор между сидевшими в вагоне был общий. В нем Строганов принимал мало участия. Цесаревич выказал много знания и ума. По приезде цесаревича на московскую станцию Троицкой дороги, я ему представил управляющего ею Клевецкого.

[1] Серг. Павл. Шипов (1789-1876), участник тайных обществ первой четверти XIX века, отделался благополучно во время процесса декабристов, так как отошел от заговора задолго до восстания 14 декабря. Генерал-майор с 22 июля 1825 г. О нем см. выше гл. 8-я, стр. 87 и др. *С. Ш.*

По входе в вагон, он спросил меня:

— Клевецкий—поляк?

Я ответил, что он сибиряк и архиправославный, часто посещающий церковь.

В сентябре я осматривал С.-Петербурго-варшавскую жел. дорогу. По отъезде великого князя Константина Николавича, наместником польского царства назначен был генерал-адъютант граф Феодор Феодорович Берг (впоследствии фельдмаршал, умерший в 1874 г.). Со стороны мятежников было покушение на его жизнь и на жизнь начальника гражданского управления в царстве графа Велепольского, который вскоре выехал из Польши, и на место его назначен был живший в Париже Н. А. Милютин, уволенный в начале 1860 г. от должности товарища министра внутренних дел.

С назначением Милютина начались разные реформы в царстве, из коих главные: улучшение быта сельского населения, причем уничтожены права землевладельцев над крестьянами, поселенными на их землях, и присоединение всех частей управления в царстве к соответствующим министерствам империи.

Начальником управления путей сообщения в царстве был в это время инженер путей сообщения генерал-лейтенант Э. И. Шуберский, у которого я останавливался почти во все мои последующие приезды в Варшаву. Бывший до него начальником этого управления С. В. Кербедз был отозван вследствие того, что многие из служивших по жел. дорогам в царстве были замешаны в восстании и собирались для

совещания на станцию Варшаво-венской жел. дороги. Кербедз, все это допускавший, конечно, оправдывался перед правительством незнанием и, по возвращении в Петербург, занял прежние свои места члена совета министерства путей сообщения и члена совета управления главного общества жел. дорог. Председателем совета Варшаво-венской и Бромбергской жел. дорог в это же время был пруссак барон Мутвиц; ему и членам совета пруссакам графу Ренару и князю Гогенлоэ принадлежало наибольшее число акций этих дорог.

По случаю восстания в царстве потребовалось на станциях этих дорог дать войскам помещение; на некоторых пунктах устроить новые станции, повреждения путей, делаемые мятежниками, немедленно исправлять. Сверх того увеличился надзор за дорогою, и для передвижения войск назначались экстренные поезда. Совет двух означенных дорог представил счет убытков, понесенных вследствие восстания, простиравшийся почти до миллиона рублей.

Кербедз, ненавидевший пруссаков более чем русских, полагал этот счет преувеличенным, находя, что уплатою менее 100 тыс. руб. убытки дорог покроются. Для исследования этого дела был послан в Варшаву товарищ главноуправляющего путями сообщения Герстфельд, который одобрил счет совета с тем, чтобы он был представлен на утверждение наместника царства. Заключение административного совета польского царства было в пользу представленного счета, в чем хозяевам жел. дороги помогал генерал-майор Трепов, бывший тогда членом

административного совета и начальником полицейского управления в царстве (впоследствии генерал-адъютант и с.-петербургский градоначальник).

Граф Берг представил означенное заявление на утверждение государя, который приказал рассмотреть счет в технической комиссии при главном управлении путей сообщения и окончательно в комитете по делам царства Польского. Расчет, сделанный в комиссии под председательством Герстфельда и при членах, среди коих были Кербедз и я, был очень близок к расчету Кербедза. Комитет по делам царства Польского возвысил уплату дорогам до 300 тысяч рублей.

Главную роль в комитете играл по этому делу член его К. В. Чевкин, который мне сказал, что хотя комитет и согласился с заключением технической комиссии, но положил выдать дорогам за их убытки 300 тыс. рублей, так как эта сумма была по распоряжению Берга, уже уплочена в виде аванса, а не апробовать сделанного наместником распоряжения Чевкин находил неудобным.

Варшава продолжала иметь вид мятежного города. Вильна была спокойна. В Польше продолжали бродить мятежнические вооруженные шайки с жандармами-вешателями. В северо-западных губерниях они появлялись уже редко. Этого не следует приписывать какой-либо особенности того или другого края или, как обыкновенно полагают, более строгим наказаниям, которым подвергались мятежники в северо-западном крае, а собственно мерам М. Н. Муравьева.

Перечитывая приговоры над мятежниками, он входил во все подробности произведенного над ними суда и долго их взвешивал, прежде чем решался утвердить. Несмотря на это, он умел прослыть злодеем-тираном. Впрочем, эта репутация могла содействовать скорейшему усмирению мятежа в северо-западных губерниях. При проезде моем в конце сентября по Варшавской жел. дороге, растущий около нее лес в пределах Польши еще не начинали рубить, тогда как в северо-западных губерниях он был уже вырублен на 150 саж. с каждой стороны дороги, и вследствие этого были прекращены повреждения пути мятежниками. Эта вырубка была произведена без особых затруднений и не дорого стоила. В Вильне я провел день, в который праздновали рождение Муравьева, и еще несколько дней. Большую часть времени я проводил в его семье, которая тогда собралась в Вильне. Жена же его и дочь Софья Михайловна Шереметева постоянно жили в Вильне. У последней было много малолетних детей, из которых в следующем году умерло трое.

Муравьев был примерный муж и отец. Дочь его была особенно им любима, и он был очень ласков со своими внучатами. Со мною он был, по обыкновению, любезен, говорил о положении наших дел в Польше и западных губерниях, недоволен был распоряжениями в Польше и в Петербурге, в который, по его словам, переселился польский ржонд. Он очень благодарил меня за порядок на жел. дороге и находил, что инспекция дороги и полицейское ее управление много способствовали к его водворению. Я вос-

пользовался этим, чтобы просить его ходатайства о награждении инспектора дороги Граве, помощника последнего по участку дороги, пролегающему по северо-западным губерниям, и инженеров, командированных в эти губернии по случаю мятежа в распоряжение инспектора, а равно начальника полицейского управления жандармского полковника Житкова и подчиненных ему в этих губерниях жандармских офицеров.

По увольнении Муравьева в апреле 1865 г. от должности главного начальника северо-западного края, жена моя заметила жене Муравьева, что муж последней, наградив моих подчиненных, не наградил меня, а мог бы доставить мне аренду, в которой мы нуждаемся. П. В. Муравьева ответила, что так как мы не жаловались на недостаточность нашего состояния, то она полагала, что мы вполне обеспечены. Она передала этот разговор своему мужу, который просил Мельникова исходатайствовать мне аренду.

Последний, имея в виду, что я в том же апреле 1865 г. получил корону к Анне I ст., обещался при первом представлении исходатайствовать мне аренду. В 1867 г. он мне сказал, что намерен меня представить к иной награде. Моя сестра А. И. Викулина, узнав об этом, заявила, что подобная награда, вместо Владимирской звезды, была бы ей неприятна, и я, в угождение ей, отказался от аренды в пользу лица, более меня нуждающегося, и получил означенную звезду.

В бытность мою в сентябре 1863 г. в Вильне, М. Н. Муравьев обратил мое внимание на зна-

чительное число польских уроженцев, служащих на Нижегородской жел. дороге, на дурное ведение училища, учрежденного в Коврове для детей мастеровых и рабочих этой дороги, и в особенности на сборы, которые на ней делаются без разрешения начальства будто бы с благотворительной целью, а на самом деле для вспомоществования польскому восстанию. Польских уроженцев действительно было много на Нижегородской дороге, но этого нельзя было отвратить. При осмотре же училища я не нашел вредного направления в учении детей, хотя смотрительницею училища была польская уроженка. Осмотр же книг, в которые записывались добровольные приношения служащих на дороге и которых мне долго старались не показывать, навел и во мне подозрение, что эти приношения делаются не с благотворительною, а политическою целью. По донесению моему об этом Мельникову, запрещен вперед сбор таковых приношений, если на него не последовало особого разрешения подлежащего начальства.

На станциях жел. дорог часто остаются грузы и пассажирский багаж, за получением которых никто не является. По истечении определенного срока, вызываются их владельцы объявлениями в газетах, а если и затем владельцы не явятся за получением грузов и багажа, то они подвергаются продаже. По накоплении таковых на нижегородской станции Московско-нижегородской жел. дороги, осенью 1863 г. они были раскрыты перед продажею и между ними найден чемодан, наполненный более 1000 печатных

экземпляров подложного манифеста императора Александра II от 31 марта 1863 г. и прокламаций, от того же числа, несуществующего «временного народного правления» под наименованием «Земля и воля», «Свобода вероисповедания».

В манифесте объявлялась полная свобода веры, потомственное владение крестьян землею в определенном размере без всякой уплаты как помещикам, так и государству, уничтожение рекрутских наборов, возвращение солдат на родину с получением ими земельных наделов, уничтожение подушных окладов, избрание народом государственного совета для управления с помощью государя всею русскою землею. Манифест кончался словами: «Такова монаршая воля наша!»

«Всякий, объявляющий противное и не исполняющий сей монаршей воли нашей, есть враг наш. Уповаем, что преданность народа оградит престол наш от покушений злонамеренных людей, не оправдавших наше монаршее доверие.

Повелеваем всем подданным нашим верить одному нашему монаршему слову. Если войска, обманываемые их начальниками, если генералы, губернаторы, посредники осмелятся силою сопротивляться сему манифесту, да восстанет всякий для защиты даруемой мною свободы и, не щадя живота, выступит на брань со всеми дерзающими противиться сей воле нашей.

Да благословит всемогущий господь бог начинания наши.

С нами бог, разумейте языцы и покоряйтеся, яко с нами бог».

Временное народное правление, в своей прокламации, объявляет, что единственный исход из злополучного состояния, в которое поставлен русский народ, есть открытое восстание, и что собранные в Москве представители всех сословий признали необходимым приступить к делу немедля, при чем управление всем краем, до его полного освобождения, вручали избранному правлению. Оно объявляет всем полную свободу, отмену подушных окладов и налогов, падающих на лица, упразднение постоянной армии, возвращение солдат на родину с получением ими земельных наделов, избрание каждые три года всем народом «Земской думы».

Для успеха предпринятого дела правление повелевает: «всем способным носить оружие составить ополчение», предводительствовать поставленным от правления военным старшинам, коим «все без изъятия обязаны беспрекословно повиноваться под страхом смертной казни»; все власти упразднить, а бразды правления вверить назначенным народовым правлением гражданским старшинам; срок службы ополчения и гражданских старшин ограничить окончательным освобождением земли русской; последние должны тогда передать свою власть избранным от народа старшинам. Прокламация оканчивалась словами: «Никому не ставить в вину преступлений против народа, учиненных до настоящего времени, и не мстить за оные. Великодушие — доблесть, свойственная свободному народу.

Всякого, кто бы он ни был, дерзающего сопротивляться прямым или косвенным образом сим повелениям нашим со дня объявления оных,

считать изменником и предавать такового полевому военному суду».

Инспектор Нижегородской жел. дороги Казначеев, вместе с начальником жандармского полицейского управления дороги, сделали опись означенных бумаг и отправили их к нижегородскому губернскому жандармскому штаб-офицеру, о чем Казначеев мне донес с приложением экземпляра манифеста и прокламации.

Еще до получения мною этого донесения было известно, что эти манифест и прокламация в большом количестве разносятся и разбрасываются по деревням, преимущественно приволжских губерний. Но их составители не понимали русских крестьян, которые ловили распространителей этих документов и представляли правительству. Вероятно, многие из них были наказаны тогда административным порядком, а если и были судимы, то, по негласности тогдашних судов, остались неизвестными публике, а в том числе и мне, имена составителей и распространителей означенных документов, а равно неизвестно, как велико было их число[1].

В VIII главе «Моих воспоминаний» я упоминал, что непосредственным следствием манифеста 19 февраля 1861 г. относительно моих денежных обстоятельств было неполучение оброка

[1] Подробности об этой прокламации у М. К. Лемке (который отмечает участие польских революционных групп в составлении ее) в примечаниях к Сочинениям А. И. Герцена (т. 16, стр. 333—368 и т. 22, стр. 135—138), который писал в «Колоколе» о ней и предостерегал революционеров от увлечения такими приемами возбуждения крестьян. *С. Ш.*

с крестьян в имении моей жены. В 1861 г. и 1862 г. я обращался с жалобами к министру внутренних дел, но безуспешно, и говорил о выкупе надела крестьянами жены моей с бывшим управляющим земским отделом Яковом Александровичем Соловьевым (впоследствии сенатором), направление которого объяснять все в пользу крестьян и во вред помещикам было известно. Он мне объяснил, что хоть по положению об освобождении крестьян, жена моя, получавшая по 9 р. ежегодного оброка с души мужского пола, а равно и все соседние с имением жены моей помещики, также не получающие после 19 февраля 1861 г. оброков с их крестьян, имеют право за крестьянский надел в 5 десятин получить при обязательном выкупе по 120 руб. с души, но что земля в их имениях очень плоха и не стоит 24 руб. за десятину; крестьяне же платят оброк не доходом с земли, а вырабатывая его своим трудом; он же не полагает, чтобы я принадлежал к числу тех помещиков, которые хотят, чтобы их крестьяне выкупили не только землю, но и свой труд. Принуждение же крестьян платить попрежнему оброки вперед до выкупа их надела не относится до его обязанности, но он полагает, что помещики, запретив после манифеста 19 февраля рубку лесов крестьянам, которые, по его мнению, только этим промыслом могли уплачивать оброки, сами были причиною прекращения уплаты оброков [1].

[1] Як. Ал. Соловьев (1820—1876), один из главных деятелей по упразднению крепостной зависимости крестьян; еще при Николае I много работал по облегчению их налогового обложения. *С. Ш.*

Я ему отвечал, что получение оброка почти безнедоимочно в продолжение многих лет доказывает, что местность, на которой населены крестьяне, доставляет им удобства к платежу, и поэтому не следует, при выкупе крестьянских наделов, обращать внимание только на удобства почвы к земледелию, а и на все другие обстоятельства местности, приносящие выгоды крестьянам. К этому я просовокупил, что его предположения могли быть предметом обсуждения до издания положения об освобождении крестьян от крепостной зависимости, но, по утверждении этого положения верховною властью, остается только приводить его в исполнение, в точности следуя его указаниям. Относительно сделанного будто бы после 19 февраля 1861 г. запрещения крестьянам рубить лес я объяснил Соловьеву, что им никогда не дозволялось его рубить бесплатно, за исключением того, что им было нужно для построек и починок их изб и для их отопления, и что в имении жены моей после 19 февраля 1861 г. никакого изменения сделано не было.

Осенью 1862 г. обедал у меня нижегородский губернский предводитель дворянства П. Д. Стремоухов, который сказал мне, что он вызван министром внутренних дел для объяснения по делам Ветлужского края, в котором крестьяне прекратили уплату оброков помещикам, и для определения стоимости в нем крестьянского надела[1]. Стремоухов, будучи помещиком в части

[1] Этот Стремоухов, вместе с другими крепостниками, вел настойчивую борьбу с нижегородским губернатором, бывшим декабристом А. Н. Муравьевым, по-

Нижегородской губернии, лежащей на правой стороне р. Волги, не имел понятия о Ветлужском крае и, согласно со всеми помещиками нагорной стороны Волги, считал этот край бесплодным и для крестьян безвыгодным. Он заявил мне, что по неплодородию тамошней почвы и бедности крестьян он полагает, что оброк с души в Ветлужском крае не должен был превышать 6 руб., а затем выкуп крестьянского надела равняется 100 руб. вместо 120, которые следовали по положению 19 февраля 1861 года.

При этом расчете я получил бы выкупной суммы почти за 1100 крестьянских наделов не 132 000 р., а именно 110 000 р., за исключением из них долга сохранной казне до 81 000 р. и накопившейся в ней недоимки, мне причиталась бы самая незначительная сумма, которую я получил бы выкупными свидетельствами, стоившими на бирже на $^2/_3$ ниже их номинальной цены.

Это предположение об ограничении выкупной ссуды, высказанное губернским предводителем дворянства, долженствовавшим защищать помещичьи интересы, меня сильно встревожило. Конечно, Стремоухов хотел этим угодить своему начальству, и действительно он вскоре был назначен рязанским губернатором с производством из надворных в статские советники. В этой должности он вел себя неприлично во многих

ложившим начало дворянскому движению в пользу отмены т. н. крепостного права. В своих доносах и пасквилях Стремоухов называл умереннейшего либерала Муравьева революционером и врагом монархии. См. выше, стр. 66 и др. *С. Ш.*

отношениях, так что, несмотря на поддержку министра внутренних дел Валуева, был вскоре от нее уволен.

Жалобы мои и соседних помещиков побудили министра внутренних дел назначить комиссию для исследования причин неплатежа оброка крестьянами Ветлужского края Нижегородской губернии и определения стоимости крестьянского надела в этом крае. Председателем этой комиссии был Лев Савич Маков (впоследствии министр внутренних дел и член государственного совета), а членами служащие в Нижегородской губернии. Ей поручено было о причинах неплатежа оброка донести министру, а о стоимости выкупного надела сообщить нижегородскому губернскому по крестьянским делам присутствию.

Комиссия нашла, что земля, на которой поселены крестьяне, неплодородная (хотя не видала почвы, которая была покрыта толстым слоем снега), но что крестьяне имеют возможность платить оброки, а не платят по бездействию мировых посредников. Стоимость выкупного надела комиссия определила только в некоторых незначительных деревнях ниже нормальной.

Непосредственным следствием донесения комиссии было назначение новых мировых посредников вместо прежних, так называемых «красных», с отдачею последних и, между ними, моего шурина В. Н. Левашева под суд, который, впрочем, не имел никаких последствий.

В участке, в котором было имение моей жены, посредник Немчинов был заменен отставным капитаном Зоцом (уже умерший).

В бытность мою в августе в Нижнем-Новгороде я познакомился с Зоцом и его женою, очень живою и энергичною женщиною, имевшею большое влияние на своего мужа. Зоц в это время только что вступил в должность и назначил время, к которому крестьяне имений его мирового участка должны внести оброки и недоимки. Он уверил меня, что его приказание будет исполнено и что он вскоре пришлет мне значительную сумму.

Действительно, осенью 1863 г. он мне прислал в счет оброка и недоимок за предыдущие два года 18 000 р., при чем просил моего позволения обождать сбором остальной суммы в виду действительной бедности некоторых крестьян, которые, привыкнув в 2½ года не платить оброков, ничего не сберегли. Я, конечно, согласился обождать взноса этой части оброка, тем более, что нисколько не надеялся на получение недоимок и был бы доволен и тем, если оброк на будущее время вносился бы исправно.

После разных затруднений, отклонением которых я преимущественно обязан Зоцу, выкуп крестьянского надела утвержден 1 ноября 1866 г. Вышеупомянутая сумма более 18 000 р. была прислана Зоцом по почте. Когда я пришел в почтамт за ее получением, мне объявили, что она составляет очень большой пакет из кредитных билетов мелкого достоинства, что этот пакет прорвался и почтовое начальство нашло нужным переверить находящуюся в нем сумму, причем нашло, как выразились почтовые чиновники, лапшу из старых мелких кредитных билетов. Получив эту сумму, я немедля внес ее

в государственный банк, чиновники которого нашли в ней фальшивых билетов всего на 13 рублей.

Осенью 1863 г. двоюродный брат мой Н. А. Замятнин был назначен управляющим земским отделом на место Я. А. Соловьева. По приезде его в Петербург, я сказал ему, что считаю своею обязанностью передать ему мой взгляд по двум предметам, из коих один относится до него, а другой до меня.

Первый заключался в совете быть поэкономнее, тянуть ножку по одежке, так как жизнь в Петербурге дорога и в нем никого ничем не удивишь. Вслед затем я объяснил ему положение дела по выкупу крестьянского надела в имении жены моей. Я присовокупил, что, зная, как многим неприятны советы, я даю ему мой в первый и последний раз, а также никогда не буду более говорить ему о выкупе надела в имении жены моей, так как по его новой должности дело по выкупу зависит от него и его взгляд на это дело может разниться с моим.

По первому предмету Замятнин отвечал мне, что жить приходится один раз, что он любит пожить хорошо, а когда не будет никаких средств к хорошей жизни, то лучше от нее избавить себя. Действительно, он жил сверх своих средств. По смерти его в 1868 г. остались два сына, две дочери и несколько десятков тысяч долга. По делу же о выкупе крестьянского надела в имении жены моей он мне помогал.

В 1863 и 1864 гг. другой мой старый друг Цуриков приезжал в Петербург для определения

старшего сына в морской корпус и второго в гвардейскую юнкерскую школу. Цуриков, сохранив память и дар красноречия, вовсе не был похож на молодого моего друга. Он чрезвычайно пополнел, оброс огромными волосами на голове и бороде, сделался ханжею и крепостником. Он умер в Орле почти в одно время с Нарышкиным. Последняя болезнь его была также душевная, доходившая до бешенства. Сыновья его во время обучения в Петербурге проводили у нас праздничные дни. Старший, скромный и умный мальчик, перешел из морского корпуса в Павловское военное училище, вскоре вышел в отставку, женился и поселился с матерью и сестрами в деревне. В приезд свой в Петербург, он был у нас с своей женой.

Второй сын Цурикова, замечательный своею красотою, был большой шалун. За дерзости против офицера в юнкерской школе он по суду был разжалован в рядовые, хотя за доброе сердце и большой ум он очень был любим своими начальниками и товарищами. Отпущенный из полка для свидания с матерью, он в ее глазах застрелился.

Зиму 1863—1864 г. провели в Петербурге постоянный друг жены моей графиня Александра Николаевна Корниани, урожденная Тютчева, и г-жа Мацнева. Последняя не жила с мужем, человеком весьма дурной репутации. Его родной брат известен был своими жестокостями с крепостными людьми и с своею женою. Жестокости его доходили до того, что он голых жену свою и крепостных женщин запрягал в телегу и повесил одну из этих женщин голую

на дереве, с которого она была снята едва живая.

Этот Мацнев был по суду сослан в Сибирь, но, как помнится, приговор суда не был приведен в исполнение, а Мацнев был оставлен в орловском тюремном замке. Брат его, муж нашей знакомой, не доходил до таких неистовств, но был лгун и дурной муж, промотавший имение свое и жены. Последняя, имея двух малолетних сыновей, оставила мужа и поселилась для воспитания сыновей в Швейцарии. Ее несчастное положение и миловидность привлекали к ней мою жену. В зиму 1863—1864 г. она остановилась в Петербурге у нас. Воротясь за границу, она долго переписывалась с моею женою, но после вторичного ее, через несколько лет, приезда, она, по своему легкомыслию, разошлась с женою моею и переписка их прекратилась. Один из ее сыновей женился на орловской помещице Феодоровой и в свои приезды в Петербург постоянно нас посещал; другой же постоянно живет за границей.

Графиня Корниани останавливалась у брата своего Николая Николаевича Тютчева (тайного советника, члена департамента уделов). Любя страшно Россию, брата своего и мою жену, с которою была в постоянной переписке с 1841 г., времени отъезда ее за границу, она не любит итальянской аристократии. После 1863 г., несмотря на свою болезнь и ограниченные средства, она каждые два года приезжала на несколько месяцев в Россию, оставляя в Италии двух сыновей и мужа, умершего в 1874 году.

Первая жел. дорога в России была устроена акционерным обществом между Петербургом, Царским селом и Павловском. Она открыта для движения 4 апреля 1838 г. Председателем правления этого общества был до 1859 г. включительно самый близкий человек к императору Николаю Павловичу граф, впоследствии князь, А. Ф. Орлов, бывший шефом жандармов, а впоследствии председателем государственного совета. В числе членов этого правления находился сначала один из учредителей общества граф А. А. Бобринский, а впоследствии А. И. Сабуров. Они оба принадлежали к высшему петербургскому обществу. Управляющим дорогою в 1847 г. был инженер подполковник Ф. И. Таубе. Управление дорогою шло патриархально: Таубе угождал правлению, а оно не могло им нахвалиться. Главные заботы дороги состояли в доставлении удобного проезда не только императорской фамилии, но и всем петербургским сановникам.

Акционеры, недовольные ходом дел по дороге, не смели выразить своего неудовольствия против правления, которого председателем был Орлов. Проезжавшие по дороге были в том же положении, и сверх того, до открытия 1 ноября 1851 г. движения по Николаевской жел. дороге, не было в России жел. дорог для сравнения с Царскосельскою.

Я уже говорил, что после Парижского мира 1856 г. языки развязались. Неудовольствия акционеров и проезжающих по Царскосельской дороге начали высказываться в общих собраниях акционеров этой дороги и в периодических из

даниях. Это побудило всех прежних директоров выйти в 1859 г. из правления, а вместе с ними и Таубе оставил место управляющего дорогою. Новыми директорами правления были избраны И. И. Кабат (лейб-окулист), В. П. Ефремов (впоследствии председатель Царскосельской дороги), П. И. Лампе, отставной инженер путей сообщения, имевший банкирскую контору подле Казанского моста, и барон Виттенгейм. Управляющим дорогою был назначен инженер путей сообщения Андрей Николаевич Тесмин (впоследствии директор С.-Петербурго-варшавской жел. дороги).

Положение Царскосельской дороги, по недостаточности подвижного состава, при постоянно усиливающемся по ней движении, и по недостаточности ремонта в продолжение слишком 20 лет со времени ее открытия, было незавидное. Новое правление старалось представить его в самом дурном виде. Не смея гласно нападать на прежнее правление, которого председателем был Орлов, бывший в 1860 г. еще председателем государственного совета, все нападения обрушились на Таубе, который впрочем действительно был главным, если не единственным распорядителем на дороге. На него обвинения посыпались в разных периодических изданиях. Его обвиняли в злоупотреблениях, которых, по моему убеждению, не было, а было только неизвинительное, бесцеремонное распоряжение дорогою, принадлежащею акционерному обществу.

Обращали особенное внимание на то, что Таубе выстроил большой дом у Аларчина моста, тогда как всем было известно, что он был

человек без всяких средств. Но он построил этот дом на деньги, нажитые совершенно независимо от управления Царскосельскою дорогою.

Большая часть статей против Таубе писалась одним из новых директоров правления Царскосельской дороги, бароном Виттенгеймом, человеком более чем сомнительной честности и лично враждебным Таубе за то, что последний изловил его в бытность управляющим дорогою, когда он, не взяв билета на проезд, садился в вагон.

Прежнее правление, конечно, действовало дурно, но честно; за новое же, в котором Виттенгейм был членом, трудно поручиться в этом отношении.

В 1867 г. великая княгиня Елена Павловна была в Карлсбаде в одно время со мною, но она меня не приглашала к себя и вообще вела жизнь очень уединенную: ее не видать было при источниках и на гуляньях по городским улицам, она ходила одна по окрестностям Карлсбада. Однажды прогуливаясь с Цицуриным у Бильда (образ богородицы, висящий на дереве) в довольно большом расстоянии от Карлсбада, мы встретили колясочку, запряженную ослом, которого вел мальчик, а вслед за ним старую даму. Цицурин при этой встрече мне сказал, что эта дама очень похожа на великую княгиню. Я отвечал, что дама действительно похожа на великую княгиню. В это время мы поравнялись с нею, и она, услыхав мои слова, сказала:

— Она самая.

Она обошлась с нами благосклонно, сказала, что приехала в этот же день утром. Мы заявили удивление, что она прогуливается так далеко и совершенно одна. Великая княгиня отвечала, что она очень постарела и своею старостью никому не хочет быть в тягость.

Из других известных русских были в одно время со мною в Карлсбаде великая княгиня Мария Николаевна, ее муж граф Г. А. Строганов, фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский и граф П. А. Клейнмихель; я посещал двух последних.

Немцы, даже бюргеры, пресыщены аристократическими идеями. При встрече с Строгановым, под руку с женою, они говорили довольно громко презрительным тоном, что великая княгиня вышла замуж за своего конюха.

Всего же чаще я проводил время при водолечении и на гуляньях с П. К. Меньковым, который иногда посещал нас.

Князь Барятинский очень страдал от подагры. Он часто говорил со мною о предполагаемом им устройстве жел. дорог и других путей сообщения на Кавказе. Он находил нужным не уменьшать число кавказских войск по покорении Кавказа, а употребить их для устройства означенных сообщений. Этот разговор был продолжением тех объяснений, которые я, по приказанию Мельникова, имел с ним осенью 1861 г. в Царском селе относительно представленного им проекта жел. дороги между Поти и Баку, подробный разбор которого, составленный по моему поручению состоявшим при мне инженером Киприяновым, был мною представлен Мельникову.

В моем донесении, при котором был представлен этот разбор, я полагал устройство означенной жел. дороги преждевременным.

Весь день, за исключением обеденного времени, мы обходили огромный завод, для настоящего ознакомления с которым потребовалось бы несколько недель. При нас отливали пушку из тягильной стали. Крупп сам все объяснял нам. Перед обедом он познакомил меня с своею женою, очень красивою и весьма приятною блондинкою, которой было немного более тридцати лет. За обедом я видел их единственного сына, болезненного мальчика. К обеду Крупп надел на шею анненский крест с бриллиантами, который он получил за доставленные им в Россию пушки. Он говорил, что много обязан России и рад принять у себя русского генерала, кавалера одного с ним ордена.

Между прочим он мне рассказал, что 38 лет назад он работал на этом же месте с тремя кузнецами, а в 1864 г. его завод употреблял ежедневно до 2000 пуд. каменного угля, привозимого за 14 верст по его собственной жел. дороге из принадлежащих ему копей.

Поздно вечером мы выехали обратно в Кельн, куда приехали ночью. Большой вагон-салон был наполнен немецкими инженерами путей сообщения.

При обратном проезде в Россию через Берлин, я заходил к министру публичных работ графу Инценблицу благодарить его за циркуляр о том, чтобы меня допустили к осмотру жел. дорог, и упомянул с благодарностью о Меллере, прави-

тельственном инспекторе в Кельне. Министр мне отвечал, что Меллер действительно отлично хороший и умный человек, что он, президент Кельнской провинции, не желая покидать службы по министерству публичных работ, вместе с тем принял на себя обязанность правительственного комиссара жел. дорог в Кельне.

Тогда я только понял, почему был так легок доступ мне на завод Круппа и почему Меллер имеет помещение в доме кёльнских присутственных мест. Но это помещение состояло всего из 4-х бедно меблированных комнат, а Кёльнская провинция в Пруссии имеет не меньше значения, чем Московская губерния в России. Московский генерал-губернатор занимает огромный дом, содержание которого стоит ежегодно больших сумм. Понятно, что подчиненные чиновники ведут род жизни, сообразуясь с начальниками, и что это дает повод к всеобщей неуместной у нас роскоши, которой последствие—взяточничество и другие безнравственные поступки.

Осенью 1864 г. приехал в Петербург бывший новороссийский генерал-губернатор, генерал-адъютант Павел Евстафьевич Коцебу, возбудивший вопрос о продолжении строившейся между Одессою и Балтою дороги не на Киев, как он представлял прежде, а на Кременчуг, явно желая, чтобы жел. дорога как можно дольше шла в районе его генерал-губернаторства, и о представлении барону Унгерн-Штернбергу работ по этому продолжению на тех основаниях, на которых он строил Одессо-

балтскую дорогу. Русское географическое общество пожелало обсудить вопрос о направлении дороги от Балты в своем заседании, к которому пригласило между прочим Коцебу и меня.

Я заехал к Мельникову сказать, что я намерен в заседании общества говорить о направлении дороги между Москвою и Одессою и желал бы знать его мнение по этому предмету. Мельников, видимо недовольный моим заявлением, отвечал, что я, как и все другие, могу говорить все, что угодно, подразумевая, что эта болтовня ни к чему не поведет.

В заседании общества Коцебу изложил свое мнение о направлении дороги от Балты на Кременчуг и был сильно поддерживаем одесским банкиром Рафаловичем, читавшим приготовленную им по этому предмету статью на французском языке. Я изустно возражал, причем давал предпочтение соединению Москвы с Одессою через Курск и Киев. Многие нашли мое возражение правильным и изложенным блистательно.

А. А. Абаза (впоследствии председатель департамента экономии в государственном совете) заявил мне, что он не разделяет моего мнения о преимуществе направления от Балты на Киев, но что он не одобряет предложенного Коцебу способа постройки жел. дороги через Унгерн-Штернберга, человека вовсе не сведущего в деле устройства жел. дорог. Я заподозрил Абазу в том, что он предпочитает направление на Кременчуг из желания угодить великой княгине Елене Павловне, двора которой он был гофмейстером и ее любимцем. Большое имение великой княгини находилось вблизи означенного

направления. Абаза впоследствии сошелся с Унгерн-Штернбергом и вместе с ним был учредителем Харьково-кременчугской жел. дороги.

Желая предотвратить избрание правительством направления дороги от Балты на Кременчуг, а не на Киев, я написал статью о направлении дороги от Москвы до Одессы, которую послал в журнал, издававшийся тогда Иваном Сергеевичем Аксаковым, приславшим мне по этому поводу следующую записку[1].

«Статья ваша помещена, потому что цензор одну статью запретил, а другую удержал для доклада цензурному комитету. Так что если бы не было вашей статьи, я не мог бы выпустить номера. Цензор, подписавши корректуру вашей статьи, возвратил её мне при письме, в котором пишет, что частным образом ему положительно известно, что проект Коцебу уже удостоился высочайшего утверждения; что он, цензор, не считает себя в праве не пропускать статьи, так как высочайшее утверждение еще не объявлено, но думает, что я, по собственному соображению, как редактор, не захочу ее поместить. Грешный человек, я тут и захотел. Через несколько дней нельзя будет и рта разинуть об этой дороге, нужно воспользоваться представляющейся возможностью. Статья мастерская, ловкая и должна произвести впечатление».

Статью мою я напечатал в издании Аксакова, а не в значительно более распространенных

[1] Я привожу буквально эту записку, чтобы показать, как трудно было издавать журналы при существовавшей тогда цензуре. *Авт.* Речь идет о газете «День». О том, почему Унгерн-Штернберг получал от царя концессии, см. ниже, стр. 413. *С. Ш.*

«Московских ведомостях», в которых до сего времени постоянно помещал мои статьи о жел. дорогах, потому что редакторы этих ведомостей, в случае их несогласия с выраженными мною мнениями, делали подстрочные замечания, вместо того, чтобы предварительно объясниться со мною по тем предметам, по которым мы не сходились в мнениях, или печатать свои мнения особо от моих статей.

Направление жел. дороги от Балты до Елисаветграда было высочайше утверждено 25 марта 1865 г. и ее устройство отдано барону Унгерн-Штернбергу по заключенному с ним генерал-адъютантом Коцебу 12 мая 1865 г. контракту, которого основные условия были высочайше утверждены 25 марта того же года. Впоследствии, и именно 3 августа 1867 г., между ними же заключен контракт на сооружение Елисаветградо-кременчугской дороги, основные условия которого были высочайше утверждены 5 мая того же года.

Но заседание географического общества и статьи в периодических изданиях не остались без последствий. Ими выяснилась необходимость скорейшего соединения жел. дорогами Киева с Одессою и Москвою по направлению не через Орел и Брянск, как предполагалось сетью жел. дорог, одобренною 3 января 1863 г., а через Орел и Курск. В 1865 г. принимались меры к немедленному устройству жел. дороги между Москвою, Курском, Киевом и Одессою. Общества Одесско-киевской и Московско-севастопольской жел. дорог, уставы которых были утверждены 21 марта и 25 июля 1863 г., не

могли, несмотря на данные им весьма значительныя льготы, реализовать необходимые капиталы.

Несмотря на начавшуюся с 1861 г. реакцию, реформы по государственному управлению продолжались. В 1864 г. открыты были в нескольких губерниях земские учереждения, а 20 ноября того же года опубликованы судебные уставы. И те и другие имеют много недостатков: первые по ограниченности их прав, а во вторых в особенности дурно устроена нотариальная часть, но во всяком случае это был прогресс.

В первом созванном после этого собрании московского дворянства, оно 12 января 1865 г. составило следующий адрес государю:

«Московское дворянство в настоящем собрании не может не высказать вашему императорскому величеству чувства глубокой преданности и благодарности за ваши мудрые начинания, всегда клонившиеся к благу нашего отечества. Мы готовы, государь, содействовать вам словом и делом на трудном, но великом пути, избранном вами. Мы уверены, государь, что вы не остановитесь на этом пути и что вы пойдете вперед, опираясь на ваше верное дворянство, на весь русский народ. В дружном единении и целости—сила нашего отечества. Собрав вашу разъединенную доселе Русь в одно целое, сплотив ее твердо и заменив права отдельных ее частей одними общими правами, вы искорените навеки возможность мятежа и междоусобий. Призванному вами, государь, к новой жизни земству, при полном его развитии, суждено навеки упрочить славу и крепость России.

Довершите, государь, основанное вами государственное здание созванием общего собрания выборных людей из земли русской для обсуждения нужд, общих всему государству. Повелите вашему верному дворянству с этою же целью избрать из среды себя лучших людей; дворянство всегда было опорой русского престола. Не считаясь на государственной службе, не пользуясь сопряженными с нею наградами, безвозмездно исполняя свой долг для пользы отечества и порядка, эти лица по самым условиям своего государственного положения будут призваны охранять драгоценные для народа и необходимые для истинного благоустройства нравственные и политические начала, на которых зиждется государственный строй. Этим путем, государь, вы узнаете нужды нашего отечества в истинном их свете; вы восстановите доверие к исполнительным властям; вы достигните точного соблюдения законов всеми и каждым и применимости их к нуждам страны; правда будет доходить беспрепятственно до вашего престола; внутренние и внешние враги замолчат, когда народ, в лице своих представителей, с любовью окружая престол, будет следить постоянно, чтобы измена ни откуда проникнуть.

Всемилостивейший государь, московское дворянство высказалось перед вами, повинуясь священному долгу верноподданных, ничего не имея ввиду, кроме государственной пользы.

Мы высказались, государь, в полной уверенности, что наши слова соответствуют вашей собственной державной мысли и духу ваших великих преобразований».

Предполагаемое этим адресом[1] созвание общего собрания выборных людей из земли русской для обсуждения нужд, общих всему государству, очень не понравилось в высших правительственных сферах и послужило только к увеличению реакционных действий правительства. Москва никогда не понимала или не хотела понимать петербургской политики и потому неоднократно обращалась с такими адресами, которые имели означенное последствие. Но и Петербург иногда не отставал от Москвы. Так, в 1867 г., в бытность графа Шувалова, родственника бывшего шефа жандармов, председателем петербургского земского собрания, по званию губернского пред-

[1] Адрес был принят большинством 270 голосов против 36 и напечатан (без разрешения цензуры) в № 4 (от 14 января) дворянской, реакционной газеты «Весть», издававшейся В. Д. Скарятиным, вопившей о разорении помещиков в пользу крестьян в 1861 г. и требовавшей, как и напечатанный здесь адрес, передачи дворянству управления государством. Газета была конфискована (несколько тысяч экземпляров ее успели, однако, разослать) и приостановлена на 8 месяцев, инициаторы адреса и другие ораторы, требовавшие введения дворянской конституции, а вместе с нею и обуздания печати и других ограничений (Д. Д. Голохвастов, В. П. Орлов-Давыдов и Н. А. Безобразов), привлечены к следствию. Дело, конечно, обошлось — дворянские революционеры наказанию не были подвергнуты. Да и хотели-то они вовсе не разрушать существующий строй или менять порядок управления, они только требовали для себя кусочка власти. Хорошо характеризует стремления этой дворянской фронды известный консерватор Б. Н. Чичерин («Воспоминания», под ред. С. В. Бахрушина, ч. I «Московский университет», М., 1929 г.): «Прикрываясь мантией либерализма, вздыхавшие о старых порядках дворяне думали этим способом забрать власть в руки и повернуть дело в свою пользу». *С. Щ.*

водителя дворянства, им и некоторыми членами собрания были заявлены разные предположения, до того не понравившиеся правительству, что Шувалов был выслан за границу, а нескольким гласным запрещено было жить в столице [1].

Однако Гагарин, подписавший адрес московского дворянства от 12 января 1865 г., не подвергся взысканию. Он вскоре потонул вместе со своим сыном в Ишле при спуске одной из тамошних плотин.

В комитете министров не было компетентных лиц для обсуждения условий контракта [с англичанином Уайнансом на содержание подвижного состава Николаевской железной дороги]: Чевкин и Рейтерн были в отпуску во время рассмотрения контракта в комитете. Но некоторые из условий контракта своею невыгодностью для правительства бросались в глаза и не компе-

[1] Гр. Андр. Павл. Шувалов (1816—1876), участник той же фрондирующей группы, добивавшейся дворянской конституции. Герцен (в «Колоколе») отдавал должное его «гражданскому мужеству, несмотря на различие» в политических взглядах, и печатал речи Ш-ва в петерб. земстве (в № 238 за 1867 г.). В январе 1867 г. петерб. губ. земство было закрыто (восстановлено через полгода) царским указом за то, что действовало «несогласно с законом» и «возбуждало чувства недоверия и неуважения к правительству», а председатель его Н. Ф. Крузе (1823—1901), который еще в конце 50-х годов, в качестве председателя петерб. цензурного комитета, пострадал за послабления печати,— был отрешен от должности и выслан в Оренбург (заменено высылкою в деревню). А. П. Шувалов был выслан на 3 года за границу. Выступление Шувалова в земском собрании сводилось к требованию отмены закона 21 ноября 1866 г., суживавшего права земств в области обложения и распоряжения средствами. *С. Ш.*

тентным лицам, вследствие чего некоторые из присутствовавших в комитете министров и в особенности управляющий министерством финансов тайный советник Константин Карлович Грот (впоследствии член государственного совета) делали замечания на контракт, но Мельников объявил в комитете, что все условия контракта им подробно рассмотрены и одобрены, что Уайнанс на изменения в нем не согласится, а так как Николаевская дорога без Уайнанса итти не может, то Мельникову, в случае неодобрения контракта комитетом министров, остается только оставить занимаемую им должность. После этого заявления условия контракта были одобрены высочайше утвержденным положением комитета министров.

Но как объяснить поведение Мельникова в деле заключения контракта с Уайнансом? Злые языки, конечно, говорили, что Мельников был подкуплен Уайнансом, но я считаю это ложью. От лиц достойных веры я слышал, что Уайнанс, при выходе в замужество племянниц Мельникова, которых последний очень любил, дарил им процентные билеты. Сожалея, что Мельников дозволил принимать эти билеты, ценность которых, впрочем, не была очень значительна, я не могу допустить, чтобы он из-за этих подарков мог решиться на заключение контракта, столь невыгодного для государства. Я же объясняю это тем, что Мельников не имел должного понятия о подвижном составе жел. дорог.

Конечно, при способностях Мельникова ему легко было бы познакомиться со всеми усовер-

шенствованиями в подвижном составе, но он, будучи слишком ленив, находил это изучение излишним. Он был уверен, что Уайнанс будет содержать в исправности подвижной состав на Николаевской жел. дороге и что, быв в продолжение четверти века приятелем Мельникова, не поставит его, как министра, в фальшивое положение перед правительством, а введет в контракт только такие условия, при которых получит не чрезмерные выгоды, но которые могли бы его защитить от неправильных притязаний управления жел. дорогою. Приятельские же отношения между Мельниковым и Уайнансом были всем известны: мне часто случалось находить их беседующими вдвоем, при чем Уайнанс принимал самые непристойные позы в то время, когда Мельникова ожидали высшие чиновники министерства с докладами.

Когда я входил в кабинет Мельникова во время его беседы с Уайнансом, последний уходил в другой кабинет Мельникова, в котором ложился на диван, а, при моем прощании с Мельниковым, снова садился на свое прежнее место для продолжения беседы. Они оба страшные циники. Уайнанс, разбогатев при исполнении первого контракта на содержание подвижного состава Николаевской жел. дороги, относился с презрением ко всем русским, уверяя, что они так падки на деньги, что между ними нет ни мужчины, ни женщины, которых нельзя купить, хотя он должен был бы убедиться в противном, вследствие потери им процесса в несколько миллионов руб., неправильно им затеянного против правительства по расчету с ним, законченному

в 1862 г. В его претензиях было ему отказано, но он, несмотря на это и на то, что пропустил все данные ему сроки на обжалование отказа, не только словесно, но и в официальных бумагах продолжал утверждать, что получит не доданные будто бы ему по первому контракту миллионы рублей, которых однакож он не получил.

Мельникову вполне были известны нахальные требования Уайнанса, которые однако не мешали продолжению их близких приятельских отношений. Когда говорили Уайнансу, что заключенный с ним контракт наполнен невыгодными для правительства условиями, он уверял, что с русским правительством нельзя заключать контрактов иначе, как чтобы все их условия клонились к пользе контрагентов, и прибавлял в шутку, что его научил писать таковые контракты С. В. Кербедз, которому он, вследствие этого, обязан всем своим богатством. Он пояснял это тем, что поставка металлических частей для Николаевского через Неву моста была забракована Кербедзом неправильно, через это Уайнанс понес значительные убытки, но он с того времени понял, какие условия должно вводить в контракты, заключаемые с русским правительством, и как должно их писать, чтобы их невыгодность для правительства не бросалась в глаза.

Когда Уайнанс был в 1865 г. вызван Мельниковым в Россию и сделалось известным, что он снова желает принять на себя содержание подвижного состава Николаевской дороги, Чевкин, бывший в это время председателем департамента

экономии в государственном совете, опасаясь новых проделок Уайнанса, старался отклонить его от этого намерения.

Чевкин, между прочим, говорил Уайнансу, что последний вывез много миллионов рублей из России, а потому он удивляется, зачем при таком богатстве подвергать себя снова неприятностям, без которых Уайнанс не обойдется при содержании подвижного состава, и могущим вновь при этом возникнуть процессам. Уайнанс спросил тогда у Чевкина, не имеет ли он какой-либо страсти, которая не оставляет его и в старости. Чевкин, после долгого настояния Уайнанса, отвечал, что он всегда любил и теперь еще любит удить рыбу. На это Уайнанс заявил, что и у него есть непреоборимая страсть заключать контракты с русским правительством. Удаление в 1870 г. Уайнанса, нажившего более 25 миллионов рублей в России, было только временное. Он продолжает наносить ей вред, как крупный акционер главного общества жел. дорог, в совете которого исполнителем его повелений сделался член совета от акционеров С. В. Кербедз.

Последний действует таким образом или вследствие выгод, предоставляемых ему Уайнансом, или вследствие желания вредить России, что не мешает ему служить в государственной службе и быть украшенным русскими звездами и орденами.

Итак, Мельников был виновником всех огромных потерь, понесенных русскою казною, вследствие заключенного с Уайнансом в 1866 г. контракта. Эти потери были известны государю,

но это не помешало Мельникову, при увольнении его в 1869 г. от должности министра путей сообщения, получить весьма милостивый рескрипт, в котором он назначался членом государственного совета и производился в инженер-генералы путей сообщения,—чин уже в то время не существовавший, так как производство в военные чины инженеров путей сообщения было прекращено в 1868 г. — а, по истечении 50 лет его службы в офицерских чинах, получить столь же милостивый рескрипт, при котором препровождались бриллиантовые знаки к ордену Александра невского и который был подписан:

«Вас любящий и благодарный».

Я уже неоднократно указывал на возникшую в последнее время особую литературу о делах, касающихся ведомства путей сообщения, приводящую искаженные факты. К этой литературе принадлежит статья внутреннего обозрения «Вестника Европы» за сентябрь 1874 г., которая была вырезана цензурою, через что этот номер запоздал выходом на неделю. В этой статье, озаглавленной: «История одного ведомства», написанной по поводу назначения К. Н. Посьета министром путей сообщения, говорится, что «значение бывших министров было так мало, что возобновление одного весьма известного контракта по содержанию подвижного состава казенной дороги совершилось вопреки мнению тогдашнего министра путей сообщения» (стр. 372 «внутреннего обозрения», вырезанного цензурою), и далее, что «при одном из двух, следовавших после Клейнмихеля, главноуправляющих путями сообщения, последовало возобновление извест-

ного контракта, о котором мы уже упоминали выше, несмотря на очевидную его невыгодность, вполне сознанную и самим главноуправляющим» (стр. 379 обозрения; ср. здесь, стр. 516).

Между тем всем известно, что Мельников, в противность многим, заключил этот второй контракт. Следовательно, автор статьи пишет это по неведению, или преднамеренно лжет. Тенденциозное направление автора статьи, приводящего бесцеремонно ложные факты для доказательства предвзятой им мысли, дает право полагать, что он и в этом случае лжет с намерением. Выше приведенное обстоятельство о заключении контракта Уайнансом приводится в статье, как пример того, что министры путей сообщения до сего времени были люди несамостоятельные, а зависевшие от других высших сановников, но для опровержения этого предположения достаточно напомнить имена пяти лиц, бывших во главе управления путями сообщения в продолжение 40 лет: граф Толь (1833—1842), граф Клейнмихель (1842—1855), Чевкин (1855—1862), граф Бобринский Владимир (1869—1871), Алексей (1871—1874 г.).

В последнее время в «Вестнике Европы» и в «С.-Петербургских ведомостях» появились статьи, которыми старались доказать, что не только постройка жел. дорог, но и их эксплоатация производится казною выгоднее, чем частными обществами, и это печатается вскоре после безобразного ведения дела по эксплоатации Николаевской жел. дороги и в виду двух выше приведенных контрактов, заключенных правительством на содержание подвижного состава

этой дороги. Можно ли допустить, чтобы какое-либо частное общество могло заключить такие контракты? А правительство заключило один почти вслед за другим и второй безобразнее первого.

Начальник полицейского управления Петербурго-варшавской жел. дороги, жандармский полковник Житков, живший в Вильне, сумел разными проделками приобрести особенное расположение М. Н. Муравьева. Разные, оказываемые им услуги семейству Муравьева, а в особенности сильно любимой последним дочери С. М. Шереметевой, сделали его у Муравьева своим, как говорится, человеком. Полицейские управления жел. дорог были тогда подчинены инспекторам дорог, а потому Житков состоял под моим начальством. В марте 1865 г. он приезжал в Петербург и передал мне о том, что Муравьев, очень недовольный своим помощником по званию главного начальника северо-западного края Потаповым (впоследствии шефом жандармов), намерен приехать к пасхе в Петербург и просить об избавлении его от Потапова, который вообще действует в противоположном Муравьеву направлении, а жена Потапова, очень религиозная женщина, живет постоянно в обществе таких дам, которые, по их политическим убеждениям, не принимаются в доме Муравьева и которые стараются нравиться ей своею набожностью.

Муравьев выражал желание, чтобы я заменил Потапова, и надеялся меня согласить на это во время пребывания своего в Петербурге, но предварительно поручил Житкову узнать мое мнение об этом назначении.

Я просил Житкова передать Муравьеву, — постоянно в продолжение 20 лет желавшему, чтобы я служил под его начальством, — что я не считаю себя способным в смутное время занимать предлагаемую мне должность и не желаю оставлять инженерной службы, которой посвятил 35 лет моей жизни. Муравьев в конце марта приехал в Петербург, где он имел бесчисленное множество врагов, и в их числе преимущественно великого князя Константина Николаевича, бывшего в это время председателем государственного совета, и издавна близкого последнему министра народного просвещения Александра Васильевича Головнина, доказавших государю, никогда не любившему Муравьева, что управление последнего северо-западным краем, после его усмирения, вредно. Разные факты, служившие к обвинению этого управления, конечно, были доставлены Потаповым [1].

Великого князя Константина Николаевича в это время не было в Петербурге, а если бы он и был там [2], то ничего не мог бы сказать о Муравьеве, потому что, после увольнения от должности наместника царства Польского, его высочество в продолжение 10 лет ни слова не говорил с государем ни о царстве, ни о запад-

[1] Следующие три абзаца помещены Дельвигом в виде приложения к этому месту его воспоминаний с пояснением, что они являются «замечанием, сделанным А. В. Головниным». *С. Ш.*

[2] Великий князь в это время уже вернулся в Петербург. *Авт.*

ном крае и тамошних деятелях, по принятой им системе, и не участвовал ни в каких комитетах и совещаниях по этим делам. Головнин никогда не был так близок к государю, чтобы иметь возможность говорить его величеству о Муравьеве, а по принятому им правилу никогда не говорил государю ни о ком дурно, опасаясь, что произведет более дурное впечатление, чем следует. Притом Головнин порицал не управление Муравьева после усмирения, но систему услужения, основанную на том, что смешивались виновные с невиновными.

Вследствие этой системы Головнин отрицал в Муравьеве гениальность, которую видели в нем его поклонники. Что касается управления краем после усмирения, Головнин открыто говорил, что Муравьев, как умный человек, лучше другого мог бы, если бы только знал положительную волю государя, перевести край из осадного положения с военным произволом в положение мирное с уважением к законам. Головнин, после увольнения Муравьева, говорил, что его преемник не сумеет это сделать, а он сумел бы, если бы ему было твердо и резко сверху приказано.

Недоброжелателями Муравьева были другие, более влиятельные люди, чем великий князь Константин Николаевич и совершенно бессильный Головнин. Государь издавна ненавидел Муравьева. Князь А. Ф. Орлов давным давно говорил Головнину много раз о Муравьеве: «Это человек мешка и веревки» [1].

[1] Намек на прозвище Муравьева-вешателя. *С. Ш.*

Государь, при представлении Муравьева по приезде в Петербург, поблагодарив его за оказанную России и ему службу, заявил, что он желает дать отдохнуть Муравьеву, а затем предположение последнего о назначении меня к нему помощником упало само собою. Государь в это время был сильно огорчен болезнью наследника, так что на 6 апреля был назначен его отъезд в Ниццу, где наследник и императрица провели зиму 1864—1865 года.

Несмотря на тревожное состояние государя, надо было найти преемника Муравьеву, который не только не допустил назначения на свое место Потапова, но настоял на немедленном удалении последнего от занимаемой им должности. Все, окружавшие государя, за исключением военного министра Милютина и министра государственных имуществ Зеленого, желали назначения на место Муравьева таких лиц, которые действовали бы в противоположном Муравьеву духе. Муравьев же и означенные два министра находили необходимым продолжать систему Муравьева, и Милютин предложил в главные начальники северо-западного края, бывшего в это время директором его канцелярии, генерал-адъютанта Константина Петровича Кауфмана.

Государь согласился, но за своим отъездом отложил увольнение Муравьева, поручив временное управление северо-западным краем помощнику Муравьева по званию командующего войсками виленского округа генерал-адъютанту Александру Петровичу Хрущову, который, по

назначении Кауфмана в Вильну, был сделан генерал-губернатором Западной Сибири.

Муравьев был уволен весьма милостивым рескриптом, которым ему жаловалось потомственное графское достоинство. Я слышал из верного источника, что пожалование этого достоинства Муравьеву испросил у государя бывший в это время директором собственной государя канцелярии по делам царства Польского Николай Алексеевич Милютин. Хотя по всем государственным делам он постоянно был разного мнения с Муравьевым, но находил, что, после оказанных последним услуг России в деле усмирения польского мятежа, государю нельзя было его уволить, не выразив ему своей благодарности и не наградив его.

Лето 1865 г. Муравьев провел в своей Лужской деревне, а зиму 1865—1866 г. в Петербурге, где очень немногие посещали его. Я же до 4 апреля 1866 г. часто проводил у него вечера. Его всегда умные и дельные разговоры очень меня занимали. Он говорил много о жел. дорогах и об устройстве других сообщений и неоднократно изъявлял удивление, что держат министром путей сообщения Мельникова, хотя честного и знающего свою специальность, но апатичного и недостаточно образованного, тогда как на эту должность, для придания жизни нашим сообщениям, следовало бы, по его мнению, назначить меня.

Несмотря на явную реакцию в высших правительственных сферах, нельзя было совершенно прекратить начатые реформы. 5 апреля

1865 г. были утверждены новые цензурные правила, по которым дозволено печатание некоторых книг и периодических изданий без предварительной цензуры, и вообще в известной степени допущена свобода печати. Русская литература воспользовалась ею с благоразумием, но это не помешало изданию впоследствии нескольких новых частных постановлений, все более и более съуживающих означенную свободу, так что впоследствии печатное слово находилось снова в весьма затруднительном положении.

В зиму 1864—1865 г. ходили весьма тревожные слухи о здоровьи наследника, который своею миловидностью и приятным обращением приобрел всеобщую любовь. Говорили, что он во время пребывания в Дании у своей невесты, принцессы Дагмары, упал с лошади и ему не было немедля подано медицинской помощи. Другие утверждали, что холодные купанья в море, которые наследник брал вопреки совету лучших петербургских медиков и, между прочими, лейб-медика Здекауэра, дурно подействовали на его слабое сложение, а что его попечитель, граф С. Г. Строганов, не обращая на это внимания, водил его в Италии по картинным галлереям в позднюю холодную осень, через что состояние его здоровья ухудшилось. Вообще обвиняли Строганова в том, что он требовал от наследника усиленных трудов и такой энергии, которые необходимы для будущего повелителя обширной империи, но которых несколько женственная натура наслед-

ника, не вполне еще сложившаяся, не могла выдержать.

Наследника больного привезли в Ниццу, где находилась императрица, но поместили не в занимаемом ею доме, а в особом, находившемся на берегу моря. Говорят, что когда сильно бушующие морские волны раздражали больного, Строганов упрекал его в недостатке энергии и обращался с ним по обыкновению сурово. Между тем не печаталось бюллетеней о здоровье наследника, при дворе все шло прежним порядком. Это заставляло думать, что слухи о его болезни преувеличены, что еще подтверждалось известием о помещении наследника не в одном доме с императрицею, которая даже, как говорили, не часто посещала своего любимого сына. Рассказывают, что истинное положение здоровья наследника было узнано государем случайно следующим образом. Государь, встретив прибывшего на страстной неделе из Ниццы фельдъегеря, спросил его о наследнике. Фельдъегерь отвечал, что здоровье наследника весьма дурно. Государь рассердился и, как тогда говорили, приказал посадить фельдъегеря под арест. Между тем полетели телеграммы, и государь этим путем узнал, что показание фельдъегеря правильно. Немедля был отправлен в Ниццу лейб-медик Здекауэр, и назначен был отъезд туда же государя и великого князя Александра Александровича на 6 апреля (т. е., на третий день праздника).

Мельников и я сопровождали государя до Вержболова. Государь был очень мрачен и

в продолжение всей поездки весьма часто получал телеграммы из Ниццы. Государь ехал на экстренном поезде через Париж, в котором не останавливался. Император Наполеон III встретил его в Париже на платформе железнодорожной станции, где говорил с ним несколько минут с непокрытою головою, как я слышал от очевидцев.

Для скорейшего и безопасного проезда государя все прочие поезда по жел. дороге из Парижа в Ниццу были остановлены. Государь нашел своего сына в безнадежном положении. Вслед за ним прибыла в Ниццу датская королева с дочерью, невестою наследника, который скончался 12 апреля в понедельник фоминой недели. Рассказывают, что принцесса не отходила от смертного ложа своего жениха. Здесь познакомилась она с теперешним своим мужем, который очень любил старшего брата и был глубоко огорчен. Вся Россия была огорчена известием о смерти любимого ею наследника, тем более, что по данному ему образованию ожидали от его царствования всего лучшего.

Покойный наследник был единственное лицо императорской фамилии, которое меня хорошо знало и было весьма ко мне расположено, а потому и в этом отношении смерть наследника была для меня большою потерею.

Тело его было перевезено на военном корабле прежним его воспитателем генерал-адъютантом Николаем Васильевичем Зиновьевым и похоронено в Петропавловском соборе. Конечно, я не преминул отдать ему последний долг и участвовал в этом печальном торжестве.

Государь и государыня вскоре по кончине наследника вернулись в Петербург.

Те из сопровождавших государя, которым он, прощаясь, подавал руку, целовали его в плечо. Между ними был Потапов, уже уволенный от звания помощника начальника северо-западного края. Государь, подавая ему руку, не нагнулся, и Потапов по малому росту не мог поцеловать плечо государя, а поцеловал его в другом месте.

В конце апреля я, по обыкновению, осмотрел Нижегородскую, Московско-рязанскую и Троицкую жел. дороги. По возвращении в Петербург, в мае, я нашел гостившую у сестры моей Наталью Дмитриевну Танееву. Во время посещения ею моей жены, к ней приезжал родной ее племянник Ножин, нигилист, которого я прежде видел у П. А. Языкова. Танеева передала своему племяннику, что его мать и отчим Делагарди, бывший в это время начальником акцизного управления Тамбовской губернии, приедут через несколько дней в Петербург, и что его младшая сестра Мария остается в нанятой его матерью на лето деревне близ Тамбова.

Несколько дней после этого, я был разбужен в 4 часу ночи, и мне сказали, что какая-то дама неотступно просит, чтобы я к ней немедля вышел, что я и исполнил. Оказалось, что это была г-жа Делагарди, которая неистово кричала, что у нее украли дочь, и наступала на меня, ударяя меня по груди. Она спрашивала, понимаю ли я, что чувствует мать, когда

у нее крадут дочь. Долго не мог я понять ее несвязных рассказов и какое отношение имеет покража ее дочери ко мне. После долгих увещаний успокоиться и яснее мне передать, чем я могу быть ей полезен, оказалось, что она получила телеграмму из Тамбова, что ее дочь со своим братом и другим неизвестным молодым человеком были в предыдущую ночь в Тамбове, где на почтовой станции переменили лошадей и поехали по направлению к Москве.

Г-жа Делагарди, полагая, что ее дочь везут за границу, просила меня сделать распоряжение по жел. дорогам, чтобы по переданным ею приметам остановили беглецов. Хотя я не имел права делать подобное распоряжение, но, в виду отчаяния матери, сообщил начальникам полицейских управлений Московско-рязанской и Петербурго-варшавской жел. дорог о задержании означенных лиц и о не пропуске их за границу.

Жандармское полицейское управление Николаевской жел. дороги не было мне подчинено. Я рано утром отправился к начальнику петербургского участка этого управления с просьбою сделать тоже распоряжение по упомянутой дороге, что он немедля исполнил.

Делагарди, муж и жена находились на петербургских станциях Николаевской дороги при каждом приезде этих поездов, я также неоднократно бывал в это время на означенных станциях, но наши ожидания встретить беглецов были в первые два дня тщетны. На третий день, при приходе вечернего поезда из Москвы,

г-жа Делагарди увидела на станции большую собаку, принадлежащую, по ее уверению, ее дочери. Молодой человек, который вел эту собаку, был, по просьбе г-жи Делагарди, задержан на станции до прибытия полицейского чиновника, за которым поехал ее муж.

Когда спросили молодого человека, который имел подорожную на имя Курочкина, известного поэта и нигилиста, где он взял собаку, он отвечал, что ему дал ее кто-то по дороге с тем, чтобы он ее передал какому-то господину, с которым в известном часу встретится на Аничковом мосту. По получении от него сведений о месте его жительства, полиция отправилась в занимаемую его матерью квартиру, где узнали от прислуги, что Ножин привозил какую-то девушку, повязанную платком, которую хозяйка квартиры немедля отвезла неизвестно куда в наемной карете и с того времени не возвращалась. Бывший тогда обер-полицийместер генерал-адъютант Иван Васильевич Анненков (впоследствии петербургский комендант) [1] назначил лучшего полицейского сыщика, какого-то военного поручика, для отыскания пропавшей девицы.

Дом, в котором жила мать молодого человека, задержанного с собакою, был окружен тайными агентами полиции. Она воротилась в него на другой день к вечеру и была немедленно отведена к обер-полицийместеру.

[1] По своему знакомству с вдовой Пушкина, Н. Н. Ланской, этот Анненков получил от нее право на первое издание сочинений великого поэта, осуществленное его братом, П. В. Анненковым. *С. Ш.*

Между тем Ножин явился в этот день утром к своей матери, уговоривая ее прекратить напрасно поиски за его сестрою, которую он намерен отвезти в Швейцарию, где она сделается полезным членом общества. Он полагал своим долгом вырвать ее из той среды, в которую, по его мнению, воспитание матери повергло его старших сестер, не приносящих никакой пользы человечеству.

Несмотря на просьбы матери, он не открыл ей места, где находится ее дочь. Анненков, не получив от приведенной к нему дамы ответа на то, куда она девала молодую Ножину, приказал ее посадить в арестантскую. Эта дама держала на руках маленькую собачку. Сторож, ведший ее в арестантскую, хотел взять собаку, объяснив, что он не может оставить при ней собаки, которой дама не отдала и заявила, что она покажет все, что у нее спросит оберполицийместер. Ее повели снова к Анненкову, которому она сказала, что отвезла Ножину в Морскую улицу, но номера дома не помнит. Анненков приказал полицейскому офицеру ехать с нею в дрожках, и найдя Ножину, отвезти ее к матери.

Поздно вечером, или вернее сказать ночью, дама возила по обеим Морским улицам полицейского офицера, уверяя, что не может отыскать дома, в который отвезла Ножину. После долгого искания, полицейский офицер свистнул и на его свисток сбежалось много дворников, по расспросу которых оказалось, что накануне эта дама с девицею вошла в один из домов Большой Морской, а что на другой день вышла из

него одна. Войдя в этот дом, полицейский офицер потребовал у хозяйки меблированных комнат, чтобы она показала комнату, в которой поместили девицу, привезенную сопровождавшею его дамою. Хозяйка отвечала, что этой девицы у нее нет более. Тогда полицейский офицер сказал, что он произведет обыск во всех меблированных комнатах, для чего в запертые двери будет стучаться, пока их не отворят. После этой угрозы хозяйка созналась, что Ножина у нее в комнате № 11. Когда начали стучать в дверь этой комнаты, испуганная Ножина долго ее не отворяла; наконец, вследствие убеждений, решилась отворить.

Полицейский офицер отвез ее, по причине позднего времени, не к матери, а к себе на квартиру, где оставил Ножину на попечении своей жены, а сам отправился к Делагарди, разбудив которого, привез его к себе и передал ему его падчерицу. Молодая Ножина после этих передряг выдержала горячку. Из ее рассказа мы узнали, что, по отъезде г-жи Делагарди из Тамбовской губернии, приехал в нанимаемый ею дом ее сын Ножин, который обедал с сестрою и оставшеюся с нею весьма почтенною старушкою, давно жившею в звании гувернантки при дочерях г-жи Делагарди. После обеда Ножин предложил сестре прогуляться в шарабане. При въезде в лес стоял заложенный тройкою тарантас, в который Ножин и другой молодой человек насильно посадили ее. Она была в одном платье, а голова ее повязана платком. Похитители привезли ее в Петербург в этом костюме, стращая, что если она где бы

то ни было скажет, что ее везут насильно, они принуждены будут прибегнуть к самым ужасным мерам.

Опасаясь, что об их поступке дано знать на конечных станциях жел. дорог, Ножин первые станции от Рязани и от Москвы, равно с последней станции Московско-рязанской жел. дороги до Москвы и из Тосны до Царского села, вез сестру в телеге. В Петербург они прибыли по Царскосельской дороге. Молодая Ножина рассказывала, что на нескольких станциях брат ее получал телеграммы, которые он читал вслух. В них сообщалось о всех поисках, делаемых его матерью и отчимом, и о моих распоряжениях. Это доказывает, что Ножин имел сообщников между телеграфистами и потому ошибаются те, которые полагают, что в то время нигилистическое направление было бессильно и не было установлено прочной связи между нигилистами. Когда молодую Ножину привезли в дом на Морской, она была в отчаянии. Привезшая ее дама уверяла ее, что ее брат скоро придет за нею и отвезет в Швейцарию, где даст ей образование, при котором она может быть полезною человечеству, что эта дама была недовольна своим сыном, когда он с тою же целью увез свою сестру в Швейцарию, но что теперь ее дочь счастлива, а она, вполне благодарна своему сыну.

По оставлении этою дамою комнаты Ножиной, никто в нее не входил, и она в ней голодала, опасаясь выйти из комнаты, которой дверь заперла снутри. Впоследствии девица Но-

жина была долго невестою присяжного поверенного Языкова, но свадьба не состоялась, и она вышла за другого. Ножин и его пособники долго угрожали подачею жалобы в суд на мои незаконные действия относительно задержания его с сестрою, но жалобы не подали. Ножин умер в Мариинской больнице накануне покушения Каракозова на жизнь государя 4 апреля 1866 г. Говорят, что он перед смертью желал видеть обер-полицеймейстера Анненкова, который к нему не поехал. Не хотел ли он что либо открыть Анненкову? [1]

[1] Марья Дм. Ножина была подвергнута в 1865 году негласному надзору полиции за «вредный образ мыслей» и за принадлежность к «нигилистическому направлению». Брат ее, Ник. Дм. Н. (род. 1841 г.) окончил в 1860 г. Александровский (Пушкинский) лицей и учился после того в Гейдельберге, где занимался естествознанием. Был близок с Бакуниным. Вернулся в Россию в 1865 году, вращался в петербургских радикальных кружках (Каракозов и др.) и находился под надзором полиции. Был другом и руководителем Н. К. Михайловского на поприще философском и литературном. Умер 3 апреля 1866 года от тифа. Научные работы Н. по зоологии отмечены знаменитым Мечниковым, а также европейскими учеными. Одна статья Н. помещена в «Бюллетене» Академии наук за 1865 г., т. 8. Подробно об этом у С. Г. Сватикова («Голос минувшего», 1914 № 10). М. Д. Н., вначале согласившаяся поехать заграницу учиться, после ареста (по жалобе отчима, Делагарди) отреклась от своего намерения и свалила все на брата. В увозе Ножиной принимал участие студент моск. ун-та Варф. Ал. Зайцев (1842—1882), впоследствии известный писатель, участник радикальной журналистики 60—70 годов, наиболее последовальный пропагандист материалистических идей и революционный деятель; с 1866 г. жил за границей. После истории с похищением сестры, Н. собственно

В конце мая я с женою, сестрою, ее дочерьми и гостившею у сестры Н. Д. Танеевою переехал в Павловск в нанятую нами большую дачу князя Урусова. Медики советовали мне повторить курс лечения в Карлсбаде. Тогда можно было сохранить содержание только при 28-дневном отпуске, а потому я взял отпуск только на этот срок. Перед отъездом я узнал, что московская сохранная казна, в которую я не платил процентов по ссуде, выданной на имение жены моей, и в которой недоимки дошли до 15.000 р., намерена, не ожидая совершения выкупа крестьянского надела, продать его с аукциона, и что, для предупреждения этой невыгодной для меня операции, я должен внести в сохранную казну по крайней мере треть недоимки.

и подвергся надзору жандармов. Отец их служил по придворному ведомству, был управляющим конторой вел. кн. Константина Николаевича, за счет которого Н. учился в лицее. Предположение Дельвига о том, что Н. перед смертью хотел что-то сообщить полиции, основано на ошибочных слухах в революционных кругах о том, будто Н. хотел донести в III отделение об известном ему замысле Каракозова, но Н. С. Курочкин будто предупредил донос, отравив Ножина. Жандармы доносили из Тамбова своему начальству: «Е. Д. де-ла-Гарди уведомлена, что сын ее Николай Ножин, известный нигилист и негодяй, скоропостижно умер 3 апреля в СПБ, в день покушения на жизнь государя; зная уже по опыту, каковы убеждения и на что способен ее сын, она опасается, чтобы скоропостижная его смерть не имела бы какого-либо соотношения с покушением, сделанным на жизнь государя» (подробности и документы—в примеч. М. К. Лемке к сочинениям Герцена, т. 17). *С. Ш.*

У меня было в это время 14 металлических билетов, ценою каждый в 300 р., и я полагал, разменяв их, отослать деньги в сохранную казну по почте. Мой родственник Н. Н. Колесов, услыхав об этом, заявил, что его большой приятель Александр Алексеевич Бильбасов едет на днях в Москву и может отвезти деньги. Сверх того, он похлопочет, чтобы взнос этих денег послужил действительно к задержанию продажи имения, в противном же случае он не внесет денег и привезет назад металлические билеты.

Я часто видел Бильбасова у Н. Н. Колесова, а иногда и у И. Н. Колесова. По возвращении в 1864 г. я был в Гатчине на крестинах сына Н. Н. Колесова, Николая, которого крестным отцом был Бильбасов, а крестною матерью, хотя и заочно, жена моя. Накануне моего отъезда за границу в 1865 г. Бильбасов заезжал на мою петербургскую квартиру и советовал послать с ним сумму, равную хотя половине недоимки, накопившейся в сохранной казне, опасаясь, что в противном случае он не в состоянии будет остановить продажу с аукциона имения жены моей. Я отвечал, что не намерен вносить большой суммы, и если сохранная казна не удовольствуется 4.200 р., то просил ничего не вносить. Бильбасов после отъезда моего за границу, получив металлические билеты на упомянутую сумму, выдал расписку с обозначением номеров билетов и цели, для которой они ему переданы.

Возвратясь из Москвы, он заявил моей жене, что денег в сохранную казну не вносил, а ме-

таллические билеты доставит мне. По возвращении из-за границы я просил Бильбасова прислать мне билеты, но он от этого уклонялся под разными предлогами и, между прочим, писал мне, что он не держит чужих капиталов у себя на дому, а потому внес билеты в государственный банк на хранение, но что он каждое утро так занят, что не имеет времени съездить в банк для их получения. К этому он присовокуплял, чтобы я был уверен, что мои деньги целы. До того времени я в этом не сомневался, но это последнее заявление навело на меня первое подозрение. Видя, что ни личные объяснения, ни переписка с Бильбасовым ни к чему не ведут, я решился после объяснения моего с Бильбасовым на обеде 30 ноября 1865 г. у И. Н. Колесова, просить Н. Н. Колесова принять участие в получении от Бильбасова моих металлических билетов.

Вернувшись 1 декабря к самому обеду домой, жена моя сказала мне, что Николай Колесов умер, и удивилась, что я принял это известие хладнокровно. Я отвечал, что Колесовых много и со всеми близкими мне Колесовыми я вчера обедал, а того, который умер, я вероятно даже никогда не видал. Тогда она разъяснила мне, что умер сын Н. Н. Колесова, с которым я обедал накануне, от водобоязни в страшных мучениях и после такого бешенства, что его, 12-летнего мальчика, четыре человека с трудом удерживали, когда он бросился кусаться и когда отгонял мать свою от себя, опасаясь укусить ее.

Придя к Н. Н. Колесову, я нашел умершего в гробу, который по совету медиков, во избежание того, чтобы болезнь его не пристала к окружающим, был немедля заколочен. Мне показалось, что умерший в один день много вырос. Он был ровно за полгода перед этим, именно 30 мая, укушен собакою на дворе Мариинской больницы. Бывшая при этом его мать отвела его немедля к доктору больницы, который прижег укушенное место.

Лето 1865 г. Н. Н. Колесов провел в Павловске и его сын часто бывал у моей жены. Укушение собакою, казалось не имело последствий. После его смерти говорили только, что в последнее время он видимо скучал. Бильбасов принимал сильное участие в горе родителей умершего Колесова и всем распоряжался во время похорон, а потому я его видал каждый день, и он уверял меня, что после похорон немедля привезет мои металлические билеты.

По прошествии некоторого времени, я, не получая моих билетов, заявил об этом Н. Н. Колесову, который немедля отправился к Бильбасову выручать их, но от него пришел ко мне с заявлением, что Бильбасов, по крайней надобности, разменял билеты и употребил деньги на судебное дело, которое ему было поручено и которое он выиграл, за что получит на днях несколько десятков тысяч рублей и немедля со мною расплатится. Не надеясь на это обещание, я собирался требовать через суд уплаты от Бильбасова, но накануне подачи об этом прошения услыхал, что Бильбасов арестован.

Состоя поверенным в делах дочери незнакомой мне г-жи Засецкой, он, по ее поручению, получил с князя Голицына должную ей последним сумму, около 30 тыс. рублей, и в получении их вручил Голицыну расписку дочери Засецкой, которая этих денег не получала, а продолжала попрежнему через Бильбасова получать проценты с Голицына, отсрочивая ежегодно уплату капитала. После ее смерти, Засецкая, вступив в права наследства, дала знать Голицыну, чтобы он не надеялся на дальнейшую отсрочку. Голицын объяснил, что он давно уплатил весь капитал, в получении которого имеет писанную дочерью Засецкой расписку, на которой подлинность ее руки засвидетельствована в городской полиции.

Между тем Бильбасов уверял Засецкую, что он не получал капитала, должного Голицыным. Убедившись в противном, Засецкая позвала к себе знакомых ей довольно значительных лиц и пригласила в другую комнату полицейских чиновников. Когда Бильбасов в присутствии означенных лиц продолжал уверять, что он с Голицына не получал капитала, Засецкая сказала, что она видела выданную Голицыну расписку в его получении, но что эта расписка фальшивая, так как почерк, которым она писана, не похож на почерк руки ее дочери. Тогда Бильбасов бросился на колена, прося Засецкую не погубить его и уверяя, что он уплатит эту сумму. Полицейские чиновники, вошедшие в это время в комнату, задержали его.

Н. Н. Колесов, узнав об его аресте, нашел возможным с ним увидаться. Бильбасова очень беспокоило известное ему намерение мое пред-

ставить его расписку в получении от жены моей металлических билетов, что могло бы сильно ему повредить, а потому Н. Н. Колесов убеждал меня не представлять расписки из сожаления к жене Бильбасова, весьма достойной женщине, к его детям, оставшимся, по словам Н. Н. Колесова, без куска хлеба.

Дом Бильбасова на Итальянской улице и вся его движимость были под запрещением. У его жены оставались только квитанции на столовое серебро, работы известного фабриканта Сазикова, заложенное в частных ссудных кассах. Колесов убеждал меня взять эти квитанции и возвратить расписку Бильбасова, но я не согласился. Эти квитанции Колесов вместе со мною возил к Сазикову, который дал за них около тысячи рублей в прибавок к сумме, в которой серебро было заложено.

Колесов, получив от меня отказ взять эти деньги, передал их жене Бильбасова. Несмотря на данное мною обещание не представлять в это время расписки Бильбасова, она его очень беспокоила, и он прислал мне через Колесова вексель какого-то тифлисского армянина в 4.500 р., нигде не засвидетельствованный, по которому я, по его уверению, мог немедля получить деньги. Я отказался променять мою расписку на этот вексель.

Те из моих близких знакомых, которые знали о расписке Бильбасова, обвиняли меня в том, что я не представил ее в суд, оберегая через это мошенника и лишая себя довольно значительной суммы. Я же решился не заявлять о ней частью из сожаления к жене и детям Биль-

басова, частью в угождение к Колесову, уверявшему, что во всяком случае, по значительности долгов Бильбасова, я по ней ничего не получу, а главное по нежеланию, чтобы мое имя было связано с именем Бильбасова.

При начале дела Бильбасова Колесов не полагал возможным его спасти, а потому сознавался, что Бильбасов, получив выше упомянутую сумму с Голицына, не отдавал ее покойной дочери Засецкой и что расписка была написана женою Бильбасова, по настоянию последнего, но что Бильбасов намеревался уплатить Засецкой из следующей ему большой суммы за выигранное им какое-то значительное дело. Впоследствии же, когда Бильбасов придумал разные ухищрения для своего оправдания, Колесов сделался сдержаннее в своих рассказах о Бильбасовском деле.

Я говорил выше, что у меня было 14 металлических билетов, которые жена моя в июне 1865 г. отдала Бильбасову; из них по 4 уплата процентов производилась в феврале, а по 10 в августе. Так как курс последних был выше курса первых, то сестра моя Викулина, жившая в Павловске вместе с моею женою, предложила не давать Бильбасову 10 августовских билетов, а взамен их дать ему 10 принадлежащих ей февральских билетов с тем, что если Бильбасов не внесет денег в московскую сохранную казну, то жена возвратит сестре принадлежащие ей билеты, а если внесет, то она получит за них деньги по расчету.

Потеряв надежду на возвращение Бильбасовым денег, я хотел уплатить сестре моей за ее

10 билетов. Она не только решительно отказалась, но даже рассердилась за мое намерение, сказав, что не наши, а ее билеты пропали. Понятно чувство, с каким жена и я отнеслись к желанию сестры не только разделить нашу потерю, но принять на с бя наибольшую ее часть.

Бильбасов был осужден петербургским окружным судом к лишению прав и ссылке в Сибирь. Вместе с ним был осужден писарь полиции, сознавшийся, что он засвидетельствовал расписку, писанную будто бы покойною дочерью Засецкой, подписав подложно фамилию полицейского чиновника и приложив к расписке казенную печать. Бильбасов принес жалобу в кассационный департамент сената, который, в виду несоблюдения какой-то формальности, уничтожил решение суда в отношении к жаловавшемуся Бильбасову и передал его дело на рассмотрение другого отделения того же суда.

Бильбасов разными ухищрениями, которых я здесь не буду передавать, так запутал дело и, как говорят, так мастерски защищал себя, что присяжные вынесли оправдательный приговор. С того времени Бильбасов продолжал свою профессию поверенного в делах и конечно к нему относились в особенности по неправильным делам, за которые платят дороже. Даже в делах, в которых необходимо было показать перед публикою, что защитники люди честные, подпольные действия производились Бильбасовым. Такое его участие было известно в знаменитом деле братьев Мясниковых, обвиняемых в присвоении себе чужого имения, для дости-

жения чего делались подлоги и, как рассказывали, несколько человек было отравлено.

Главными защитниками Мясниковых на суде были присяжные поверенные Арсеньев и Языков. Они были оправданы, но не только вследствие блестящей защиты и смерти многих свидетелей в продолжение нескольких лет, прошедших со времени совершения преступления, но и благодаря тайным проискам Бильбасова.

Н. Н. Колесов постоянно утверждал, что если Бильбасов будет освобожден от суда, то немедля заплатит нам по расписке деньги с причитающимися процентами. Жена моя, узнав, что Бильбасов снова зажил богато, требовала уплаты, я же, не желая иметь с ним никакого сношения, не вмешивался в это дело. Бильбасов через Н. Н. Колесова уплачивал по частям, внося зараз от 200 р. до 1000 р., но каждый раз вследствие сильного настояния жены моей в личном объяснении с Колесовым или в письмах к нему.

Люди, подобные Бильбасову, возможны везде, но конечно в более образованных странах общество гнушается ими. Наше же общество, к сожалению, обходится с ними, как с людьми честными. Я неоднократно встречал Бильбасова у Н. Н. Колесова, сохранилось к нему дружеское расположение и у И. Н. Колесова, человека прямого и честного, но охотника до карточной игры, в которой он любил иметь Бильбасова партнером.

В конце июня 1865 г. я поехал с П. К. Меньковым в Карлсбад, где мы условились жить

вместе. Меньков говорил, что он любит ездить со мною по жел. дорогам, потому что мне в вагонах отводят 2500 комнат; 2500 любимое его выражение, когда он хочет выразить очень большое число. Весь июль мы пили воды в Карлсбаде, где поместились в очень хорошей квартире на Маркплаце. В другой половине занимаемого нами бэль-этажа нанимал богатый Николай Александрович Бутурлин, известный под названием рыжего, а этаж над нами был занят венским Ротшильдом, который, несмотря на свою старость, продолжал и в Карлсбаде волочиться за дамами, преимущественно русскими. Мы ежедневно видались с Бутурлиным и с многими бывшими в Карлсбаде русскими.

В числе последних были фельдмаршал князь Барятинский, граф А. В. Адлерберг, граф П. А. Клейнмихель, генерал-адъютант Витовтов, генералы: князь Бебутов, Ольшевский и барон Розен, Фундуклей, впоследствии член государственного совета, бывший директор канцелярии наместника царства Польского Казачковский и лейб-медик Цицурин. Последние четверо были хорошие знакомые Менькова во время службы его в Киеве и Варшаве.

Всего чаще мы виделись с Казачковским и Цицуриным. Рассказы первого о Паскевиче, Горчакове и других наместниках Польского царства до графа Лидерса включительно, канцеляриею которого он управлял, были чрезвычайно любопытны. Он много передавал о происшествиях в Варшаве в 1861 и 1862 гг., о двусмысленном и трусливом поведении графа

Ламберта и о замечательно хладнокровной неустрашимости графа Лидерса.

В с. Пиркенгаммер замечательны фарфоровая фабрика, посуду которой я купил для употребления в Петербурге, кафе-ресторан какого-то пройдохи, должно быть онемечившегося поляка, и столярное заведение Гюнтера.

Столяр Гюнтер, с которым меня познакомил Меньков еще в 1864 г., представляет весьма замечательную личность. Он в продолжение 40 лет приготовляет шкатулки, портфели, столы и другие вещи из разных драгоценных деревьев, из которых он делает изящные инкрустации. На изготовление всех этих вещей употребляется много времени для их просушки, чрез что они необыкновенно прочны. Гюнтер употребляет белый столярный клей исключительно с какой-то московской фабрики, находя, что качество этого клея превосходно. Он поставлял свои работы к нашему двору, а также королеве Виктории и Наполеону III, но несмотря на это беден и едва наживет в год несколько сот талеров для поддержания своего семейства, постоянно занимая деньги на покупку нужных ему материалов.

Великие княгини Елена Павловна и Мария Николаевна, неоднократно посещавшие Карлсбад, приглашали его завести мастерскую в Петербурге, но он не соглашался, полагая, что при фабричном производстве трудно отвечать за прочность работы.

На этом основании он ограничивает свое производство тем, что могут выработать он, его сын и родные племянники; последние поставляют замки к его вещам. Гюнтер словоохотлив.

Он любит рассказывать, из чего и как изготовляет он свои произведения, причем выражается поэтично. У него имеется до двух сот книг, в которых описаны употребляемые им дервья. Изумительно видеть в деревушке такого поэта-мастера.

Меньков, уже несколько раз бывавший в Карлсбаде, давно с ним познакомился и охотно выслушивает поэтические рассказы своего друга, как он его называет, хотя не понимает ни слова по-немецки. Я в каждый приезд мой в Карлсбад захожу к Гюнтеру и покупаю какую-нибудь вещицу его работы. Живет он со своею семьею в двух небольших комнатках, которые несколько исправил к свадьбе своей дочери, но она невестою умерла: старик не может утешиться и поэтически выражает свою горесть [1].

4 апреля [1866 г.], после обеда, один из моих слуг объявил мне о ходившем в городе слухе, что в Летнем саду стреляли в государя. Не поверив этому слуху, я запретил распространять его, а сам немедля поехал к К. Н. Посьету, жившему в Зимнем дворце. В проезд мой по Невскому проспекту, он был необыкновенно оживлен. Было много едущих и пешеходов. Площадь Зимнего дворца была наполнена экипажами. Взойдя к Посьету, я узнал все подробности происшествия.

Государь, во время моего приезда, выходил к собравшимся в залах дворца для принесения ему поздравлений со спасением его жизни и

[1] Гюнтер умер в 1876 году. *Авт.*

тут же пожаловал крестьянина Комиссарова, избавившего его от руки убийцы, в дворяне [1]. Приехав в сюртуке, я не мог присоединиться к массе лиц, приносивших государю поздравление. Это покушение встревожило всю Россию. Со всех ее концов посыпались поздравления со счастливым исходом. В воспоминание избавления государя построены часовни и пожертвованы суммы в разные благотворительные и учебные заведения. Между прочим инженеры путей сообщения положили собрать сумму и употребить ее на что-нибудь полезное. Я находил наиболее соответственным перестроить верхний Лебяжий мост, близ которого был сделан выстрел, с помещением на перилах моста надписи о случае, по которому он перестроен и на какие суммы.

[1] Ос. Ив. Комиссаров (1838 — 1892), шапочный мастер из Костромы, стоявший в толпе у летнего сада, когда В. Д. Каракозов был схвачен после своего неудачного выстрела в Александра II. В числе других он был сначала арестован, но у жандармов явилась мысль инсценировать спасение царя богом посредством руки простого крестьянина. Комиссарова возвели в дворяне и засыпали золотом, помещики дарили ему по 800 дес. земли; после этого он спился и погиб где-то в самом жалком положении. (См. Корней Чуковский «Рассказы о Некрасове», М. 1930). Н. Н. Фирсов опубликовал («Былое», 1922 № 20) интересные выдержки из дневников Александра II и его сына, Александра III, по поводу этого покушения. Радуясь счастливому исходу покушения, Александр II записал: «Общее участие. Я домой — в Казанский собор. Ура — вся гвардия в белом зале». Александр III описывает этот прием гвардии: «Прием был великолепнейший, ура сильнейший! Потом призвали мужика, который спас. Папа его поцеловал и сделал дворянином. Опять страшнейший ура!» Есть еще ряд таких же записей. *С. Ш.*

П. П. Мельников решил, что собираемую сумму следует употребить на стипендию в институте инженеров путей сообщения. Замечательно, что 4 апреля 1866 года было в понедельник фоминой недели и что цесаревич Николай Александрович скончался в предшествовавшем году также в понедельник на фоминой неделе 12 апреля.

Покушение на жизнь государя имело последствием оставление своих должностей шефом жандармов генерал-адъютантом князем В. А. Долгоруким и обер-полицийместером И. В. Анненковым (впоследствии генерал-адъютантом и петербургским комендантом). При предположении, что Каракозов был только орудием обширного заговора, неизвестного шефу жандармов, князь В. А. Долгоруков признал себя неспособным к этой должности и от нее отказался; он был пожалован в обер-камергеры высочайшего двора. Его место занял генерал-адъютант граф Петр Андреевич Шувалов, бывший в это время генерал-губернатором трех прибалтийских губерний.

Каракозов выстрелил в государя в исходе 4-го часа дня, а обер-полицийместер Анненков в 5 час. преспокойно шел по Большой Морской обедать в английский клуб, когда был встречен адъютантом великого князя Николая Николаевича, графом В. П. Клейнмихелем, спешившим о случившемся донести его высочеству. Анненков от него узнал о происшедшем. На место Анненкова назначен генерал-майор Федор Федорович Трепов, бывший в это время генерал-полицийместером в царстве Польском. Это место казалось важнее места петербургского

обер-полицийместера, а потому говорили тогда, что употреблены были особые меры, чтоб уговорить Трепова принять возлагаемую на него должность. По его назначении, он постоянно не ладил с бывшим петербургским военным генерал-губернатором, князем А. А. Суворовым. Впрочем, место генерал-губернатора в Петербурге вскоре было упразднено, а Суворов, сверх звания члена государственного совета, назначен генерал-инспектором всей пехоты. Эта должность чисто номинальная и я, едучи с Суворовым из Москвы в смежном отделении вагона, слышал, как он громко выражал свое негодование на то, что с ним было дурно поступлено. Это не мешало ему остаться попрежнему отчаянным царедворцем.

Предположение о том, что Каракозов был только орудием заговорщиков, побудило принять решительные меры к их отысканию посредством следственной комиссии, председателем которой общественное мнение назначало графа М. Н. Муравьева. Действительно, государь поручил ему розыски. Петербургский английский клуб, которого большая часть членов враждебно относилась к Муравьеву во время его управления северо-западным краем, избрал его в почетные члены и дал в честь его обед по подписке, в которой я участвовал. Старшина клуба Г. А. Строганов произнес речь, в которой изъяснил, что все русские вполне надеются на то, что Муравьев своими действиями уничтожит всех злоумышленников. Говорили и другие и между прочим, сколько помню, П. А. Валуев, несмотря на свою неприязнь к Муравьеву. По-

следний благодарил за оказанную ему честь, обещался исполнить выраженные ораторами надежды и кончил уверением, что для раскрытия всех злоумышлений употребит все свои силы, хотя бы для этого надо было положить свои кости. Ему, конечно, не приходило в голову, что эти слова были пророческие.

После обеда, когда Муравьев сидел со мною и другими членами в галлерее при входе в столовую залу, к нему подошел издатель журнала «Современник», известный поэт Некрасов, об убеждениях которого правительство имело очень дурное мнение. Некрасов сказал Муравьеву, что он написал к нему послание в стихах и просил позволения его прочитать. По прочтении, он просил Муравьева о позволении напечатать это стихотворение. Муравьев отвечал, что, по его мнению, напечатание стихотворения было бы бесполезно, но так как оно составляет собственность Некрасова, то последний может располагать им по своему усмотрению. Эта крайне неловкая и неуместная выходка Некрасова очень не понравилась большей части членов клуба [1].

[1] Обед Муравьеву был дан 16 апреля. Стихи Некрасова по поводу выстрела Каракозова были вызваны желанием поэта сохранить «Современник». Это ему не удалось, и Некрасов сильно страдал из-за своей минутной слабости, вызванной всеобщим тогдашним испугом. В. Г. Короленко писал, что Чернышевский, прочитав в ссылке, в Сибири, стихотворение «Комиссарову», выронил книжку «Современника» и ушел в другую комнату со слезами скорби за унижение Некрасова. Молодежь на время отшатнулась от своего любимого поэта, но вскоре простила ему это малодушие. Подробности у К. Чуковского «Рассказы о Некрасове»,

Во время производства следствия я редко видался с Муравьевым и потому мало знаю об этом производстве. Начатое с большим шумом и криком, оно почти ничего не раскрыло. Я знаю только, что в его начале Муравьев, приписывая дурное поведение молодежи направлению, данному учебной части бывшим тогда министром народного просвещения А. В. Головниным, и периодическим изданиям, потребовал удаления Головнина и запрещения журнала «Современник». Его требования были исполнены. Головнин был заменен графом Дмитрием Андреевичем Толстым.

Государь, увольняя Головнина, сказал ему, что он находит необходимым сосредоточить заведывание учебною частью в светских и духовных заведениях в одних руках, а потому поручает министерство народного просвещения Толстому, бывшему тогда обер-прокурором святейшего синода[1]. Вообще покушение Каракозова отодвинуло Россию назад. Реакция, начавшаяся уже несколько лет, усилилась. Можно было опасаться, что учреждение новых судов по уста-

М. 1930 и в книге «Некрасов в воспоминаниях и документах», сост. Е. М. Иссерлин и П. Ю. Хмельницкая, под. ред. Ю. Г. Оксмана, изд. «Academia», М., 1930. *С. Ш.*

[1] Религиозное настроение Александра II в это время хорошо характеризуется его отношением к В. Д. Каракозову, которого он не счел возможным помиловать; на его прошении благочестивый царь написал: «Лично я в душе давно простил ему, но как представитель верховной власти я не считаю себя в праве прощать подобного преступления». О христианском отношении царя и его властей к В. Д. Каракозову см. в работе А. А. Шилова «Каракозов и покушение 4 ап-

вам 20 ноября 1864 года отложится на неопределенное время. Однако эти суды были введены в 1866 году во многих губерниях.

По окончании следствия над Каракозовым, Муравьев уехал в свою лугскую деревню, где он устроил церковь и был 29 августа при ее освящении. Вечером того же дня он простился со своим семейством, полагая на другой день, в который празднуют память св. Александра невского, быть у обедни и вскоре переехать в Петербург. На другое утро камердинер нашел его в постели умершим. Муравьев был больной старик, и потому смерть его была вполне естественна. Может быть невозможность исполнить данное им торжественное обещание отыскать все нити заговора, который он представлял в обширных размерах, а также утомление от долгого, весьма ему вредного стояния во время освящения церкви, были причиною столь внезапной смерти.

Когда я возвращался из Козлова в Москву, по освидетельствовании Рязанско-козловской жел. дороги, П. Г. Дервиз выехал ко мне навстречу из Москвы и передал мне о смерти Муравьева, похороненного в присутствии государя в Александро-невской лавре. Во время похорон меня не было в Петербурге. После смерти Муравьева его вдова посещала мою жену и я бывал у нее, но, после ее внезапной смерти в 1871 году от

реля 1866 г.», Пет. 1920, и особенно в книге П. Е. Щеголева «Алексеевский равелин», М. 1929, где рассказано о бесчеловечном обращении с Каракозовым, о применявшихся к нему утонченных нравственных пытках, при участии представителей церкви. *С. Ш.*

апоплексического удара, наше знакомство с ее сыном Леонидом и дочерью Софиею Шереметевой прекратилось.

6 апреля государь и большая часть императорской фамилии переехали на жительство в Царское село. Старое пассажирское здание в Петербурге было окружено толпою народа, старавшегося, после покушения на жизнь государя, выказать ему свою преданность.

Царская комната была наполнена высокими растениями, застилавшими оконный свет. Государя сопровождали: государыня, королева Виртембергская, великие князья и многочисленная свита. Я, встретив государя, отошел в угол у двери, ведущей на станционную платформу. Государь говорил с королевой в противоположном углу, но я заметил, что он постоянно смотрит на меня. По прошествии нескольких минут, он, продолжая смотреть на меня, прошел мерными шагами до середины комнаты, где, оставив королеву, быстро подошел ко мне и спросил, какая надета на мне серебряная медаль. Я отвечал:

— За поход в Венгрию.

Тогда произошел следующий разговор:

— На какой ленте она носится?

— На соединенных андреевской и владимирской.

— На каких лентах навязана твоя медаль?

— Я не могу видеть этого, но полагаю, что моя медаль висит на означенных двух лентах.

— Подобного сочетания лент, как у тебя на медали, не существует.

Затем, подозвав великого князя Константина Николаевича, спросил его, знает ли он меня. На утвердительный ответ, государь поручил великому князю показать надетую на его груди венгерскую медаль и на каких лентах должна она носиться.

Оказалось, что моя медаль висела на андреевской и анненской лентах. Орденские ленты на пряжку, на которой висели мои медали, постоянно навязывали в магазине офицерских вещей Скосырева, с платою за каждый раз по 2 рубля. Я немедля поехал в этот магазин и с упреком рассказал о сделанном государем замечании. Скосырев утверждал, что ленточки на пряжку были навязаны не в магазине и что я могу подробным осмотром убедиться, что в последнем нет ни одного аршина ленты, навязанной на мою венгерскую медаль. Существование ее я мог себе объяснить только следующим образом.

При отъезде моем за границу И. Н. Колесов, заметив, что я не беру с собою орденских ленточек и находя ношение их за границей необходимым, положил в мой чемодан кусок соединенной ленточки андреевского и анненского орденов, который мною не был употребляем и привезен обратно. Мой камердинер, находя выгодным брать два рубля за навязку новеньких ленточек на пряжку, сам занимался этой работой, а видя, что соединенная андреевская и анненская ленточка лежит давно без употребления, навязал ее во избежание покупки новой. Разница между узенькими ленточками анненской и владимирской так незначительна, что, конечно, никогда бы ее я не заметил. Тем удивительнее, что государь,

стоя далеко от меня в темной, переполненной посетителями комнате, на моей груди, на которой было много медалей, мог заметить на одной из них неправильно навязанную ленточку.

С этого дня, при отъездах государя со станций Царскосельской жел. дороги, начали появляться какие-то лица, обращавшие своими манерами на себя внимание. Мне сказали, что это приставленные III отделением канцелярии государя телохранители на время пребывания государя на станциях. Эти господа должны были быть никем не замечаемы, а их узнали на другой день по их назначении. Вскоре граф П. А. Шувалов назначил жандармских офицера и нижних чинов на Царскосельскую и Петергофскую жел. дороги, на которых их прежде не было, и не только не подчинил их инспекции жел. дорог, на которой, по своду законов, лежало полицейское наблюдение на жел. дорогах и их принадлежностях, но даже не уведомил об их назначении министра путей сообщения. Ясно, что он уже тогда решился все жандармские полицейские управления при жел. дорогах вывести из подчинения инспекциям жел. дорог.

После покушения 4 апреля возобновлялись слухи о предпринимаемых новых покушениях на жизнь государя. Известно, что у страха глаза велики. Однажды дошло до сведения жандармского начальства, что в проезд государя из Царского села в Петербург будет вынут рельс на дороге, чтобы произвести крушение поезда. Мне дали знать об этом в Павловск и я поспешил перед самым проездом государя проехать по дороге до Петербурга и обратно

до Царского села. Государь вскоре должен был приехать на станцию. По приезде он спросил, по какому поводу я нахожусь на станции. Я, конечно, не объяснил настоящего повода, а сказал, что нахожусь по обязанности главного инспектора жел. дорог и в том числе Царскосельской. Государь на это заметил, что он прежде никогда не видал меня при его поездках по этой дороге. Я доехал в государевом поезде до Петербурга благополучно, и нет сомнения, что слух о предполагаемом снятии рельса с дороги был чьеюлибо выдумкою. Впрочем, может быть, что Шувалов и его подчиненные, желая выказать свою бдительность, пугали государя подобными слухами.

22 апреля 1866 года был высочайше утвержден устав русского технического общества. Один из учредителей этого общества, Евгений Николеевич Андреев, состоящий при министерстве финансов и профессором лесного института, долго меня упрашивал согласиться на избрание меня в председатели общества, об образовании которого я до этого времени ничего не знал. Я отказывался, но наконец, не имея никого в виду на означенное место, согласился быть избираемым в помощники председателя с тем, чтобы выбор председателя был отложен до осени.

Герцог Николай Лейхтенбергский, имевший во дворце своей матери химическую лабораторию, в которой сам работал, согласился принять звание почетного председателя общества. В продолжении четырех лет я, по званию председателя общества, имел постоянные с ним сношения и нахожу

его человеком весьма посредственным. Впоследствии он женился на Акинфьевой, хотя она не была разведена с первым мужем. Эти поступки поставили его в дурные отношения к государю, так что он своим высоким положением не мог быть полезен обществу в отношениях последнего к правительству. По скупости же своей он и сам не помогал обществу, весьма нуждавшемуся в денежных средствах.

Общество учредило степендии для дальнейшего образования окончивших курс в Технологическом институте на заводах и фабриках. Герцог Лейхтенбергский пожертвовал одну стипендию в 250 р., которые были получены не без затруднений. Весною 1871 года он, встретив меня, заявил, что ему очень желательно переговорить со мною по делу и очень сожалеет, что он не находит времени для этого вследствие многочисленных моих занятий по управлению министерством путей сообщения. Я тогда отказался уже от должности председателя технического общества, но полагал, что дело касается этого общества, в совет которого я был избран почетным членом, а потому заехал к нему через несколько дней.

Оказалось, что он желал видеться со мною, чтобы просить дать концессию на Ландварово-роменскую жел. дорогу комерции советнику Абраму Моисеевичу Варшавскому. Я отвечал, что я готов, не имея ничего против Варшавского, дать ему концессию, если условия, которые он предложит, будут выгоднее условий, предлагаемых другими предпринимателями. Герцог уверял меня, что выбор концессионера на дорогу вполне зависит от меня и потому я во всяком случае

могу устроить так, чтобы Варшавский получил означенную концессию. Я не мог разубедить его в этом. Потом, объяснив мне, что он вверил Варшавскому значительный капитал, по которому получает проценты, спросил, может ли он вверить еще большие суммы Варшавскому. Я уклонился от ответа, объяснив, в какое затруднительное положение он ставит меня этим вопросом. Через несколько дней я получил от него письмо следующего содержания:

«Любезный Андрей Иванович, на днях решается дело жел. дороги, конкурентом которой Варшавский. Позволяю себе напомнить здесь вам о моей просьбе не оставить его без внимания. Вы мне сказали, что вам все равно, кто строитель дороги, лишь бы он был солидный и честный. Варшавский удовлетворяет этим требованиям и потому вам не затруднительно быть за него. Я никогда не вмешивался в железнодорожное дело и вряд ли буду еще вмешиваться, но на этот раз мне очень бы хотелось, чтобы дело состоялось за Варшавским, и я убедительно прошу вас эту первую мою просьбу не оставить без внимания. Вам вполне преданный герцог Н. Лейхтенбергский».

Я не отвечал на это письмо, полагая, что лично вполне разъяснил герцогу, при каких обстоятельствах Варшавский может получить эту концессию. В это время я довольно часто бывал у К. В. Чевкина, который, в одно из моих посещений, заявил мне, что он опасается знакомства со мною, так как есть лица, которые воображают, что он имеет на меня влиянис и что через это влияние можно получить кон-

цессию жел. дороги. В доказательство он мне показал написанное к нему в этом смысле письмо герцога. Граф В. А. Бобринский воротился из отпуска 15 мая 1871 года и на другой день показывал мне письмо герцога с тою же просьбою. Бобринский отвечал ему то же, что я ему говорил. Тогда я рассказал Бобринскому о нашем разговоре с герцогом и об его письме ко мне. Бобринский одобрил сказанное мною герцогу, но заметил, что я напрасно не отвечал на его письмо.

13 мая 1866 года последовал высочайший рескрипт на имя бывшего председателя комитета министров, князя Павла Павловича Гагарина. Этот рескрипт весьма замечателен, как первое публичное заявление верховной власти о реакционном направлении, начавшемся, как упомянуто мною выше, уже пять лет перед этим. Это направление отозвалось в устройстве учебной части, в стеснении печати, в негласности собраний земств, в изменениях в судебных уставах, изданных 20 ноября 1864 г., и во всех отраслях государственного управления.

П. П. Мельников, желая осмотреть работы по Динабурго-витебской жел. дороге и по Либавскому порту, назначил день своего выезда по С.-Петербурго-варшавской жел. дороге в конце июня. Я должен был сопровождать его.

Великий князь Константин Николаевич, предполагая ехать на юг России, назначил свой выезд по той же дороге на другой день предполагаемого выезда Мельникова. Мельников,

находя неудобным выехать накануне отъезда великого князя, отложил свой выезд, и мы поехали с великим князем в одном поезде. Обед был назначен на станции при г. Луге. Великий князь пригласил к своему обеду Мельникова, а по заявлении его, что в поезде находятся еще два инженерных генерала, т. е., я и директор дороги Данненштерн, он приказал своему адъютанту князю Ухтомскому пригласить и нас. Перед обедом, стол для которого был накрыт в отдельной комнате, подали очень порядочную закуску, которую великий князь расхулил. За стол сели, кроме него, семь человек, именно, великий князь Николай Константинович, его воспитатель, П. П. Мельников, князь Ухтомский, Данненштерн и я; фамилии седьмого не припомню. Только что мы сели за стол, как великий князь Константин Николаевич спросил у князя Ухтомского, во что обойдется обед с персоны. Получив в ответ, что предварительного договора не было, великий князь строго заметил Ухтомскому, чтобы он не смел так распоряжаться, так как на станциях жел. дорог грабят, и напомнил, как его, ехавшего с одним адъютантом, ограбили; теперь же, сказал он, нас не двое, и пересчитал сидящих за столом, указывая при этом на каждого пальцем. На его вопросы, всех ли так грабят, как его ограбили, кто должен смотреть за ценами буфета и что стоит обед с персоны, Данненштерн, к которому повидимому обращались эти вопросы, ничего не отвечал, а потому я, сидя подле великого князя, принужден был сказать, что цены буфета определяются управлениями обществ жел. дорог, что в случае

их значительности правительственная инспекция может требовать их понижения, но что она не имела надобности вмешиваться в это дело, так как назначаемые управлениями обществ цены вообще умеренны и именно: за обед в 4 блюда от 90 коп. до 1 руб. Тогда великий князь сказал, что следовательно он заплатит всего 8 рублей. Я заметил, что упомянутая цена назначена за обыкновенный обед без вин и закуски, а что буфетчик, зная о проезде великого князя, вероятно, изготовил лучший обед. Вследствие замечания, сделанного после этого великим князем, что его готовятся ограбить, я приказал позвать содержателя буфета. На вопрос мой о цене нашего обеда, он заявил, что обед стоит по 2 руб. с персоны. Великий князь заметил, что не видит причины брать с него вдвое против прочих проезжающих и что это грабеж.

Когда, после подачи супа, служивший за столом, неся две бутылки, спросил великого князя, угодно ли ему мадеры или хересу, он обратился к Ухтомскому с вопросом, кто приказал раскупорить эти две бутылки вина. Впоследствии, когда официант хотел налить в рюмку, стоявшую перед великим князам, красное вино, последний оттолкнул его, так что несколько капель вина пролилось на пол подле меня, сказав, что он не приказывал подавать вина. После этого я шепнул официанту, чтобы никакого вина без особого требования не подавали.

Князь Ухтомский уплатил при нас, по поданному ему счету, за обед 16 руб. и за вино 5 руб., а всего 21 руб. Понятно, при таком настроении

нашего амфитриона мы за обедом почти ничего не ели и не пили.

После обеда великому князю подан был длинный чубук и медный тазик, в который он ставил трубку. Официант поставил тазик не совсем ловко, при чем великий князь, бывший, как надо полагать, сильно не в духе, его оттолкнул. По приезде в Псков, великий князь вышел из вагона. Мельников и я проводили его до особой комнаты, в которой на столе стоял самовар и чайный прибор. Когда отворили дверь в эту комнату, великий князь сказал, что чай поставили, чтобы снова с него взять деньги, но что он его не требовал; и затем, не войдя в комнату, пошел обратно в свой вагон. Мельников пошел за ним, а меня просил заказать для него в общей зале какое-нибудь кушанье, так как он совершенно голоден. Съев по порции телятины, мы воротились в наш вагон, и когда обер-кондуктор поезда спросил, можно ли ехать, Мельников полагал, что великий князь сидит в своем вагоне, и отвечал утвердительно. В эту самую минуту великий князь выходил из чайной комнаты пассажирского здания на платформу станции; едва мы не уехали без него.

Великий князь осведомился у Мельникова, что если он поедет с нами по жел. дороге, то за какое протяжение должен будет заплатить за места для себя, его сына, наставника последнего, адъютанта и прислуги. Мельников отвечал, что плата взимается по открытому для движения протяжению дороги от г. Острова до Полоцка. Великий князь нашел этот расход излишним и уверял, что, сев в г. Острове в экипаж, он на

почтовых лошадях доедет ранее нас в Витебск, так как мы полагали несколько часов отдохнуть в Динабурге и осматривать некоторые принадлежности Динабурго-витебской жел. дороги. Несмотря на то, что Мельников утверждал противное, великий князь поехал из Острова по шоссе. Мы приехали в Витебск прежде него. Мельников и витебский губернатор генерал-майор Владимир Николаевич Веревкин (впоследствии генерал-лейтенант и начальник местных войск виленского округа) встретили его на почтовой станции, где последним был приготовлен обед, за которым великий князь продолжал свои эксцентричности *.

Не могу не упомянуть о важном событии, совершившемся летом 1866 года,—о войне Пруссии и Австрии, — хотя я не принимал в нем участия. Пруссия, заручившись союзом с Италией и нейтралитетом Франции и России в этой войне, разгромила австрийские войска в несколько недель, что было неожиданно для всех и даже для пруссаков.

Италия, желая для окончательного своего объединения отторгнуть свою провинцию венецианскую из-под власти Австрии, вошла в союз с Пруссией. Французский нейтралитет основывался на каких-то нежных обещаниях прусского канцлера графа (впоследствии князя) Бисмарка о согласии Пруссии на присоединение к Франции соседних с ней земель. Нейтралитет России основывался на родственных и дружественных связях царственных домов и на положении, принятом Пруссией в восточной войне 1853—

1856 г. и во время последнего польского мятежа.

Австрия во время восточной войны была постоянно готова присоединиться к воевавшим с нами четырем державам, а во время польского восстания под рукою ему помогала. Постоянные враждебные действия Австрии против России были причиною желания русских, чтобы Пруссия осталась победительницею, но вместе с тем они не могли не опасаться, что это государство, приобретя перевес в Европе, может сделаться опасным соседом, и это опасение по неожиданным последствиям войны, давшим Пруссии весьма высокое значение, оказалось правильным. Не ожидая от войны столь важных последствий, я смотрел на нее, как на ослабление двух соседних нам государств и в шутку говаривал, что война истребит несколько немцев, все равно пруссаков или австрийцев, а когда хотя одним немцем менее, то русскому человеку жить легче.

В Павловске, где я жил, газеты разносили поздно: я каждый день покупал номер газеты, привозимой из Петербурга с первым поездом, и немедля читал телеграммы с театра войны, при чем приговаривал, что я верю австрийским показаниям о числе убитых в сражениях пруссаков, а пруссакам о числе убитых австрийцев.

12 августа 1866 г. утверждена концессия на Козлово-воронежскую жел. дорогу, устав которой утвержден только 31 января 1869 г., спустя целый год после открытия на ней движения. Эту концессию желал получить П. Г. Дервиз с К. Ф. Мекком, но они вначале встретили сопро-

тивление в комиссии по рассмотрению вопросов, относящихся до жел. дорог, вследствие того, что я находил более правильным соединить Москву с Воронежем через Тулу, а от Козлова вести жел. пути на восток. Когда же направление Козлово-воронежской жел. дороги было, несмотря на мои доводы, утверждено, то концессия на нее не была дана означенным лицам, по нерасположению Мельникова к Дервизу. По желанию его угодить министру почт и телеграфов И. М. Толстому, она дана земству Воронежской губернии, которое, в угодность Толстому, передало все дело почетному гражданину Самуилу Соломоновичу Полякову.

По концессии Воронежско-козловской жел. дороги земство Воронежской губернии обязалось составить общество на постройку дороги в два пути с укладкою рельсов и металлических ферм мостов в один путь; на производство работ назначалось 3 года.

Концессия продолжается 81 год, считая со времени окончания линии. На весь этот срок правительство гарантировало $5^1/_{10}$% с 12 495 000 р., что при 170 предположенных концессиею верстах протяжения дороги составляло 73 500 р. на версту; действительное же протяжение дороги оказалось в 167 верст $110^1/_3$ саж. Эта стоимость дороги была очень высока, так что ее строитель и при дешевой реализации капитала имел возможность получить весьма значительные выгоды. Означенный капитал состоял из 74 950 акций в 100 р. кред. и 22 812 облиг. в 200 талеров каждая.

Реализация акционерного и облигационного капитала производилась Поляковым, который

большую часть акций оставил за собою, заложив их берлинским банкирам, в ожидании возвышения их цен. В это время дошел до меня первый слух о том, что высокопоставленные лица, за доставление ими концессий жел. дорог учредителям обществ, получают с них или с избранных ими оптовых строителей жел. дорог значительные суммы. Уверяли, что после смерти И. М. Толстого, умершего в сентябре 1867 г., найдено было на 500 000 р. бумаг общества Козловско-воронежской жел. дороги.

Судьба Полякова очень замечательна. Говорят, что в молодости он был штукатуром в Киеве. В 1861 г. он, одетый по обычаю евреев, являлся в правление Московско-ярославской жел. дороги, в котором тогда я был председателем, с желанием принять подряд в 20 000 р. на перевозку рельсов от московской станции Николаевской жел. дороги на протяжении от Москвы до Сергиевского посада, но ему было отказано.

В следующем году он подрядился, между прочим, на перевозку до 35 тыс. пудов каменного угля от упомянутой станции к Алексеевскому и Мытищинскому водоподъемным зданиям московского водопровода. Этот подряд, конечно, простирался на очень незначительную сумму. В то же время он занимался разными небольшими поставками по шоссе IV (московского) округа путей сообщения, при чем познакомился с несколькими инженерами путей сообщения, а также управлял винокуренным заводом И. М. Толстого, который сдал ему содержание нескольких почтовых станций. Во время постройки Рязанско-козловской жел. дороги он был постав-

щиком рабочих и материалов для части работ, производимых оптовым подрядчиком Мекком. При испрошении концессии на Козлово-воронежскую жел. дорогу, он и бывший управляющий по подряду Мекка фон-Мейн пожелали быть вместе с Дервизом и Мекком учредителями этой дороги. Последние не изъявили на это согласия, и тогда Поляков через И. М. Толстого достиг того, что концессия на упомянутую дорогу была сдана земству Воронежской губернии, которое предоставило Полякову образование общества и выбрало его оптовым строителем, а Мейн поступил к нему в товарищи.

В настоящее время трудно знать, как велико состояние Полякова, но он пышно живет в купленном им, рядом с сенатом, доме, бывшем графа Борха, на Английской набережной и владеет большею частью акций Орловско-грязской, Курско-азовской и Козлово-воронежско-ростовской жел. дорог, но, как говорят, все эти акции им заложены банкирам в Германии.

В конце августа назначена была комиссия под моим председательством для освидетельствования оконченной Рязанско-козловской жел. дороги с правом, если комиссия одобрит постройку дороги, ее открыть. В Москве многие мне передавали, что дорога дурно построена, что за несколько дней на значительном протяжении провалилась насыпь глубиною на 2 саж. и что эта насыпь и прежде проваливалась. Видя при двукратном личном освидетельствовании дороги, что работы производились хорошо и находя необходимым поддержать возникающую промышленность по устройству жел. дорог и дать

скорейший сбыт произведениям одного из плодороднейших краев России, я полагал своею обязанностию поспешить открытием дороги. Колебания мои относительно провалов насыпи на означенном протяжении были непродолжительны. Я решился, если при освидетельствовании все работы найдены будут хорошо произведенными и к тому времени не будет новых провалов по дороге, открыть ее, поручив правлению дороги движение поездов по протяжению, на котором образовывались провалы, производить медленно и учредить на этом протяжении особое наблюдение.

В конце августа великий князь Николай Николаевич ехал по этой дороге от Москвы до Козлова в свое воронежское имение, и я выехал из Москвы в одном с ним поезде. Представившись ему на московской станции, я из опасения, чтобы он не позвал меня обедать и чтобы не возобновились сцены, подобные бывшим за обедом в Луге, пригласил его со свитою к своему обеду, при чем испросил позволение, чтобы строитель и все инженеры, состоявшие при устройстве дороги, обедали за нашим столом. Он согласился и мы имели прекрасный обед в Рязани. Строитель дороги Мекк не допустил меня к уплате за обед, сказав, что за все уже уплачено. И так я невольно заставил обедать великого князя на счет Мекка. Подъезжая в самом начале вечера к месту дороги, где образовались провалы и где полотно дороги было волнисто, я хотел войти в вагон великого князя, чтобы его предупредить, но не мог этого сделать, так как великий князь разделся и лег спать на пол, занимая почти всю

длину среднего отделения вагона. Из Козлова великий князь поехал далее на почтовых лошадях, а я, переночевав в Козлове, следующие два дня употребил на осмотр дороги от Козлова до Рязани.

В начале ноября 1866 года на балу, данном петербургским дворянством по случаю бракосочетания цесаревича, Николай Михайлович Орлов, сын Михаила Феодоровича [декабриста], сообщил мне с видимым удовольствием об ударе на мозг, которому в этот день подвергся Николай Алексеевич Милютин, бывший главным начальником канцелярии его величества по делам царства Польского, и что последствием этого удара будет невозможность Милютину продолжать службу, причем Орлов очень удивился сожалению, изъявленному мною по этому случаю.

Орлов — человек ума ограниченного. Он принадлежит к партии так называемых «крепостников», которые ненавидели Милютина, приписывая ему, и совершенно справедливо, значительное участие в составлении положения 19 февраля 1861 года. Я уже говорил, что вслед за совершением этого важного дела реакционная партия нашла средство удалить его от занимаемой им должности товарища министра внутренних дел после чего он жил за границею. Только по удалении великого князя Константина Николаевича и маркиза Велепольского из Польши, он был назначен начальником гражданского управления в царстве, в котором сделал много реформ; из них важнейшие: введение нового устройства для сельского населения, чем остановлены были дальнейшие действия восстания, и предначерта-

ние к подчинению всех управлений царства существующим министерствам в империи, каковое подчинение приведено было в исполнение постепенно, но при Милютине совершилось бы, конечно, гораздо скорее. Предположено было начать с присоединения к министерствам империи тех управлений, которых присоединение казалось наименее затруднительным. Это были управления почт и путей сообщения. Первое было присоединено в конце 1866 г. к министерству почт и телеграфов под назв. западного почтового округа.

В начале января 1867 года состоялось повеление о сделании распоряжения к присоединению управления путей сообщения в царстве Польском к министерству путей сообщения. Граф Берг [наместник в Польше] заявил мне, что, по его мнению, польские жел. дороги должны оставаться в ведении округа путей сообщения в царстве (на этот округ он мог бы иметь более влияния, чем на главного инспектора, которому подведомственны все частные жел. дороги в империи), а также, что он предположил назвать округ путей сообщения западным, а не XI.

Несмотря на сопротивление Берга и Шуберского [управляющий путями сообщения в Польше], я написал проект положения о присоединении разных частей управления в царстве к министерству на тех же основаниях, на каких эти части управляются в империи. Берг, узнав о моем проекте от Шуберского, просил последнего передать мне, что он не согласится на подобное положение. Но я представил его Бергу без всякого изменения. [Так этот вопрос и был разрешен].

Министр финансов оправдывал уступку Николаевской дороги главному обществу жел. дорог необходимостью остаться в хороших отношениях с богатыми банкирами, имеющими много акций этого общества.

Вследствие его настояния, к которому присоединились великий князь Константин Николаевич и граф С. Г. Строганов, государь, председательствуя в совете министров, решил вопреки мнени всех прочих членов этого совета, и в том числ министра иностранных дел князя Горчакова, Чевкина и Мельникова, передать Николаевскую линию главному обществу, о чем и состоялось высочайшее повеление 8 июня 1868 г.

1 марта 1867 г. утверждена концессия на жел. дорогу от г. Ельца до с. Грязей на Козлово-воронежской жел. дороге. Этой линией отдалялся плодородный Елецкий уезд от Москвы слишком на 150 верст, а потому в комиссии, обсуждавшей в министерстве путей сообщения вопросы по жел. дорогам, я настаивал на соединении Ельца с Тулою прежде соединение его с с. Грязи, но Мельников находил, что Елецко-грязская линия будет составлять часть линии от Волги до Риги, а потому отдал ей преимущество. Концессия была дана елецкому земству, которое обязано было образовать общество для устройства дороги. Капитал общества определен в 3 021 500 руб. и в 773 460 ф. стер., который реализуется выпуском акций и облигаций и гарантируется правительством во все время концессии в 81 год, со дня окончания работ, $5^1/_{10}$% чистого дохода. Протяжение всей дороги 103 версты, так что гарантированная стоимость версты равняется

до 87 000 руб. кр. или до 75 000 руб. мет. При этой весьма высокой оценке елецкое земство могло получить большие выгоды, но оно, подобно воронежскому земству, образование общества поручило С. С. Полякову, которого сделало и оптовым строителем.

Поляков при реализации капитала и постройке приобрел большие выгоды. Говорят, что все акции этой дороги остались в его руках, но что он должен был их заложить банкирам в Германии. Лица, бывшие в это время во главе елецкого земства, вероятно, не из одного угождения И. М. Толстому доставили столь значительные выгоды Полякову.

21 марта 1867 г. утверждена концессия на Орловско-витебскую жел. дорогу. Эта линия уступлена была 17 декабря 1865 г. баронету Пито, но он не успел образовать общества для постройки дороги, несмотря на гарантию правительством капитала, исчисленного на постройку дороги по весьма высоким ценам. Бывший в то время орловским губернским предводителем дворянства Александр Васильевич Шереметев, видя, что в последнее время воронежское и елецкое земства получили концессии на жел. дороги и что хлопоты по получению концессий весьма хорошо оплачиваются строителями дороги, выхлопотал, чтобы Орловско-витебскую дорогу уступили орловскому земству, обещавшемуся в течение 3 месяцев по утверждении концессии образовать общество, которому правительство на все время концессии 85 лет, со дня окончания работ, гарантирует $5^1/_{12}$% с капитала, образуемого выпуском акций на 1 500 000 и облигаций

на 4 500 000 ф. ст., следовательно на 585 200 ф. стер. менее, чем по несостоявшейся концессии, данной баронету Пито. Протяжение всей линии 488 верст, следовательно стоимость каждой версты равняется более 76 800 руб. мет.: цена чрезвычайно высокая, принимая в особенности в соображение, что земляное полотно по концессии предположено было устроить в один путь.

Представители орловского земства поручили образование общества синдикату банкиров, между которыми были Брандт и Гвейер. Все работы были переданы Губонину, Казакову и Садовскому, которому принадлежит и мысль об испрошении концессии через орловское земство; поставка же подвижного состава, рельс, машин и аппаратов передана барону Френкелю. При передаче работ и поставок была та особенность, что подрядчики уступали в пользу орловского земства 150 000 ф. стер., что не помешало Шереметеву и другим представителям земства получить особые вознаграждения от строителей, которые в свою очередь, вследствие весьма высокой оценки дороги, получили от ее постройки весьма большие выгоды.

Получение земством 150 000 ф. ст. за то, что губерния этого земства соединяется с морем посредством жел. дороги, устраиваемой на капитал, гарантированный правительством, ничем не может быть оправдано.

Принимавший наибольшее участие в реализации капитала для Орловско-витебской жел. дороги, петербургский банкир Егор Егорович Брандт, немедля по утверждении устава этой дороги, просил меня принять участие в делах общества с званием, какое я сам изберу, при чем

заявил мне, что так как инспекция во время устройства дороги не будет мне подчинена, то в служебном отношении не может встретиться препятствий к принятию мною участия в делах общества. Я отклонил это предложение, находя, что мое участие в делах общества во всяком случае несовместно с моею должностью главного инспектора частных жел. дорог, при чем заявил Брандту, что я, сверх того, не имею времени заниматься делами общества.

Мельников [когда Дельвиг рассказал ему об этом предложении] заявил мне с неудовольствием, что он сам принимал участие в делах общества Волго-донской жел. дороги и других и что не видит достаточных причин для моего отказа, а что мое участие в постройке Орловско-витебской жел. дороги служило бы министерству путей сообщения ручательством в надлежащем исполнении этого дела. Вслед за этим я немедля уведомил Брандта о моем решительном отказе.

Курение сигар и папирос на улицах и в публичных местах почиталось в России величайшим преступлением. В 1865 году это курение высочайше утвержденным мнением государственного совета было разрешено с некоторыми исключениями и в этом повелении, между прочим, было постановлено, что воспрещение курить табак на жел. дорогах, если бы в принятии этой меры настояла надобность, а также и применение в сем случае карательных правил закона, предоставляется распоряжению главного управления путей сообщения. На основании бюрократических идей выработались нелепые правила, по

1-му пункту которых запрещалось курение табаку, между прочим, в «буфетах и залах, где бывает общий стол в то собственно время, когда на станциях останавливаются поезда и пассажиры находятся в сих помещениях».

Мне кажется бесполезным доказывать всю непрактичность правил, которые вследствие этого вовсе не исполнялись и, конечно, ни одно земство по этим взысканиям не получило ни одного рубля. Так обыкновенно бывает с нелепыми постановлениями: бюрократия их сочиняет, а жизнь идет своим путем, стараясь только обойти эти постановления.

В мае 1867 года государь с великим князем Владимиром Александровичем поехал на Парижскую выставку. Я их сопровождал до Вержболова. В Париже к ним присоединился наследник, оставивший свою супругу в Дании. 24-го мая, в день вознесения господня, в Булонском лесу, при проезде государя, был в него сделан выстрел человеком, укрывавшимся за деревом. Этот убийца был Березовский, поляк из уроженцев юго-западных губерний. Все подробности этого происшествия вполне известны и потому я не буду на них останавливаться [1]. Для сопровожде-

[1] Поляк Березовский стрелял в Александра II в Париже 25 мая (6 июня нов. ст.) 1867 г. Герцен, очевидно, желая повлиять на французских судей, писал в «Колоколе», что Березовский принадлежит к «мученикам, которые обрекают себя на смерть и которых совесть чиста именно потому, что они фанатики». М. А. Бакунин писал по этому поводу Герцену: «За что ты назвал Березовского фанатиком? Он мститель, и самый законный мститель, за все преступления, муки и кровавые оскорбления, вынесенные Польшей и поляками».

ния государя на обратном пути от польской границы до Петербурга я выехал в Варшаву.

Государь во весь путь до Петербурга был мрачен, редко выходил из вагона. В Пскове меня позвали в столовый вагон к завтраку. На столе стояли чудесные плоды, поднесенные государю бывшим губернским предводителем дворянства бароном Фитингофом (несколько лет спустя умершим на виленской станции). Во время завтрака государь имел вид грустный и рассеянный. По его окончании я взял какой-то фрукт с блюда. Адлерберг выразил удивление, что я ем фрукты, и спросил, не люблю ли я и цветы. Я отвечал утвердительно. Это его очень удивило. Вслед за этим разговором, государь с недовольным видом встал и ушел из столового вагона. Ясно было, что покушение на его жизнь в Париже сделало на него сильное впечатление.

Мельников, приехавший с императрицею в Варшаву, сопровождал ее до границы. В бытность его в Варшаве, В. И. Граве увидал на его столе чертежи вагонов поезда императрицы по Венской жел. дороге, с указанием мест для нее, ее детей и лиц ее свиты. Надписи мест были сделаны дурным почерком и полны грамматических ошибок. Граве, заметив это, взялся их пере-

Что касается освещения этого дела в тогдашней русской печати, то Герцен писал, что «общий тон необыкновенно подл ярым полицейским бешенством. «Голос» [либеральная газета] превзошел «Московские ведомости» [реакционная газета]. Мы не можем вспомнить без омерзения гнусные статьи «Голоса». Березовский был сослан в Новую Каледонию (французская колония — остров в Великом океане), где умер в 1869 г. *С. Ш.*

писать. Когда Мельников мне сказал, что надписи были сделаны ездившим с Мельниковым медиком Шюцом, Граве выразил удивление тому, что Мельников возит с собою алопата, у которого, конечно, не будет лечиться, и сверх того человека безграмотного, тогда как мог бы иметь при себе хорошего чиновника. Мельников отвечал, что возит Шюца для сбережения расходов, потому что, где, как он выразился: «я скажу, чтоб дать на водку гривенник, а Шюц норовит и того не дать и гривенник сбережет».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1867 — 1871 гг.

Вскоре по возвращении моем из-за границы (1867 г.) приезжал ко мне на дачу в Лесном какой-то господин, назвавший себя Стремоуховым и, не застав меня, обещавший снова приехать. Я полагал, что это был инженер путей сообщения Владимир Петрович Стремоухов. Поздно вечером мне доложили о приезде того же господина, который был утром, и я увидал перед собою Петра Дмитриевича Стремоухова, бывшего нижегородским губернским предводителем дворянства и впоследствии рязанским губернатором. Он заявил мне, что строитель Козлово-воронежской и Елецко-грязской жел. дорог, Самуил Соломонович Поляков, слышал, что я собираюсь инспектировать эти дороги, что он прислан последним просить меня отложить мою поездку на несколько дней, так как Полякову, получившему известие об опасном положении здоровья графа Ивана Матвеевича Толстого, находившегося за границею, необходимо ехать к нему, и что Поляков через несколько дней вернется. Я отвечал, что откладывать своей поездки не могу, но что при осмотре дорог мне нужны инженеры, их строющие, а не Поляков, и потому он может ехать

куда ему угодно. Стремоухов отвечал, что в таком случае Поляков предпочитает не ехать за границу, а встретить меня на устраиваемых им дорогах.

Я тогда совсем не знал Полякова. Меня очень удивило то, что Стремоухов, занимавший столь высокие и почетные должности, находится у него на посылках[1] и что для исполнения его поручения приезжает два раза в день на отстоящую в 10 верстах от центра города мою дачу в Лесном, проезд вечером по неосвещенным улицам которого, после сильных осенних дождей, был даже не безопасен.

В Воронеже, где меня ждал С. С. Поляков и строители Воронежско-козловской жел. дороги, я нашел Полякова огорченным только что полученною им телеграммою о кончине графа И. М. Толстого в Париже и узнал, что Анны Ивановне Шеле, которая в 1826 году меня, по просьбе моей матери, перевезла из Москвы в Петербург, нет в городе и что она проживает в имении, которое продала генералу Ограновичу, выговорив право в продолжение 10 лет проводить лето в превосходно устроенном господском доме этого имения. Впоследствии она почти на таких же условиях продала свой воронежский дом сенатору Веневитинову, которого, а равно Ограновича, она пережила. Эти продажи совершались с тем, чтобы ничего из ее имущества не досталось после ее смерти ее родному племяннику Вигелю племяннику известного Филиппа Филипповича Вигеля, столь же злому, как его

[1] См. о нем выше, по указателю. *С. Ш.*

дядя, но далеко не столь умному, постоянно злословившему свою тетку А. И. Шеле и делавшему ей большие неприятности.

Нисколько не медля в Воронеже, я поехал в имение, где жила Шеле, отстоящее верстах в 40 от Воронежа и верстах в 5 от Задонского шоссе, по которому я только что проехал. Излишне описывать радость хозяйки при встрече со мною и ее сожаление о том, что я в тот же вечер должен был возвратиться в Воронеж.

Осмотрев работы, производившиеся на Козлово-воронежской и затем на открывшейся Шуйско-ивановской жел. дорогах, я вернулся в Петербург.

При начале устройства жел. дороги между столицами, по рекомендации Мельникова, был выписан из Америки инженер-майор Уислер, который ввел у нас постройку деревянных мостов системы Гоу (прозванных у нас американскими). Уислер был человек замечательный. Он умер ранее окончания дороги и был заменен другим американским инженером, также майором и получавшим значительное содержание, но едва ли приносившим пользу.

Благодаря Уислеру, устройство подвижного состава было сдано гг. Гаррисон и К°; в ней участвовали знаменитые впоследствии братья Уайнансы, из которых наиболее знаменитый Вильям (его тогда в шутку называли «Васькой») был столяром. Гг-м Гаррисон и К° предоставлен был в полное распоряжение Александровский механический завод близ Петербурга, на котором они обязаны были строить паровозы и вагоны

за весьма умеренную плату, а именно, цена каждому паровозу в 30 тонн была 12 500 р. Паровозы и вагоны строились по типам, существовавшим в Америке в начале 40-х годов. Перед окончанием постройки дороги, ремонт подвижного состава сдан на 12 лет той же компании по весьма высоким ценам. Заключенный по этому предмету контракт приобрел тогда же большую известность, дав возможность нажить контрагентам несколько миллионов руб., но значение этого контракта бледнеет перед контрактом, заключенным в 1865 году на тот же предмет с американцем Вильямом Уайнансом.

Правительство, приступая в 1852 году к устройству С.-Петербурго-варшавской жел. дороги, предположило строить для нее подвижной состав в России. Герцог Максимилиан Лейхтенбергский принял постройку паровозов на своем петербургском заводе по 12 600 р. за каждый. Столь дешевая цена, при неопытности мастеровых, и в особенности ранняя кончина герцога были причиной того, что изготовленные на его заводе 20 паровозов оказались неудовлетворительными и дальнейшее их приготовление приостановлено.

В половине ноября 1867 года поступило прошение концессионеров Ряжско-моршанской жел. дороги об освидетельствовании ее для открытия по ней движения. Назначенная для сего под моим председательством комиссия нашла дорогу готовою для движения. Концессионеры дороги братья С. Д. и А. Д. Башмаковы, желая открыть дорогу торжественным образом, пригласили на открытие весьма многих лиц из Петербурга и

Москвы и, между прочим, бывшего в это время министра внутренних дел П. А. Валуева.

Денежные дела Валуева всегда были не хороши. Тогда говорили, что он занял у Башмаковых весьма значительную сумму и из благодарности приехал на открытие устроенной ими дороги. По его ходатайству за устройство дороги были даны ордена А. Д. Башмакову Станислава I ст., а его брату Владимира 3 ст. Замечательно, что эти награды даны не только не по представлению министра путей сообщения, но даже и без предварительного у него об этом спроса.

Выехали мы из Моршанска довольно поздно в сильную метель, которая не позволила нам ехать по расписанию, что конечно подало повод к неудовольствию со стороны приглашенных лиц. На нашем обратном пути мы были угощаемы Башмаковыми так же, как и при поездке от Москвы до Моршанска. Ряжско-моршанская жел. дорога, длиною 121 верста, была открыта для движения 28 ноября 1867 года.

Затем к 1 января 1868 года уступлено было частным обществам жел. дорог протяжением в сложности 4 856 верст, из коих 3 523 были открыты для движения и 1 333 были в постройке; сверх того частным обществом, в ведении особой инспекции, строилась Поти-тифлисская жел. дорога, протяжением 285 верст.

В январе 1868 года строитель Воронежско-козловской жел. дороги Поляков неоднократно просил об освидетельствовании этой дороги для открытия по ней движения. Судя по осмотру мною дороги в сентябре 1867 года, я не верил, чтобы она могла быть окончена, что подтвер-

ждалось и донесениями инспектора дороги Гольмстрема. Сверх того я находил, что освидетельствование дороги при глубоком снеге и в сильные морозы не может быть произведено с должным тщанием. Но Поляков, получивший вследствие покровительства гр. И. М. Толстого постройку Козлово-воронежской жел. дороги от воронежского земства, которому была дана концессия на эту дорогу вопреки представлению Мельникова, — сумел снискать милость последнего. 18 января 1868 года я получил от Мельникова письмо следующего содержания:

«Г. Поляков заявляет, что Воронежская дорога в состоянии оконченности не менее Моршанской, так что движение может быть открыто без малейшего затруднения, и потому просит, чтобы вы взяли на себя разрешить открытие движения, если вы найдете все, как он объясняет. Если это так, то я не нахожу затруднения поступить с этою дорогою, как делалось при открытии других, и о распоряжении, какое признаете нужным сделать на месте, донесите в министерство. Ваш покорный слуга П. Мельников».

В этом письме говорится о Ряжско-моршанской жел. дороге с видимым желанием упрекнуть меня в том, что я не хочу сделать для Полякова того, что я сделал для Башмаковых и Духовского, которого Мельников не любил. После подобного письма министра надо было ехать свидетельствовать дорогу, для чего была назначена комиссия под моим председательством из инженеров путей сообщения полковников Таубе и Поземковского и подполковника Зуева 2-го. Федор Антонович

Поземковский был в то время вице-директором департамента сухопутных сообщений и потому не было повода к его назначению в комиссию, свидетельствующую жел. дорогу, но он сам очень просил меня об этом назначении, на которое Мельников охотно согласился, заметив, что Поземковский человек придирчивый. Впоследствии я узнал, что у него были денежные счеты с Поляковым. Прежняя репутация Поземковского была хорошо известна Мельникову, которому едва ли не были известны и настоящие отношения Полякова к Поземковскому, а потому я не знаю, как объяснить причину согласия Мельникова на назначение Поземковского членом свидетельствующей комиссии, равно как и многие другие в этом роде поступки Мельникова.

Дорога найдена далеко не столь оконченною, как Ряжско-моршанская: слой балласта был почти везде менее утвержденного по проекту, на ближайших же верстах к Воронежу в выемках и насыпях земляное полотно было устроено в один путь и их откосы находились в далеко неоконченном виде. Все эти причины побудили меня отложить открытие движения по дороге до весны, но Поляков умолял дозволить немедленное открытие, так как в противном случае он будет поставлен в такое положение относительно лиц, снабдивших его капиталами на постройку, что не будет в состоянии ее продолжать.

Принимая в соображение, что движение по всей дороге, за исключением последних 12 верст, не представляло никакой опасности и что по

уставу дороги она могла бы быть открыта не вполне законченною, комиссия, ее свидетельствовавшая, согласилась на открытие пассажирского движения между Козловом и ст. Сомово на 155 верстах, а товарного на всех 167 верстах. То и другое началось 1 февраля 1868 года. Перед открытием Поляков дал обед и бал в зале воронежского дворянского собрания и бесплатный спектакль в воронежском театре. К обеду были приглашены все местные власти, городские обыватели и много приезжих из Воронежской губернии, так что всего сидело за столом до 300 человек, из которых к концу обеда было много выпивших и шумевших. К празднованию открытия дороги, строившейся воронежским земством, был прислан от министра внутренних дел член совета министра тайный советник Александр Павлович Волков.

Высочайшим повелением 23 января 1868 г. учреждена временная комиссия для правильного распределения пожертвований, поступивших в пользу жителей разных местностей России, пострадавших от неурожая.

Наследник цесаревич, почетный председатель комиссии, пригласил меня принять участие в занятиях.

Заседания происходили в Аничковом дворце по два раза в неделю под личным председательством наследника. Они продолжались более двух месяцев. В это время министр внутренних дел П. А. Валуев, которого обвиняли в непринятии своевременных мер против последствий неурожая, был уволен от должности. На его

место был назначен министр почт и телеграфов генерал-адъютант Александр Егорович Тимашев, с присоединением его прежнего министерства к министерству внутренних дел.

Тимашев представил государю, что учрежденная под председательством наследника комиссия занимается предметом, составляющим непосредственное занятие м-ва внутр. дел, и уговорил государя закрыть комиссию. Н. В. Зиновьев, узнав об этом, убедил государя, что подобное внезапное закрытие комиссии невозможно по причине только что развившихся его распоряжений и было бы неудобно в виду того, что она состоит под председательством наследника, но что может быть теперь определен срок для окончания ее занятий. Срок этот был назначен на 30 августа, но после этого наследник лично в ней председательствовал только один раз, для чего члены комиссии были собраны в его царскосельский дворец, в котором были угощены завтраком.

Членами комиссии, кроме меня, были директор хозяйственного департамента министерства внутренних дел Шумахер, член совета департамента уделов Тютчев, петербургский губернский предводитель дворянства граф Орлов-Давыдов, председатель новгородской губернской земской управы (Николай Александрович) Качалов (впоследствии директор департамента таможенных сборов), гласный петербургской городской думы Быков, череповецкий купец И. Милютин и бывший откупщик Кокорев. С самого начала действий комиссии поступали значительные пожертвования. В ее заседаниях обсуждалось, как их рас-

пределять, своевременно доставить и раздавать. Это был первый опыт комиссии, в которой членами не были исключительно лица, взятые из бюрократии. Действия ее были удачны, но, конечно, она не могла нравиться нашей бюрократии.

Главную роль в комиссии играл Качалов, а благодаря ему и Милютин. На первых заседаниях Орлов-Давыдов, известный крепостник, старался ввести в комиссию обсуждение причины неурожаев и необходимости заставить крестьян иметь общественные запашки, но я и Тютчев каждый раз обращали внимание наследника, что это обстоятельство не может составлять предмета занятий комиссии. Наконец, когда Орлов-Давыдов снова заговорил о том же, наследник, отвернувшись от него, дал слово другому члену. Нельзя сказать, чтобы в этой комиссии не было допущено крайностей и с другой стороны. Конечно, советы богатого хлеботорговца или зажиточного крестьянина в деле, занимавшем комиссию, были бы очень полезны, но при выборе этих лиц, которых приглашали сидеть по несколько часов за одним столом с наследником, следовало быть осмотрительнее. Для этого недостаточно быть богатым и сделать большие пожертвования в пользу голодающих; за последнее достаточно было бы поблагодарить. Нижегородский купец Блинов, сделавший пожертвования в пользу голодающих, был приглашен в заседание комиссии, происходившей под председательством наследника, в котором три часа молчал. Между тем Блинов тогда уже был известен разными нечестными проделками и делал

пожертвования для голодающих в надежде через это иметь себе покровителя в лице наследника. В первых заседаниях комиссии наследник предлагал такие распоряжения, исполнение которых требовало гораздо более значительных сумм, чем находилось в виду. Тютчев и я при этом замечали, что комиссия имеет право делать распоряжения, сообразуясь с суммами уже пожертвованными, но большинство членов комиссии соглашалось с предложениями наследника, и наши заявления оставались без последствий.

В одно из следующих заседаний наследник заявил, что государь назначил в распоряжение комиссии миллион рублей для покупки муки и ее раздачи потерпевшим от неурожая, со взысканием с них этой суммы по особым правилам в следующие урожайные годы, что операция по закупке муки и доставлению ее на место поручена купцу Милютину, который уже окончил ее[1]. При этом наследник сказал, что, опасаясь

[1] Жена известного генерала Е. В. Богдановича записала в своем дневнике под 13 сентября 1908 года: «Качалов, который здесь (в Ялте) управляет царскими имениями, коснулся воспоминаний о прошлом голоде, о Валуеве, который за тот голод потерял портфель. Качалов сказал цесаревичу (впоследствии император Александр III), что есть одно средство дешево купить хлеб, это — чтобы Александр II дал миллион, чтобы казначейство про это не знало, а у Качалова есть, человек, который сразу всюду на этот миллион закупит хлеба; имя этого человека — И. А. Милютин. Царь дал деньги. Качалов в чемодане привез их в гостинницу, передал Милютину. Хлеб был куплен дешево, миллион был возвращен, а Валуеву вследствие этого пришлось уйти». *С. Ш.*

возвышения цен муки, он находил нужным производить ее без огласки и потому не заявлял комиссии, за исключением ее членов Качалова и Милютина, о пожертвованном государем миллионе и очень любезно передал мне и Тютчеву, что он, в виду этого пожалования, предлагал комиссии некоторые распоряжения, на которые мы делали замечания, что он находил вполне правильным, так как мы ничего не знали об этой ассигновке. Вообще действия комиссии достигли своей цели: почти вся заготовка дошла по своему назначению, чего конечно нельзя было бы достигнуть обыкновенным способом через казенных чиновников.

Для получения сведений о надобностях разных местностей, пораженных неурожаем, были вызваны председатели местных губернских земских управ, которые дали требовавшиеся от них комиссиею показания.

21 марта 1868 года утверждена концессия на земскую Грязе-борисоглебскую жел. дорогу. Эта дорога от ст. Грязи на Воронежско-козловской жел. дороге, протяжением до 179 вер., должна была быть устроена акционерным обществом, которое обязалось составить земство Борисоглебского уезда, с земляным полотном в два пути, не позже 21 сентября 1870 года. Обществу, владеющему дорогою в продолжение 85 лет, предоставлена во все это время на основной капитал в 13 440 000 р. мет. гарантия правительства 5% чистого ежегодного дохода и $^{1}/_{12}$% погашения, следовательно на каждую версту дороги гарантирована сумма до 70 тыс.

р. мет. Инспекция работ по сооружению этой дороги, учрежденная 19 июня 1868 года, была независима от главной инспекции частных жел. дорог. Инспектором назначен был инженер путей сообщения полковник Сергеев, не имевший никакого понятия о жел. дорогах и оставленный вместе с тем членом уфимской губернской строительной комиссии, так что он постоянно жил в Уфе, а по дороге ничего не делал, кроме получения содержания по званию инспектора и, как говорят, особого содержания от князя Михаила Сергеевича Волконского (состоявшего в должности егермейстера и сверхштатного помощника статс-секретаря государственного совета), которому борисоглебское земство сдало постройку дороги на тех же основаниях, как воронежское и елецкое земства сдали Полякову Козлово-воронежскую и Елецко-грязскую жел. дороги. Волконский был сын сосланного в Сибирь политического преступника, но сам сумел снискать расположение высших мира[1].

В начале 1868 года он заезжал ко мне по поручению Ф. В. Чижова и говорил об устройстве Борисоглебской дороги, но найдя меня непригодным для вспомоществования к обделыва-

[1] Это сын декабриста С. Г. Волконского, бывший впоследстви товарищем министра народного просвещения. Его выдвинул в первые ряды бюрократии генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев-Амурский. М. С. Волконский был в приятельских отношениях (по совместной охоте) с Некрасовым, который по документам его архива написал поэму «Русские женщины». Сам Волконский издал еще до первой революции, в 1901—1906 гг. Записки своих родителей о заговоре декабристов и об их жизни в Сибири. *С.Ш.*

нию невыгодных для казны дел, он не возобновлял своих ко мне посещений, а очень успешно обратился к другим лицам, так что концессия на Борисоглебскую дорогу была рассмотрена в министерствах путей сообщения и финансов в чрезвычайно короткое время, в мое отсутствие в царство Польское. Конечно, по влиянию Волконского состоялось самое назначение отдельной инспекции для дороги и выбор инспектора Сергеева, с правом не находиться постоянно при сооружении дороги. Это был первый пример, что дорога, сданная частному обществу без казенных субсидий, строилась не под наблюдением главной инспекции частных жел. дорог. Гарантированная на эту дорогу сумма по 70 тыс. рублей с версты была так высока, что Волконский и принятые им в товарищи П. И. Губонин и другие нажили от постройки дороги весьма большие выгоды.

14 апреля 1868 года утверждена концессия на Козлово-тамбовскую жел. дорогу, протяжением 74 версты. Она должна была быть устроена акционерным обществом, которое обязались образовать козловское и тамбовское уездные земства, с земляным полотном в два пути, и окончена не позже 22 октября 1870 года. Обществу, владеющему дорогою в продолжение 85 лет, предоставлена во все это время на основной капитал в 5 000 000 р. (68 918 р. 92 к. на версту) гарантия обоих упомянутых земств по равной части, 2% чистого ежегодного дохода. Инспекция работ по сооружению этой дороги состояла в ведении гл. инспектора частных жел. дорог. Тамбовское и козлов-

ское уездные земства, подражая воронежскому, елецкому и борисоглебскому, поручили образование общества на постройку и эксплоатацию дороги бывшему Козловским уездным предводителем дворянства Горсткину и состоявшему в отставке инженеру путей сообщения Ефимовичу, которые, в виду значительной цены, назначенной по концессии на постройку, приобрели большие от нее выгоды. Сверх того, по незначительности акционерного капитала, всего в 3 000 000 р., они, как владельцы значительной части акций, пользуясь биржевою горячкою 1869 года, успели до открытия движения по дороге повысить слишком вдвое цену акций на бирже, через что также обогатились.

22 апреля 1868 года утверждена концессия на Грязе-орловскую жел. дорогу, протяжением 243 версты. Она должна была быть устроена Елецким уездным земством и акционерным обществом Грязе-елецкой жел. дороги, по взаимному между ними соглашению, с земляным полотном в два пути. Дорога эта разделялась на два отделения: первое от Грязей до Ельца и второе от Ельца до Орла. Первое требовалось открыть для движения в течение 1868 года, а второе через $2^1/_2$ года со дня разрешения выпуска бумаг на капитал, нужный для его постройки. Работы же по этому отделению должны были начаться немедля, не ожидая назначенного разрешения. Обществу, владеющему дорогою в продолжение 81 года со времени открытия каждого отделения для движения, предоставлена во все это время на основной капитал, для первого отделения в 3 021 500 р. и в 773 460 ф.

стерл. (приблизительно 75 000 р. на версту), и для второго отделения в 12 036 000 р. мет. (66 066 р. мет. на версту), правительственная гарантия 5% чистого ежегодного дохода и $^1/_{10}$% на погашение всего основного капитала. Инспекция работ по сооружению этой дороги, учрежденная 19 июня 1868 года, была независима от главной инспекции частных жел. дорог. Елецкое земство сдало постройку второго отделения дороги так же, как и первого, Полякову, который удержал почти все акции за собою, заложив их банкирам в Германии, и построил дорогу на облигационный капитал и частию на деньги, занятые им под акции дороги. Поляков, имея большие выгоды при реализации основных капиталов для Козлово-воронежской и Грязе-орловской жел. дорог и от их постройки, за которыми никто не следил, так как все акции этих дорог были в руках его и его сотоварищей, сделался в это время очень богатым человеком. Члены в правления этих дорог были просто назначаемы Поляковым.

В первых числах июня я возвращался в Петербург. В это время в комиссии, учрежденной в министерстве путей сообщения для рассмотрения вопросов по жел. дорогам, обсуждалась просьба С. Д. Башмакова о даровании ему концессии на жел. дорогу между Пензою и Моршанском, на что комиссия согласилась по журналу своему от 4 июня. Директор департамента жел. дорог Липин не участвовал в этом обсуждении по болезни. Не соглашаясь с означенным журналом, я заявил, что подам на другой

день особое мнение. Башмаков жил в это время в Царском селе. Узнав о моем протесте, он присылал на мою царскосельскую дачу инженера Е. М. Духовского, чтобы меня уговорить не подавать особого мнения. Конечно, эта просьба не имела успеха.

Мельников был недоволен тем, что я подал это мнение, явно желая поскорее утвердить концессию, в виду того, что с Башмаковым участвовал, хотя и тайно, герцог Александр Гессен-дармштадский [брат императрицы]. На другой день Мельников, против обыкновения, сам председательствовал в упомянутой комиссии, во время заседания которой я подал дополнительное мнение к ее журналу от 4 июня:

«В виду того, что Пензенско-моршанская жел. дорога не принадлежит к такому разряду дорог, постройку которых и на один год отложить представляло бы большие невыгоды, правительство могло бы послать проверить представленные проекты, а равно собрать сведения о ценах на материалы и постройки.

Если же найдено будет почему-либо невозможным отложить постройку этой дороги, то при ограничении стоимости версты до суммы около 60 000 р. мет., можно бы дать просимую концессию со включением в оную же и расходов на приобретение капитала.

Этой суммы, по мнению моему, достаточно и в тех местностях России, которые представляют довольно значительные затруднения для проложения дорог; для назначения же бо́льшей суммы следовало бы иметь ясные доказательства в том,

что таковое назначение в действительности требуется местными обстоятельствами.

По прочтении последнего мнения в комиссии, Мельников уговаривал меня согласиться на стоимость версты в 68 000 р., на каковую он уже согласил Башмакова. Не получив моего согласия, он сказал, что в таком случае он без него обойдется, и утвердил журнал комиссии, по которому стоимость дороги была определена в 68 000 руб. В этих пререканиях прошло несколько дней, в продолжение которых министр финансов Рейтерн уехал в отпуск, а без него подобные дела не получали движения. По возвращении же Рейтерна из отпуска через несколько месяцев обстоятельства переменились, так что не было более и помину о Моршанско-пензенской жел. дороге. Устав же общества Моршанско-сызранской жел. дороги, которой она составляет часть, был утвержден только через 4 года, именно 25 апреля 1872 года.

По этому уставу общество, которого учредителем был Башмаков, обязалось выстроить 500 верст жел. дороги за 22 959 200 р. мет., гарантированных правительством 5% чистого дохода, т.-е., по 44 918 р. за версту, следовательно дешевле той стоимости, на которую уже согласился Мельников, на 23 092 р. на каждую версту.

В Вержболове простились с государем [в 1868 г. при отъезде его за границу] Мельников и сопровождавший государя от Вильны, выехавший к нему навстречу, генерал-фельдмаршал граф Берг, а равно недавно назначенный начальни-

ком северозападного края генерал-адъютант Потапов, который при прощании поцеловал государя так же, как о том было сказано мною в предыдущей главе «Моих воспоминаний», при описании переезда государя через границу в 1865 г.

Из Ельца я поехал через Рязань и Москву на Шуйско-ивановскую жел. дорогу. Дорога, за исключением одного большого постоянного моста, была окончена и вообще хорошо исполнена. В особенности были прочно устроены станции и гражданские здания на пути. Последние были готовы еще в предшествовавшем году с тем, чтобы ко введению в них служащих на дороге они успели высохнуть. Они были мною осмотрены в поездку мою в сентябре 1867 года. Лес, употребленный на строения, а равно на шпалы, был прочный и толще, чем требовалось министерством путей сообщения. Рабочие люди были помещены в хороших бараках и получали исправно хорошую плату. Лазареты были в большом порядке.

Строителем дороги был один из ее учредителей, крестьянин И. А. Бусурин, человек весьма замечательный. Большая часть шпал под рельсами были так широки, что ремонт балласта между ними был затруднителен. На сделанное мною в этом смысле заявление, Бусурин отвечал, что он не ожидал подобного замечания, употребляя самые лучшие материалы в надежде, что никто из начальствующих его за это не упрекнет. Рабочие любили Бусурина, так как он часто давал им довольно большие деньги на вино,

Бусурин родом из Владимирской губ. Говорят, что он в молодости был пойман в конокрадстве и исключен крестьянами села, в котором он родился, из их общества. Это так на него подействовало, что он сделался честным и богобоязненным. При постройке железной дороги между двумя столицами он был простым рабочим, вскоре сделался десятником, а потом приказчиком М. Я. Вейсберга, который был перед тем в 1844 и 1845 годах подрядчиком по перестройке мною части Нижегородского шоссе.

Вейсберг, за усердие и честность Бусурина, сделал его дольщиком по подряду на Николаевской дороге, а впоследствии вполне передал подряд. Бусурин почти всегда всем говорил ты. Во время управления мною министерством путей сообщения, он, имея уже много золотых медалей на шее, в том числе и на андреевской ленте, говорил мне:

— Ты, ваше превосходительсто, непременно дай мне крестик (т. е. орден).

На мое замечание, что крестьянам орденов не дают, а потому, для представления его к ордену, он должен записаться в купцы, Бусурин отвечал:

— Я родился крестьянином и умру крестьянином; не только купцом, да и генералом быть не хочу.

Я говорил выше, что инспекция Орловско-витебской жел. дороги на время ее постройки не была подчинена главной инспекции и что инспектором ее был назначен инженер генерал-майор Василий Степанович Семичев (впослед-

ствии в отставке тайный советник), строивший в то же время Московско-курскую дорогу.

Комиссия нашла возможным открыть движение по участку от Витебска до Рославля. Строители дороги пригласили в Смоленск к торжественному, по случаю открытия, обеду многих лиц из Петербурга и окрестных губерний. Перед обедом 10-го октября я чувствовал расстройство желудка, но по убеждению строителей решился, приняв гомеопатическия капли nux vomica, быть на обеде. Я всегда смеялся над гомеопатией, но должен сознаться, что она мне вполне помогла.

Обед, данный в большой зале дворянского собрания, в которой едва могли поместиться все приглашенные, был весьма роскошен.

За обедом было много речей. Особенного внимания были удостоены речи моя и графа Г. А. Строганова, мужа великой княгини Марии Николаевны, приглашенного по званию председателя совета главного общества железных дорог. Когда Скарятин, редактор издававшейся в то время крепостнической газеты «Весть», сказал что-то в духе этой газеты, это не понравилось присутствующим, которые начали шикать, несмотря на то, что большинство обедавших состояло из смоленских дворян.

Скарятин желал заглушить шиканье, стал на стул и начал говорить громче, но шиканье увеличилось, и я для прекращения скандала приказал стоявшей за мной, выписанной из Петербурга, музыке кавалергардского полка играть следующую по расписанию пьесу. Скарятин был вдали от меня, и я не видал, как он вышел из залы.

Этот обед и упомянутый скандал были описаны весьма даровитым фельетонистом «Петербургских ведомостей» Сувориным, подписывавшим свои статьи «Незнакомец». В этом описании он с особенною похвалою отзывался о моем красноречии.

По возвращении моем в Петербург, в конце ноября 1868 года, назначена была комиссия под моим председательством для освидетельствования участка Курско-киевской железной дороги между ст. Ворожба и Бровары на протяжении 250 верст. Комиссия нашла работы хорошо произведенными и потому участок был открыт 17-го декабря. По заявленному мною желанию никакого торжества по этому случаю не происходило.

Я остановился в Киеве в Европейской гостинице, осмотрел строившийся на железной дороге мост через р. Днепр, побывал в лавре, пещерах и других замечательных церквах, а также и у нескольких знакомых и между прочими у Зуевых и Виноградовых. Матери Петра и Дмитрия Павловича Зуевых было в это время около 100 лет. Она еще работала, много читала и хорошо помнила все прочитанное.

Дмитрий Павлович, получая, сверх содержания по званию инспектора жел. дорог, жалование как директор от акционеров Курско-киевской дороги, помогал своей матери и сестрам и потому они жили лучше, чем когда я их посещал в 1865 году. Мать Зуевых вскоре померла, прожив более века.

Виноградова была та Анна Петровна Полторацкая, по первому мужу Керн, о которой так много

мною рассказано в II главе «Моих воспоминаний». Я увидал престарелую женщину. Никто бы не мог поверить, что некогда Пушкин писал к ней:

Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты. [1]

Видя из действий Мельникова, что он не намерен принимать мер к прекращению на железных дорогах беспорядков и злоупотреблений, в допущении которых общественное мнение обвинит меня, я просил его уволить меня от должности главного инспектора, с назначением членом совета министерства путей сообщения.

Мельников долго меня уговаривал остаться в занимаемой мною должности, но, видя мою решимость, согласился, и я высочайшим приказом 9 января 1869 года назначен членом совета министерства путей сообщения.

В этот день был бал в Зимнем дворце. В следующей главе «Моих воспоминаний» я привожу слова, сказанные мне на балу государем по случаю оставления мною должности главного инспектора [этих слов нет в рукописи].

Общественное мнение и печать постоянно обвиняют правительственных инспекторов на частных железных дорогах, что они не испол-

[1] Об Анне Петровне Керн-Виноградской см. выше, том первый, гл. II, а также книгу Б. Л. Модзалевского: «Анна Петровна Керн», М. 1924, и книгу: «А. П. Керн. Воспоминания», изд. «Academia», Лен, 1929, под ред. Ю. Н. Верховского. *С. Ш.*

няют своих обязанностей по наблюдению за действиями правлений этих дорог и служащих на них.

Но мало людей, которые понимают, что всем неурядицам причиною петербургская бюрократия, и действительно, к чему же могли послужить донесения второстепенных, удаленных от Петербурга, служащих о беспорядках на частных железных дорогах, когда донесение главного инспектора, непосредственного по закону помощника министра по этим дорогам, о беспорядках на одной из них послужило только к оставлению им своей должности.

Большая часть инспекторов по бедности не могут оставить службы, а потому нашли лучшим молчать, угождая тем и министерству и правлениям дорог. Пока я был главным инспектором, инспекторы дорог, открытых для эксплоатации, вели себя безукоризнено; по оставлении же мною означенной должности, некоторые из них, не видя поощрения от министерства, решились на получение незаконного содержания от правлений дорог, подражая инспекторам строившихся дорог, которые мне по распоряжению Мельникова, не были подчинены. Эти последние, немедля по их назначении инспекторами, начинали получать от учредителей и строителей железных дорог весьма значительные содержания, и именно, В. А. Киприянов на Курско-киевской и П. И. Сергеев на Грязе-царицынской железной дороге.

Выше было уже мною сказано, что инспектор Орловско-витебской железной дороги В. С. Семичев имел участие в подряде по устройству этой дороги.

Все сколько-нибудь знавшие меня были уверены в моей честности, в готовности помочь делу и в умении вести его, тогда как назначенный на мое место действительный статский советник В. И. Граве не пользовался хорошей репутацией: все знали, что он нажил состояние, участвуя в постройке Николаевской и Петербургско-варшавской железных дорог, и что вообще сношения с ним, при его притязательности, весьма затруднительны.

По назначении меня членом совета министерства путей сообщения, занятия мои по службе уменьшились: совет собирался только один раз в неделю по четвергам, и вопросы, вносимые департаментами и штабом путей сообщения, большей частью принимались единогласно.

Я иногда подавал особые мнение, но, как увидят ниже, я заседал в совете в звании члена менее трех месяцев, в продолжение которых был несколько времени в отсутствии для исполнения особо возложенного на меня поручения.

По званию главного инспектора частных железных дорог я состоял членом комитета, учрежденного по высочайшему повелению при главном штабе военного министерства, по передвижению войск железными дорогами и водою. По увольнении меня от должности главного инспектора, я перестал ездить в комитет, но, по желанию военного министра, предписанием Мельникова от 8 февраля, назначен в оный постоянным членом. Сверх того, я продолжал быть членом комитета железных дорог и комиссии, учрежденной при министерстве путей сообщения для обсуждения важных вопросов, относя-

щихся до этих дорог. Впрочем, все эти занятия оставляли мне много свободного времени.

В январе 1869 года вернулся из отпуска товарищ министра путей сообщения граф В. А. Бобринский, который выразил мне крайнее сожаление, что я оставил должность главного инспектора, не дождавшись его возвращения, и убеждение, что это не могло бы случиться при его бытности в Петербурге. В феврале ему предстояла поездка в Москву для окончательного соглашения с правлениями Московско-рязанской и Рязанско-козловской железных дорог по устройству на них второго пути и увеличению подвижного состава и для разъяснения способов к прекращению застоя грузов на правительственной Московско-курской железной дороге.

Не имея доверия к новому главному инспектору частных жел. дорог Граве и зная, какое дурное понятие имеют о нем частные общества жел. дорог, Бобринский не желал, чтобы Граве ему сопутствовал при исполнении означенного поручения, и находил невозможным обойтись без меня. Вследствие этого я должен был ехать с Бобринским в виде его помощника.

Граф В. А. Бобринский, при приезде в 1869 году в Москву и обратно, сидя в вагонах вдвоем со мною, передал мне, что к пасхе он будет назначен исправляющим должность министра путей сообщения, что он решился принять эту должность только в полной уверенности, что я ему буду усердным помощником, так как он убедился в совершенном знании мною дела и в уважении, которое ко мне питают все инженеры путей сообщения и все правления част-

ных железных дорог. Вследствие этого он спрашивал меня, какого рода положение я желаю иметь в его министерстве.

Я просил его не давать мне особого официального положения, а оставить членом совета министерства до того времени, пока он ознакомится со всеми делами. Я же во все это время готов буду ему помогать всегда, когда он заявит в том надобность, и он при таком положении может принимать или не принимать моих советов. В последнем случае я не буду оскорбляться, тогда как, имея официальное положение, я не буду в состоянии, если он будет действовать вопреки моим представлениям, сохранить это положение. Когда же он почувствует, что я ему более не нужен, то я желал бы вполне расстаться с министерством путей сообщения и быть назначенным к присутствованию в сенате.

Бобринский отвечал мне, что, конечно, я всегда буду ему нужен, но что ему желательно, чтобы я, занимая первое после него место в министерстве, был не только не официальным его советником, но и принимал деятельное участие в ходе дел, в особенности по железным дорогам. Он тут же предложил мне должность начальника управления всеми железными дорогами.

Я снова повторил ему о нежелании моем принять какое бы то ни было официальное положение, так как наши взгляды на дело могут разойтись, и тогда мне придется опять обратиться в члены совета министерства, что я считаю нравственною смертью, и что, испро-

бовав уже раз такую смерть, я не хочу ей подвергаться в другой раз в том же ведомстве.

Бобринский повторил уверенность, что никогда со мною не расстанется, но что так как он не располагает долго оставаться министром, то он,—когда я более не захочу при нем оставаться в министерстве, а равно при оставлении им должности министра,—дает слово выхлопотать мне звание сенатора в том случае, если я не буду назначен на его место, а это может случиться только в том предположении, что государь пожелает иметь министра более молодого, чем я.

Я отвечал, что вовсе не желаю быть министром, а очень буду доволен получением сенаторского звания. При назначении графа Алексея Павловича Бобринского на место графа Владимира Алексеевича мне пришла в голову мысль, что последний не предназначал ли уже в то время в преемники себе своего двоюродного брата.

Ф. В. Чижов, в бытность его профессором Петербургского университета, познакомясь очень близко с родителями Владимира Бобринского, когда последнему было 13 лет, обратил их внимание на совершенное незнание их тремя сыновьями отечественного языка, вследствие чего был приглашен преподавать им русский язык, но он, отказавшись от этого предложения, рекомендовал учителя русского языка. Собственно этому обстоятельству обязаны сыновья Алексея Алексеевича Бобринского тем, что они умеют, хотя и не совсем правильно, говорить и писать по русски.

Чижов, во все время жизни родителей В. Бобринского, оставался с ними, и в особенности с его матерью, в наилучших отношениях, которые поддерживались перепискою, возвращенною Чижову по смерти матери Бобринского.

В половине июля (1869 г.) назначен был отъезд государя на юг России. С ним должен был ехать граф В. А. Бобринский, который, проводив государя, отправился в заграничный отпуск. В отсутствии Бобринского полагалось возложить на меня управление министерством путей сообщения. В продолжение моей службы мне никогда не приходило на мысль, что я могу дойти до этого высокого положения. Только при назначении графа В. А. Бобринского начали ходить слухи, что он недолго останется исправляющим должность министра и что на его место некого будет назначить, кроме меня. Я не только не желал, но опасался этого назначения, зная, что при неимении связей в высшем обществе и при известных правилах, от которых я ни в каком случае не отступлю, весьма трудно будет удержаться долгое время министром.

Я даже находил, что если я буду назначен министром, то в моем положении я буду играть между другими министрами, по неимению никакой подержки у государя, последнюю роль, которой я не вынес бы, так как я привык с самого начала моей службы быть заметным лицом между моими товарищами. Пример П. П. Мельникова, которого государь давно знал и к которому императрица по отношениям его к Мальцевой, любимице ее величества, очень благоволила, доказывал мне, что достаточно при-

надлежать ведомству путей сообщения, чтобы не получить тех званий, которые почти необходимы для лиц, близких ко двору. Все министры, состоящие в военных чинах, —генерал-адъютанты, а в гражданских — статс-секретари его величества. Мельников же не был ни тем, ни другим.

Напротив того, назначение меня первым лицом после министра мне очень улыбалось. Этим я официально признавался первым лицом между товарищами и, надеясь на привязанность ко мне графа В. А. Бобринского, к которому государь очень благоволил, я полагал на этом месте быть полезнее для службы и долго на нем удержаться.

Сознаюсь, что в последние дни перед отъездом Бобринского из Петербурга, я с нетерпением ожидал появления высочайшего повеление о назначении меня, на время отсутствия Бобринского, управляющим министерством путей сообщения, которое и воспоследовало 16-го июля.

Служебные мои занятия в этой должности были так разнообразны, что я, конечно, не буду здесь описывать все, что прошло тогда через мои руки. Я многого не мог бы написать потому, что никогда не вел никаких записок, и «Мои воспоминания» пишу на память, а настоящую главу пишу через $4^1/_2$ года по оставлении мною министерства путей сообщения.

Я занимался целые дни службою и все имели ко мне легкий доступ.

Непосредственными моими докладчиками были:

По канцелярии директор оной тайный советник Иван Петрович Боричевский и вице-дирек-

тор действительный статский советник Иван Дмитриевич Хмельницкий (впоследствии тайный советник, директор департамента железных дорог), последний в особенности по делам бюджета и контроля.

По штабу заведывающий оным, числящийся по армии, генерал-майор Петр Федорович Демор (ныне умерший), человек очень ограниченный и старый; в то время он прослужил в офицерских чинах почти 50 лет. В штабе и департаментах собственно докладчиками были начальники отделений, из них по штабу упомяну о действительном статском советнике Леопольде Васильевиче Брандт, некогда литератор, которого изображение в виде куколки красовалось в окошках магазинов Невского проспекта вместе с изображением Ф. В. Булгарина и других.

Несколько лиц заявили желание принять на себя устройство и эксплоатацию Воронежско-грушевской и Бессарабской железных дорог. Из них по высочайшему повелению, основанному на представлении министра финансов, были допущены к заявлению цен только избранные последним лица, которые представили свои цены в запечатанных конвертах в совет министерства финансов, в коих низшие цены на первую из этих дорог назначены были почетным гражданином Гладиным, а по второй дворянином Шидловским.

В числе конкурентов на первую был неоднократно упоминаемый мною С. С. Поляков, который, владея дорогою от ст. Аксай до Ростова-на-Дону, по особому договору с начальством

донского казачьего войска эксплоатировал устроенную на капитал этого войска Грушевскую железную дорогу. Он предложил, в случае уступки ему дороги от Воронежа до Грушевки, купить у войска Грушевскую железную дорогу и передать ее эксплоатацию, а равно и участок от Аксая до Ростова, в заведывание акционерного общества, которое он образует для постройки и эксплоатации железной дороги от Воронежа до Грушевки.

Начальство донского казачьего войска, а равно и военный министр находили выгодным предложение Полякова. С ними соглашался Бобринский и министр финансов Рейтерн, которые и подписали представление в комитет министров об отдаче Воронежско-грушевской железной дороги Полякову.

По отъезде Бобринского, сделано мною представление в комитет министров об отдаче Бессарабской железной дороги (Кишинево-прутского участка); цена, объявленная 24-го июля на эту дорогу известным австрийцем Оффенгеймом, 8 531 500 р., была безобразно высока, а цена Шидловского, 4 643 100 р., слишком низка. В. А. Бобринский, перед отъездом из Петербурга, просил меня всеми средствами поддержать его представление о Полякове и предоставлял мне распорядиться по моему усмотрению насчет Бессарабской дороги.

Рассмотрение означенных представлений было назначено 29-го июля, так что в первое мое появление в комитете министров на меня падала трудная задача.

Генерал-лейтенант С. А. Грейг в это время управлял министерством финансов. Он перед

заседанием комитета заезжал ко мне, чтобы столковаться о предстоящих в комитете прениях, и я полагал, что он будет поддерживать представление, подписанное министром финансов, но я ошибся: в комитете большинство и Грейг в том числе было на стороне Гладина, а со мною согласились только министр государственных имуществ А. А. Зеленой и начальник главного штаба граф Ф. Л. Гейден, заменявший отсутствовавшего военного министра. Представленные же предложения на Бессарабскую железную дорогу комитет отклонил единогласно.

О результате заседания комитета я телеграфировал Бобринскому в Конотоп, так как, по маршруту государя, он должен был быть в этом городе 29-го июля, а на другой день я писал ему в Вену о происходившем в заседании комитета.

В половине августа последовало высочайшее повеление об отдаче Воронежско-грушевской железной дороги Полякову. После получения этого повеления я виделся 26-го августа в Исаакиевском соборе с председателем комитета министров князем П. П. Гагариным, который с неудовольствием поздравил меня, что мнение меньшинства, в котором был я, удостоилось высочайшего одобрения.

В IX главе «Моих воспоминаний» я подробно говорил о пресловутом контракте с американцем Уайнансом на ремонт и содержание подвижного состава Николаевской железной дороги. По переходе этой дороги главному обществу железных дорог, оно немедля начало изыскивать средства к расторжению упомянутого чрезвычайно невыгодного контракта.

Бобринский, видя все невыгоды для общества, а в особенности для торговли от контракта Уайнанса, принялся с особым рвением убеждать последнего расторгнуть контракт, не ожидая срока его окончания. Уайнанс согласился нарушить свой контракт с получением неустойки более 5$^{1}/_{2}$ миллионов руб.

Здесь же скажу, до какой степени лица, стоявшие во главе государственных управлений, опасались придирок Уайнанса; именно, Бобринский опасался, что Уайнанс не захочет, чтобы я подписался под условиями расторжения, так как эти условия были соглашены Уайнансом с Бобринским, а не со мною. Эти опасения видны в письмах Бобринского ко мне, из которых делаю следующее извлечение.

В письме из Гаштейна от 15/27-го августа он пишет:

«В случае, если я не мог бы быть в Петербурге к 1-му октября, срок подписания расторжения контракта Уайнанса, то прошу вас переговорить о сем с Рейтерном, Кенигом и Уайнансом. Если Уайнанс не встретит препятствия или не выдумает затруднений подписать расторжение и получить деньги несколько дней позже, или если нет препятствия тому, чтобы вы, барон, к 1-му октября кончили бы это дело, то я не изменю своего маршрута и вернусь с государем. В противном случае я могу приехать в Петербург около 15-го сентября подписать расторжение и потом поехать с государем в Одессу. Выдача же денег Уайнансу все-таки совершится 1-го октября. Если же мое присутствие собственно для Уайнанса необходимо,

то я из Веве приеду прямо в Петербург на 3 дня».

Я ему отвечал, что контракт с Уайнансом подписан департаментом железных дорог, след. и расторжение его должно произойти тем же порядком, и что я просил Кенига переговорить на этот счет с Уайнансом, который того же мнения, а след. по этому делу нет надобности Бобринскому приезжать в Петербург.

Уайнанс требовал, чтобы директор департамента лично явился 1-го октября в государственный банк, где, по взносе условленной за расторжение контракта суммы на текущий счет Уайнанса, последним было подписано условие о расторжении контракта. Говорят, что означенные миллионы и теперь (1876 г.) лежат на текущем счете в государственном банке и что будто Уайнанс хочет выразить этим свою благодарность России за то, что она его обогатила.

Казалось, что мы этою дорогою платою совсем покончили с Уайнансом, но вышло иначе. Уайнанс имел по первому своему контракту претензию в несколько миллионов руб. на казну. Он пропустил все, законом установленные, сроки для обжалования будто бы неправильных расчетов министерства путей сообщения. Ему продолжали сроки и соглашались на его требования о рассмотрении его жалоб не в установленных для сего учреждениях, а в тех, которые он указывал.

Но он никуда и после этого в продолжение 7 лет никаких жалоб не подавал. Между тем в начале ноября 1869 года, когда я управлял министерством путей сообщения, он прислал

мне заявление, в котором домогался получить мое дозволение на отъезд из России до весны 1870 года с тем, вероятно, чтобы впоследствии сказать, что выданным ему дозволением я признавал, что его отношения к министерству не кончились, но я приказал ему отвечать, что министерству путей сообщения, которое считает все дела с ним поконченными, нет дела до того, где он будет иметь жительство.

После выхода моего из министерства Уайнанс скупил на 5 миллионов руб. акций главного общества железных дорог, в котором распоряжается по своему усмотрению, раздавая свои акции для участия в общем собрании разным лицам, через что успел выбрать в члены совета лиц ему совершенно преданных, как-то, инженеров путей сообщения: Штомпфа, помогавшего ему при составлении вышеупомянутого пресловутого второго контракта по Николаевской дороге, и Дунина-Слепец и свиты его величества генерал-майора Герна.

Главное же лицо, через которое Уайнанс имеет влияние на все дела главного общества, это бывший и прежде членом совета главного общества инженер тайный советник Кербедз.

Уайнанс приезжает ежегодно в Петербург к 15-му мая, в этот день обыкновенно происходит общее собрание акционеров главного общества. Имея 50 акций этого общества, я в 1874 году отправился посмотреть на новые порядки в его общем собрании, которое происходило в большой зале петербургской городской думы. Акционерам, при входе их в зал, служащие при совете главного общества выда-

вали отчет за 1873 г. и несколько других документов, в том числе замечания ревизионной комиссии на отчет совета 1872 года, выбранной и действовавшей по инициативе Уайнанса, который надеялся, что ее открытиями он достигнет удаления правительственных членов совета, не покоряющихся его требованиям, и заменения их более покорными, что однако же ему не удалось. Мне известно было, что объяснения совета на означенные замечания комиссии были напечатаны, но их не было дано ни мне и ни одному из акционеров, вблизи меня сидевших. Правительственному инспектору С.-Петербурго-варшавской железной дороги Н. Е. Адамовичу также не дали этих объяснений. Когда я это ему заметил, то он не без труда их вытребовал. Таким образом, служащие при совете скрывали документ, его оправдывающий, что делалось, вероятно, по инициативе Уайнанса.

Я сидел во втором ряду кресел, когда к стоявшим впереди меня креслам первого ряда подошел с торжествующим видом Уайнанс, сопровождаемый своим клевретом инженером Штомпфом, которого Уайнанс впоследствии сделал членом совета главного общества. Уайнанс, увидав меня, протянул мне руку, но она не встретила моей: довольно и того, что я отвечал поклоном на его поклон.

Несмотря на настоятельные ходатайства наместника кавказского великого князя Михаила Николаевича и основанные на них подтвердительные высочайшие повеления о скорейшем приступе к работам Ростово-владикавказской железной дороги, высочайшее повеление о вы-

даче на нее концессии инженеру коллежскому советнику барону Штейнгелю последовало только 2 июля 1872 года. О том, как состоялось это повеление, рассказывают следующее: великий князь Михаил Николаевич, основываясь на представлениях близких ему людей, задобренных Поляковым, еще в 1869 году обещал ему дать концессию на Кавказскую железную дорогу и все время сильно его поддерживал, но министр путей сообщения граф А. П. Бобринский не хотел Полякова. По правилам, высочайше утвержденным 26 декабря 1870 года, о порядке выдачи концессий на железные дороги предоставлено было министру путей сообщения входить в личные переговоры с лицами, которых он изберет для устройства дороги, и представлять в комитет министров о выдаче концессий тому из них, которого он признает благонадежнейшим.

Ясно, что все дело зависело от министра путей сообщения. Отобрав цены от трех, четырех избранных им лиц, он мог сказать тому, которого он предпочитал, взять несколькими рублями менее наименьшей объявленной цены и дело наверное оставалось за последним. Если же испрошенная наименьшая цена была слишком низка, то он по этой причине мог вовсе остранить от дела лицо, испросившее такую цену.

Чтобы по возможности избегнуть этого произвола, я, управляя министерством путей сообщения в начале 1871 года, положил себе раскрывать запечатанные конверты одновременно, в присутствии подававших эти конверты. Но

граф А. П. Бобринский не держался этого, а прямо представил об отдаче дороги отставному военному инженеру генерал-майору Фалькенгагену за 27 291 600 р. мет. нарицательного капитала (41 770 р. мет. за версту).

Великий князь Михаил Николаевич решительно не соглашался на отдачу дороги Фалькенгагену, находя по прежним его занятиям на Кавказе, что он неблагонадежен, и настаивал на выдаче концессии Полякову. Государь, основываясь на этом настоянии великого князя, приказал отдать Полякову и в таком виде представить всеподданнейший доклад. Говорят, что вслед за этим представлена была государю шефом жандармов графом П. А. Шуваловым, покровителем графа А. П. Бобринского, какая-то немецкая газета, в которой была напечатана статья, может быть сфабрикованная агентами Шувалова, что государь в России сам вмешивается в выдачи концессий железных дорог.

Достоверно только, что представленный А. П. Бобринским доклад о выдаче концессий на Кавказскую дорогу Полякову не был утвержден государем, который сказал Бобринскому, чтобы он ее дал кому хочет, за исключением Фалькенгагена и Полякова. Вследствие сего концессия была выдана инженер-коллежскому советнику барону Штейнгелю на тех же, выше приведенных, условиях, на которых полагалось ее отдать Фалькенгагену.

По возвращении государя в Царское село, я по четвергам представлял лично всеподданнейшие доклады. Форменная одежда министров,

состоящих в военных чинах, при докладах государю в загородных резиденциях, была сюртук с эполетами. Я же в первый раз приехал для того, чтобы представиться, в полной парадной форме.

Государь заметил, что это вовсе не нужно, но говорят, что он нашел бы неправильным, если бы я явился в другой форме. Впрочем, при поездках с докладами не лишнее было брать с собою все формы, так как во время лагеря требовалась походная форма, а за обедом у государя обыкновенная в сюртуках с плечевыми погонами без эполет.

Однажды, когда я приехал с докладом в Гатчину, государь пригласил меня к своему обеду и сказал, чтобы я приходил без эполет.

Не имея с собою погонов, я принужден был прийти в эполетах. Государь мне заметил, что я не исполнил его приказания насчет формы. Как при первом моем докладе, так и впоследствии, государь был ко мне весьма милостив. Перемену я начал замечать только при докладах в начале 1871 года; причины перемены объясняются в следующей главе «Моих воспоминаний».

При докладах почти постоянно присутствовал наследник, но никогда ничего не говорил. В те четверги, к которым не накоплялось достаточно нужных всеподданнейших докладов, я посылал государю извещение, что за неимением дел, по которым требовалось утруждать его величество, я не буду.

Многие и в особенности К. В. Чевкин находили, что я в этом отношении поступаю не

политично, так как необходимо пользоваться возможностью быть у государя, и всегда можно найти, о чем доложить раз в неделю.

По возвращении Бобринского в Петербург он вступил в свою должность 14-го октября, так что я управлял министерством с 16-го июля по означенное число, а 16-го октября в высочайшем приказе было изложено, что государь император изъявляет мне монаршую благодарность за примерно-усердное и вполне удовлетворительное управление министерством путей сообщения во время отсутствия исправляющего должность министра путей сообщения.

Вскоре Бобринский снова уехал, и 22-го октября было высочайше повелено мне, на время его отсутствия, управлять министерством путей сообщения, что и продолжалось до возвращения Бобринского 10-го ноября.

С возвращением Бобринского появились новые, приглашенные им лица, которые должны были играть значительную роль в управлении: генерал-майоры Гейнс и князь Щербатов и полковник Золотарев.

Щербатов вскоре назначен был заведывать водяными сообщениями и шоссе на тех же правах, на которых я заведывал железными дорогами.

Золотарев поселился в доме министра в одном этаже с Бобринским и имел влияние на все дела министерства. Вскоре был назначен сверхштатным членом совета министерства свиты его величества генерал-майор граф А. П. Бобринский, которого двоюродный его брат Владимир считал единственным умным человеком

в мире. Но А. П. Бобринский не для того поступил в министерство путей сообщения, чтобы заседать в совете: побывав в нем раза два, он перестал присутствовать и занялся другим делом, в котором мог более выставить себя на вид, а именно, узкоколейными железными дорогами.

Со вступлением 14 октября 1869 года графа В. А. Бобринского, по его возвращении, в должность министра путей сообщения, мои занятия нисколько не были облегчены.

26-го июля высочайше утверждены концессии на Иваново-кинешемскую и Скопинскую и 26-го декабря на Бресто-граевскую железные дороги. Они были даны на срок в 81 год, первая обществу Шуйско-ивановской железной дороги в лице уполномоченных от него Михаила Горбова и Ивана Бусурина, вторая потомственному почетному гражданину Абраму Моисеевичу Варшавскому и последняя прусским дворянам помещикам советнику посольства графу Лендорф-Штейнроту и барону Ромберг Гердоуэну.

Длина Бресто-граевской линии от Брест-Литовска через Белосток до прусской границы у мест. Граево не должна превосходить 203 верст; дорога строится с земляным полотном для одного пути. Основной капитал общества определяется в 11 500 000 р. мет., что, при длине дороги до 200 верст, составляет на версту 57 500 р. мет. Капитал образуется выпуском акций и облигаций без всякой гарантии правительства. Замечательно, что в числе учредителей не показан берлинский железнодорожный деятель Струсберг, тогда как собственно он был учредителем означенного общества. Об утверждении Бресто-

граевской железной дороги хлопотали давно, но ей не сочувствовали ни высшие лица администрации, ни публика, поддерживаемая в этом молниеносными статьями «Московских ведомостей».

Бобринскому и мне, напротив того, казалось выгодным иметь в Польше новую железную дорогу, идущую до границ Пруссии, не употребив на это ни одной копейки из государственного казначейства. Военный министр Милютин был того же мнения, и дорога была утверждена.

В январе 1870 года Бобринский объявил мне, что он узнал от прусского посла принца Рейса, что ему и мне назначен от прусского короля орден красного орла 1 ст. По соглашению со мною, Бобринский убедил принца Рейса просить об отмене этого пожалования нас прусским орденом, чтобы не возбудить больших толков о том, что только изменники отечества могли согласиться на проведение упомянутой линии.

Струсберг, при реализации капитала для сооружения дороги, оставил для себя значительную часть, вследствие чего дорога строилась с большими денежными затруднениями и на нее доставлялись многие предметы дурного качества.

Наш круг знакомства был тот же, как и в прежнее время, он увеличился только состоявшим прежде при мне инженером Зальманом, который, нажив несколько денег от подрядов на Киево-балтской железной дороге, женился на очень красивой, образованной и приятной девице Греч, внучке известного литератора и

дочери известной красавицы, бывшей прежде замужем за знаменитым живописцем Брюлловым, с которым она развелась.

Брюллов был очень ревнив. Рассказывают, что окончательным поводом к разводу было то, что он обошелся с нею очень дурно, заметив, что она, стоя у окна, присела при проезде мимо их квартиры императора Николая Павловича.

По возвращении посланной под председательством графа А. П. Бобринского комиссии для изучения заграничных узкоколейных железных дорог, она представила свои заключения, по которым превосходство этих дорог было несомненно.

Для обсуждения этих заключений граф В. А. Бобринский созвал до 12 инженеров. Конечно, при этом находился А. П. Бобринский. Кроме инженеров, ездивших с ним за границу, все прочие относились недоверчиво к узкоколейным железным дорогам и решительно опровергали представленную значительную разность стоимости обыкновенных и узкоколейных путей, но только один Н. И. Липин заявил, что не видит никакой пользы от последних.

При обсуждении ширины рельсового пути, которую предлагали в 3 фута, я и К. И. Шернваль, видя, что опыты узкоколейных железных дорог будут непременно произведены, и желая, чтобы деньги на них употребленные не пропали без пользы, настояли на ширине рельсового пути в 3$^{1}/_{2}$ фута.

Когда же граф В. А. Бобринский объявил, что он полагает немедля приступить на

казенные средства к постройке узкоколейной железной дороги от ст. Верховье на Орловско-грязской железной дороге до г. Ливны, то я сильно настаивал, чтобы этот опыт был произведен в такой местности, где дорога не соединяется с общей сетью наших дорог, на коих ширина рельсового пути 5 футов, и что направление на Ливны вовсе не пригодно для предполагаемого опыта, так как, по проходе по оному 54 верст, придется перегружать товары на ст. Верховье, сверх того, конечно, со временем эта дорога будет продолжена за Ливны.

На это замечание в заседании никто не отвечал, но А. П. Бобринский, желая строить дорогу под своим наблюдением, при чем мог жить в своем Богородицком имении, настоял, чтобы опыт постройки узкоколейного пути был произведен по направлению гор. Ливны, и В. А. Бобринский, без моего ведома, представил об этом всеподданнейший доклад, в котором было глухо сказано, что в совещании большого числа инженеров только один из них высказался против устройства узкоколейных железных дорог, а не было упомянуто, что почти все другие сомневались в их пользе и то, что было предъявлено мною о бесполезности строить таковую дорогу на Ливны. Вследствие этого доклада состоялось высочайшее повеление разрешить построение правительственной узкоколейной железной дороги на протяжении около 54 верст с испрошением на это кредита в 1 404 000 р. из фонда железных дорог; учредить для построения этой дороги временное управление и возложить председательство этого управления

на члена совета министерства путей сообщения свиты его величества генерал-майора графа Бобринского 1-го.

Поверстная стоимость Ливенской узкоколейной железной дороги определена в 26 000 руб. кр.; на постройку же употреблено не 1 404 000 р., а 1 490 607 р., что при действительной длине дороги в 56,8 верст составляет на версту 26 234,6 р. Сравнительно небольшая стоимость постройки этой дороги произошла, впрочем, не потому только, что она узкоколейная, а потому, что в ней допущены такие льготы, которые на обыкновенных железных дорогах не допускаются, а именно: все мосты допущены деревянные, станции без каменного фундамента, сторожевые будки в роде крестьянских изб и т. п.

Впрочем, я уже говорил, что нельзя сравнивать стоимости версты постройки железных дорог правительством и частными обществами: в первом случае деньги на постройку готовые, а в последнем они должны быть реализованы.

Я уже говорил, что Губонин взял с общества Балтийской железной дороги за ее постройку, для которой не было допущено никаких льгот, и за поставку всех для нее принадлежностей по 33 000 р. кр. с версты. На стоимость Ливенской железной дороги, имеющей столь незначительное протяжение, много повлияло то, что А. П. Бобринский испросил членам временного управления, учрежденного для построения этой дороги, директору работ и его помощникам весьма значительные содержания, которые, как мне помнится, простирались от 6 до 8 тыс. каждому. Члены же комитета узкоколейных

железных дорог, учрежденного в Петербурге, никакого добавочного содержания не получали.

Замечательно, что бывший тогда директором департамента железных дорог Липин не назначен членом упомянутого комитета, вероятно, вследствие заявленного в выше описанном заседании мнения о бесполезности постройки узкоколейных железных дорог.

В следующей главе «Моих воспоминаний» подробно излагается, какие способы употребляло правление общества Киево-брестской железной дороги для проведения ее по линии, ближайшей к австрийской границе, и о всех беспорядках, возникших в этом правлении до выхода моего из министерства путей сообщения.

О беспорядках же в делах общества после этого времени и о пособиях, которые правительство вынуждено было даровать обществу по выходе моем из министерства, будет мною вкратце изложено впоследствии, в видах пояснения этого начатого при мне дела. Скажу здесь только, что концессия дана была Рябинину потому, что при конкуренции между несколькими лицами на ее получение посредством запечатанных пакетов, раскрытых в совете министра финансов, цена Рябинина оказалась низшею.

В. А. Бобринский сообщил мне, что государь желал бы отдать дорогу П. И. Губонину, о чем настаивал граф Адлерберг, а потому просил меня, до представления об утверждении торгов, уговорить Губонина взять цену Рябинина с тем, что в этом случае дорога будет немедля отдана Гу-

бонину, но последний на это соглашался только с условием, чтобы допущено было вести дорогу по линии, ближайшей к австрийской границе, а так как состоялись уже два высочайших повеления о том, чтобы по этой линии не вести дороги, то я и не мог принять этого предложения.

16-го июня высочайше повелено, на время отсутствия испр. должность министра путей сообщения, для встречи и сопровождения государя императора, мне управлять этим министерством. По возвращении в Петербург он, не вступая в должность, уехал в отпуск, вследствие чего 27 июня высочайше повелено, на время отсутствия испр. должность министра путей сообщения за границу и по возвращении для осмотра производящихся по министерству работ, мне управлять этим министерством.

Я уже говорил о том, что граф В. А. Бобринский действовал постоянно с порывами и не знал вовсе порядков, введенных в управление министерствами, а когда обращали его внимание на эти порядки, он не хотел с ними сообразоваться. Как новое этому доказательство, привожу письмо, полученное мною от него в июле 1870 года.

В письме, от 3/15 июля из Вильдбада, В. А. Бобринский пишет:

«Последние события в Европе еще более убеждают меня в необходимости поспешить устройством разъездных путей между станциями по Варшавской дороге. Прошу вас мое требование насчет устройства этих разъездных путей формулировать самым положитель-

ным и решительным образом. Варшавская дорога должна быть в нынешнем же году приведена в состояние пропускать от 12 до 14 поездов в день в каждую сторону. Как дорога гарантирована правительством то расход на устройство разъездных путей ляжет на правительство; устройство же вторых путей по всему протяжению между некоторыми станциями будет, во-первых, слишком дорого, во-вторых, оно не будет скоро исполнено, наконец, при том же денежном расходе мы не достигнем таких же результатов, как при устройстве разъездных путей. Скорое же осуществление этой меры, по моему убеждению, совершенно необходимо: без принятия этой меры мы можем, в случае необходимости быстрого передвижения войск, оказаться совершенно несостоятельными и заслужить вполне справедливые нарекания.

Главное общество, с обыкновенною его медленностию, получив наше требование, будет писать протоколы, передавать на рассмотрение комиссий, поручит, может быть, Кербедзу составление смет планов и т. д. и тем самым найдет возможным затянуть осуществление этого дела до осени, т. е., до морозов, когда уже нельзя будет уложить пути.

Ни в каком случае не допускайте проволочки в осуществлении дела, подкрепите себя мнением Милютина, которому вы объясните всю серьезность теперешней несостоятельности Варшавской дороги относительно быстрого передвижения войск в Польше и Литве и, в случае замедления в исполнении дела и моего требования, тогда порешите весь вопрос всеподданнейшим докладом.

К концу сентября Варшавская дорога должна быть в состоянии отправлять в каждую сторону от 12 до 14 поездов

в день, и это на всем ее протяжении от Петербурга до Варшавы и до прусской границы.

Поручите Граве следить за точным исполнением моих требований. Денежные средства могут быть взяты из эксплоатационных доходов; на это может быть потребуется согласие министра финансов.

Главное, чтоб дело было бы исполнено тем или другим способом, при соблюдении формальностей или без соблюдения их. Для этого, если вы увидите, что дело может потерпеть от разных переписок, комитетов и т. д., то прошу вас, согласившись предварительно с Милютиным, порешить дело всеподданнейшим докладом.

Как я предвижу, что дело это не приведется в исполнение без высочайшего повеления, то прошу переговорить об этом с Милютиным, предварительно доложив это письмо государю еще до его выезда из Петербурга, так, чтобы вы могли бы, заручившись его волею или даже одним словесным согласием на необходимость этой меры, быстрее и вернее поспешить ее осуществлением.

Какой бы оборот ни приняло бы дело в Европе в настоящую минуту, положение остается натянутым и усиление Варшавской дороги необходимым.

Прошу вас известить меня телеграммою о результате. Во всяком случае прошу вас доложить это письмо государю и разъяснить ему все те затруднения, которые можно встретить в данную минуту для быстрого и беспрепятственного передвижения войск».

Граф В. Бобринский, поехавший за границу до поздней осени, возвратился 31-го июля, говоря, что, при настоящих европейских событиях,

неизвестно, что может случиться и каждый должен быть при своем месте. Он на другой же день вступил в отправление своей должности, а 13-го августа было объявлено в высочайшем приказе, что государь император изъявляет мне монаршую благодарность за примерно усердное и вполне удовлетворительное управление министерством путей сообщения во время отсутствия исправляющего должность министра путей сообщения.

Впрочем, Бобринский вскоре уехал на юг России, и мне снова высочайше повелено было, на время его отсутствия, управлять министерством путей сообщения, что и продолжалось до 28 сентября.

В конце августа и в начале сентября 1870 года был в Петербурге второй общий съезд представителей русских железных дорог. О занятиях второго съезда скажу только, что он действовал как I съезд и что на нем были разрешены несколько вопросов, имеющих весьма важное влияние на торговлю, при чем представители железных дорог, по моему убеждению, без сопротивления согласились принять и такие меры, которые не были выгодны для дорог.

В день открытия съезда я был приглашен представителями железных дорог на обед, распорядителем которого был член совета главного общества и участник во многих других предприятиях Н. Н. Сушов. Имя Сушова ручается в том, что обед был изящен и великолепен. На обеде главным сюжетом разговора было полученное в это утро известие о Седанской

катастрофе и о низвержении второй империи во Франции. Не помню, какое тогда произошло во мне чувство: радость ли по случаю падения Наполеона III или горесть от поражения французов, которым я симпатизировал.

1-го октября высочайше разрешено железнодорожному училищу, учрежденному в Москве на средства, пожертвованные железнодорожными обществами и железнодорожными деятелями, в память полезной деятельности по железнодорожной части бывшего главного инспектора частных железных дорог, согласно желанию жертвователей, присвоить именование «Дельвиговского».

25-го октября высочайше повелено мне, на время отсутствия исправляющего должность министра путей сообщения, управлять этим министерством. Я управлял министерством до возвращения В. А. Бобринского 9-го декабря.

В это отсутствие Бобринского между им и мною произошли недоразумения по производству правительственными инженерами изысканий на участке Киево-брестской железной дороги, прилегающем к австрийской границе, и по применению гарантии к строившейся Харьково-кременчугской железной дороге. Об этих недоразумениях подробно изложено в следующей главе «Моих воспоминаний».

Я очень обрадовался возвращению Бобринского, потому что состояние моего здоровья требовало весьма радикального лечения, и я с 9 декабря по 1 января 1871 года не выходил из дома, принимая разные лекарства и ежедневно полуванны. Утомление от занятий и убеждение,

что В. А. Бобринским завладели люди подобные Щербатову, Золотареву и Гейнсу, которые могут наделать много вреда, конечно, были, между прочим, причиною моей болезни.

По возвращении Бобринского в Петербург, он обошелся со мною совершенно попрежнему, просил меня во время моей болезни продолжать мои занятия на дому и каждую неделю два раза приходил ко мне выслушивать мои доклады, а по средам давал мне прочитывать всеподданнейшие доклады, приготовленные для личного их представления на другой день государю. Но во время этих посещений он не говорил мне ни слова о предприятии Эпштейна по р. Волге, о котором подробно излагается в следующей главе «Моих воспоминаний».

Он молчал об этом предприятии, зная, что я его не одобряю. В одно из своих посещений он сказал мне, что так как прошло 9 месяцев со времени представления им в государственный совет проекта преобразования центральных и местных учреждений министерства путей сообщения, а совет передал это представление во II отделение собственной канцелярии государя, которое для его разрешения составило особый комитет из чиновников разных министерств, действующий весьма медленно, то он полагает на другой день представить это преобразование, при особом всеподданнейшем докладе, на утверждение государя.

Все мои просьбы и доводы, чтобы он этого не делал, ни к чему не повели. Я ему представлял, что подобные преобразования утверждаются государем только по рассмотрении их

в государственном совете, обойти который тем более неудобно, что уже он приступил к рассмотрению представленного проекта преобразования, и что государь, вероятно, по всем этим причинам не утвердит доклада.

Бобринский настаивал на том, что он не намерен более ожидать рассмотрения в государственном совете сделанных им 31 марта 1870 г. трех представлений о преобразовании: а) центральных учреждений министерства путей сообщения, б) водяных и шоссейных округов и в) местного надзора за железными дорогами, и что он убежден в получении высочайшего утверждения.

На другой день, по окончании личного доклада государю, он заехал ко мне для объяснения с весьма довольным лицом, что государь утвердил его доклад, заметив, что государственный совет слишком тянет нужные дела.

Под 21 мая в моем формулярном списке значится: «Всемилостивейше соизволено на увольнение, согласно прошению, по рассмотренному здоровью, от должности начальника управления железных дорог, а равно от других должностей по министерству путей сообщения, с оставлением в звании сенатора и по инженерному корпусу. С тем вместе, во внимание к усердной службе и полезным трудам, всемилостивейше пожалован кавалером ордена св. великого князя Александра Невского».

Причины моего выхода из министерства путей сообщения изложены в следующей главе «Моих воспоминаний».

Франко-прусская война 1870—1871 годов

имела последствием для России уничтожение запрета иметь военный флот в Черном море, наложенного парижским миром 1856 года. Во время этой войны я часто объяснял К. В. Чевкину всю мою антипатию к пруссакам и удивлялся явной к ним благосклонности государя.

По обнародовании того, что Россия не подчиняется более означенному запрету, Чевкин мне сказал, что я теперь должен понять цель благоволения государя к пруссакам, но я с этим не соглашался, полагая, что и без оказания этого сильного благоволения Россия могла бы, пользуясь замешательством в Европе, снять с себя наложенный на нее запрет. Москва по этому случаю прислала государю адрес.

Высшее правительство было весьма недовольно адресом. В это время московским городским головою, который подписал адрес, был князь Владимир Александрович Черкаский, прежний директор внутренних дел и духовных исповеданий (т. е. министр) в царстве Польском, игравший весьма значительную роль и оставивший службу вследствие того, что не он был назначен на место заболевшего Николая Алексеевича Милютина управляющим собственною государя канцеляриею по делам царства Польского, а Дмитрий Николаевич Набоков. Но и по выходе в отставку князя Черкаского, его авторитет не упал.

Многие говорили, в особенности по избрании его московским городским головою, что он будет вскоре назначен министром внутренних дел в империи. По получении же приведенного адреса, его значение совсем упало, толки об

его назначениях в министры прекратились, и он должен был даже оставить место московского городского головы, которое занял его кандидат почетный гражданин Лямин, сделавшийся впоследствии известным по его столкновению с московским губернатором Дурново, заставившему и его оставить место городского головы.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1871 год

20 мая 1871 года я уволен от должностей начальника управления железными дорогами, председательствующего в совете министерства путей сообщения и председателя совещательного комитета этого министерства, с оставлением сенатором и по инженерному корпусу. Этим я был удален из ведомства, в котором состоял более 40 лет.

Постоянные значительные занятия и слабость зрения не могли отвлечь меня от чтения литературных произведений. Я постоянно много читал и в особенности любил чтение записок и воспоминаний о прежних временах. Это дало мне мысль, освободясь от занятий по министерству путей сообщения, написать и свои воспоминания. Начиная их писать на 59 году жизни, не знаю, буду ли иметь терпение долго продолжать, а потому полагаю излагать случившееся со мною и то, чему я был свидетелем, не в хронологическом порядке, а эпизодами, по мере того, как они придут мне на память [1].

В марте 1868 года свиты его величества генерал-майор граф Владимир Алексеевич Бо-

[1] Впоследствии я изменил это предположение. *Авт.*

бринский заходил ко мне в Петербурге и, не застав дома, прислал спросить, в котором часу он может меня застать на другой день.

Бобринский сказал мне, что он отправляется на Московско-воронежскую линию, состоящую из Московско-рязанской, Рязанско-козловской и Козлово-воронежской железных дорог с ветвию от Ряжска до Моршанска (для проверки жалоб грузоотправителей).

Бобринский вскоре уехал и по возвращении представил донесение государю, в котором оправдывает действия местных управлений железных дорог и настаивает на необходимости укладки второго пути на Московско-рязанской и Рязанско-козловской дорогах, прибавления на них подвижного состава и точнейшего определения правил прямого сообщения между дорогами, которое, по моему настоянию, уже было учреждено на означенных четырех дорогах.

Командировка Бобринского на железные дороги была, впрочем, не столько следствием беспрерывных жалоб грузоотправителей, сколько следствием нелепой корреспонденции, напечатанной в какой-то газете. Эту нелепую корреспонденцию граф П. А. Шувалов показал государю. Вся цель Шувалова была заменить Мельникова своим человеком, и всякое средство к тому он считал хорошим.

В мае Владимир Бобринский был назначен товарищем министра путей сообщения на место генерал-лейтенанта Герстфельда, получившего звание члена государственного совета. Бобринский немедля по назначении приехал ко мне и выразил, что он решился принять эту долж-

ность только в уверенности на мое содействие, что только любовь и уважение, приобретенные мною от правлений и служащих на железных дорогах, дают возможность вести с пользою новое и важное дело железных дорог, и что он обо всем этом уже докладывал государю.

Апатия Мельникова надоела всем. Раздача постройки железных дорог по высоким ценам без предварительных изысканий для определения стоимости уступаемых дорог, злоупотребления при этой раздаче со стороны высокопоставленных лиц, а в некоторой степени и служащих в департаменте железных дорог и многое другое надоели многим и в том числе мне. Я надеялся, что человек еще средних лет, занимавшийся своим большим хозяйством, близкий к государю, при умении выбирать себе помощников, может быть полезен России, и потому решился всеми мерами ему содействовать и, в виду надежды на успех дела, предаться Бобринскому вполне, извинять недостатки, терпеть от него все, что возможно вытерпеть, так как по неоднократному опыту я знал, что без этого будет страдать нам порученное общественное дело. С этого времени мы по служебным делам сделались неразлучны, стараясь разъяснить всякое разномыслие.

По назначении графа Бобринского в апреле 1869 г. исправляющим должность министра путей сообщения, он писал ко мне в Карлсбад о том, что он при докладах государю повторял неоднократно о необходимости моего ему содействия и что хотя звание товарища министра путей сообщения упраздняется, но я во всяком

случае буду первым лицом в министерстве. К этому он присовокупил, что государю весьма желательно, чтобы я согласился на предложение графа и чтобы я поспешил возвращением в Россию для управления министерством, так как он собирается отлучиться из России на все лето. Я отвечал, что, всегда готовый исполнить волю государя, на все согласен.

В июне я назначен сенатором и вслед за сим заведывающим делами по железным дорогам и председательствующим в совете министерства. В июле, по отъезде графа Бобринского, я вступил в управление министерством. В октябре Бобринский вернулся и начал набирать высших служащих в министерство путей сообщения из других ведомств.

Войдя раз в кабинет графа, я у него нашел молодого генерал-майора генерального штаба, которого граф представил мне, назвав его князем Щербатовым. Разговор шел о том, из каких источников назначить содержание заведывающему делами по шоссейным и водяным сообщениям для включения об этом во всеподданнейший доклад, который должен был быть представлен на высочайшее утверждение на другой день. Заведывающего шоссейными и водяными сообщениями не полагалось по прежним штатам министерства, но должность эта была введена в новый штат, составлявшийся мною по поручению Бобринского, и когда я, незадолго до встречи Щербатова, спросил, кого он полагает назначить в эту должность, Бобринский мне отвечал, что, мало знакомый с нашим ведомством, он никого теперь не назначит, а будет

сам исправлять года два обязанности заведывающего делами по шоссейным и водяным сообщениям и только тогда решится избрать лицо на эту должность.

Увидев Щербатова и Бобринского занятыми приисканием вышеупомянутых источников, я, конечно, догадался о намерении предоставить эту должность Щербатову. Трудно мне определить причину, по которой сделан этот выбор, так как Бобринский знал Щербатова собственно по рекомендации князя Паскевича, сына фельдмаршала; мне же он не говорил об этом выборе, вероятно, из опасения, что я буду представлять ему о необходимости дать означенную должность опытному инженеру. Не говоря уже о грустном впечатлении, которое назначение Щербатова произвело на все ведомство путей сообщения, общественное мнение сильно было возбуждено против него. Спрашивали, когда же перестанут у нас из сапожников делать пирожников, а также, разбирая прежнюю службу Щербатова, выводили из нее самые неутешительные результаты. Говорили, что он величайший взяточник, мот, много должен, не платит своих долговых обязательств, употребляет для этого всякие обманы *и подлоги* и известен в Калише, где был губернатором, *за грабителя*. Не могли эти слухи не доходить до Бобринского, но он им не верил.

Щербатов желал повышения, а не понижения, при переходе. Он был уже губернатором, следовательно занимал место IV класса. В этом классе состояли в министерстве только директора департаментов, но их содержание было

менее губернаторского и трудно было его увеличить, так как подобных должностей много и в других министерствах. Бобринский считал его наравне с своим отцом и двоюродным братом, графом Алексеем Павловичем Бобринским, наиумнейшими людьми, когда-либо им встреченными. Это заставило Бобринского обещать Щербатову дать ему предполагаемое по новым штатам место начальника водяных и шоссейных сообщений, а до утверждения этих штатов назначить его заведующим этими частями. Щербатов был большой говорун, сплетник и интриган, а служебными делами занимался настолько, насколько они могли ему лично принести выгоду.

Вместе с Бобринским приехал осенью 1869 года в Петербург драгунский полковник Золотарев. Он назначен состоять при Бобринском по особым поручениям и поселился жить в казенном доме, занимаемом министром, и даже в одном этаже с Бобринским, заняв те комнаты, в которых жили прежние министры, так как Бобринский перешел на половину, которую в прежнее время занимали семьи министров. (Родная сестра Золотарева была замужем за родным братом Бобринского, Львом.) Никакого важного дела не делалось без Золотарева, и потому я не могу умолчать об его назначении, хотя умалчиваю о других личностях, в то же время определенных на службу в министерство из других ведомств и занявших менее значительные должности.

В декабре же 1869 г. свиты его величества генерал-майор граф Алексей Павлович Бобрин-

ский, двоюродный брат министра, назначен членом совета министерства путей сообщения без содержания. Граф Владимир Бобринский объяснял мне это назначение тем, что двоюродный брат его человек необыкновенного ума и будет весьма полезен при рассмотрении в совете бесчисленных жалоб подрядчиков прежнего времени на притеснения министерства и подведомственных ему лиц. Граф Алексей Бобринский был в совете всего раза три и, получив в январе 1870 года поручение осмотреть заграничные узкоколейные железные дороги, по возвращении из этой командировки в совет не являлся.

Алексей Бобринский находил нужным заниматься только теми делами, которые могли ему доставить выгоду и в особенности служить к его повышению. Побывав несколько раз в совете, он понял, что дела давно минувших дней по разбору подрядчичьих претензий, переносимые часто по их жалобам в сенат, и все другие, рассматриваемые в совете, не обращают на себя внимания высших влиятельных лиц и потому не могут принести ему никакой пользы.

Зима 1869—1870 годов требовала от меня сильной деятельности по разнообразным моим занятиям и в сенате, и в совете министерства, и в особенности по железным дорогам и по управлению министерством во время неоднократной болезни министра, с которым отношения наши продолжали быть самыми дружественными. Он согласился на все мои предложения, благодарил беспрерывно за мою помощь, говоря, что он не мог бы без нее обойтись, что по

совершенному мною знанию дел, а равно личностей, служащих в министерстве путей сообщения, и по уважению, которым я вообще пользуюсь у железнодорожных деятелей, я, по его мнению, не мог быть заменен никем другим, что государь весьма доволен моими докладами и неоднократно выражал ему о своем ко мне расположении и между этими разговорами сам приказал меня представить к пасхе к награде орденом белого орла.

Только дела по шоссейным и водяным сообщениям производились вполне без моего ведома. Щербатов, желая выставить себя и, по некоторым сведениям, желая вдруг получить значительный куш в свою пользу, задумал перестроить всю Мариинскую систему, на что потребовалось бы несколько миллионов рублей, и преобразовать управление оной, отдав ее в аренду частной компании. Для приведения этого в исполнение В. Бобринский испросил учреждение особого комитета, под председательством Щербатова, из лиц ведомства путей сообщения, высших чинов разных других министерств и некоторых торговцев, пользующихся означенною системою. Разные предположения комитета встретили в самом начале сильное сопротивление многих торговцев и в особенности с.-петербургского и рыбинского биржевых комитетов, и заседания комитета об устройстве Мариинской системы не привели ни к какому результату, даже едва ли остались какие-либо следы этих заседаний.

Начальник отделения департамента водяных сообщений, Стржелецкий, бывший в числе лиц,

посланных для ознакомления с Мариинскою системою, не мог перенести противоречия рыбинского купечества и, в бытность в Ярославле у губернатора вице-адмирала Унковского, уверял его, что противодействие происходит от шести беспокойных купцов, и просил об удалении их из Рыбинска административным порядком, в чем, конечно, не успел.

Стржелецкий был известен за мастера обделывать в департаменте дела за взятки. Большая часть подобных взяточников вместе с тем усердные по службе и знающие люди, но Стржелецкий и этих достоинств не имел. Между тем по вступлении Щербатова в министерство Стржелецкий получил значение, и это приписывали тому, что он успел скупить в Калише заемные письма Щербатова, и разным услугам последнему.

К пасхе 1870 г. Стржелецкий, по настоянию Щербатова, произведен в действительные статские советники, хотя по занимаемому им месту не имел на то права и в чине статского советника состоял не более двух лет. Подобное повышение беспримерно в министерстве путей сообщения, где инженеры по 10-ти и более лет остаются в чинах статского советника без повышения.

Между тем разные ведомства и земства в виду влияния, которое может произвести на торговлю преобразование Мариинской системы, просили о назначении в комитет, учрежденный для ее устройства, своих членов. Щербатов, увидев тогда, что он слишком гласно начал это дело, и что при гласности нельзя провести его по

своему желанию, задумал новое дело, более важное, но уже совершенно секретно, так что и я узнал о нем очень поздно.

Судоходство по реке Волге затруднено во многих местах мелями; на большей части этих мелей ничего не сделано было для улучшения судоходства; на некоторых произведены работы, не вполне достигающие цели. Между тем Волга главный водяной путь России и судоходцы давно платят по $^1/_4$% с предметов, нагружаемых ими на пристанях Волги, для составления капитала на ее улучшение.

Щербатов вызвал варшавского еврея Эпштейна с тем, чтобы он принял на себя производство изысканий по улучшению реки Волги, обещая впоследствии выхлопотать разрешение Эпштейну образовать компании для углубления и улучшения водяного пути по Волге и проложения по ней туэра, с обязанностию производить по нему перевозку за определенную цену с тем, что компания будет получать на затраченный ею капитал в продолжение 80 лет известную гарантию дохода от правительства.

Эпштейн нанял нескольких инженеров путей сообщения и других лиц для производства изысканий по Волге и составления проекта. Я узнал о производстве этих изысканий во время управления мною министерством и, по возвращении Бобринского осенью в Петербург, спросил его о цели этих изысканий. Он мне объяснил, в чем состоит дело, называя его великим благом для России, так как компания обязуется содержать постоянно фарватер Волги глубиною

в 9 футов, устроить туэр, по которому будет перевозить грузы по дешевой цене, и получит право на относительно незначительную и вероятно номинальную гарантию дохода от правительства. Я выразил полное убеждение, что фарватер Волги не может быть доведен повсеместно до 9-футовой глубины, что при перевозе грузов по туэру, устроенному на означенных основаниях, я опасаюсь монополии со стороны компании, и что выдача ей гарантии известного дохода может гибельно подействовать на пароходные общества и частных пароходовладельцев по Волге, которые тем более заслуживают внимания правительства, что все волжские пароходы, более 500, стоющие несколько десятков миллионов рублей, учредились без вспоможения правительства, без чего у нас не обходится почти ни одно большое промышленное предприятие, и были поводом к устройству в разных прибрежных местах весьма значительных механических заводов, доведших устройство пароходов до такого совершенства, что мы не нуждаемся более в заграничных. Механические же заводы едва ли не самая насущная потребность для России.

Бобринский с некоторым неудовольствием возразил мне, что возможность углубить фарватер Волги до 9-ти футов доказана лучшими инженерами, бывшими на месте, но он ошибался: предназначавшаяся в проекте глубина была менее. Относительно же других моих замечаний Бобринский сказал, что пред выгодой, представляемой исполнением предположения Эпштейна, все прочее ничего не значит. Самый

проект улучшения реки Волги, которого я не видал, не был подвергнут обсуждению компетентных лиц, так как старались все это дело провести втихомолку и испросить его утверждения, без огласки, всеподданнейшим докладом. Но так как по этому докладу предполагалось требование отпуска сумм для гарантий из государственного казначейства, а подобных докладов невозможно представить без согласия министра финансов, то к нему было об этом писано в половине декабря 1870 года.

Дело Эпштейна не могло оставаться секретным: купечество и в особенности пароходовладельцы подняли тревогу, довели свои опасения до сведения министра финансов, который по этим причинам замедлил ответом.

В январе 1871 года Бобринский представил государю, что он не может так долго осуществить предпринятого им по Волге дела, долженствовавшего быть великим благом для России, за неполучением ответа министра финансов. Доклады у государя бывают по министерству путей сообщения в четверг, а по министерству финансов в пятницу.

Государь, на другой день по принесении жалобы Бобринским, передал ее с некоторым неудовольствием министру финансов Рейтерну, при чем сказал, что он уже знаком с делом, задуманным Бобринским, из записки, представленной последним, и находит это дело полезным. Тогда Рейтерн заявил государю, что он противного мнения и что так как Бобринский уже представил свою записку, то просил позволить ему возражение.

Вследствие записки Рейтерна, государь приказал дело это перенести в совет министров. Заседание совета происходило 11-го февраля.

Бобринский изложил свои предположения. Государь выразился о них с одобрением; из министров же никто не поддержал Бобринского, даже из людей его партии. Против предположения говорили: Рейтерн, великий князь Константин Николаевич, министр государственных имуществ Зеленой и другие.

Государь приказал Бобринскому дело по улучшению Волги вести сообразно мнению Рейтерна, а именно: вопрос об образовании туэрной компании на Волге, конечно, без гарантии дохода, отделить от работ по улучшению на ней судоходства, которые производить средствами казны, и в 1871 году начать улучшение на одной или двух мелях в виде опыта.

По выходе из кабинета государя, в котором происходило заседание, великие князья Константин и Николай Николаевичи и некоторые из министров изъявили удивление тому, как мог Бобринский иметь подобные предположения, и решили, что это все выдумки Щербатова, о котором относились весьма дурно и между прочим вспоминали, что Щербатов не платил извозчикам, убегал от них чрез сквозные дворы, в чем был пойман, что великий князь Николай Николаевич выслал его из петербургского военного округа за неусердие к службе, а великий князь Константин Николаевич заметил, что его настоящая профессия состоит в займе денег с целью их никогда не отдавать.

Приближенные Бобринского и Эпштейна никак не ожидали подобного исхода. Уже был приготовлен великолепный обед для поздравления. Щербатов и Эпштейн дожидались у Золотарева возвращения Бобринского от государя и, конечно, были сильно поражены известием о неуспехе. Эпштейн сделал уже большие расходы на изыскания и, как говорят, на подкупы в надежде владеть Волжским путем в продолжение 80 лет, а многие надеялись еще более поживиться от него. В публики же говорили, что Щербатов уже взял большой куш, которого не в состоянии возвратить Эпштейну.

Эта неудача поразила Бобринского до такой степени, что когда я, день спустя после заседания, шел через его приемные комнаты в его кабинет, то он, против обыкновения, выбежал из кабинета ко мне навстречу и, объяснив происходившее в совете министров, сделал заключение, что или все министры сумасшедшие, или он сумасшедший. Он повторял мне эти замечания несколько раз, позабыв, что и я был противного с ним мнения и что, следственно, и я наравне с министрами сумасшедший. Я старался его успокоить тем, что не следует никогда становиться на подобную почву, что при весьма благих намерениях обеих сторон могут быть разные мнения, но он этого решительно не допускал в столь простом и явно благодетельном для России, по его мнению, деле.

В то же время он мне сказал, что накануне вечером было заседание некоторых из членов комитета железных дорог у Чевкина по вопросу о направлении Киево-брестской железной дороги,

что решено итти по тому направлению, которое я предполагал, а не по тому, которое он обещал учредителям этого общества. Он мне передавал это, как будто он был равнодушен к состоявшемуся решению, но из следующего описания дела по Киево-брестской дороге легко заключить, что едва ли это решение не было Бобринскому столь же неприятно, как и решение совета министров по вопросу о Волге.

Весть о воспоследовавшем в совете министров решении по волжскому вопросу произвела общую радость. Рейтерн получил десятки писем, в которых его благодарили за то, что он отвратил беду от русской торговли. Чевкин и некоторые другие лица, о которых говорили, что они не допустили этого дела до осуществления, еще долго после этого решения получали также благодарственные письма из разных мест России.

Теперь я перехожу к описанию дела по Киево-брестской железной дороге, о котором мною упомянуто было выше.

В бытность Чевкина главноуправляющим путей сообщения, уступки частным обществам постройки и эксплоатации железных дорог вполне зависели от него. Министр финансов не имел при этом не только никакого влияния, но даже не принимал участия в отдаче дорог. Этот порядок был возможен при Чевкине и вследствие его личных достоинств и в особенности потому, что на устройство дорог не являлось много конкурентов. Сверх того, тогда требовалось представление проектов дорог, ко-

торые хотя и составлялись по изысканиям, произведенным учредителями обществ, но по ним можно было судить, хотя приблизительно, о стоимости дорог, которая не должна была превышать, по мнению Чевкина, 62 500 руб. кред. за версту.

С назначением Мельникова главноуправляющим, а Рейтерна министром финансов, последний получил преобладающее влияние в уступке железных дорог. Несметное богатство, приобретенное фон-Дервизом и фон-Мекком при постройке Рязанско-козловской железной дороги длиною до 200 верст, которая была уступлена с правительственной гарантией 5% на весь капитал свыше 75 000 руб. на версту, побудило многих добиваться уступок разных линий. В это дело вмешались банкиры и разные аристократы, или лучше сказать люди, близкие к высочайшему двору и потому считающие себя аристократами, и вообще лица влиятельные при дворе; одни участвовали явно, другие тайно. Министерство перестало требовать подробных проектов дорог и вычисления их стоимости, но ограничивалось продольными профилями дороги, и те не всегда были представляемы; представленные же большею частию изготовлялись без предварительных изысканий, в кабинетах учредителей, а если составлялись по изысканиям, то последние были сделаны очень поверхностно, и в проектах обыкновенно показывались значительные работы, дающие возможность требовать гарантию на значительные капиталы для постройки дороги, а при исполнении проектов изменить направление с целью

уменьшить работы, и следовательно их стоимость.

На каждую дорогу являлось несколько желающих и выбор был очень затруднителен, в особенности в виду участия лиц влиятельных при дворе. Рейтерн испросил высочайшее повеление о том, чтобы известная категория лиц, имеющих значение, была лишена права участвовать в получении концессии, но это не помогло. Явились тайные участники, что отзывалось еще вреднее на дело. Эти участники за свое тайное влияние и поддержки должны были получать, как мне известно, иногда по 4 тыс. руб. с каждой версты уступаемой дороги.

Чтобы избегнуть и этого, Рейтерн представил следующее предложение, которое, по рассмотрении в совете министров, было высочайше утверждено. Желающие иметь концессию на железную дорогу, которой устройство предназначено уже комитетом железных дорог, заявляют об этом министру финансов, а он представляет на высочайшее утверждение список лиц, подавших заявления, с обозначением тех, кого он полагает допустить до конкуренции. Последним дается знать о времени, в которое они должны представить в совет министра финансов, в запечатанных конвертах, цифру предполагаемой ими стоимости дороги на основании предварительно составленных финансовых условий, при чем объявляется, что все заявленные цены будут представлены на рассмотрение комитета министров, который избирает концессионера, нисколько не стесняясь большею или меньшею выгодностию цен.

В концессиях ничего не упоминалось о способе управления обществами. Концессионеры этим пользовались: составляли правления дорог из себя и из лиц, вполне от них зависящих, и все значительные прибыли, как при финансовых сделках, так и от постройки дорог, оставляли себе. Московско-ярославская дорога представляла в этом отношении единственное исключение, благодаря Ф. В. Чижову, председателю правления этой дороги.

На этих основаниях было отдано несколько дорог и большею частию не тем, кто объявлял наименьшую цену, что в самом комитете министров было неодобряемо большею частию его членов и производило неудовольствие в публике.

В 1870 году при отдаче Киево-брестской железной дороги желающих явилось много. Допущены были к конкуренции только семеро, из которых наибольшую цену потребовал Губонин, а наименьшую Рябинин, человек без средств, без знания дела, как финансового, так и технического, и вовсе незнакомый с людьми, устраивавшими финансовую часть железнодорожных предприятий, с инженерами и с строителями железных дорог.

До передачи предприятия Рябинину было предложено некоторым из бывших его конкурентов сбавить назначенную ими цену до рябининской, на что некоторые из них соглашались с тем, чтобы направление части дороги было приближено к австрийской границе, так как через это уменьшалась длина ветви к Радзивилову, и затем общее протяжение дорог, предполагаемых к постройке, уменьшалось и самые

работы на этой части дороги были менее значительны, чем по направлению, назначенному правительством. Им было отказано и мною и графом Бобринским, так как отдаленное от австрийской границы направление дороги, принятое на основании указаний военного министра и высочайше утвержденных журналов комитета железных дорог, признавалось, и совершенно справедливо, необходимым.

Компанионы Рябинина были люди, пользовавшиеся очень дурною репутациею, как-то: известный полицийместер Нижнего-Новгорода Лаппа, являющийся в повести «Соль-город», напечатанной в одном из литературных журналов, под именем Лаппы-Загребистого, Лазарев-Станищев, Жданович и т. п.

Рябинин уговорился с берлинским банкиром Блейхредером в том, что если получит концессию Киево-брестской дороги, то реализует через него одну треть всех акций и все облигации, рассчитывая, как говорили, другую треть акций раздать в России, а остальные оставить у себя с компаньонами в виде барышей. В последние перед выдачею этой концессии два года министерство финансов реализацию гарантированных облигаций при выдаче концессий на железные дороги постоянно принимало на себя, и потому трудно понять, на чем мог Рябинин основывать свое обещание реализировать облигации у Блейхредера. Это обстоятельство, как увидим ниже, имело значительное влияние на ход дела, но еще более вредили дурные распоряжения правления дороги, так как члены его, за исключением правительственного, ничего

не делавшего и не знавшего, расхитили миллиона два общественных сумм, как будет объяснено впоследствии.

Рябинин пригласил главным инженером Шпилева, бывшего фаворитом Мельникова неизвестно за какие достоинства. Он был пустой говорун и человек, желавший нажиться какими бы то ни было средствами. Приглашенные Рябининым или Шпилевым инженеры вообще не пользовались хорошею репутациею. Столоначальник департамента железных дорог Ключарев вместе с тем был агентом Рябинина и позволил себе даже явиться с Рябининым к Бобринскому для защиты неправильных притязаний Рябинина. Само собою разумеется, что он был немедля мною уволен из департамента.

По концессии, данной Рябинину, общество не могло приступить ни к каким работам без утверждения проектов министерством путей сообщения.

В августе 1870 г. правление Киево-брестской дороги представило проект земляных работ по избранному им направлению, часть которого, прилегающая к австрийской границе, была приближена к ней так, что ветвь к Радзивилову была длиною, вместо 90 верст, назначенных правительством, только 50, а засим протяжение дороги с ветвью составляло, вместо 535, только до 500 верст. Правление поясняло это изменение тем, что выбранное им направление более населено, и следственно не только доходность дороги при ее эксплоатации увеличится, но она принесет более пользы торговле, что все работы по этому направлению, не говоря уже об

уменьшении длины дороги слишком на 35 верст, не представляют особых затруднений, тогда как подъем от г. Острога, через который дорога должна проходить в силу данной концессии, потребует несметных издержек, но в доказательство необходимости этих издержек правление ничего не представило.

Во время представления проекта я управлял министерством. Я немедленно заявил, что не могу утвердить избранного направления по участку дороги, прилегающему к австрийской границе. Шпилев отвечал мне, что генерального штаба полковник Максимовский, посланный для изучения этого направления в военном отношении, вполне его одобрил.

Узнав, что Максимовский был послан не военным министром, а приглашен правлением дороги, я объявил, что вопрос о направлении передал на обсуждение военного министра Милютина.

Милютин сказал мне, что находит записку Максимовского в военном отношении ниже всякой критики, что ему дурно было представлено дело, и хотел вместе со мною подробно рассмотреть требования правления Киево-брестской дороги и записку Максимовского, но так как Милютин был в это время очень занят, то я просил его, для совместного со мною рассмотрения означенных требований и записки, назначить доверенное лицо. Назначен был генерал-майор Обручев, который вполне согласился со мною, а по его докладу и Милютин вполне согласился с моими распоряжениями и меня очень за них благодарил.

Бобринский в это время был проездом в Киеве. На объяснения приехавшего туда инженера Фуфаевского, что он, по моему распоряжению, делает изыскания по направлению, прежде уже избранному правительством, Бобринский заметил ему, что это совершенно напрасно, так как дорога во всяком случае пойдет по направлению, избранному правлением, и на вопрос Фуфаевского, следует ли ему продолжать изыскания, сказал, чтобы он делал согласно моему предписанию, хотя это будут напрасные труды и издержки, но последние, по его же замечанию, не велики.

Чем же объяснить поступок Бобринского? Я его объясняю следующим образом. Вообще полагали, что сумма, за которую Рябинин обязался построить дорогу, слишком мала, что дурные распоряжения и злоупотребления правления, о которых уже говорили везде, уменьшили значительно капитал, который, предназначался на постройку. Бобринский, который настоял, чтобы отдали дорогу Рябинину в противность письменно изъявленного государем желания об отдаче ее Губонину, по этой и по некоторым другим причинам не хотел, чтобы общество, учрежденное Рябининым, оказалось несостоятельным. Невыгоды же от приближения дороги к австрийской границе он не видал и по непониманию дела и потому, что в нем наравне со многими другими русскими, вообще нет того, что постигается только безграничною любовью к России.

По возвращении в декабре в Петербург, Бобринский мне сказал, что по направлению, по

которому Фуфаевский производит изыскания, работы будут так затруднительны, что я наверное откажусь от него, тем более, что правление дороги уже начало работы по избранному им направлению. Когда же проект Фуфаевского нисколько не оправдал этих предположений, то Бобринскому было уже известно через почетного гражданина Задлера, избранного неизвестно кем в председатели правления Киево-брестской железной дороги и заключавшего с правлением, т. е., с самим с собою, контракт на постройку дороги и поставку всех к ней принадлежностей, о расхищенных и растерянных миллионах, так что остальных денег будто бы недостаточно на устройство дороги, даже и по направлению, избранному правлением, несмотря на то, что по нему длина предположенной к устройству дороги была менее на 35 верст.

Задлер часто бывал у Бобринского и долго у него сиживал. О чем они говорили, не знаю: все разговоры происходили без меня и без помощника моего Шерпваля, которому в особенности поручено было в то время исчисление стоимости предполагавшихся к постройке дорог, а также сравнительные исчисления стоимости строющихся дорог по разным изменениям, предполагаемым строителями. Надо полагать, что Задлер умел заинтересовать кого-либо из приближенных Бобринского, который раз при мне и Шернвале сказал, что придется прибавить более, чем на миллион рублей, концессионную сумму на постройку Бердичево-бретского участка, и на замечание Шернваля, чтобы он дозволил

ему поверить исчисления, представленные Задлером, ничего не ответил.

В это время требовалось обсудить несколько вопросов по строящимся и проектируемым железным дорогам в военном отношении, и Бобринский для разрешения их пригласил к себе помощника генерал-инспектора по инженерной части, знаменитого защитника Севастополя генерал-адъютанта Тотлебена, который, изъявив согласие по всем прочим вопросам, никак не соглашался на устройство дороги между австрийскою границею и Дубенскими возвышенностями и одобрял направление, прежде принятое правительством, несмотря на то, что Бобринский в присутствии Задлера говорил, что если не согласятся с обществом, то придется дополнить концессионную сумму несколькими миллионами рублей и вознаградить издержки, произведенные уже обществом на не утвержденном участке, которых, замечу, оно не имело права производить без утверждения плана.

К этому объяснению были приглашены: я, Шернваль, Задлер, Шпилев и Фуфаевский. На замечания Тотлебена Задлер возразил, что концессия есть акт международный, что на основании концессии будто бы учредителю предоставлен выбор направления. Тон его возражения был так дерзок, что Шернваль, как он впоследствии говорил, насилу удержался, чтобы не выгнать Задлера из кабинета Бобринского. Когда в нем остались только Бобринский, я, Шернваль и Тотлебен, то последний выразил мне свое удивление, что я в этом заседании не поддерживал моего мнения насчет направления

дороги, на что я ему отвечал, что я хотел доказать, что умею и помолчать, а что я вполне согласен с его мнением, о чем, за исключением его, было уже известно присутствовавшим.

13 февраля, в тот самый день, когда Бобринский мне говорил о решениях совета министров по вопросу об улучшении реки Волги и комитета о направлении Бердичево-брестской дороги, прежде прихода моего к Бобринскому, он мне прислал высочайше утвержденный 7 февраля всеподданнейший его доклад, которым испрашивалось разрешение о рассмотрении вопроса о направлении означенной дороги [в составе комитета без участия Дельвига]. Это было первое, по крайней мере для меня, явное действие Бобринского против меня. Не проще ли было сказать мне, чтобы я не ехал в заседание комитета железных дорог, предоставив собраться в нем всем другим членам? Я тем легче согласился бы на подобное отсутствие, что мое мнение по этому вопросу было уже известно.

В заседании комитета, в которое Рейтерн не приехал, решили, что следует вести дорогу по направлению, избранному правительством. Члены комитета просили графа Строганова довести об этом до сведения государя.

В следующую за сим неделю Задлер почти ежедневно бывал довольно долго у Бобринского и делал с ним какие-то расчеты. При этом не было ни меня, ни Шернваля.

21 февраля Задлер снова должен был быть у Бобринского, что мне сказал последний, когда я пришел к нему в 10 час. утра с каким-то

инженером. Но пока мы говорили о вещах, не представляющих особенного значения, Бобринский вдруг побледнел, схватился за сердце и пошел, придерживаясь к шкапам, стоящим около стен, во внутренний свой кабинет, куда вошел и я спустя несколько минут. Найдя Бобринского лежащим на диване и стонавшим, я послал к нему его старого камердинера, а курьера за его доктором Обермиллером, который вскоре прибыл. Болезнь оказалась столь серьезною, что всякое занятие было бы вредно, и потому в тот же день состоялось высочайшее повеление о вступлении моем в управление министерством.

На другой день явился ко мне Задлер и объявил, что Бобринский, приняв в соображение, что сумма, за которую правление Киево-брестской дороги сдало ему по контракту устройство Бердичево-брестского участка, превышает сумму, которую общество может получить от реализации облигаций и акций, полагая даже, что последние будут выгодно реализованы, обещал ему исходатайствовать следующее:

1) Уменьшить цену уступленного обществу, устроенного на средства казны, Киево-жмеринского участка слишком на два миллиона рублей, прибавив эту сумму к концессионному капиталу на устройство Бердичево-брестского участка, т. е., подарить обществу из казны более двух миллионов рублей.

2) За реализацию, уже произведенную чрез берлинского банкира Блейхредера, одной трети всех акций, которые общество должно было реализировать на устройство Бердичево-брест-

ского участка, на остальные две трети выдать из казны по 75 р. за сто, так что капитал, реализованный собственно самим обществом, составлял бы менее 1/8 части всего капитала, потребного на предприятие.

Я легко мог поверить Задлеру, что все это было обещано Бобринским, который, имея самые смутные понятия о финансах наших и вообще о государственном хозяйстве, чрезвычайно легко соглашался на всякие требования концессионеров о выдаче казенных сумм, чему я был неоднократно свидетелем.

Правление вследствие моего ответа вошло ко мне с прошением от 3 марта 1871 года о представлении этого дела, как спорного, на основании устава общества, в комитет министров, что и было исполнено мною. Скажу только, что в это время были подведены, через разных лиц и между прочим через приближенных Бобринского, всевозможные интриги для того, чтобы я согласился с правлением, и что таковые же и еще большие интриги были в ходу у всех влиятельных лиц и даже у Чевкина и Милютина.

[Представление Дельвига в комитет министров имело следующее заключение.]

Представляя о вышеизложенном на благоусмотрение комитета министров, я с своей стороны полагал бы: 1) вменить правлению общества Киево-брестской железной дороги в обязанность строить участок сей дороги от Бердичева до Брест-литовска по одобренной правительством линии, а не по избранной правлением, и 2) затем в домогательстве правления

о добавке до 2 341 650 р. 23 к. мет. на постройку упомянутого участка по указанной правительством линии и на вознаграждение убытков, будто бы причиненных уничтожением контрактов, заключенных по той части проектированной правлением линии, которая не утверждена правительством, отказать.

Во время рассмотрения моего представления в комитете министров уже была решена известною партиею необходимость моего удаления из министерства, но, несмотря на это, все принуждены были согласиться с моим представлением. Видно было, что граф Шувалов хотел опонировать, но удержался. Министр юстиции граф Пален заметил, что комитет министров, как административное учреждение, не может лишать общество права искать вознаграждения судебным порядком, и что я, за свои действия, в случае жалобы общества, ответствую перед сенатом на основании судебных уставов. Я ему отвечал, что никогда в этом не сомневался.

Вследствие замечания Палена в заключении положения комитета сделано было незначительное изменение в редакции представленного мною заключения. Это положение было высочайше утверждено и объявлено правлению общества Киево-брестской дороги, которое немедля вошло с прошением ко мне о том, чтобы я поспешил сообщить министру финансов о согласии моем на те льготы, которые я и прежде допускал.

Я потребовал вновь от правления обязательства вести дорогу по направлению, избранному правительством, и оно включило это обязатель-

ство в свое прошение, которое не было подписано Задлером, как уверяли прочие подписавшиеся директора, по болезни, но Рейтерн просил меня, чтобы я потребовал подписи Задлера, что мною и было исполнено, и вслед затем были даны обществу просимые им льготы [1]. Заключение в моем представлении в комитет министров было сначала формулировано иначе, но оно изменено по совету Чевкина и Рейтерна. Сначала я полагал, что, в виду дурных распоряжений общества, заявления им самим о своей несостоятельности и признанной всеми его неблагонадежности, следовало бы дело по устройству дороги передать другому обществу.

Рейтерн, в виду имения Блейхредером двух третей акций всего предприятия, опасался, что

[1] Моя защита казенных сумм против правления Киево-брестской дороги оказалась впоследствии бесполезною: по представлению министра путей сообщения А. П. Бобринского, правлению дороги через полтора года дали еще большие льготы, чем те, на которые она претендовала в 1871 году. Это делается понятным в виду того, что в числе директоров общества Киево-брестской железной дороги был В. Жемчужников, живший, по близкому знакомству с А. П. Бобринским, в его доме. Впоследствии, при министре Посьете, он, назначенный директором департамента общих дел министерства путей сообщения, получил еще более влияния на дела, так что общий ропот на Посьета состоит именно в том, что он в полной зависимости от В. В. Жемчужникова и избранного последним в вице-директоры того же департамента Неронова. Только в октябре 1872 года, перелистывая представление правления общества от 8 марта 1871 года, я обратил внимание на то, что Жемчужников был в 1871 г. директором правления общества Московско-брестской железной дороги. *Авт.*

подобная мера могла бы подействовать дурно на наш кредит. Все предприятие, в виду обещанных пособий Рейтерном и Бобринским, с охотою принимали на себя Варшавский, Губонин и Мекк, каждый отдельно. Больших выгод в столь испорченном деле, конечно, ожидать они не могли, но зная, что это дело мне было неприятно, хотели меня избавить от суда с обществом в комитете министров.

Задлер был уверен, что выиграет дело в этом комитете и никому не хотел его сдавать. Он, конечно, рассчитывал на поддержку разных лиц и, между прочим, бывшего с ним теперь в деле и некогда вместе с ним строившего Тамбовско-козловскую дорогу, Ефимовича, о степени влияния которого читатель узнает из следующих страниц.

Я спросил Губонина, почему он теперь соглашается взять испорченное дело и надеется еще на некоторые выгоды, тогда как при конкуренции на эту дорогу он назначил высокую цену и даже, когда ему предлагали, желая отстранить Рябинина, взять на себя предприятие по цене, последним объявленной, он от этого предложения отказался. Губонин отвечал мне, что я ему отдаю дорогу без балласта, а тогда требовали большой балласт. Я хотя и понял, что это за балласт, сказал Губонину, что он ошибается, что прежде на рассыпку балласта по полотну дороги смотрели не так строго, как теперь смотрит на это Шернваль. Губонин пояснил мне, что он говорит не о том балласте, которого требует Шернваль и который необходим для прочности дороги, но о балла-

сте, который ему пришлось бы уплатить разным влиятельным лицам и простиравшийся до 4.000 руб. на версту уступаемой дороги.

Я неоднократно слышал о том, что получение концессий на железные дороги требует значительных издержек по стольку-то тысяч рублей с версты, но теперь в первый раз я это слышал от человека, которому самому приходилось платить эти деньги. Сверх подобных уплат были еще расходы со стороны концессионеров по министерствам финансов и путей сообщения, но так как министры сами постоянно занимались этими делами, то не могу понять, за что концессионеры платили младшим лицам. Надо полагать, что последние умели муссировать свое значение. Должен сознаться, что несмотря на мое положение, при котором я должен был бы знать всю подноготную проделок при выдаче концессий на железные дороги, я никогда не мог вполне понять, за что концессионеры давали большие деньги разным высокопоставленным и влиятельным лицам вне министерств финансов и путей сообщения и некоторым чиновникам этих министерств; а чего вполне не понимаю, о том не буду писать, чтобы не ввести читателя в заблуждение моими неправильными, может быть, предположениями.

Теперь приведу доказательство того, как Бобринский легко относился к расходам казенных сумм.

Великобританский подданный Юз двумя договорами, заключенными в 1868 году с Рейтерном и Мельниковым (последний только с явным

принуждением согласился дать свою подпись), обязался:

1) близ Харьково-азовской дороги построить железоделательный и чугунноплавильный завод на земле, которая будет ему уступлена казною даром с тем, что казна будет ему в продолжение 10 лет выдавать премию по 50 к. на каждый пуд рельсов, изготовленных на этих заводах, и

2) устроить железную дорогу от этих заводов до Харьково-азовской железной дороги с тем, чтобы она не была длиннее 84 верст; поверстная же стоимость ее, по изысканиям Юза, никем не проверенным, была определена в 63 000 руб. мет., не гарантированных правительством, которое на три четверти всего капитала дает ссуду по 75 к. за рубль, т.-е., выдает на каждую версту по 35 457 руб. мет. (чего с избытком достаточно на устройство дороги);

3) к работам приступить немедля.

Между тем прошел год, и не только не было приступлено к работам, но не было представлено предварительных проектов, и когда таковой, собственно по железной дороге, был наконец вытребован, то, не говоря уже о многих его недостатках, оказалось, что расстояние от предполагаемых заводов до Харьково-азовской дороги не превышает 45 верст, между тем предполагаемая по проекту дорога имеет более ста верст только потому, что она, без пользы для дела, тянется вблизи Харьково-азовской дороги. Понятно, что чем длиннее будет дорога, тем более останется у Юза капитала от ее постройки так как на нее требовалось гораздо менее той

суммы, в которую была определена ее стоимость. Юз же утверждал, что он без прибавления ему 500 тыс. руб. устроить железной дороги не может, и не смотря на настояния мои и Шернваля об укорочении длины дороги и о невыдаче Юзу требуемых им добавок, Бобринский чрезвычайно легко согласился на то, чтобы дорога примыкала к Харьково-азовской дороге в таком пункте, чтобы ее длина была не более 84 верст, назначенных в первоначальном условии (в концессию ввели 85 верст), с сохранением, по настоянию моему и Шернваля, уже условленной поверстной стоимости. Но Бобринский согласился на выдачу Юзу 500 тыс. руб. из казны по мере постройки заводов, пользуясь тем, что этот предмет не был в моем заведывании и следовательно я не мог сильно отстаивать по нему выгоды казны.

Согласие Бобринского дать деньги Юзу приписываю, во 1-х, желанию устроить означенные заводы при уверенности, что только англичанин может их устроить, хотя Юз был необразованный человек и не пользовался в Англии хорошею репутациею; во 2-х, желанию угодить великому князю Константину Николаевичу, который покровительствовал Юзу, в 3-х, ежедневным разговорам по нескольку часов на английском языке с Юзом, в которых, вероятно, Бобринский проболтался и необдуманно дал обещание Юзу, и в 4-х, может быть, влиянию приближенных Бобринского, которым Юз обещал дать взятку. Вот еще два примера, из весьма многих, той легкости, с которой Бобринский бросал огромные казенные суммы.

Товарищество, образованное бельгийским министром Девриером, обязалось построить Киево-брестскую дорогу по 64 тыс. с версты, с получением от казны уплаты каждые полгода за окончательно устроенные сооружения, а до совершенного окончания их — только известных процентов их стоимости. Цена эта была чрезвычайно выгодна для товарищества, но главный уполномоченный оного Филлель, большой нахал, мошенник и мот, так распоряжался, что, строя дурно, едва не представил большие барыши товариществу.

Предприятие это состояло под чьим-то особым покровительством, говорят графа Адлерберга (Александра). Поэтому Мельников, будучи министром, допускал невероятные льготы по контракту Девриера. Инспектор дороги, инженер д. с. с. Бобрищев-Пушкин, несмотря на эти льготы, которым не мог противиться, поступал с товариществом буквально по контракту, платя полные суммы только за оконченные сооружения. Но сделанные, с разрешения Мельникова, в контракте изменения в пользу товарищества до того перепутали расчеты, что Пушкин с Филлелем расходились в несколько миллионов руб.

Общество Харьково-кременчугской дороги открыло летом 1870 г. эксплоатацию от Кременчуга до Полтавы. В концессии этого общества было сказано, что правительственная гарантия чистого дохода начинается по открытии дороги. В утвержденной расценочной ведомости на постройку дороги показано было, что проценты на капитал общества во все время постройки

дороги выплачиваются из строительного капитала. На этом основании, согласно с мнением Рейтерна, я объявил правлению дороги, просившему гарантию по открытому участку, что гарантия правительства начинается по открытии всей дороги и что за тем просьба правления о выдаче части гарантии, соответствующей открытому участку, не может быть удовлетворена.

Учредителями этого общества были: Александр Аггеевич Абаза и барон Унгерн-Штернберг, столь дорого уже стоивший России устройством железных дорог по американскому, как он уверял, способу, столь метко названному, в одной журнальной статье, ревельским способом [1].

Унгерн-Штернберг, воспользовавшись прибытием на место Бобринского, убедил его телеграфировать мне, что так как я, согласно концессии, разрешил открытие эксплоатации на часть дороги, то и гарантия на эту часть должна производиться от правительства.

Находя это совершенно несогласным с утвержденною концессией, я не дал ходу телеграмме Бобринского, но он, по возвращении в Петербург, настоял на своем у министра финансов, который протежировал Абазе. Через это впоследствии все строющиеся дороги открывали участки и, в противность утвержденных кон-

[1] С. Ю. Витте (Воспоминания, т. III) так поясняет мотивы сдачи Унгерн-Штернбергу подрядов по постройкам железных дорог: «Строителем дороги был Унгерн-Штернберг, который был в очень близких отношениях с императором Александром II». *С. Ш.*

цессий, получали от казны часть гарантии, соответствующей протяжению открытого участка.

Я уже не привожу здесь других примеров, доказывающих нерасчетливость В. Бобринского относительно казенных сумм, например, сложения разным концессионерам таможенных пошлин за привозимые из-за границы предметы, вопреки утвержденным концессиям, отчего казна каждый раз теряла сотни тысяч рублей, что меня постоянно расстраивало нравственно.

Бобринский на мои возражения отвечал с полным убеждением, что сберегать государственную казну дело не наше, а министра финансов. Последний же соглашался на означенные снисхождения в виду неоднократно повторяемых настояний Бобринского.

Бобринский, не надеясь на скорое выздоровление, решился было перед отъездом за границу просить государя об увольнении его от должности, с представлением меня на свое место, или без представления себе приемника. Его клевреты согласились на это, не видя другого исхода, за исключением графа А. П. Бобринского, который упрекал брата, что он их отвлек от прежних занятий и теперь бросает и что при назначении меня или кого другого министром они должны будут остаться без мест.

Алексей Бобринский уговаривал Владимира исходатайствовать у государя, чтобы управление министерством, в отсутствие последнего, было поручено Алексею. Граф Шувалов отсоветовал подобное ходатайство, говоря, что Владимир очень дурно сделал, допустив меня до личных

докладов государю; что теперь надо последнего исподволь приготовить к моему удалению, что Шувалов и принял на себя. И так решили ничего явного не предпринимать до возвращения Владимира Бобринского, а если подготовка государя на мой счет Шувалову не удастся, то Владимиру Бобринскому оставаться за границею в отпуску в должности министра до 1 января 1872 года с тем, чтобы дать возможность Алексею Бобринскому и другим приближенным Владимира приискать себе выгодные служебные места. Само собою разумеется, что я не могу ручаться за совершенную правильность этих сведений, но я их имел в то время из достаточно верного источника.

Выше был изложен способ выдачи концессий на железные дороги посредством конкуренций между лицами, допущенными по выбору министра финансов, а также и недостатки этого способа.

В виду дурных распоряжений Рябинина, которому досталась концессия Киево-бретской дороги по конкуренции, этот способ показался Бобринскому совершенно не состоятельным и он вместо того, чтобы исправить его недостатки, настоял на утверждении государем, в заседании совета министров 26 декабря 1870 года, следующего способа выдачи концессий на железные дороги, а именно:

1. Министр путей сообщения составляет проект нормальной концессии на основании сделанных изысканий. Проект этот, по предварительному соглашению с министром финансов,

вносится министром путей сообщения через комитет министров на высочайше утверждение.

2. После утверждения нормальной концессии министр путей сообщения ведет переговоры о постройке проектированной дороги или с одним или с несколькими строителями, по его выбору, и условливается с одним из этих лиц относительно поверстной стоимости постройки.

3. Время выдачи концессии назначается высочайшею властью по всеподданнейшему докладу министра финансов и министра путей сообщения. Определение условий, формы и времени выпуска бумаг лежит на обязанности министра финансов.

4. Министр путей сообщения, по окончательном соглашении с министром финансов, вносит предположение об окончательной выдаче концессии чрез комитет министров на высочайшее благоусмотрение.

Редакцию эту составил Бобринский или Золотарев, в ее составлении я не участвовал, вероятно, по болезни моей в декабре 1870 года, но когда Бобринский мне словесно излагал свое предположение об испрошении означенного высочайшего повеления, я заметил ему, что он принимал на себя весьма трудное дело выбора лиц при миллионных делах и что влияние министра финансов, по причинам нижеизложенным, останется то же, хотя он пред общественным мнением не будет более ответствовать.

Я доказывал Бобринскому, что влияние министра финансов на устройство железных дорог будет не менее и при новом порядке выдачи

концессий. Не говоря уже о том, что выбор линии, назначаемой к устройству, зависит от министра финансов, от него же будет постоянно зависеть допустить лицо, выбранное министром путей сообщения, к получению концессии.

Я не только не ошибался, но даже не предвидел всего того, что министр финансов впоследствии себе предоставил. При рассмотрении в комитете министров в первый раз, по новому способу составленных, нормальных уставов на Ландварово-роменскую и Лозово-севастопольскую железные дороги, в которые были внесены финансовые условия, соглашенные с Рейтерном, он объявил, что весь устав может подлежать утверждению, за исключением единственнного пункта, в котором изложены означенные условия и который может быть с точностью определен только при самой выдаче концессии, так как эти условия зависят от современного выдаче концесссии состояния денежного рынка и даже от лица, которому выдается концессия.

И действительно, при представлении нормальных уставов на обе означенные дороги, предполагалось, по финансовым условиям, гарантировать одни облигации, а акции оставить не гарантированными, и эти нормальные уставы были заявлены желавшим принять на себя учреждения обществ для постройки этих дорог, но при выдаче Губонину концессии на Лозово-севастопольскую железную дорогу, дана гарантия правительства в 5% и на акции по причине, которую постараюсь объяснить далее.

По болезни Бобринского, применение на деле в первый раз означенного высочайшего пове-

ления от 26 декабря 1870 года пало на меня. Я должен был выбрать строителей для Ландварово-роменской и Лозово-севастопольской железных дорог. Ко мне являлось весьма много лиц, желавших принять на себя эти предприятия. Некоторые из них никогда ничего не строили, никогда не имели состояния или были разорены, но именно эти лица по разным причинам находили, что постройку дороги я не могу отдать никому, кроме их.

Весьма высокопоставленные лица просили меня кто за одного, кто за другого предпринимателя. Владимир Бобринский говорил мне, в день его отъезда за границу, что следовало бы отдать Лозово-севастопольскую дорогу Полякову по соседству с его Харьковско-ростовской дорогой, между тем как он обещал при Шернвале отдать ее братьям Струве, которые мне об этом постоянно заявляли. Бобринский обнадеживал Блиоха, что отдаст ему Ландварово-роменскую дорогу, так по крайней мере уверял Блиох, и это очень вероятно.

Я решился отобрать цены у всех желающих и выбрать тех, кого Рейтерн сочтет наиболее благонадежными, хотя бы ими были представлены и наименьшие требования, лишь бы эти требования немного рознились с ценами, предварительно исчисленными на постройку дорог в министерстве путей сообщения. Но несколько благонадежных строителей могли объявить довольно сходные между собою цены и странно было бы предпочесть одного другому из-за какой-нибудь разницы в десятках или даже сотнях рублей на версту. Одним словом, имея возмож

ность удовлетворить только два лица при отдаче двух дорог, выбор их представлял не мало затруднений, и должно было ожидать нареканий от неудовлетворенных и от их многочисленных покровителей и участников.

Во избежание этих затруднений и нареканий, я полагал испросить высочайше разрешение дозволить мне этот выбор представить на благоусмотрение особой комиссии, каковую я полагал учредить под председательством графа С. Г. Строганова из Чевкина, Рейтерна и меня. Чевкин одобрил эту мысль, но Рейнтерн, с которым было вообще очень легко решать дела, никак не соглашался на учреждение подобной комиссии, несмотря на мою усиленную просьбу и на представленные мною затруднения. Он говорил, что так как, противно его мнению, отменили прежний порядок отдачи дорог, то пусть же испробуют неудобства нового порядка, что он теперь очень рад, что неприятное дело по отдаче дорог более от него не зависит и что он более не примет его на себя.

Однако же, через неделю после этого, он мне говорил, что решился представить государю о тех затруднениях, которые я находил при выборе строителей по моему произволу, и просил, чтобы Ландварово-роменскую и Лозово-севастопольскую дороги отдать по прежнему способу, а новый способ отдачи дорог, который испросил Бобринский, ввести по вступлении последнего в должность, но государь в этом ему решительно отказал. Рейтерн же продолжал не соглашаться на учреждение придуманной мною комиссии для выбора строителей, и по-

тому необходимо было мне, согласно высочайшему повелению от 26 декабря 1870 года, принять выбор строителей на себя.

В 1870 году по настоянию моему были произведены правительственными инженерами изыскания по тем направлениям, по которым высочайше утверждены были предположения комитета железных дорог построить таковые дороги и по этим изысканиям составлены сметы, с тем, чтобы иметь по возможности точные данные при определении стоимости постройки дорог, когда они будут уступаться частным обществам. Вообще это распоряжение привело к хорошим результатам: представленные правительственными инженерами профили дорог, единичные цены работам и материалам показали, до какой степени проекты частных изысканий были несообразны с местностью и показываемые ими единичные цены работам и материалам преувеличены.

Наконец, министерство путей сообщения достигло того, что могло с достаточною уверенностью судить о степени правильности требований, делаемых учредителями обществ, и не давать слишком высоких цен, а также и не допускать низких, при которых постройка была бы невозможна, при чем приходилось бы концессионерам делать новые пособия и льготы, которые падали бы всею тяжестью на государственное казначейство.

При производстве изысканий правительственными инженерами не могло более представляться споров о направлении линии, избранной правительством. Описание действий общества Киево-

брестской дороги достаточно разъясняет, как необходимо было иметь означенные данные, которые, сверх того, привели к заключению о возможности строить дороги по сравнительно более дешевым ценам.

Во время болезни и отсутствия Бобринского, я каждый четверг, или по крайней мере через четверг, представлял лично доклады государю по делам министерства путей сооообщения и постоянно был благосклонно принимаем.

В марте 1871 года* при одном из этих докладов, государь, говоря о предстоящих к устройству в этом году железных дорогах, сказал мне:

— Ты отдашь дорогу к Ромнам Ефимовичу и Викерсгейму, а севастопольскую Губонину; Кавказскую же впоследствии можно будет отдать Полякову.

Слова эти меня поразили до такой степени, что я уже не помню моего ответа. Я не мог себе объяснить, объявил ли государь мне непременное повеление или только желание, чтобы по возможности направить так дело, чтобы концессии могли быть получены указанными лицами.

Концессии должны были быть даны лицам, которые представят наиболее выгодные условия, и я не допускал мысли, чтобы неограниченный монарх империи с 80 миллионами населения мог входить с какою бы то ни было целию в денежные расчеты и требовать от своего министра поступить в столь важном деле против совести. Это мне было тем больнее слышать от государя, к которому я имел особенную преданность за

освобождение крестьян от крепостной зависимости, за дарование новых судов, некоторой свободы печати и за многие другие благодетельные реформы, вследствие которых жить вообще стало легче, чем при прежнем царствовании, когда все трепетали, опасаясь ежечасно за себя и своих близких.

Я уже прежде слышал от некоторых лиц, желавших принять на себя образование обществ для постройки этих дорог, что я получу такое приказание от государя. Означенные лица мне передавали, что выдача концессий большею частию зависит не от министров финансов и путей сообщения, а от лиц, приближенных к государю, что есть какие-то Зубков и князь Долгорукий, — первого я и в лицо не знаю, — действующие на государя через сестру последнего, княжну Долгорукую, которой государь обещал приказать выдать концессию Ефимовичу и Губонину.

Шеф жандармов, граф Шувалов, по поручению императрицы, говорил со мною и с министром финансов о получении ее величеством от ее брата принца Александра Гессенского телеграммы, в которой он уведомляет о скором приезде для получения концессии Оренбургской дороги. Шувалов, узнав от меня, что постройка этой дороги вновь откладывается, телеграфировал по приказанию императрицы, чтобы принц не приезжал, в виду скорого отъезда ее величества за границу.

Позднее меня уверяли, что в виду того, что постройка Оренбургской дороги постоянно откладывалась и неудовольствия публики видеть

принца в числе концессионеров, его согласили отказаться от этой концессии с тем, что он получит вознаграждение, обещанное ему за концессию по Оренбургской дороге, от концессионеров Ландварово-роменской дороги.

Я не верил всем этим рассказам, полагая, что Зубков, Долгорукие и компанионы принца Гессенского распускают эти слухи, чтобы повлиять на меня, а в особенности на тех, которые желали быть конкурентами в этих предприятиях *.

По долгом обсуждении, я решил, что не могу быть министром, а потому, если бы эта должность и была мне предложена, то решительно должен от нее отказаться под предлогом слабости зрения, а в случае продолжительного отсутствия Бобринского изыскать способ, не ожидая его возвращения, удалиться из министерства путей сообщения с сохранением звания сенатора, чтобы не совсем оставить службу, опасаясь вдруг остаться без занятий и чтобы пользоваться казенным содержанием, которое я по совести считал заслуженным моими сорокалетними трудами, тогда как при выходе в отставку, пенсия по чину была бы весьма незначительна и ее вместе с получаемыми процентами с моего небольшого капитала было бы недостаточно даже для весьма умеренного рода жизни, к которому я с женой привыкли.

Четыре дня спустя * после сделанного мне государем заявления * я заехал к Рейтерну для объяснений по службе и был чрезвычайно удивлен, когда он меня спросил, как я полагаю поступить * с полученным мною приказанием

государя* относительно выбора учредителей обществ Ландварово-роменской и Лозово-севастопольской железных дорог, *и сказал, что государь дал ему то же приказание дней десять тому назад, но он отвечал, что по вновь утвержденному государем способу выдачи концессий на железные дороги, выбор учредителей зависит от одного министра путей сообщения, на что государь ему сказал:

— Я передам это Дельвигу, — и при последнем докладе Рейтерна сказал ему, что он мне об этом говорил*.

Видя, что мне ничего скрываться от Рейтерна и что, по его расположению ко мне, я могу воспользоваться его опытностью в подобных делах и добрым советом, я передал * Рейтерну о том, что государь сказал мне на счет выдачи концессии, и на его вопрос, как я полагаю поступить в этом деле *, отвечал следующее:

Проекты нормальных уставов на Ландварово-роменскую и Лозово-севастопольскую дороги будут утверждены не ранее месяца; тогда яснее будет видно, что мне следует делать, но теперь я полагаю, что вызову всех заявляющих желание образовать общества означенных дорог, потребую от каждого из них поверстную стоимость, за которую они могут их построить, и избрав из них, по соглашению с Рейтерном, наиболее надежных, представлю заявления государю *и в том числе заявления лиц, им указанных*, с присовокуплением, что Ефимович неизвестен мне и потому я не могу ручаться за него, как за благонадежного строителя.* Так как цены, которые назначат лица, названные

государем, будут, конечно, несравненно значительнее цен, которые потребуются другими благонадежными соискателями, то вероятно государь отступится от своего желания.

Рейтерн на это заметил, что едва ли я достигну моей цели, но * советовал ни под каким видом не говорить о том, что, не зная Ефимовича, не могу ручаться за него, как за благонадежного строителя, а стараться присоединить к Ефимовичу товарищем кого-либо из известных строителей и принять, если возможно, меры, чтобы это лицо для Ландварово-роменской дороги, а Губонин для Лозово-севастопольской дороги объявили требования не преувеличенные. *Таким образом и волки были бы сыты, и овцы целы*. Но достигнуть этих результатов не было возможности. Несмотря на мое молчание, *данное мне приказание* сделалось немедля общеизвестным; *оно вероятно передавалось теми лицами, которые надеялись получить выгоды от передачи концессии Ефимовичу и Губонину *; впрочем и Рейнтерн не скрывал его от своих приближенных. В этом положении дела Ефимович не находил надобности соединяться с кем-либо из известных мне строителей и нельзя было ожидать, чтобы Ефимович и Губонин, которые должны были заплатить значительные суммы своим покровителям, объявили не преувеличенные требования.

Отданное мне государем приказание было до такой степени известно многим, что в один день трое желающих принять на себя учреждение обществ для постройки означенных доро принадлежащие к совершенно различным кр

гам, начинали со мною разговор тем, что нужно ли им хлопотать по этим делам и заявлять свои цены, когда уже предварительно назначено, кому отдать это предприятие.

Я отвечал, что выбор учредителей зависит от меня, что я его еще не сделал, что кроме меня из правительственных лиц это дело зависит от Рейтерна, и спрашивал их, «говорил ли он им что-либо о выборе». На отрицательный ответ я их уверял, что доходившие до них слухи о сделаном уже выборе учредителей означенных обществ ложны. Не знаю, насколько они мне верили, так как многие в Петербурге были убеждены * что приказание министру финансов и мне было дано *.

При моих личных докладах в конце марта, в апреле и в начале мая, государь * повторял мне об отдаче Ландварово-роменской дороги Ефимовичу и Викерсгейму, но ничего более не говорил о Губонине, который, зная меня хорошо, конечно, был уверен, что если он представит требования большие против других надежных строителей, то я ему дороги не отдам.

В виду же уплаты покровителям значительной суммы ему необходимо было бы предъявить большие требования и потому он вероятно с ними разошелся.

Раза два государь спрашивал у меня, переговорил ли я с Ефимовичем на счет Ландварово-роменской дороги. Я отвечал, что * составляются нормальные уставы, с техническими к ним условиями на эту дорогу и на Лозово-севастопольскую, а так как подобные условия и уставы

составляются по новому порядку, вследствие высочайшего повеления от 26 декабря 1870 года, в первый раз, то на их изготовление требовалось время, вследствие чего, считая теперь переговоры с предпринимателями железных дорог несвоевременными, * я не призывал к себе и Ефимовича.

Когда уставы с условиями были рассмотрены в комитете министров, то государь, при первом после того моем докладе, сказал, что он утвердил положение комитету, по которому устав Ландварово-роменской железной дороги одобряется, и повторил тоже об Ефимовиче. Я отвечал, что по отпечатании этих уставов и условий в необходимом числе, я приму зависящие от меня меры, чтобы исполнить волю государя и о результатах этих мер доложу его величеству *.

Несмотря на уклончивость моих ответов, государь не давал мне решительного приказания об отдаче дороги Ефимовичу, и я не замечал, чтоб они заслуживали его неудовольствие.

* Тем не менее каждый раз после доклада у государя я чувствовал нравственное потрясение. Не боялся я впасть в немилость, а опасался того, что буду поставлен в небходимость принять чрезвычайные требования Ефимовича и тем ввести правительство в напрасные издержки.

К чему же было настаивать на производстве изысканий правительственными инженерами, к чему исчислять с необыкновенными затруднениями стоимость дорог, если их отдавать тому, кто имеет покровителей, которым он

должен заплатить миллионы рублей и следовательно взять их с предприятия. Ясно, что при значительной стоимости дороги она не будет приносить дохода, а потребует доплаты гарантии от правительства, будет бременем для казны и уронит в глазах капиталистов значение железных дорог в России.

После каждого доклада у государя я обдумывал, каким способом я мог бы оставить министерство путей сообщения. Подать просто записку государю я не решался, полагая, что государь прикажет мне остаться до возвращения Бобринского и я не буду иметь духу настоять на немедленном меня удалении и тогда все же мне придется отдать дороги лицам, указанным государем, по ценам преувеличенным. Таким образом я наделаю только шуму, а не достигну цели *.

Советоваться о том, как выйти из министерства, мне было не с кем, кроме Чевкина. Я в это время ездил к нему каждое воскресение и в одно из этих посещений представил ему мое нравственное положение и просил совета, как бы из него выйти. Чевкин отвечал, что он и говорить не хочет о моем выходе из министерства, что он не понимает существования министерства путей сообщения без меня. В следующее за сим воскресенье я сказал Чевкину, что с трудом решился приехать к нему, оскорбленный тем, что он видит во мне только чиновника, а не человека, и в виду того, что, по его мнению, я могу быть полезен для службы, не хочет обратить внимания на мое нравственное состояние, что я в настоящем положении

оставаться долее не могу, а если бы и предложили мне быть министром, то я не приму этой должности, считая себя к ней *при настоящем правлении*, неспособным.

Ответ Чевкина был тот же, что он не может представить министерство путей сообщения без меня. Он спросил, да кто же будет управлять им? Я отвечал, что, кажется, партия Шувалова на это место готовит Алексея Бобринского и только ждут моего выхода. Чевкин отвечал, что тем более я должен оставаться, чтобы не допустить подобного назначения, *при чем назвал Алексея Бобринского Робер-Макером* [1].

Когда слухи о назначении Алексея Бобринского управляющим министерством путей сообщения распространились, Рейтерн мне говорил, что этот Бобринский человек во всех отношениях и неприятный и нехороший, что таков он был всегда, даже воспитанником лицея, где обучался в одно время с Рейтерном, только в разных возрастах, и где он быд нелюбим товарищами. Одним словом Рейтерну очень не нравились эти слухи, и он надеялся, что они несправедливы и что если я сам не оставлю министерство, то Алексею Бобринскому не управлять им.

Решившись оставить министерство и не получая от Чевкина никаких указаний, как это сделать, я обратился за советом к старому моему

[1] «Robert-Macaire» — главный герой комедии того же названия Бенж. Антье и Фред. Леметра — высококомический тип ловкого пройдохи и мошенника; комедия пользовалась успехом в 30-х годах XIX столетия; имя героя стало нарицательным. *С. Ш.*

знакомому А. А. Абазе, человеку очень умному незадолго перед тем назначенному государственным контролером.

Абаза решительно отсоветовал мне просить об увольнении. Он объяснял, что мне предстоят теперь три дороги: или быть министром путей сообщения, и хотя я заявлял, что решительно этого не хочу, но он и большая часть правительственных лиц этого желают совершенно согласно с общественным мнением и это, по его личному мнению, было бы самое лучшее, или продолжать управлять министерством и если болезнь Бобринского затянется, то, в случае даже неназначения меня министром, я буду назначен членом государственного совета, или самое худшее, по его мнению, для меня и для дела—увольнение меня из министерства с оставлением в знании сенатора с полным окладом и, вероятно, с какою-либо наградою при увольнении. *Итак, по его мнению, я ставлю себя в положение просить о том, что в самом худшем случае мне принадлежит без всякой с моей стороны просьбы и без хлопот*. Если я вздумаю просить об увольнении, то должен буду сам кланяться Палену о том, чтобы остаться сенатором, и Рейтерну о сохранении мне полного содержания, каковое поклонение и неприятно и не всегда может быть успешно.

Абаза отгадал: действительно, через несколько дней я был уволен из министерства путей сообщения, оставлен в звании сенатора, с сохранением содержания, и получил александровскую ленту.

Мое желание оставить министерство путей сообщения не было минутным, ни на чем не

основанным, капризом. Напротив, я всегда полагал, что создан не из той глины, из которой пекутся министры в России, и потому никогда не стремился занять министерское место.

* По моему мнению, министр в России должен соединять в себе следующие качества или, по крайней мере, некоторые из них: *а* — с молоду быть известным государю; *б* — принадлежать к одной из сильных придворных партий, угождая ей во всем; *в* — по месту воспитания, роду службы или другим отношениям принадлежать к тому обществу, из которого берутся люди на высокие должности с тем, чтобы хотя с некоторыми из них состоять в товарищеских или по крайней мере, в приятельских отношениях; *г* — иметь такое состояние, чтобы жить наравне со всеми прочими, находящимися в положении одинаковом с министрами; и, главное, *д* — исполнять со всею покорностию все, чего пожелает государь и, даже предугадывая его желания, приводить их в исполнение.

Хотя я и не был министром, а только управлял министерством, но и в этом положении опыт оправдал вышеупомянутые мои предположения, а так как оставаться в министерстве путей сообщения я не мог уже иначе, как в звании министра, то ясна была необходимость мне из него удалиться.

Я не удовлетворял ни одному из вышеописанных качеств министра в России; покажу это в подробности.

А — государь привыкает с молодых лет к людям, которых он желает иметь своими приближен-

пыми, а последние привыкают к нему. Государь же в первый раз со мною говорил, когда мне было 48 лет от роду, а приближенным, если только докладчика можно считать таковым, я сделался в 56 лет.

Б — к придворной партии надо также принадлежать с молодых лет; ни по родству, ни по состоянию, ни по роду службы я ни к какой не принадлежал. Конечно, можно было бы избрать таковую и в старости, но тогда надо плясать по ее дудке, к чему я не способен.

В — в институте инженеров путей сообщения воспитывались со мною лица не знатного происхождения; таковые же продолжали службу и в инженерах, на которую государь, а за ним и прочие высшие чины не обращали никакого внимания.

Другие высшие в службе лица, связанные воспитанием, службой или общественными отношениями, говорят друг другу ты; этого никогда не бывало между означенными лицами и инженерами путей сообщения, а в том числе и мною.

Г — министры занимают казенные обширные квартиры, но для жизни в них с семейством содержание министерское не достаточно; для этого требуется иметь собственное состояние, родовое или нажитое спекуляциями или сбережениями от прежней жизни. Если же этого нет, то надеющиеся попасть в министры стараются получить добавочное содержание или аренду или земли. Я же казенной квартиры не имел, а если и был бы назначен министром, то с окладом в 12.000 рублей затруднился бы

жить в ней. Я, постоянно получая незначительный оклад, далеко не достаточный для жизни весьма умеренной, считал себя достаточно оплаченным по службе и вследствие этого принужден был для жизни прибавлять к моему содержанию проценты с моего небольшого капитала.

Д—выше приведенный мною рассказ о передаче Ландварово-роменской железной дороги Ефимовичу и Викерсгейму достаточно показывает до какой степени я был неспособен не только отгадывать желания государя, когда они, по моему мнению, не соответствовали государственным пользам, но и исполнять те, которые мне были словесно передаваемы к исполнению, но которые не хотели заявлять гласно.

Чтобы показать ясно до какой степени эти мои предположения верны, я приведу в пример тех министров, которые, повидимому, наиболее подходили под требования означенной программы, и тех, которые наименее подходили под эти требования.

К первому разряду я отношу между прочим обоих Бобринских, а ко второму Мельникова и Зеленого.

Чтобы получить министерское место, по заведенному в России порядку, надо иметь чин не менее генерал-лейтенанта или тайного советника, и до получения этого места занимать в продолжении некоторого времени какую-нибудь видную в государственной службе должность, что ведет за собою получение разных орденских лент.

Это можно сказать правило.

Между тем оба Бобринские составляют исключение из этого правила. Оба они назначены управляющими министерством в чине генерал-майора, в который они были произведены по манифесту 18 февраля 1762 года, так что, будучи генералами, числились по списку полковниками и попадали в генерал-майорский список только при производстве полковников, их сверстников, в генерал-майоры или по особой высочайшей милости. Оба они не имели даже ни одной орденской ленты, тогда как у нас лица, занимающие третьестепенные должности, разукрашены лентами. Оба Бобринские не занимали никаких видных должностей в государственной службе; Владимир всего месяца два занимал должность гродненского губернатора, из которой вышел по неудовольствию, а Алексей занимал должность командира стрелкового батальона, которую он должен был оставить по большей еще неприятности.

Но оба Бобринские были известны государю с малолетства, особливо Владимир, к родителям которого очень благоволил император Николай; оба принадлежат ко всесильной реакционной партии Шувалова, которому и обязаны, в особенности Алексей, своим возвышением; оба с большею частию своих ровесников, занимающих разные высшие должности, с молодых лет были товарищами, оба имеют весьма значительные состояния и, из них, Алексей готов исполнить всякое желание не только государя, но и Шувалова, насколько оно ни было бы вредно и противно закону и совести. В этом Владимир на него не похож, и мы увидим далее, как

вследствие этого, он недолго остался министром и как холодно, против принятого обыкновения, он был уволен от этой должности.

Мельников и Зеленый не были известны с молодых лет государю, но первый в 1842 году, когда государю было только 24 года от роду и когда он назначен был председателем комитета по устройству С.-Петербургско-московской железной дороги, докладывал ему по делам этой дороги; а Зеленый подготовлял охоту для государя, составляя альбомы с рисунками этой охоты и был в чине генерал-майора в свите его величества; оба они не принадлежали ни к какой сильной партии, но Мельников был готов покориться во всем и Шувалову, и Адлербергу; достаточно напомнить о сдаче за высокую цену постройки Киево-балтской железной дороги Девриеру и К°, сделанной в угоду Адлербергу; Зеленого я не знаю довольно, чтобы о нем сказать что-нибудь в этом отношении.

Вышеприведенным условиям под литерой *В* и *Г* они оба не могли бы удовлетворять, но Мельников чрез любимую императрицею Настасью Николаевну Мальцеву умел держаться в большой милости у императрицы. Зеленый также у нее в милости, как председатель общества попечения о раненых и больных воинах, находящегося под ее покровительством. Мельников получал добавочное содержание и, будучи чрезвычайно скуп и холостой, приобрел довольно большой капитал; содержание в звании министра получал в полтора раза более против обыкновенного министерского; получал, еще не быв

министром, и до сего времени получает ежегодную аренду в 3 тыс. рублей. Зеленый, также холостой, имеет небольшой капитал и получает ежегодную аренду в 5 т. рублей. При этих обстоятельствах они могут поддерживать, хотя внешним образом, жизнь свою наравне с прочими своими товарищами.

Мельников, а полагаю и Зеленый, конечно готовы исполнить все, что только вздумается государю; Мельников способен предугадывать всякие его желания*.

Мой доктор Левенсон еще в апреле месяце находил необходимым, чтобы я, как можно скорее, отправился на карлсбадские воды. При отъезде Бобринского за границу, он объявил мне, что приедет в мае, вступит в должность на шесть недель, пока я буду в Карлсбаде, а по возвращении моем снова уедет за границу, для дальнейшего излечения.

Сведения, получавшиеся из-за границы о здоровьи Бобринского, возбуждали сильное сомнение в возможности его скорого возвращения, а так как я также собирался уехать, то Чевкин меня спросил, кто же будет управлять министерством во время моего отсутствия и, опасаясь, чтобы не назначили Алексея Бобринского, нашел нужным, чтобы я при первом докладе об этом представил государю, и полагал возможным управление министерством поручить члену государственного совета инженер-генералу Герстфельду, бывшему 8 лет товарищем министра путей сообщения, когда главноуправляющими и министрами были граф Клейнми-

хель, Чевкин и Мельников. Чевкин находил тем более необходимым, чтобы я об этом доложил государю без замедления, что Герстфельд получил уже заграничный отпуск и полагал вскоре уехать.

Согласно совету Чевкина, я просил у государя дозволения отлучиться на заграничные воды и на вопрос государя о том, кому поручить управление министерством, в случае невозвращения Бобринского, предоставил это воле государя и, только по настоятельному его требованию назвать управляющего на время моего отсутствия, я назвал Герстфельда, на что государь немедля согласился и приказал мне ему об этом объявить с тем, чтобы удержать его от заграничной поездки, если Герстфельду нет особой крайности ехать.

Это было 29-го апреля, и я в тот же день передал это повеление Герстфельду, прося хранить его в секрете, так как, в случае возвращения Бобринского, не к чему будет объявлять этого повеления. Герстфельд просил меня передать государю, что он службу его величеству ставил и всегда будет ставить выше всего и потому за границу не поедет. Он до того обрадовался, что немедля побежал по департаментам путей сообщения объявить, что в мое отсутствие он будет управлять министерством.

Конечно, это дошло до сведения приближенных В. Бобринского и они вытребовали его в Петербург. По крайней мере, с этого времени стали говорить о скором его возвращении. Вскоре после этого возвратился из-за границы и Алексей Бобринский, отпущенный

в отпуск на 3 месяца, и пробывший в нем всего месяц. Он заявил мне претензию, что Гейнс, не спросясь его, выставил в приказе об его увольнении на 3 месяца, тогда как ему не нужно было более месяца, что ему теперь необходим 4-х месячный отпуск, о котором он и подал прошение, что он уезжает на несколько дней на Ливенскую узкоколейную дорогу и вернется к 15 мая, чтобы повидаться с Владимиром Бобринским, который писал ему, что будет к этому числу в Петербурге, и по свидании с ним, немедля воспользуется четырехмесячным заграничным отпуском.

Я очень хорошо понимал цель, с какою Алексей Бобринский испрашивал этот заграничный отпуск. Он не был вполне уверен, что по приезде Владимира Бобринского ему удастся заменить меня в управлении министерством, а потому, в случае неудачи, желал иметь готовый отпуск, чтобы немедля уехать.

В первой половине мая императрица поехала за границу. Я провожал ее до Вержболова. Она по обыкновению со мною не сказала ни слова, кроме холодного изъявления благодарности при прощании в Вержболове. На обратном пути я узнал, что государь в Гатчинском дворце, куда я заехал, чтобы доложить о благополучном проезде императрицы. Государь как-то холодно спросил меня, имею ли я сведение, когда будет Бобринский, но, впрочем, здороваясь, по обыкновению, подал мне руку. Я отвечал, что Бобринского ждут в конце недели.

13-го мая я был в последний раз с докладом у государя в Царско-сельском дворце и был

принят так же благосклонно, как и прежде. Государь спросил, когда ждут Бобринского, [1] * и об отдаче дороги Ефимовичу более не говорил *. В этот день Золотарев, испросив мое дозволение, уехал навстречу к Владимиру Бобринскому, который вернулся в Петербург 15-го мая. В этот день рассматривалось в государственном совете представление министра народнаго просвещения о классическом образовании с двумя древними языками и о реальных училищах.

Обязанный быть в этом заседании, по этой причине, а также в виду утомления от дороги Бобринского, возвратившегося больным, я его не встретил и не видал в день приезда.

На другой день утром я к нему представился. Встретились мы очень дружелюбно. Он просил меня управлять министерством, не зная, когда в состоянии будет, по болезни, вступить в должность, сказал, что на другой день будет у государя и, по возвращении из царскаго села, пришлет просить меня к себе. В виду его вступления в должность, я ему подробно передал о* желании государя передать Лозово-севастопольскую и Ландварово-роменскую дороги указанным лицам, влияние на мое нравственное состояние, когда я услышал от государя, что он вмешивается в раздачу концессий, и о том *, что напечатанные нормальные уставы с техническими условиями на обе дороги я разослал ко всем, объявившим желание взять на себя означенные предприятия, что им было одобрено. ⌜ Вообще мы говорили о разных делах министерства, как будто нам еще несколько лет

предстоит работать вместе. Он соглашался со всеми моими предположениями. Тут же я ему рассказал что, на случай его нескорого выздоровления и моего отъезда на воды, государь назначил временно управлять министерством Герстфельда. На это он ничего не отвечал. Я нашел Бобринскаго хотя все еще нездоровым, но поправлявшимся, что меня очень порадовало.

На другой день в Царско-сельском дворце были крестины великаго князя Георгия Александровича. Бобринский и я были во дворце, но мы не встретились. По возвращении в Петербург, он за мною не присылал и только на другое утро написал ко мне, чтобы я к нему заехал по выезде моем из заседания комитета министров, так как по утрам он до того бывает слаб, что не может говорить о деле.

Бобринский, по приезде моем к нему, заперся со мною в дальнем кабинете и начал тем, что он должен сообщить мне весьма важное обстоятельство, которое будет иметь сильное влияние и на его и на мою будущность, и спросил, готов ли я его выслушать. По изъявлении мною полной к тому готовности, он мне сказал, что государь почему-то недоволен мною, что он это заметил еще в тот день, когда прощался с государем в марте месяце перед своим отъездом, и что государь назначил Алексея Бобринского товарищем министра путей сообщения, который, согласно закону, по болезни его, и вступит в управление министерством. При этом он от себя прибавил, что ему было очень больно узнать о неудовольствии государя, и что, когда

он старался разузнать, чем я подал повод к неудовольствию, то из слов государя заключил, что государь хотя признает меня за очень усердного и знающего дела администратора, но не желает, чтобы я продолжал управлять министерством.

Затем Бобринский спросил меня, не писал ли я каких-либо компрометирующих меня писем, при чем сказал, что ведь все письма перечитываются в III отделении собственной канцелярии государя, или не говорил ли я чего-нибудь слишком свободно. Я отвечал, что писем никаких, кроме деловых, не пишу и никакое из моих писем меня не могло компрометировать, а тому, что я говорю в обществе, в котором, впрочем, по занятиям моим, бываю весьма редко, могут придавать и превратный смысл, но конечно, я никогда не бывал революционером, а тем менее могу сделаться им, приближаясь к 60-летнему возрасту.

Бобринский сказал мне, что государь, между прочим, заметил, что я говорю много. Конечно, с ним я много не говорил и этот недостаток мог ему указать Шувалов, которому все средства, следственно и всякая клевета были пригодны, только чтобы меня спустить и назначить министром человека своей партии, Алексея Бобринского, известнаго крепостника, долго поддерживавшего знаменитую газету «Весть», выгнанного его крестьянами из его тульского имения, дерущегося со своими дворовыми, так что в два часа ночи обер-полицеймейстер был вызван, чтобы усмирять его [1],

[1] Слышал от обер-полицийместера генерал-адъютанта Трепова. *Авт.*

известного деятеля по передаче пяти миллионов рублей, назначенных для вспомоществования русским при покупке имений в западном крае, в общество взаимнаго поземельного кредита, в правлении которого он председательствовал; прикидывавшегося влюбленным в старую деву Анну Федоровну Тютчеву, имевшую влияние при императрице, и готовым на ней жениться, чтобы приблизиться ко двору, а по достижении этого от женитьбы отказавшегося, и, следовательно, такого человека, которому, так же, как и его патрону, все средства хороши для своего возвышения и поддержания своей партии [1].

После 40-летней службы обвинять меня в политической неблагонадежности смешно. Но меня не взлюбили за то, что я не разделял убеждений псевдо-аристократической или, лучше сказать, Шуваловской партии.

Россию обвиняют в безлюдье, а вот как легко расстаются с людьми, которых сами признают

[1] Дочь знаменитого поэта, воспитательница детей Александра II, А. Ф. Тютчева оставила очень интересные записки («При дворе двух императоров», ч. I и ч. II, под ред. С. В. Бахрушина, М. 1928 и 1929), в первой части которых много говорит об А. П. Бобринском, как о ближайшем участнике кружка императрицы Марии Александровны, где с ним встречался и Александр II. Все упоминания Тютчевой о Бобринском связаны с его полушарлатанскими мистическими увлечениями в области столоверчения и вызова загробных духов, что относится, главным образом, к концу 50-х годов. Тютчева родилась в 1829 году (ум. 1889 г.), вышла замуж в очень зрелых годах — 37 лет от роду — за известного публициста-славянофила И. С. Аксакова (1823 — 1886), была женщиной умной, оставила в своих воспоминаниях резкие, порою уничтожающие характе-

честными и усердными и знающими дело, только из-за того, что они в своих понятиях и убеждениях расходятся с Шуваловской партией. Человека, если он, по своей самостоятельности, не скрывает этого, считают вредным. Конечно, человек самостоятельный не будет поддерживать произвола, но ведь в общественной деятельности именно вредны те, которые не гнушаются никакими сведствами, чтобы угодить высокопоставленным лицам.

Сомнение в политической благонадежности лиц только на основании различия их мнений с Шуваловскими ведет к тому, что они по необходимости должны скрывать свои мнения и выставлять себя не таковыми, как они есть, а на это особенно способны те, в которых не развито чувство чести. * Через это ограничивается круг честных деятелей и важные должности даются людям сомнительной нравственности, но в политической благонадежности которых, т.-е., просто в единомыслии с Шуваловым уверены *.

Я выразил Бобринскому, в ответ на сделанное мне сообщение о разговоре с государем, насколько я доволен возможностию оставить министерство путей сообщения и заявил, что на другой же день принесу ему записку, в которой буду просить об исходатайствовании мне увольнения от всех должностей по министерству.

ристики членов царской семьи и придворных блюдолизов, но об А. П. Бобринском (1826 — 1890) говорит с явной симпатией. *С. Ш.*

Впоследствии некоторые лица, весьма меня любящие и желавшие, чтобы я был министром, упрекали меня, что я сам несколько виноват моему удалению из министерства тем, что в английском клубе и в вагонах Царскосельской дороги я при случае нисколько не останавливался в выражении моих мнений, чего, занимая высокую должность, я не должен был бы делать. Но я не желаю менять своего характера из-за сохранения моего места, или даже для получения места министра; напротив, очень благодарен этому недостатку, если он действительно был причиною моего удаления, * в таком случае чрез него я избавился от получения приказаний, которые исполнять запрещала мне совесть, и от всех других нравственных потрясений *.

Те же лица поставили мне в вину, что я не умел добиться министерскаго места, где я, по их мнению, мог быть полезен, приписывая мое удаление также и тому, что я, на вопросы государя, при докладах, о положении здоровья Бобринского, отвечал, что прямых известий от него не имею, а что по разным сведениям, его здоровье нехорошо, и это я говорил в то время, когда Шувалов и, вероятно, многие другие уверяли государя, что Бобринскому лучше. Это могло, по мнению этих же лиц, показаться государю не только желанием моим поскорее заместить Бобринского, но что быть иначе не может. Те же лица меня винят в том, что я выбрал Герстфельда для управления министерством в мое отсутствие, в случае не скорого возвращения Бобринскаго, и что этим тоже по-

казал государю уверенность, что никто, кроме меня, не может быть назначен министром, а что по характеру государя это все должно было ему не нравиться.

Нечего и говорить, что этой уверенности с моей стороны не было. Отвечал же я о болезни Бобринского то, что везде слышал, а о том, почему мною был назначен Герстфельд для управления министерством, мною изложено выше. Нахожу, впрочем, совершенно излишним отыскивать в моих недостатках причину неудовольствия государя * ко мне; просто на просто Шувалову нужно было удалить меня *.

Я только заметил, что однажды государю не понравились мои выражения. Во время моего доклада в Царском селе, летом 1870 г., государю принесли депешу, об одной из первых побед пруссаков во Франции. Он мне прочел ее с восхищением и заметил, что война начата Францией в величайшей степени несправедливо. Я ему отвечал, что нельзя признать, чтобы война со стороны Пруссии была начата с достаточными к тому причинами; что едва ли для спокойствия Европы не лучше было Пруссии окончить начавшиеся пререкания с Францией без войны. Не любя инстинктивно немцев и не ожидая от Пруссии ничего для блага человечества, а только введение повсюду милитаризма, я не удержался от этого ответа, который государю, столько преданному Пруссии, не мог понравиться. Он мне ничего не отвечал.

19-го мая я привез Бобринскому обещанную записку о моем увольнении, а также объявле-

ния о поверстной стоимости Ландварово-ромен ской дороги от Ефимовича, Мекка и Блиоха, желавших принять на себя образование общества этой дороги.

Стоимость постройки версты этой дороги без расходов, вычисленная Шернвалем, была 36 000 кредитных; Ефимович требовал 40 850 руб лей; Блиох—35 000 рублей, а Мекк—33 200 руб лей кредитных же. Бобринский чрезвычайно обрадовался этим заявлениям, говоря, что это последняя важная услуга, которую я оказываю по службе моей в министерстве путей сообще ния России и ему лично, так как он, при столь значительной разности в ценах, объявленных Ефимовичем и Мекком, имеет достаточные основания * в представлении государю * отстранить перваго * и убежден, что и государь в виду этих цен с ним согласится *.

Вечером того же дня я получил собственноручное заявление Варшавского, который назначил стоимость версты еще менее, именно в 30400 рублей, и я немедля это заявление послал Бобринскому в собственные руки. На другой день утром Варшавский приезжал ко мне, чтобы заявить удивление, почему его цена известна уже разным лицам, тогда как он о ней никому не говорил. Оказалось, что посланное мною к Владимиру Бобринскому заявление Варшавскаго он показал Алексею Бобринскому и Золотареву, и следовательно один из них пересказал о цене Варшавскаго, которую, до получения заявления от всех желающих, дол жно было министру держать в полном секрете.

Бобринский 19-го мая объявил мне, что вступит на другой день в должность и поедет с докладом к государю в Царское село, что в докладе будет представление об увольнении меня из министерства и к награде александровскою лентою и что после доклада он прямо со станции Царскосельской дороги заедет ко мне, что он и исполнил. В бытность у меня 20-го мая, он мне объявил, что его представление об оставлении меня в звании сенатора с сохранением полного содержания, на что он накануне получил согласие министров финансов и юстиции, уважено, а равно и о пожаловании меня александровским кавалером, что на то и другое государь согласился немедля, тогда как 17-го мая, когда Бобринский просил его о награде александровской лентой при моем увольнении, он не соглашался. Бобринский просил меня ему и брату его помогать в деле, только мне, по мнению его, известном, присовокупляя, что мы всегда жили дружно и, конечно, также дружно расстаемся. Для пояснения же, в каком положении находятся строющиеся и эксплоатируемые дороги, он желал бы быть у меня вместе с братом, но просил, принимая во внимание его болезненное состояние, для этого зайти к нему на другой день.

Желание его было мною исполнено. Я, бывши у него, подробно изложил положение всех дорог, что, при моей хорошей памяти, не представляло мне особого труда, но он был напрасен. Человеку, понимающему дело, и с хорошею памятью трудно было бы все запомнить, но это совершенно было невозможно Алексею

Бобринскому, человеку незнающему дела и сверх того, как мне говорили впоследствии, отличающемуся забывчивостью.

Владимир Бобринский все время изъявлял удивление моей памяти и ясности изложения и во всем соглашался. Только при разговоре о Киево-брестской дороге заметил, что мы по этому делу разного мнения, так как я настоял, чтобы обществу этой дороги ничего не прибавляли за проведение этой дороги по направлению, одобренному правительством, тогда как он обещался Задлеру прибавить собственно за это более миллиона рублей, основываясь на том, что Задлер заключил контракт с обществом на постройку дороги по направлению, избранному обществом, которое слишком на миллион рублей дешевле избранного правительством, и на том, что капитал, остающийся в распоряжении общества, недостаточен для уплаты Задлеру по заключенному с правлением общества контракту.

Я объяснил Бобринскому, что я понимаю его обещание условным, а именно, что он обещался увеличить капитал общества, если действительно его недостаточно для постройки дороги, как уверял Задлер, но что, по сделанным мною расчетам, уверения Задлера оказались несправедливыми, что, конечно, Бобринский ни в каком случае не ходатайствовал бы об этом увеличении, не спросив предварительно меня или Шерпваля, чтобы удостовериться в правильности заявления Задлера, и что получив от нас отрицательные ответы, никогда бы не вошел с означенным ходатайством. Бобринский согла-

сился с моим рассуждением и от себя прибавил, что доказательством того, что не требовалось никаких прибавлений, служит то, что Задлер вместе с другими членами правления Киево-брестской железной дороги, после решения дела по их жалобе в комитете министров, дал мне подписку в том, что капитала общества при льготах и пособиях, на которые я и Рейтерн согласились, будет достаточно для постройки дороги по направлению, избранному правительством.

Во время моих объяснений о положении дорог Владимиру Бобринскому был подан пакет от государя. Он вынул из него бумагу, имеющую форму грамоты на орден, очень сконфузился, послал за Гейнсом и приказал ему немедля ее исправить. Я догадался, что была грамота мне на александровский орден, почему-нибудь государем не подписанная, и действительно, впоследствии я узнал, что государь в грамоте, в которой было сказано, что орден мне дается за примерно-усердную службу и полезные труды, вычеркнул слово «примерно». Вот как успели восстановить государя против меня: если моя служба не была примерною, то какая же называется такой?

Грамота по переписке была послана государю и в тот же день, 21-го мая, им подписана. Я же не получил ее до моего отъезда за границу 8-го июня, так что недели две я думал, что государь совсем отказал в награде и только в Карлсбаде из газет узнал о пожаловании мне александровской ленты, а грамота и орденские знаки хотя были препровождены ко мне

при письме управляющего министерством путей сообщения Алексея Бобринского от 11-го июня, но я их получил только в августе, по возвращении из-за границы.

Пожалование мне александровской ленты было весьма неприятно и Шувалову и Алексею Бобринскому. Последний неоднократно при посторонних лицах выражался, что государь был относительно меня слишком couleur de rose [благожелателен] после того, что ему было фактически доказано мое взяточничество. Вот в чем вздумали обвинять меня, известного, смею сказать, почти всей Росии вполне бескорыстною службою.

Выражение А. Бобринского о том, что государю было фактически доказано мое взяточничество, поясняется следующим образом.

Лишь только заболел В. Бобринский, Шувалов начал говорить против меня государю, но без результата, так что Алексей Бобринский в интимном кругу неоднократно бранил меня за то, что я стал на такую твердую ногу и сделался ему таким соперником, что едва ли удастся партии Шувалова меня сломить так, чтобы я не был назначен министром. Они, не зная, что и я хлопочу о том, как бы не попасть в министры, решились, чтобы достигнуть своей цели, на все средства. Моя почтовая переписка была распечатываема, но, конечно, ничего не могли в ней найти. Тем не менее мне достоверные люди говорили, что Шувалов представил государю письмо, служившее, по его мнению, фактическим доказательством моего взяточничества. Подобное письмо, конечно, могло быть

только поддельное. Если же предполагать, что государю показывали какое-нибудь из действительно мною писанных писем, то сумели пред ним исказить смысл моего письма. Единственным почти лицом, с которым я переписывался в то время, был Ф. В. Чижов, участник в покупке Московско-курской дороги и, может быть, хотя и сомнительно, что я в письме мог сообщить ему несколько слов о ходе этого дела. Эти несколько слов моего письма Шувалов мог объяснить государю в дурную сторону. Он уверял государя, что я участвую в покупке Московско-курской железной дороги, что это известно Мельникову, который, во время предъявления моего письма государю, был, как мне говорили, во дворце. Хорошую роль при этом разыгрывал Мельников. Только по прочтении этого письма государь сказал Шувалову, что он во мне ошибался, что он повторил 17-го мая и В. Бобринскому.

Шувалов и Алексей Бобринский, конечно, не рассказали В. Бобринскому о своих проделках, которыми они старались доказать государю мое взяточничество, опасаясь, что В. Бобринский, вполне уверенный в моем бескорыстии столько же, как и они сами, за такую подлость с их стороны не оставит этого без противодействия, а потому они ограничились намеком о том, что государь из моей переписки убедился будто бы в моей политической неблагонадежности.

После 21-го мая я не видал более Бобринских. В этот же день я был у Чевкина, которому сказал, что он теперь понимает министерство путей сообщения без меня. Он, выражая него-

дование свое и некоторых министров на Шуваловскую партию, удивлялся, что я не действовал, чтобы остаться министром, через другую * приближенную государю * партию графа Адлерберга, графа Баранова. Я ему отвечал, что я сам желал удалиться, что мог бы действовать только с тою целью, до которой теперь дошел без хлопот, а если есть министры, недовольные моим удалением и назначением Алексея Бобринского, то зачем они не действовали, пусть сами на себя пеняют, а я им за это бездействие очень благодарен.

Все бывшие мои подчиненные, и в особенности служащие по департаменту и по технико-инспекторскому комитету железных дорог, были поражены моим удалением до такой степени, что не хотели долго верить в его возможность. Все выказали мне особенное свое расположение и заявляли, что жалеют о себе, оставшись без руководителя, всегда готового помочь в их работах и без всякого промедления разрешать их правильные представления. При моем отъезде за границу почти все собрались проводить меня на станцию С.-Петербурго-варшавской железной дороги.

Общественное мнение было поражено назначением Алексея Бобринского, не только не имевшего никакого понятия об инженерном деле, но решительно ни о каком. Во всю службу он командовал только стрелковым баталионом и там имел неудовольствие, вообще дурно относились об его характере. Владимир Бобринский считавший его умнейшим человеком, говорил

однако же, что он менее его знает законы, а такое малое знание трудно себе представить, и что он еще менее его полагает нужным следовать постановлениям относительно расхода казенных сумм и вообще существующим законам. Владимир Бобринский говорил в этом случае правду, и я уже неоднократно замечал в 1870 г. при постройке Ливенской узкоколейной дороги не только незнание Алексеем Бобринским законов, но и нежелание им следовать.

Сожаление о моем удалении в публике было почти единодушное; только лица, принадлежавшие к Шуваловской партии, торжествовали, но, к счастию, эта партия не многочисленна.

Мнение публики и расположение бывших подчиненных служило мне в это время утешением. Меня в особенности озабочивала болезнь душевно любимого мною Чижова [1], которая казалась неизлечимою. Он приехал в это это время в Царское село, чтобы подвергнуться операциям.

При всем моем желании оставить министерство путей сообщения, *основанном на уверенности, что при настоящем правлении я не гожусь в министры*, не мог же я без грусти оставить ведомство, которому принадлежал более 40 лет, *и еще без большей грусти видеть, как легко удаляют людей, которых все признают честными, усердными и знающими дело, и кем их заменяют*.

[1] После нескольких мучительных операций Чижов совершенно оправился и я его уже видел здоровым в Петербурге (29 сентября 1871 года). *Авт.*

Этим я мог бы кончить мое повествование об удалении меня из министерства путей сообщения, но продолжаю с тем, чтобы рассказать, чем кончилась отдача Ландварово-роменской и Лозово-севастопольской железных дорог, к чему присовокуплю рассказ о наиболее замечательных распоряжениях по министерству путей сообщения в последнее мое трехмесячное оным управление.

По доходившим до меня сведениям перед отъездом моим за границу, Варшавский, объявивший наименьшую цену на Ландварово-роменскую дорогу, получил заверение Владимира Бобринского, что эта дорога останется за ним, и вследствие этого делал даже некоторые по этому предмету распоряжения.

Государь выехал 25-го мая в заграничное путешествие. Владимир Бобринский поехал его провожать до границы, по дороге докладывал государю о ценах, заявленных на постройку дорог, и представлял об отдаче Ландварово-роменской дороги Варшавскому, так как им заявленный строительный капитал был менее заявленного всеми прочими * и против заявления его Ефимовичем был менее на 10 600 р. на каждую версту, а на протяжении всей дороги слишком на 7½ мил. рублей кредитных. Государь, говорят, с неудовольствием отвернулся от Бобринского, по возвращении которого в Петербург Варшавскому было вполне отказано *.

5-го июня Бобринский уехал за границу, не предуведомив меня и вообще не имея в продолжение протекшей недели никаких со мною сношений. *Не мог он не вспомнить в это

время моих предсказаний на счет разных высоких влияний при выборе министром путей сообщения строителей железных дорог *.

По приезде моем в Карлсбад, граф Андрей Петрович Шувалов и министр двора граф Александр Владимирович Адлерберг сказали мне, что они получили верные сведения о том, что Владимир Бобринский прислал государю в Эмс просьбу об его увольнении. * Я очень понял причину, его к тому побудившую *. Три недели позже меня приехал в Карлсбад Рейтерн и объявил мне, что государь приказал отдать Ландварово-роменскую дорогу Ефимовичу и Викерсгейму, которых однако же убедили уменьшить предварительно представленную ими поверстную стоимость, что Лозово-севастопольская дорога отдается Губонину, что он с первыми уже покончил расчет по реализации капитала и взял у них положенные уставом залоги и что он поручил своему товарищу генерал-адъютанту Грейгу покончить эти дела, которые должны были быть представлены А. Бобринским в комитет министров к 22-му июня. При этом Рейтерн жаловался на непонятливость и малую память Алексея Бобринского. Последний возвращал Рейтерну, при официальной бумаге, расчеты, сделанные по реализации капитала на постройку дороги в министерстве финансов, находя их ошибочными, тогда как в них никакой неправильности не оказывалось. Он об одном и том же предмете в кабинете Рейтерна говорил без пользы по нескольку часов и в конце разговора забывал о том, что было уже порешено в начале.

Такую же забывчивость он выказывал и при суждениях дел в комитете министров.

Несколько дней позже Рейтерна приехал из Вены в Карлсбад главный секретарь главного общества российских железных дорог Фельдман и объявил что Викерсгейм и участвовавший в его предприятии по Ландварово-роменской дороге, равно как в весьма многих других предприятиях, Николай Николаевич Сущов получили в Вене извещение, что Алексей Бобринский не представил в комитет министров к 22-му июня об отдаче означенных двух дорог, в ожидании ответа на его письмо к шефу жандармов Шувалову, бывшему в то время в Эмсе с государем.

Алексей Бобринский, как говорят, в этом письме выставлял нерасположение общественного мнения к отдаче Ландварово-роменской дороги Ефимовичу и просил дозволения представить в комитет министров о других, желающих получить эту дорогу. Говорят, что государь отвечал, что пусть отдают кому хотят. Нет сомнения, что при этом Шувалов во всей этой кутерьме винил меня за то, что "вместо того, чтобы, исполняя волю государя, передать предприятие Ефимовичу", я вызвал желающих и через это сделал это дело до такой степени гласным.

5-го июля было слушано в комитете министров представление Алексея Бобринского о передаче Ландварово-роменской и Лозово-севастопольской дорог и, согласно представлению, положено отдать первую — Мекку по поверстной стоимости 39 675 рублей мет., из коих $^1/_3$ негарантированными акциями и $^2/_3$ гарантирован-

ными правительством облигациями, а вторую — Губонину по поверстной стоимости 54 тыс. мет. с гарантиею правительства на весь капитал общества, как на акции, так и на облигации.

9-го июля приехал в Карлсбад Викерсгейм с каким-то значительным венским банкиром и с Ефимовичем. В это время Сущов также был на карлсбадских водах. Первые представлялись Рейтерну и заявляли ему свое неудовольствие на то, что положили большую сумму в залог, издерживали вообще много денег и времени, будучи обеспечены обещанием Рейтерна. Он им отвечал то же, что я говорил уже Викерсгейму накануне посещения им Рейтерна, а именно, что он долго жил в Петербурге, чтобы знать, что министры у нас не могут в подобных делах давать окончательных решений, *а что они оканчиваются высочайшими повелениями; все же действия до того, пока не состоится это повеление, суть только предварительные*, и что Рейтерн в отпуску не может иметь никакого влияния на их дела.

Рейтерн и многие другие сильно подозревали, что появление этих господ у Рейтерна было только официальное, а что главная цель их посещения Карлсбада была видеться с Адлербергом *и получить от него письмо к государю в Юхенгейм с тем, чтобы он не утверждал положения комитета министров от 5 июля, а приказал бы Ландварово-роменскую дорогу отдать им; они соглашались понизить свою цену до цены Мекка. Приезд на один день в Карлсбад в одно время с означенными лицами контролера министерства императорского двора тай-

ного советника барона Кистера, очень ловкого и умного человека, участвующего в разных коммерческих и железнодорожных предприятиях и фактотума Адлербергов, еще более убедили в предположении, что эти господа приезжали не к Рейтерну, а к Адлербергу *. Но все это ни к чему не послужило, так как вышеупомянутое положение комитета министров было утверждено государем 30 июля [1].

[1] Близкий в то время к правящим кругам и весьма осведомленный по личным связям Е. М. Феоктистов оставил в своих Воспоминаниях любопытный рассказ о концессии на Ландварово-роменскую дорогу. Здесь очень обстоятельно и красочно изображено участие Александра второго, через его фаворитку Е. М. Долгорукую, ее родственниц и приятелей, а также через собственных приближенных императора, вроде министра двора Адлерберга, в материальных интересах Ефимовича. Екатерина Михайловна Долгорукая (род. в 1847 г.) — дочь князя Мих. Мих. (ум. 1866 г.) и его жены Веры Гавр. (ум. в 1870 г.) сблизилась с Александром вторым не позднее 1864 г. (М. А. Цявловский «Рассказы о Романовых в записи П. И. Бартенева» «Гол. мин.», 1918 № 7-9). Жена императора была еще тогда жива; умерла 22 мая 1880 г., а 6 июля того же года Александр обвенчался с Долгорукой; старший сын царя и Долгорукой родился в 1872 г. П. И. Бартенев, знавший многое из интимной жизни Романовых, сообщает, что Мария Александровна — незаконная дочь камергера Гранси. Когда князь А. Ф. Орлов перед женитьбой Александра Николаевича доложил об этом Николаю первому, император сказал ему: «А мы-то с тобой кто? Пусть кто-нибудь в Европе попробует сказать, что у наследника русского престола невеста незаконнорожденная». А. Ф. Орлов был внебрачный сын одного из братьев фаворита Екатерины второй. Законность рождения отца Николая первого, императора Павла I, также подвергалась сомнению. *С. Щ.*

Настояние Бобринского на передачу дороги Мекку, а не Ефимовичу и Викерсгейму, объясняется следующим образом. Последние, уверенные обещаниями, что дорога должна быть отдана им, и вполне обеспеченные тем, что с ними постановили все условия и взяли условленный уставом общества залог, перестали хлопотать в министерствах. В это время Мекк заявил свои, более выгодные условия, через состоящего при министре путей сообщения полковника Золотарева. Доступ к нему был облегчен Мекку инженером Духовским, с которым Мекк давно был дружен. Духовской состоял при мне чиновником по особым поручениям по должности начальника управления железных дорог и за его замечательные способности был мною весьма отличен.

Золотарев, желая через Духовского побудить меня к усиленной защите его предположения о новом направлении железной дороги на Севастополь, а по отъезде больного Владимира Бобринского за границу, опасаясь, что я останусь министром, хотел удержаться на месте через Духовского, с которым вскоре сошелся так, что, не будучи прежде вовсе знаком, начал в разговорах с Духовским употреблять дружеское «ты».

При выходе моем из министерства, Духовской также вышел в отставку. Дружеское же обращение с Золотаревым дало ему возможность предложить последнему уговорить Бобринского написать Шувалову в Эмс вышеупомянутое письмо с тем, что Духовской в то же время поедет сам в Эмс и лично объяснит Шувалову, что лица, которым обещано дать деньги за

получение концессии, все равно получат их от Ефимовича или от Мекка, но что последний, как известный строитель и капиталист, представляет более уверенности в исправном исполнении принимаемых им на себя обязанностей и что, через выдачу концессии Мекку, прекратится общее неудовольствие, возникшее по случаю распространенных слухов, что дорога отдается Ефимовичу * по личной инициативе государя *.

В это время сделался всемогущим у Алексея Бобринского директор департамента общих дел министерства путей сообщения Гейнс. Золотарев прекратил с последним вражду и, напротив, очень сошелся. Они вместе и, конечно, по получении значительных сумм от Мекка уговорили Бобринского написать письмо Шувалову, а Духовской отправился в Эмс для объяснений с Шуваловым и с клевретами княжны Долгоруковой.

Мне неизвестна сумма, данная Мекком этой партии, согласие же на отдачу дороги Мекку было дано только с условием, чтобы Бобринский отдал Лозово севастопольскую дорогу Губонину, которому и поверстная стоимость на эту дорогу назначена довольно значительная и, что еще важнее, весь капитал общества гарантирован в противность условий, предъявленных всем, объявлявшим желание принять на себя означенную дорогу. Губонин, конечно, заплатил тем же лицам большую сумму. * Медленность же утверждения государем положения комитета министров об отдаче этих дорог Мекку и Губонину и неудовольствие на Бобринского при этом утверждении объясняется тем, что государю все же

неприятно было изменить свое приказание, сделавшееся общеизвестным. Сверх того поводом к этой медленности и неудовольствию могло быть и письмо Адлерберга из Карлсбада, если только таковое им действительно было написано *.

Еще в начале 1871 года, после 40-летней службы моей в ведомстве путей сообщения, а в том числе 10-летней при железных дорогах, я ничего не знал положительно о взятках, даваемых при получении концессий на железные дороги. Доходили до меня смутные об этом слухи, но я большею частию им не верил, и вдруг в начале 1871 года передо мною разоблачается картина этих злоупотреблений, * в которых принимает участие сам государь *. Картина эта до того грязна, что, несмотря на представляемый ею интерес, я от нее отвернулся и не разглядывал ее подробностей и потому не могу дать ясного и точного ее описания. Как бы дорого я дал совсем не видать ее и не иметь о ней понятия! * До настоящего года я полагал, что в России есть по крайней мере одна личность, которая, по своему положению, не может быть взяточником и грустно разочаровался *.

Все говорят теперь, что Алексей Бобринский недолго останется в настоящей должности. Я противного мнения. [1] Подобные люди умеют держаться на местах. * Он готов исполнить всякое приказание, какие бы злоупотребления в нем ни заключались; сверх того он готов действовать

[1] Писано в сентябре 1871 года. Я ошибся: Алексей Бобринский уволен в июле 1874 года. *Авт.* См. ниже, главу 12-ю, стр. 513 и др. *С. Ш.*

и грубо нахально совершенно так, как деятели времен Аракчеева и его учеников *.

Я был невольным свидетелем * подобного исполнения приказания, данного государем А. Бобринскому *.

По окончании Рыбинско-бологовской дороги, поставщики и рабочие не были удовлетворены платою. Они в октябре 1870 года жаловались всем властям. Я их обращал во вновь учрежденные суды. Шувалов говорил мне, что казне следовало бы уплатить поставщикам и потом взыскать деньги с кого следует. Я не разделял его мнения и присовокупил, что денег на уплату не имею. Он обратился к Рейтерну, который подтвердил правильность моих слов и присовокупил, что подобная уплата казною долгов частного железнодорожного общества была бы дурным прецедентом. Шувалов тогда доложил государю, который призвал Алексея Бобринского, * как генерала, состоящего в свите его величества *, и поручил ему требовать удовлетворения рабочих.

Бобринский, заехав ко мне, как к управляющему тогда министерством, для объявления о полученном от государя приказании, нашел у меня Николая Киреева, председателя правления общества Рыбинско-бологовской дороги. Чтобы заставить его заплатить поставщикам и рабочим, он наговорил последнему дерзостей, угрожал немедленным арестом в полиции и т. п., так что я вышел из кабинета, оставив их одних продолжать непривычную для меня беседу.

По возвращении Владимира Бобринского, Алексей Бобринский рассказал ему с хвастовством

о своих поступках с Киреевым. Владимир Бобринский не одобрял их и очень совестился предо мною * в том, что есть Бобринские, способные на подобные проделки *.

Сверх тщеславия, которым преисполнен Алексей Бобринский и для удовлетворения которого все средства хороши, лишь бы удержаться на месте, он для достижения этого имеет деятельных помощников в лицах ему приближенных, которые, сверх тщеславия, надеются понажиться от занимаемых ими должностей, что при нахальстве их не представляет затруднений.

Расскажу ничтожные, но весьма характеризующие, вполне мне известные два случая их нахальства.

Гейнс, которого А. Бобринский почитает умнейшим человеком, обо всем с ним советуется и посылает своих ближних подчиненных также советоваться с ним, имел нахальство предложить учредителям Московско-курской железной дороги создать особое место директора правления этого общества в Петербурге и назначить на эту должность знакомого Гейнса, служащего в министерстве государственных имуществ, действительного статского советника Корниловича, говоря, что ему можно назначить небольшое содержание тысяч пять в год. По мнению Гейнса, это содержание небольшое для человека, который ничего не будет делать. Учредители общества ему в этом отказали, но другие правления не посмели бы отказать.

Другой случай мне известного нахальства состоит в следующем. Общества железных дорог выдают, по их усмотрению, разным лицам, споспе-

шествовавшим учреждению общества или постройке дорог, золотые жетоны, которые дают право получившим их даром ездить по дороге общества, выдавшего жетон. По Московско-курской дороге, в подражание этому обычаю, выданы были такие же жетоны от министерства. Гейнс, конечно, не был в числе тех, которые их получили, так как он никакого отношения к постройке этой дороги не имел.

После покупки этой дороги частным обществом, А. Бобринский прислал бумагу в правление общества, в которой просит выдать подобные жетоны нескольким лицам, не имевшим никакого отношения к постройке дороги, и в том числе Гейнсу. Правление, во избежание ссоры, согласилось. Подобных нахальетв никто прежде себе не позволял. Беда, когда высшие лица, или наиболее к ним приближенные, будут брать взятки от обществ железных дорог и вообще дозволять себе разные от них нахальные требования.

Описание всего замечательного, случившегося в последнее трехмесячное управление мною министерством путей сообщения, потребовало бы слишком много времени, и я полагаю достаточным упомянуть о самом важном действии министерства за это время, а именно, о продаже Московско-курской железной дороги частному обществу.

Николаевская железная дорога при казенном управлении приносила незначительный доход и потому в 1868 году она уступлена частному обществу. Между разными конкурентами на Николаевскую железную дорогу самыми серьез-

ными были: главное общество железных дорог и товарищество московских капиталистов. Условия последнего были выгоднее, за него стояло общественное мнение и почти все правительственные лица.

Накануне совета министров, бывшего в мае 1868 года под председательством государя в Царском селе, все были уверены, что Николаевская дорога будет продана товариществу, или останется еще несколько времени в казне, но не достанется главному обществу. Государь, * в противность большинству членов совета *, основываясь на заключении министра финансов * к общему удивлению присутствовавших * решил продать Николаевскую дорогу главному обществу.

Рейтерн впоследствии объяснял мне эту меру необходимостью поддержать цену акций главного общества, чего, по его мнению, можно было достигнуть только уступкою этому обществу Николаевской дороги, но тогда же заявил товариществу московских капиталистов, что он готов вознаградить его за понесенную неудачу уступкою Московско-курской дороги.

В 1869—1870 годах потребовались значительные суммы для увеличения числа станций этой дороги и их принадлежностей и подвижного состава, на замену дурного балласта и поврежденных уже на большом протяжении рельсов, несмотря на их недавнюю укладку, и на многие другие исправления. Не было надежды, чтобы эта дорога, при порядках казенного управления, могла давать настоящий доход, и потому решено было ускорить ее продажу. Рейтерн и В. Бобринский вступили немедля в переговоры с товари-

ществом московских капиталистов, но последний несовсем охотно. Он был убежден, что по выгодности Московско-курской дороги нет надобности обществу, которое купит дорогу, дозволять выпуск акций и облигаций для образования капитала общества, а что за нее общество может заплатить чистым золотом 50 миллионов руб. и более, без выпуска каких-либо бумаг, т. е., одним словом все то, что на нее издержано со всеми процентами на употребленный капитал. Он уверял, что получил много таких обещаний от англичан. Это ясно показывает, до какой степени В. Бобринскому было мало известно положение денежных рынков.

К концу 1870 года условия продажи были согласованы между обоими министрами и товариществом и оставалось только окончить формальности по этому делу, когда правление общества Курско-киевской железной дороги заявило, что оно также желает купить Московско-курскую дорогу и просило повременить ее продажею до созвания общего собрания этого общества, аправильнее сказать до того времени, пока председатель правления Иван Григорьевич фон-Дервиз спишется с братом своим Павлом Григорьевичем, значительным акционером, живущим в Ницце, и получит согласие последнего на такую покупку. Продажа дороги была отложена, но Рейтерн и В. Бобринский общим докладом тогда же испросили высочайшее повеление уступить Московско-курскую дорогу или товариществу московских капиталистов, или обществу Курско-киевской дороги, с целью не допустить к покупке * приобревшего гнусным образом на Николаевской

дороге десятки миллионов рублей гражданина северо-американских штатов * Уайнанса или какое-либо другое иностранное общество.

Товарищество московских капиталистов уже тогда заявляло свое неудовольствие на допущение конкурента, так как оно согласилось без противоречий на все предложения, которые выставлялись обоими министрами, и было ими уже вполне обнадежено. Согласия Павла фон-Дервиза на покупку Московско-курской дороги не последовало и правление общества Курско-киевской дороги в конце февраля 1871 года уведомило В. Бобринского, что общество не находит для себя выгодным покупку Московско-курской дороги на условиях, предложенных товариществу московских капиталистов.

Это уведомление было получено В. Бобринским уже во время его болезни и он передал его мне, сказав, что он в последнее время возымел надежду, что, при его управлении министерством, Московско-курская дорога может давать доход, что он очень привязался к управлению этой дороги и что жаль ему ее продать, но что так как в этом нельзя убедить Рейтерна и дело проведено слишком далеко, чтобы его можно было изменить, то он просил меня его скорее окончить. Решение этой продажи в возможно скором времени было необходимо, потому что управление дорогой шло дурно, и этому одною из причин была неуверенность служащих, останутся ли они при своих местах после продажи.

Главным руководителем переговоров с правительством, по покупке дороги, товарищество избрало одного из своих членов Феодора Василь-

евича Чижова, не капиталиста, но человека благородного до мозга костей, весьма умного и опытного по управлению железными дорогами, что он выказал при управлении Московско-ярославской железной дорогой.

Дружеские отношения Чижова со мною были поводом к тому, что некоторые мне преданные лица советовали помедлить окончанием продажи или до возвращения В. Бобринского, или до того времени, как мое положение в министерстве путей сообщения разъяснится.

Я находил таковую осторожность излишнею. Я ни для чего бы не испортил дела, мне порученного, а Чижов не только не потребовал бы этого, но если бы заметил во мне к тому наклонность, то, конечно, лишил бы меня своей дружбы. Сверх того, самая продажа была выгодна для правительства и откладывать ее, как выше изложено, было неудобно, а Рейтерн на это откладывание не согласился бы. Чижов в продолжение своих переговоров, веденных с Рейтерном и В. Бобринским, никогда не говорил со мною о покупке Московско-курской дороги, чтобы избавить меня от всяких объяснений с ним по этому предмету, а по вступлении моем в управление министерством, товарищество московских капиталистов назначило на его место для переговоров с Рейтерном и со мною Горбова и Мамонтова. Главное мое настояние в переговорах состояло в том, чтобы тариф перевозки грузов по дороге не мог быть возвышен товариществом против существовавшего во время продажи. Товарищество на это не согласилось. Горбов и Мамонтов мне указывали, что при прежних переговорах

товарищества Рейтерн и Бобринский согласились, чтобы о тарифе перевозки в условиях продажи было сказано то же, что говорится во всех уставах. Видя, что товарищество при этом получило бы право значительно возвысить тариф перевозки, я вышесказанные мои условия постоянно ставил, как sine qua non продажи, и товарищество принуждено было на них согласиться.

Я не буду входить в подробное описание выгод, соблюденных при продаже Московско-курской дороги. Ограничусь только замечанием, что это первая значительная продажа казенного имущества, которая произведена не только не в убыток, но с получением капитала более того, который на него употреблен, со всеми наросшими на него процентами, и что это едва ли не первое значительное по сумме дело с казною, при котором не потребовалось давать кому-либо взяток.

Московское товарищество капиталистов начало хлопотать о покупке Московско-курской дороги еще в 1869 году [1]. В самом начале хлопот по этому делу раза три являлись к Чижову разные лица с требованием миллионов рублей для приведения этого дела к концу. После того они являлись с такими же требованиями к его компанионам.

[1] В товариществе этом участвовали: Ф. В. Чижов, Т. С. Морозов, М. А. Горбов, А. Н. Мамонтов, В. Н. Рукавишников, И. А. Лямин, В. М. Бостанжогло, С. И. Мамонтов с братьями и Н. Д. Бенардаки. Из расчетов, выведенных в докладе Дельвига комитету министров, видно, что правительство могло получить от этой операции около четырех миллионов рублей чистой прибыли. *С. Ш.*

Чижов объявил этим господам, что он не войдет с ними ни в какие сделки для приобретения дороги, а будет вести дело чисто; компаньонам же своим объявил, что если узнает о какой-либо взятке, ими данной или обещанной, то откажется от участия в покупке дороги. Рейтерн, которому ни Чижов и никто из его компаньонов не говорил об означенных требованиях, узнав о них, спрашивал Чижова, насколько в этих слухах правды. Чижов рассказал все, как было, и сказав Рейтерну, что он ни в какие незаконные сделки ни с кем никогда не вступал, дал слово, что и в этом деле в таковые не вступит, а если его компанионы поступят иначе, то он откажется от участия в деле.

Впоследствии Губонин просил Чижова, чтобы и его включить в число членов товарищества. Чижов был готов на это, но отвечал, что должен, по получении письменного от Губонина предложения, представить его своим компанионам. Между тем Рейтерн, узнав, что с Губониным участвует граф Адлерберг, так что дело без взяток не обойдется, начал дурно принимать члена товарищества Горбова и, по просьбе последнего объяснить причину такого приема, сказал, что он надеялся на слово, данное Чижовым, но что слово это не сдерживается.

Когда Чижов, бывший в это время в Москве, узнал об объяснениях Рейтерна, он написал последнему письмо, в котором подтверждал, что он не изменит своему слову, а Губонину, написал, что так как прошло уже более месяца с тех пор, как последний обещал прислать свое пись-

менное предложение и его не присылает, список же всех членов товарищества уже представлен Рейтерну, то Губонин не может быть включен в число членов товарищества. Рейтерн отвечал Чижову, что он ему верит, и снова изменился к лучшему в отношениях своих к Горбову. Само собою разумеется, что Адлерберг и другие лица, надеявшиеся через Губонина получить от товарищества значительные суммы, были этим очень недовольны.

Впоследствии к Горбову и Мамонтову приходили посланные * от приближенных к государю * с заявлением, что если они не получат от товарищества полутора миллиона рублей, то хотя бы дело их было представлено обоими министрами и одобрено комитетом министров, то все же * государь его не утвердит *. Но товарищество, несмотря на эти угрозы, продолжало действовать согласно обещанию, данному Чижовым Рейтерну. Впрочем, * приближенные государя *, получающие миллионы рублей от разных казенных операций в первой половине мая еще не знали об окончании продажи Московско-курской дороги и досада их и приближенных Бобринского на совершившуюся продажу обнаружилась следующим образом.

Инспектор Петербурго-варшавской железной дороги, инженер Адамович встретил Владимира Бобринского в Вержболове при возвращении его в мае из-за границы. Бобринский уже поговорил с Золотаревым, выехавшим также к нему навстречу, спросил Адамовича, продана ли окончательно Московско-курская железная дорога следовательно надо полагать, что Золотарев в то

время не знало о совершенном окончании продажи. При первом свидании со мною, Бобринский меня спросил, кончена ли продажа, и на мой утвердительный ответ сказал, что этого никто не знает. Через три дня он опять меня спросил о том, что верно продажа дороги не вполне окончена, так как Шувалов ничего об этом не знает. Я ему повторил мой ответ, что продажа дороги кончена, что представление о ней рассматривалось в комитете министров при Шувалове и потому непонятно, как он не знает о решении этого дела, и что положение комитета министров об этой продаже, согласно с большинством мнения его членов, вполне одобривших общее представление мое и Рейтерна, уже высочайше утверждено. Незнание Шувалова о продаже дороги доказывает только, как мало интересуются государственными делами люди, если в этих делах они не предусматривают личных выгод.

Несмотря на выгодность продажи, в то время старались очернить меня предположением о том, что я из личных выгод поторопился продажею дороги, за которую товарищество дало мне $1^1/_2$ миллиона, но я пользуюсь таким хорошим общественным мнением, что подобный рассказ почти всеми почитается клеветою и он передается только приближенными Бобринского, а им верят не многие. Но нельзя сказать, чтобы никто не верил. Конечно, люди судят по себе, а ведь немногие упустили бы случай нажиться при подобной продаже. Уже в половине мая в Москве и в конце мая в Воронеже нашлись добрые люди, которые рассказали сестре моей А. И. Викулиной, что многие говорят о взятке, полученной

мною с товарищества за продажу дороги. Сестра, при первой встрече с Чижовым, не могла выдержать, чтобы не выразить ему в моем присутствии, насколько она была оскорблена этими слухами, сказав, что она желает, чтобы эта продажа была делом полезным, хотя оно причинило мне неисчислимый вред.

Я уже упомянул, что цена, за которую уступлена дорога, была определена Рейтерном и В. Бобринским до вступления моего в управление министерством путей сообщения, так что я нисколько не отношу к себе выгодности этой дороги.

Адлерберг, при проезде с императрицей в августе 1871 г. по Московско-курской дороге, всячески выказывал свое неудовольствие членам товарищества, сопровождавшим поезд государыни, а Алексей Бобринский распускал слухи, что и государь недоволен продажею дороги товариществу московских капиталистов * и будто бы выражался этими словами: «чорт знает, какому товариществу продали дорогу» *. Не понимаю, на каком основании А. Бобринский вообще выказывает товариществу свое неудовольствие.

Выше я сказал, что в комитете министров произошло разногласие по делу о продаже Московско-курской дороги. Председатель комитета князь Павел Павлович Гагарин был один против продажи. Все министры, а равно граф Сергей Григорьевич Строганов, который по званию председателя комитета железных дорог постоянно приглашался в комитет министров для обсуждения железнодорожных уставов и концессий, были в пользу представления.

Князь Гагарин всегда пользовался по делам железных дорог советами некоего авантюриста Перозио, который вследствие этого срывает взятки с железнодорожных деятелей, имеющих дела в комитете министров. Перозио ничего не получил с товарищества московских капиталистов, и потому понятно, что Гагарин был против товарищества. Он приказал не назначать представления о продаже к обсуждению в первое заседание комитета после получения представления, а отложил его на неделю, чтобы иметь время испросить высочайшее разрешение на приглашение в комитет министров, для обсуждения продажи дороги, бывшего министра путей сообщения Мельникова, осведомясь предварительно, что Мельников будет сильно стоять против продажи, а вместе с тем чтобы дать время образоваться новой компании, которая конкурировала бы товариществу московских капиталистов в покупке дороги.

В следующее заседание комитета министров явился в него Мельников и в оном прочтено было поданное почетным гражданином Поповым и князем Голицыным, внуком известного в Москве богача князя Сергия Михайловича Голицына, тожественные на имя Гагарина, мое и Рейтерна прошения о продаже им дороги с тем, что они дают, сколько мне помнится, полтора миллиона руб. более товарищества.

Мельников сильно поддерживал Гагарина в том, что вообще не следует передавать железных дорог в руки частных обществ, что вся Европа теперь это поняла и что даже великобританское правительство готовится вскоре купить у частных

обществ все железные дороги, устроенные в Великобритании. Откуда он почерпал эти сведения, осталось неизвестным.

Переходя от общего вопроса о принадлежности железных дорог частным обществам, Мельников перешел к вопросу о продаже Московско-курской железной дороги, отвергал выгодность продажи тем, что доход с нее, по недавнему существованию, еще не вполне выяснился, что, принимая в соображение производительность местности, он будет весьма значителен со временем, а расход на содержание ничтожен, вследствие ее прочности, замечательной, по его мнению, в такой степени, что дорога эта может служить образцом не только всем русским дорогам, но и дорогам всего мира. К этому он присовокупил, что слова его о доходности дороги и потребности малого расхода уже оправдываются первыми годами эксплоатации. Государственный контролер Абаза заметил при этом, что, к сожалению, по сведениям, имеющимся в контроле, первый год эксплоатации показал необходимость значительных расходов, которые в 1870 году поглотили если не весь, то почти весь доход, и присовокупил, что эти сведения должны быть мне известны подробно.

Я подтвердил слова Абазы подробным указанием доходов и расходов. Мельников возразил, что за расходование столь значительных сумм следовало сменить начальника дороги. В комитете министров, конечно, каждый член имел право судить о представленном деле, но отнюдь не имеет права входить в распоряжения министра по назначению или смене ему подчиненных лиц, а потому, после подобного, неприятного заме-

чания со стороны Мельникова, я полагал своею обязанностию заявить комитету министров, что причиною значительных расходов—дурная постройка дороги и что начальника дороги Клевецкого, не участвовавшего в ее постройке, не только не следует винить за израсходование сумм на приведение дурно построенной дороги в порядок, а благодарить его за то, что он настоял на том, чтобы суммы, необходимые на исправление дороги, были ассигнованы, и за правильное их употребление.

Необходимость этих исправлений была очевидна, так как в зиму 1869—1870 года не проходило ни одного дня без схода с рельсов одного или нескольких поездов[1], тогда как, принятыми начальником дороги мерами, эксплоатация в зиму 1870—1871 года производилась превосходно, несмотря на сильные морозы и метели. На вопрос Мельникова, в чем состояли исправления, я отвечал, что рельсы, заготовленные при постройке дороги, не прослужив двух лет, а многие и одного года, пришли в совершенную негодность, а на балласт, вместо песку, была на больших протяжениях употреблена глина, что даже было замечено в журнале освидетельствования[2] дороги, что начальник дороги успел все переменить, не останавливая движения, несмотря иа то, что в то же время на половине протяжения дороги должен был класть второй

[1] Вследствие этих случаев Московско-курскую дорогу не иначе называли, как костоломкою. *Авт.*

[2] Это освидетельствование производилось в бытность Мельникова министром, но замечания, при оном сделанные, оставлялись им без последствий. *Авт.*

рельсовый путь, а что означенные исправления действительно произведены, то не только доказывается улучшением движения по дороге, но может быть всегда обследовано на месте.

К этому я прибавил, относительно строителя дороги что он уже сменен. Это последнее выражение, относившееся к строителю дороги генерал-майору Семичеву, Мельников мог принять на свой счет, так как он постоянно говорил, что дорогу строил он сам. На этом прекратились наши пререкания, потому что Мельников не мог противоречить очевидности. Строителя дороги Семичева выбрал Мельников и постоянно выставлял его не только лучшим, но единственным в России инженером. Негодные же рельсы ставил по контракту, заключенному в министерстве, иностранец Букье, незадолго женившийся на девице Викторовой, жившей до замужества с своей сестрой, свояченицей Мельникова, а по назначении его министром, его свояченица с сестрой переехали к нему в дом министерства путей сообщения [1].

Я нисколько не хочу этим указать на какие-либо злоупотребления Мельникова: мне приятно считать его в числе людей, если не добросовестных, то по крайней мере не берущих взяток. Я приписываю это апатии Мельникова и неуместному самолюбию, не допускающему его согласиться с тем, что он ошибся в выборе людей. Добросовестным же я его не считаю, что видно из многих моих о нем рассказов;

[1] Конец 1826 и начало 1827 годов я провел в доме Викторовых; дочь их вышла впоследствии за брата Мельникова Александра Петровича. *Авт.*

теперь приведу еще следующий замечательный факт.

Неделю спустя после описанного мною заседания комитета министров, Мельников встретил Клевецкого, начальника Московско-курской дороги, и сказал ему, что он должен считать себя счастливым, что Мельников был приглашен в заседание комитета министров, в котором рассматривалось дело о продаже Московско-курской дороги, где он успел его защитить, иначе было бы ему очень дурно. Клевецкий в этот же день мне рассказал это, прибавив, что ему уже было известно все происходившее в комитете, и он, озадаченный такою дерзкою ложью, не нашелся ничего ответить. Какая цель была этой лжи, не понимаю.

Гагарин и Мельников в заседании комитета настаивали на том, что, и в случае продажи дороги, она должна быть продана Попову, предлагающему более выгодную цену, хотя им ничего не было представлено в доказательство исправности уплаты. На это Рейтерн возразил, что по высочайше утвержденному докладу его и Бобринского предназначено продать дорогу или товариществу московских капиталистов, или обществу Курско-киевской дороги, и что затем никакие заявления о покупке дороги другими лицами не могут быть принимаемы. Что же касается до предложения Попова, то Рейтерн видел его накануне и на вопрос, знает ли он, в чем состоят условия продажи, Попов сознался в совершенном их незнании. Поэтому Рейтерн полагал, что с подобным покупщиком, надбавляющим продажную сумму, которая ему, равно как и все прочие условия продажи, не-

известна, не следует ни в каком случае входить в какие-либо соглашения.

За три дня до слушания представления о продаже Московско-курской дороги в комитете министров, Попов и к° приезжали к Чижову в Москве и требовали участия в деле, или отступных, угрожая предложить более высокую цену, и, получив отказ от Чижова, прибыли в Петербург накануне слушания означенного представления в комитете министров, не имея понятия об условиях продажи, соглашенных с товариществом московских капиталистов.

Заседание комитета министров, в которое был приглашен Мельников, кончилось вопросом к нему Гагарина, что так как весь комитет, за исключением их, Гагарина и Мельникова, единогласно одобряет представление мое и Рейтерна о продаже Московско-курской железной дороги, то он присоединяется к этому единогласному мнению, если на то же согласится Мельников. Но последний возразил, что в таком случае он, не будучи членом комитета, мог бы не подписывать журнала заседания; если же он обязан его подписать, то желает, чтобы его мнение было изложено в журнале, что и было исполнено, так что в оном было два мнения совершенно противоположные: одно Гагарина и Мельникова, а другое всех министров и графа Строганова.

Для окончания этой главы «Моих воспоминаний» мне остается только вкратце рассказать о том, где я перебывал в последние семь месяцев 1871 года.

Главное общество железных дорог 8 июня дало мне в распоряжение для проезда в Варшаву прекрасный вагон из, так называемых, варшавских, а общество Варшавско-венской и Бромбергской дорог, для проезда до австрийской границы, — один из вагонов, устроенных им для проезда императорской фамилии.

Наместник в царстве Польском, граф Берг, узнав, что я остаюсь в Варшаве только несколько часов, прислал нарочного на станцию железной дороги просить меня заехать к нему в дорожном платье. Личность Берга принадлежит истории и потому многие, более знакомые с этой личностью и более искусные, конечно, опишут ее, а я ограничусь только рассказом, что вызывал меня к себе он из любопытства узнать причины моего выхода из министерства. Заметив, хотя из весьма краткого и туманного моего рассказа, что я вышел по неудовольствию государя, он, не видя более во мне власти, не продолжал разговора об этом предмете и только приглашал меня ехать обратно непременно через Варшаву и в то время у него обедать, так как, по его словам, мне известно, как он меня любит и как он ценит всякий час, проведенный со мною. Эти любезности очень обыкновенны у Берга.

В Праге я остановился в гостинице «Черный конь», которою остался очень доволен. В один день, проведенный мною в этом городе, я мог осмотреть его только поверхностно. Многие из его улиц поражали меня своим великолепием. Виденные мною древности, католические церкви, еврейская синогога и древнее еврейское кладбище достойны особенного внимания. Вообще

вид города и его окрестностей произвел на меня самое приятное впечатление. Из Праги поехал я по железной дороге до Колютау, а отсюда в коляске до Карлсбада, так как железная дорога на этом протяжении еще строится. Местность прекрасная, но я ее почти не видал: все время шел дождь и было холодно так, что коляска, в которой я ехал, была совсем закрыта.

В Карлсбаде я был в пятый раз. В каждое мое посещение Карлсбада я находил в нем все более и более русских. В сезон 1871 года было их очень много; тут была и высшая аристократия, и богатое купечество, и бедные люди. Представители всех высших государственных учреждений России были налицо. Генерал и флигель-адъютантов было столько, что незачем было бы иметь большего числа и во всей России.

Пребывание в Карлсбаде всегда скучно, еда дурная, но с увеличением числа русских гостей еда с каждым годом улучшается. В это посещение я не так скучал, благодаря в особенности присутствию Цицурина и тому, что я нашел в Карлсбаде дочь моего покойного двоюродного брата, поэта барона Антона Антоновича Дельвига, Лизу и сестру ее по матери Александру Сергеевну Боратынскую, которых я очень люблю и давно не видал. С Цицуриным я много ходил и ездил по окрестностям.

17 июля я выехал из Карлсбада в Ишль. Цицурин провожал меня до Егера, откуда мы с ним ездили во Франценсбад, где он желал видеть бывшего министра императорского двора графа Владимира Федоровича Адлерберга и с.-петер-

бургского обер-полицииймейстера генерал-адъютанта Трепова. К последнему заходил и я, он только что оправлялся от страшной операции, которую ему сделали в Берлине, и полагал скоро ехать в Петербург, не зная, что ему вскоре должно будет подвергнуться новой операции. От него это скрывали с тем, чтобы дать время ему окрепнуть после испытанных им страданий, но это такой энергичный человек, что с ним подобные предосторожности кажутся излишними. Обедал я в Франценсбаде у Стояновских, с которыми часто виделся в Карлсбаде, где жена Стояновского в 1871 г. пила воды. Они пришлись мне по сердцу. С мужем, бывшим товарищем министра юстиции, а теперь сенатором, я был знаком прежде, но с женою, урожденною Олениной, познакомился только в Карлсбаде.

По званию моему сенатора и члена комитета железных дорог[1] и по нахождению в инженерном корпусе, я нашел нужным, по возвращении из отпуска, быть у министра юстиции графа Палена, у председателя комитета железных дорог графа Строганова и у военного министра Милютина.

Графа Палена я нашел весьма расстроенным. Он целый час говорил о неудовлетворительном, по его мнению, ходе процесса политического преступника Нечаева, наделавшего столько шуму. Видно было из его слов, что государь очень недоволен и ходом этого процесса в судебной палате, и приговорами ее, а так как Пален

[1] Позже объяснилось, что я более не член этого комитета. *Авт.*

настоял, как говорили, чтобы процесс был веден по новым судебным уставам, то, конечно, на него и пало все неудовольствие [1].

Процесс этот, конечно, будет всегда памятен, как первый политический процесс, веденный обыкновенным законным порядком, и я его описывать не буду. Я намекнул Палену, что полагаю быть назначенным для присутствования в первый департамент сената, но он возразил, что туда недавно назначен сенатор Петерс, а я назначаюсь в межевой департамент. Я не противоречил: мне было все равно, в каком бы департаменте сената ни кончить мою службу.

Милютин выразил мне и удивление, и неудовольствие, говоря о назначении Алексея

[1] Дело Сергея Геннадиевича Нечаева заключалось в следующем. Принимавший деятельное участие в студенческом движении 1868—1869 г.г. вольнослушатель Петербургского университета С. Г. Нечаев в начале 1869 г. появился в Женеве, заявляя, что удачно бежал из-под ареста. В Женеве он сошелся с М. А. Бакуниным и при его содействии издал ряд прокламаций. В конце 1869 г. он вернулся в Россию и организовал при Московской (Петровской) земледельческой академии революционный кружок «Народная расправа». 21 ноября 1869 г. с группой студентов академии убил студента Иванова, заявив товарищам, что подозревает последнего в измене общему делу. Скрылся заграницу, где вместе с Бакуниным выпускал разные революционные издания. В конце 1872 г. был выдан русскому правительству и 8 января 1873 г. приговорен моск. окр. судом к каторжным работам, но оставлен в Петропавловской крепости, где сумел распропагандировать жандармов. Умер в крепости в 1882 г. См. «Деятели революционного движения в России», словарь под ред. А. А. Шилова и М. Т. Карнауховой, т. I, ч. II, а также П. Е. Щеголев «Алексеевский равелин», М. 1929. *С. Ш.*

Бобринского и о моем удалении. Он присовокупил, что шеф жандармов Шувалов, конечно, не упустил случая, чтобы пилить государя наговорами на меня и, наконец, достиг цели.

11 сентября вошел ко мне лейб-медик Здекауэр с вопросом: «Зачем назначают сумасшедших министрами?» Я не понял, к чему был этот вопрос. По уходе же его прочитал, что 2 сентября Владимир Бобринский по прошению уволен от должности, а управляющим министерством назначен Алексей Бобринский. Итак, шуваловская партия достигла своей цели, но какими средствами? Она расстроила умственно и нравственно одного из своих — Владимира Бобринского, которого уже больного притащила из-за границы в Петербург для довершения своих происков и не поскупилась клеветами для очернения меня перед государем. Говорят, что Владимиру Бобринскому три раза предлагали взять назад просьбу об увольнении, но он не соглашался, отговариваясь болезнию, * а между тем, несмотря на некоторое расстройство умственных способностей, он постоянно говорил, что он в подобном бесчестном правлении не хочет быть ни министром, и ничем. Я в этом вполне узнаю его *.

16-го сентября я встретил в вагоне Царскосельской дороги Золотарева, который мне сказал, что был у Владимира Бобринского в Интерлакене и нашел его в гораздо худшем положении. На замечание мое, что, во время его приезда в мае, я нашел гораздо лучше и имел полную надежду, что здоровье его поправится, Золотарев мне сказал, что вытерпенные им неприятности по изве-

стному мне делу [отдача Ландварово-роменской дороги Ефимовичу] совершенно его расстроили, так что он не мог никого видеть в последние дни своего пребывания в Петербурге. Этим и объясняется, что он не видался со мною по возвращении из поездки с государем до Прусской границы и что он уехал не простясь со мною.

1-го сентября вернулся Чевкин в Петербург, две недели мы друг друга не заставали, и наконец, я его нашел дома 15-го сентября. Он мне объявил, что его беспрерывно просят уговорить меня вступить в совет главного общества железных дорог с тем, чтобы занять в нем место председателя, и что это очень желательно Чевкину. Граф Григорий Александрович Строганов, муж великой княгини Марии Николаевны, перед этим за неделю отказался от места председателя совета. Я отвечал отказом. Чевкин несколько раз принимался за тот же разговор, находя, что я обязан быть полезным России, но я продолжал решительно отказываться. Причина моего отказа — частию нежелание стать в какие бы то ни было отношения к Алексею Бобринскому и его приближенным, а еще более запущенность управления в главном обществе, которое, по моему мнению, требует совершенной реорганизации, чего достигнуть считаю слишком затруднительным.

Чевкин говорил мне, что обращались с просьбою принять это место к Петру Александровичу Валуеву, бывшему министру внутренних дел, который сам желает занять это место, но опасается принять его по следующей причине. В настоящее время вакантное место члена совета

замещается по выбору совета с тем, что выбранные лица должны быть утверждены баллотировкою в первом общем собрании акционеров, которое будет 15 мая 1872 года. Валуев опасается, что выбранный теперь советом, он будет забаллотирован общим собранием. На замечание мое, что это опасение напрасное, Чевкин отвечал, что он разделяет мнение Валуева и что, сверх того, Валуев, как председатель общества, будет бесполезен. С последним и я вполне согласен.

26-го сентября Колесов приезжал ко мне, чтобы предварить меня, что Н. Н. Сущов хотел заехать ко мне с предложением места члена совета. К этому Колесов прибавил, что еще в июне он предлагал членам совета в отсутствие Сущова выбрать меня на место отказывавшегося тогда графа Г. А. Строганова, что было общее к тому сочувствие, но члены совета из инженеров отклонили это предложение, опасаясь, чтобы В. Бобринский, с которым, как они полагали, я дурно разошелся и с которым совету надо жить в ладах, не принял этого за демонстрацию против него. В этом они ошибались, * но государь, может быть, был бы этим недоволен *. Колесов со своей стороны был уверен, что я с радостию приму предложение, но я решительно ему отказал и просил передать мой отказ Сущову.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1872—1876 гг.

По случаю двухсотлетнего юбилея дня рождения Петра великого назначено было устроить в Москве русскую промышленную выставку, которую открыть 30 мая 1872 года. Председателем комиссии по устройству выставки был назначен великий князь Алексей Александрович. Предполагалось, что, осмотрев в 1871 году Северо-американские штаты, он вернется к означенному времени в Россию. * Перед отъездом великого князя в Америку открылась его связь с жившей в Зимнем дворце любимою фрейлиною императрицы Жуковскою, дочерью известного поэта и воспитателя государя Александра Николаевича. Я не говорил об этом щекотливом предмете с воспитателем великого князя К. Н. Посьетом, и потому передаю об этой связи только по слухам, дошедшим до публики. Говорили, что Посьет предупреждал государя и государыню о том, что Жуковская завлекает великого князя, но они несерьезно отнеслись к этому предупреждению. Жуковская, сделавшись беременною, сама объявила об этом императрице, а великий князь настаивал на том, чтобы его родители дозволили ему жениться на Жуковской согласно данному им ей обещанию.

Ему было в этом отказано, а Жуковская отослана в Германию, где она родила сына; ей назначено значительное содержание. Посьету было поручено во время путешествия великого князя в Америку наблюдать, чтобы он не мог где-либо обвенчаться с Жуковской. Положение Посьета было затруднительно не в одном этом отношении *.

Морское министерство, имея вероятно в виду, что плавание великого князя продолжится не более полугода, оставило на судне, которое было назначено для этого плавания, старые котлы, так что Посьет должен был по прибытии в Америку их заменить новыми и произвести на судне многие другие исправления.

Посьет, уже по выезде из Петербурга, получил повеление о том, что путешествие великого князя должно продолжаться более 6 месяцев. Позднею осенью 1872 года дозволено было великому князю пристать к порту на восточном берегу Сибири, чтобы через нее возвратиться сухим путем, но в порте, в который вошли с большою опасностью, так как пришлось прорезывать лед, Посьет получил телеграмму с приказанием не возвращаться, а продолжать плавание по Тихому океану. Великий князь немедля с тою же опасностью вышел из порта. Только весною 1873 года дозволено было великому князю вернуться сухим путем через Сибирь в Петербург, куда он прибыл в июне этого года.

Во все двухлетнее путешествие * великий князь смотрел на Посьета как на тюремного сторожа, в особенности после сделанного им

открытия, что Посьет будто бы украдкою от него достает из ящиков его переписку с Жуковскою и сообщает содержание государю. Рассказ о похищении переписки я считаю, зная Посьета за честного человека, ложным; впрочем, может быть потому, что не будучи придворным не могу понять до какой степени простирается у придворных желание исполнять волю государя, если только такая воля была заявлена Посьету. Положительно известно только, что последний* постоянно писал донесения государю и даже государыне. В своих донесениях Посьет описывал обстоятельства плавания, так что государь узнавал о них ранее генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, который был этим недоволен, тем более, что он постоянно и прежде не любил Посьета.

За отсутствием великого князя Алексея Александровича, окрытие московской выставки было возложено на великого князя Константина Николаевича. Катер, носящий название «Дедушка русского флота», должен был быть отправлен на выставку. Он с торжественною церемониею был провезен по Неве до путиловской пристани, откуда по временной жел. дороге был перевезен на Николаевскую, по которой и доставлен в Москву.

Желая видеть Московскую выставку и получив между тем назначение присутствовать в сенате в вакантное время, я взял 10-дневный отпуск, чтобы воротиться до наступления означенного времени, начинающегося в половине июня.

В день открытия выставки, 30-го мая, погода была великолепная. Назначено было «Дедушку

русского флота» спустить на катер, стоявший близ впадения р. Яузы в р. Москву у Воспитательного дома. Я поехал туда. Вскоре приехал великий князь со свитою и после небольшой церемонии сел в означенный катер и поехал вверх по р. Москве до устроенной при выставке, против Кремля, пристани, по которой «Дедушка русского флота» был поднят с катера на приготовленное ему на выставке место. В это время я уже был на этой пристани. Народ везде бежал за экипажем великого князя. Громкое «ура!» не прекращалось. Лазили на деревья и кидали вверх шапки. Простого народа было в роще множество, но в экипажах, кажется, были только великий князь, его свита и я. Великий князь видимо был очень доволен. Многие толковали, что, вследствие его распоряжений во время наместничества в Польше, он дурно будет принят в Москве, но это предположение не имело смысла. Русский народ в великом князе видел только брата императора, и потому выказывал ему свою радость. Этому, впрочем, могло способствовать и то, что многие простолюдины знали, что великий князь был одним из главных деятелей по освобождению крестьян от крепостной зависимости.

В начале лета 1872 года приехал ко мне на царскосельскую дачу Александр Васильевич Головнин, бывший министр народного просвещения, а ныне член государственного совета. Он имеет свою дачу в Царском селе. Мы с ним задолго перед этим вместе обедали в Павловске у Алексея Степановича Горковенко. Я поспешил отдачею визита Головнину, и с того времени мы

довольно часто видались и в Петербурге, и в Царском селе. Он человек весьма умный и начитанный, а на его обедах я встречал всегда людей из высшего петербургского круга, а также ученых и журналистов.

В конце марта 1873 года К. В. Чевкин передал мне проект собора св. Владимира, строившегося в Херсоне на том месте, на котором, предполагают, великий князь Владимир принял крещение. Чевкин при этом сказал, что этот храм строится под особым попечением императрицы, но хотя на его постройку издержана уже значительная сумма, он воздвигается очень медленно и в постройке оказались значительные повреждения, а потому императрица желает, чтобы я уговорил Губонина, получившего в 1872 году концессию на постройку Лозово-севастопольской жел. дороги, принять на себя достройку храма за ту сумму, которая не была еще издержана. Только по этому случаю Губонин заехал ко мне. Он, поставляя мне на вид, что оставшейся суммы недостаточно на окончание постройки храма даже в том виде, как он был проектирован, а тем более для его достройки с теми улучшениями, которые при производстве ее Губониным он полагал необходимыми, объяснил, что его денежные обстоятельства не позволяют ему жертвовать довольно значительную суммою. Я однакож убедил его согласиться на пожертвование и об его согласии передал Чевкину для доклада императрице. После этого я ничего более не слыхал о постройке храма и даже * от императрицы * не была мне заявлена благодарность за мои хлопоты.

Расскажу о весьма распространенном в это время слухе, именно, о назначении меня министром путей сообщения, на место недавно утвержденного в этой должности графа А. П. Бобринского. Первую весть об этом в начале масленицы сообщил мне князь Сергей Алексеевич Долгорукий, статс-секретарь у принятия прошений и член государственного совета. Он хлопотал о скорейшем устройстве по избранному им направлению Донецкой каменноугольной жел. дороги, давно уже высочайше утвержденной, но постоянно откладываемой графом Бобринским. Долгорукий привез мне большие подробные карты местности. Объясняя их, он жаловался на Бобринского и просил, чтобы я дал этому делу скорейший ход. Я выказал удивление, что он обращается ко мне с подобною просьбою, тогда как ему должы быть известны мои отношения к Бобринскому, которого я никогда не вижу. Долгорукий отвечал, что не пройдет недели, как все это дело будет вполне зависеть от меня, и оставил у меня привезенные им карты местности с тем, чтобы я не забыл его просьбы.

Накануне отъезда в Москву, я зашел к Чевкиным. Меня приняла жена Чевкина и удививилась моему отъезду, тогда как я должен быть на-днях назначен министром путей сообщения. На мое замечание, что этот слух несправедлив, она меня просила пройти к ее мужу, который, конечно, мне скажет то же самое, а он никогда не передает ложных слухов.

При отъезде моем в Москву, на станции жел. дороги я встретил С. С. Полякова, который

приехал на станцию собственно для того, чтобы проводить меня, что меня весьма удивило. Он сказал мне, что я еду не во время, так как я на-днях буду назначен министром, и даже уговаривал отложить поездку. Поляков и вообще железнодорожные деятели всегда первые узнавали о подобных переменах, и потому надо полагать, что в этом слухе была доля правды, но повод к этому слуху и впоследствии остался мне неизвестен.

В одно время со мною (1873 г.) в Карлсбаде пил воды лейб-медик Сергей Петрович Боткин, который должен был на другой день моего отъезда из Карлсбада ехать к своей больной жене в Эмс. Я телеграммою просил позволения приехать с ним посоветоваться, на что он изъявил согласие, предваря, что через три дня выезжает в Париж. Пробыв несколько дней в Ишле, где ежедневно виделся с генерал-адъютантом Дмитрием Васильевичем Путятою, котораго после сделанной ему жестокой операции навещал в Вене, и много гулял с племянницею пешком и в экипаже по окрестностям,— я 31-го июля выехал с сестрою и племянницею в Эмс. Мы доехали в наемном экипаже до озера Гмундена. Нас перегнал наследный принц Рудольф, ехавший с своим наставником в коляске на встречу своего отца императора.

По приезде на пристань, мы нашли на ней несколько лиц местной власти, но ни военных, ни полиции, отгоняющей публику от места выхода императора на пристань, не было. Вскоре по нашем приезде подошел императорский

пароход, с котораго император сошел с одним адъютантом. Принц Рудольф при встрече поцеловал его руку. Сестра с дочерью и я стояли в трех шагах. Нас, а равно и других, бывших на пристани, никто не беспокоил. Невольно я сравнил этот простой прием австрийскаго императора с приездом нашего государя, котораго постоянно сопровождают несколько лиц, преимущественно военных и полицейских.

Император принял представлявшихся ему на пристани, сказав некоторым из них несколько слов, сел с сыном в коляску и поехал в Ишль.

Во Франкфурт мы приехали рано утром, где просидев несколько часов на станции жел. дороги в ожидании поезда в Эмс, в этот же день к обеду мы приехали в этот город. Я поспешил к С. П. Боткину, который сообщил мне, что он, во избежание неудовольствия местных врачей, не посещает больных в их помещениях, а принимает у себя на дому ежедневно, кроме воскресных дней, но так как постоянно много лиц приходят к нему за советом, то он примет, в виде исключения, мою племянницу в воскресенье, чтобы иметь достаточно времени заняться ее болезнию. Из того же, что я ему передал, он убеждался, что нет никакой опасности ей немедля возвратиться в Петербург. Когда я передал это племяннице, она до того обрадовалась, что видимо поздоровела. Она только и говорила о немедленном возвращении в Петербург. Идя к Боткину, она взяла с собою телеграмму, чтобы, если он согласится на ее возвращение в Россию, немедля уведомить мою жену о нашем скором приезде.

Боткин более часу расспрашивал мою племянницу о болезни и пришел к следующему заключению. По настоящему состоянию ее здоровья она могла бы немедля ехать в Петербург. Принимая же в соображение, что в случае, хотя весьма сомнительном, возобновления ранки на носу, лечение которой Боткин не советовал бы вверять никому, кроме венскаго доктора Гебры, и в виду того, что никакие дела не требуют присутствия сестры в России, он находит лучшим, чтобы она с дочерью провела еще одну зиму на юге, не очень удаляясь от Вены. Боткин, конечно, не мог знать, как тягостно было моей племяннице разочарование в возможности немедленнаго возвращения в Россию.

21 декабря 1873 года был дан государем рескрипт на имя министра народнаго просвещения графа Толстого, содержание, тон и редакция котораго меня чрезвычайно поразили. Привожу его здесь буквально:

«Граф Дмитрий Андреевич!

В постоянных заботах моих о благе моего народа я обращаю особенное мое внимание на дело народного просвещения, видя в нем движущую силу всякого успеха и утверждение тех нравственных основ, на которых зиждутся государства. Дабы способствовать самостоятельному и плодотворному развитию народного образования в России, я утвердил в 1871 и 1872 г., составленные согласно с такими моими видами, уставы средних учебных заведений вверенного вам ведомства, долженствующих давать вполне основательное общее образование юношеству, готовящемуся к занятиям

высшими науками, а не предназначающих себя к оным приспособлять к полезной практической деятельности. Заботясь равно о том, чтобы благое просвещение распространялось во всех слоях населения, я повелел учредить учительские институты и семинарии для приготовления наставников народных училищ, городских и сельских; вместе с тем самые училища эти должны получить указанное им правильное устройство и развитие, сообразно с потребностями времени и замечаемым в настоящую пору повсеместно в империи стремлением к образованию. Я надеюсь, что ожидаемое вследствие сего значительное размножение народных училищ распространит в населении, вместе с грамотностию, ясное разумение божественных истин учения христова с живым и деятельным чувством нравственного и гражданского чувства.

Но достижение цели, для блага народа столь важной, надлежит предусмотрительно обеспечить. То, что в предначертаниях моих должно служить к истинному просвещению молодых поколений, могло бы, при недостатке попечительного наблюдения, быть обращаемо в орудие нравственного растления народа, к чему уже обнаружены некоторые попытки, и отклонить его от тех верований, под сенью коих, в течение веков, собиралась, крепла и возвеличивалась Россия.

Как лицо, призванное моим доверием к осуществлению моих предначертаний по части народного просвещения, вы усугубите всегда отличавшее вас рвение к тому, чтобы положенные в основу общественного воспитания начала веры, нравственности, гражданского долга и основательность ученья были ограждены и обеспечены от всякого колебания. Согласно с сим, я вменяю в непременную обязанность и всем другим ведомствам оказывать вам в сем деле полное содействие.

Дело народного образования в духе религии и нравственности есть дело столь великое и священное, что поддержанию и упрочению его в сем истинно благом направлении должны служить не одно только духовенство, но и все просвещенные люди страны. Российскому дворянству, всегда служившему примером доблести и преданности гражданскому долгу, по преимуществу предлежит о сем попечение. Я призываю верное мое дворянство стать на страже народной школы. Да поможет оно правительству бдительным наблюдением на месте к ограждению оной от тлетворных и пагубных влияний. Возлагая на него и в сем деле мое доверие, я повелеваю вам, по соглашению с министром внутренних дел, обратиться к местным предводителям дворянства, дабы они, в звании попечителей начальных училищ в их губерниях и уездах и на основании прав, которые им будут предоставлены особыми о том постановлениями, способствовали ближайшим своим участием к обеспечению нравственного направления этих школ, а также к их благоустройству и размножению».

*Полагаю, что достаточно прочитать этот рескрипт, чтобы понять, почему он так сильно на меня подействовал *.

27 декабря при чтении листа «Петербургских ведомостей», в котором был напечатан рескрипт, вошел ко мне А. И. Баландин, которому я с негодованием указал на него. Баландин, отнесясь с тем же неудовольствием к рескрипту, нашел, что в третьем периоде его текста, в фразе: «а не предназначающих себя *к* оным приспособлять к полезной практической деятельности», подчеркнутое *к* лишнее, * но он

ошибался; безграмотность рескрипта однако же явная, если Баландин, превосходно знающий русский язык, не вдруг мог понять что читал.

По редакции рескрипта можно подумать, что он писан учеником низших классов среднего учебного заведения. Из рескрипта видно, что государь в такой степини печется о народных школах, что призывает свое «верное дворянство, всегда служившее примером доблести и преданности гражданскому долгу, стать на стражу (!) народной школы. Да поможет оно правительству бдительным наблюдением на месте к ограждению оной от тлетворных и пагубных влияний», так как школы, как выражено в другом месте того же рескрипта, «могли бы при недостатке попечительного наблюдения быть обращаемы в орудие нравственного растления народа, к чему уже обнаружены некоторые попытки, и отклонять его от тех верований, под сению коих в течение веков собиралась, крепла и возвеличилась Россия».

Но неужели государю * неизвестно, что народных школ почти нет в России, что то малое число школ, которые существуют в действительности, а не на бумаге, заведены или земством, — котораго большая часть членов из того же дворянства * к которому государь взывает в своем рескрипте *, или по убеждению мировых посредников, которые хотя и чиновники, но выбранные из того же дворянства и бывших помещиков, тоже дворян?

И где те несчастные школы, которые не будучи под бдительным наблюдением дворянства для ограждения их от тлетворных и пагубных

влияний, уже обнаружили попытки к нравственному растлению народа?

И почему *государь полагает, что* «российскому дворянству, всегда служившему примером доблести и преданности гражданскаго долга, по *преимуществу* предлежит о сем попечение?» Разве другие сословия менее преданы? * Он ошибается в этом или без всякой надобности притворяется, что ошибается*. И к чему было столь гласно заявлять *о своем* сомнении в преданности других сословий? Если же непременно хотели сделать *бесполезное* распоряжение о назначении местных предводителей дворянства попечителями начальных училищ и привести этоту мотивы, то не проще ли было призвать к этой обязанности означенных предводителей в виду того, что дворянство составляет самое образованное сословие *и не упоминать в рескрипте о тлетворном и пагубном влиянии, которому могут без их попечительного наблюдения подвергнуться народные школы?*

Самая форма, которою дворянство призывается к новой обязанности, необычайная. По существующему закону, подобные распоряжения, по рассмотрении их в государственном совете и высочайшем утверждении, передаются именными высочайшими указами правительствующему сенату, который и объявляет их во всеобщее сведение. Ясно, что в этом деле отступили от обыкновенного хода для того, чтобы придать ему большое значение. *Государь взывает в рескрипте к дворянству, но ведь подобные воззвания делались только или по слу-

чаю угрожавшей опасности государству или в весьма важных делах*.

Я припоминаю три подобные воззвания в продолжении 73 лет настоящаго столетия. Первое было по случаю занятия неприятелем в 1812 году нескольких западных губерний и приближения его к Москве; второе после открытия заговора в 1825 году, когда император Николай обращал внимание дворянства на дурное воспитание, которое оно дает своему молодому поколению, и наконец третье, по случаю освобождения помещичьих крестьян от крепостной зависимости. Но неужели народные школы, которых почти не существует, уже представляют такую опасность, как нашествие 1812 года или заговоры, открытые в 1825 году, а поручение наблюдения за ними дворянским предводителям такую же важность, как освобождение крестьян от неестественной зависимости, в которой они находились у дворянства? Рескрипт, данный Толстому, я не могу себе объяснить иначе, как желанием шефа жандармов и вместе шефа ретроградной партии графа Петра Андреевича Шувалова *заставить государя, уничтожившего крепостное право, учредившего новые улучшенные суды, давшего некоторую свободу печати и вообще поднявшего дух народа от тяготевшего над ним душевного и телесного рабства*, сделать новый шаг на пути к реакции.

Прошло три года с издания рескрипта. Не заметно, чтобы он имел какие-либо полезные последствия. Некоторые земства уменьшили суммы, назначенные ими на содержание школ, а члены этих земств, наиболее просвещенные,

конечно, дворяне, перестали заниматься школами, которые попали в заведывание казенных чиновников, конечно, мало благотворное.

Сильно взволнованный вышеприведенным рескриптом, породившим у меня весьма горестные размышления и опасения насчет будущих мер правительства в том же ретроградном направлении, я старался разузнать, кто автор рескрипта. Общественное мнение называло министра государственных имуществ Петра Александровича Валуева [1].

[1] Это был ловкий и довольно умный государственный деятель при Александре II. Валуев цинично писал в своем Дневнике за 1860 год («Русская старина», 1891), что он служит своим пером партии крепостников, в лице М. Н. Муравьева — вешателя и шефа жандармов В. А. Долгорукого, для которых пишет записки, с целью запугать царя и заставить его действовать в вопросе об упразднении крепостного права в интересах дворянства. Вместе с тем он отмечает в том-же Дневнике, что поддерживает хорошие отношения с т. н. константиновской партией, т. е. с людьми, отстаивавшими, до известной степени, права крестьян на землю (см. выше, стр. 139 — о Н. А. Милютине). Перейдя, благодаря такой ловкости рук, с небольшой должности директора департамента в министерстве земледелия (у М. Н. Муравьева) на должность управляющего делами комитета министров (январь 1861 г.), Валуев через 3 месяца был назначен министром внутренних дел, немедленно после т. н. освобождения крестьян, и всеми способами старался оправдать возлагавшиеся на него крепостниками надежды — тормозил ход крестьянской и других реформ; отстаивая на деле интересы помещиков и реакционеров, на словах заявлял себя сторонником либеральной группы. Чтобы укрепить свое шаткое положение, Валуев, конечно, мог продать реакции свое перо в 1873 году, как он его продал в 1860 году Муравьеву - вешателю. *С. Ш.*

В это время в публике появилась карикатура, в которой были представлены сидящими за столом издатель «Московских ведомостей», бывший профессор московскаго университета Михаил Никифорович Катков, в халате, шеф жандармов граф Шувалов и министры внутренних дел Александр Егорович Тимашев, народнаго просвещения граф Д. А. Толстой и юстиции граф Константин Иванович Пален. Перед Катковым лежат уставы классических гимназий, реальных училищ и воинской всесословной повинности. Шеф жандармов и упомянутые министры смотрят на него с раболепством и говорят: «Айда — только учи меня разум, Хабибула! пожалста учи!!!» Эта фраза взята из статьи Щедрина (Салтыкова), помещенной в XI номере журнала «Отечественные Записки» 1873 года под заглавием «Мнение знатных иностранцев о помпадурах», * в ней между прочим описывается путешествие в Россию иомудского принца, которое «писал с натуры принцев воспитатель Хабибулла Неуматолкович, бывший служитель в отеле Бельвю (в С. Питимбурхи, на Невском, против киатра. С двух до семи часов обеды по 1 и по 2 р. и по карте. Ужины. Завтраки)». В означенном журнале Салтыков почти каждый месяц помещал свои сатирические статьи; в 1873 г. был ряд весьма замечательных статей о помпадурах, под которыми подразумевались губернаторы *.

Говоря о карикатуре с бывшим министром народнаго просвещения Головниным, я ему заметил, что мне непонятно, почему перед Катковым лежит, кроме уставов гимназии и учи-

лиц, на составление которых влияние его мне было известно, и устав о воинской повинности, в составлении котораго едва ли он мог принимать участие. Тогда Головнин объяснил мне следующее.

Представленный военным министром Дмитрием Алексеевичем Милютиным устав о воинской повинности рассматривался с осени 1872 г. в особом присутствии, составленном под председательством председателя государственного совета великого князя Константина Николаевича из весьма значительнаго числа членов государственного совета. В этом присутствии министр народнаго просвещения много возражал против военного министра, но собственно по подробностям, в которых и сделаны были ему разные уступки. Вслед за этим устав был передан в общее собрание государственного совета. За три дня до рассмотрения его в этом собрании Толстой официально разослал всем членам упомянутаго совета печатную записку на 52 страницах, в которой изложен устав на других началах, несходных с началами прежнего устава, хотя с последним согласился в упомянутом особом присутствии, что и утвердил своею подписью на его журналах.

Новый устав составлен был Толстым под руководством Каткова, а так как составление 52 печатных станиц потребовало не мало времени, то надо полагать, что Толстой по утрам в заседаниях особаго присутствия государственнаго совета соглашался с принципами, изложенными в уставе, представленном военным министром, а по вечерам с Катковым составлял

устав по тому же предмету на других началах. Эти уставы представляли, между прочим, следующую разность: военный министр предполагал дать льготы военно-служащим, разделив на 4 разряда, по степени их образования, с целью увеличить число образованных людей; министр же народнаго просвещения в своем уставе полагал дать льготы вольноопределяющимся, не обращая внимания на степень их образования, с явною целью дать льготы одним дворянам, так как почти исключительно одни дворяне имеют возможность поступать в вольноопределяющиеся; мещанам же и крестьянам это поступление, по недостатку средств к жизни, большею частью не возможно. Но эта поддержка дворянства, а не образованных людей, не имеет под собою почвы, и потому все меры, принимаемые с этою целью, не привьются.

В первом заседании общего собрания государственного совета долго рассуждали о новом уставе, разосланном Толстым, и заставили последнего отказаться от всех его пунктов, а в следующих заседаниях одобрили устав в том виде, как он первоначально был представлен военным министром, и в этом виде он утвержден государем. Таким образом рушились надежды подкопать военного министра, о чем, по поводу реорганизации армии в начале 1873 года, много, но без успеха, хлопотали фельдмаршал князь Барятинский с своими приверженцами, а впоследствии, по поводу устава воинской повинности, граф Шувалов и неоднократно с этою целью собиравшиеся у него, плясавшие под его дудку, ретроградные министры. При этом Го-

ловнин мне передал, что государь, при увольнении Головнина от должности министра народнаго просвещения, после покушения на жизнь государя в 1866 году, сказал ему, что он находит нужным, чтобы народное образование велось под руководством лица, которому подчинены духовные учебные заведения, а потому намерен должность министра народнаго просвещения возложить на обер-прокурора синода. При этом имелось в виду, чтобы учебная часть была под секретным наблюдением шефа жандармов, т. е., тайной полиции.

Государь находил необходимым, чтобы министр народного просвещения действовал заодно с шефом жандармов или, лучше сказать, ему подчинялся. С тою же целью подчинения шефу жандармов были назначены, по указанию Шувалова, Тимашев — министром внутренних дел и Пален — министром юстиции. Более семи лет эти господа занимали означенные должности и на восьмом году издали столько взволновавший меня рескрипт. Впоследствии я узнал, что означенные господа нашли нужным, чтобы государь дал рескрипт в таком духе, потому что открыто было какое-то тайное общество, конечно, не представлявшее никакой опасности, — в котором участвовало 15 петербургских рабочих из крестьянского сословия. Участие этого класса в подобных обществах открыто в первый раз, а потому, вероятно, из опасения пропаганды общества, известного под названием «интернационалки», найдено нужным торжественно поразить первый ее шаг. Но, вероятно, немногие из арестованных рабочих учились школе. [См. добавления.]

В 1873 году некоторые местности весьма плодородного юго-востока европейской России были постигнуты голодом. Это бедствие с особою силою разразилось в Самарской губернии. Губернское начальство вместо того, чтобы своевременным донесением министру внутренних дел испросить пособие голодающим, постоянно заявляло и уверяло, что все обстоит благополучно.

В это время самарским губернатором был Феодор Дмитриевич Климов, ныне (1877 г.) управляющий временным отделом по земельному устройству государственных крестьян в министерстве государственных имуществ. Сведения, полученные из губернии от частных лиц, газетные статьи и, наконец, известие об образовавшемся в Самаре дамском кружке для пособия голодающим, обратили внимание правительства и петербургского общества. Правительство ассигновало значительную сумму для оказания пособия нуждающимся в Самарской губернии, а в обществе составились кружки для оказания пособия нуждающимся.

Государыня императрица, желая по возможности увеличить этот сбор и дать ему надлежащее направление, возложила эти обязанности на состоящее под ее покровительством общество о раненых и больных воинах. Председателем главного управления этого общества со времени его учреждения был генерал-адъютант Александр Алексеевич Зеленой, но с лета 1871 года всем в управлении распоряжался один из товарищей председателя генерал-лейтенант Александр Карлович Баумгартен.

В конце 1873 г., когда была собрана довольно значительная сумма в пользу голодающих в Самарской губ., председательствовавший в главном управлении Баумгартен объявил, что императрица находит нужным послать главного уполномоченного от общества для наблюдения на месте за оказанием высылаемых пособий. Баумгартену следовало не предлагать этой меры, не спросив предварительного мнения главного управления, состоявшего из 24 членов, о том, нужна ли эта мера. Вероятно, большинство высказалось бы против нее, потому что самарский дамский кружок, которому высылались деньги из главного управления, действовал очень рационально, и появление главного уполномоченного могло только ему помешать.

Посьет мне рассказал о поступке Баумгартена уже в то время, когда я ему в марте 1874 г. заявил, что императрица согласилась на назначение главным уполномоченным тайного советника графа Владимира Петровича Орлова-Давыдова, одного из богатейших людей в России, очень гордого человека и большого крепостника, при этом главному управлению была предложена на рассмотрение инструкция Орлову-Давыдову, им составленная и уже одобренная Баумгартеном. Члены главного управления, не зная до этого заседания о назначении Орлова, очень этому удивились. Они находили нужным сделать в инструкции некоторые изменения, и в особенности, по моему мнению, не следовало связывать рук самарскому дамскому кружку, отдававшемуся по инструкции в полное распоряжение Орлова. Но он ни на какие изме-

нения не соглашался и требовал полновластия.

Когда в общем собрании общества было объявлено о согласии бывшего в собрании Орлова-Давыдова принять звание главного уполномоченного и воспоследовавшем уже на это соизволении императрицы, то, конечно, оставалось только благодарить Орлова-Давыдова.

Между тем шеф жандармов граф П. А. Шувалов и в особенности министр внутренних дел А. Е. Тимашев были недовольны тем, что дошло до сведения высочайших особ о голоде в Самарской губернии и что ими не было принято своевременно мер для предупреждения бедственных от голода последствий, а потому Тимашеву очень хотелось показать, что слухи о бедствии преувеличены.

Баумгартен, всегда готовый угождать сильным мира сего, приказал в половине февраля 1874 г. изготовить доклад императрице о полученном им от Орлова-Давыдова сведении, что все меры для прокормления и обсеменения нуждающихся в Самарской губернии приняты и что засим можно прекратить сбор для них, как обществом попечения о раненых и больных воинах, так и всеми образовавшимися с этою целью кружками, за исключением одного самарского комитета. Конечно, императрица его утвердила и повелела благодарить членов главного управления общества за их труды по означенному делу. Они же узнали из газет о прекращении их действий в пользу голодающих одновременно с членами всех других благотворительных обществ, собиравших пособия для голодных самарцев.

Баумгартен поспешил сообщить упомянутое повеление министру внутренних дел, зная, что оно ему будет очень приятно.

Между тем граф Орлов-Давыдов вернулся в Петербург и явился в мартовское заседание главного управления, в котором я не был. В этом заседании Орлов заявил, что он никогда не писал о том, чтобы не требовалось продолжать собирать пособия для голодающих самарцев, но что, по крайне, бедственному их положению, он, напротив обещался принять меры к увеличению сборов, и потому требовал, чтобы главное управление общества заявило печатно, что он никогда не доносил того, что оно поместило в своем докладе императрице. При этом Орлов ссылался на свое письмо, которое он в начале февраля писал Баумгартену, как председателю главного управления.

В то время, когда население юго-востока европейской России голодало, в Петербурге происходили пиршества по случаю бракосочетания великой княжны Марии Александровны с герцогом Эдинбургским. По этому случаю приехали в Петербург несколько иностранных принцев, в числе которых были два брата герцога Эдинбургского и наследный принц прусский. При посещении последними тремя принцами с.-петербургского английского клуба, прусский принц уехал из клуба до ужина, принц Уэльский ужинал с наследником цесаревичем, который пригласил меня сесть за один стол с ними, и по окончании ужина уехал вместе с наследником, а младшие английские принцы

долго оставались и, как говорят, порядочно выпили.

Ко дню бракосочетания 11 января 1874 г. съехалось много сановников из разных концов России и в их числе наместник царства Польского фельдмаршал граф Берг. По приезде моем 6 января в дворцовую церковь, я узнал, что государь перед обеднею посетил умирающего Берга, и вскоре получено было сведение о его смерти.

Берг отличался своею придворною ловкостью, поэтому многие замечали, что он не поддержал этой репутации, нарушив своею смертию за несколько дней до свадьбы великой княжны тогдашнее настроение * к разного рода удовольствиям *.

В 1873 г. начали говорить, что всесильный шеф жандармов, граф П. А. Шувалов, имевший, как видно из XI главы «Моих воспоминаний», сильное влияние и на мою судьбу, потерял значение у государя. По слухам, причиною этого было то, что * государю с разных сторон указывали на влияние на него Шувалова, который не скрывал своего могущества. Говорили, что германский император обратил на это внимание государя, который не мог не слышать от своих близких о том, как * Шувалов во многих случаях излагал свои мнения в высших государственных учреждениях, придавая им значение тем, что будто бы они согласны с желанием государя. Для публики первым признаком не-

[1] О том, как относилось тогдашнее общество к графу Петру Шувалову (1827 — 1889), как к временщику, сви-

расположения государя к Шувалову было пожалование ему, по случаю бракосочетания великой княжны Марии Александровны с герцогом Эдинбургским, бриллиантовых знаков на орден Александра невского при весьма сухой грамоте, самая же награда была такая, которую лица, поставленные в положение Шувалова, обходят, а он * как устроивший свадьбу великой княжны *, тем более мог надеяться на получение высшей награды.

В апреле 1874 г. государь ездил в Англию навестить свою дочь. В это время граф Бруннов, бывший долго русским послом в Лондоне, затруднялся оставаться на этом посту. Государь, вспомнив, что Шувалов в начала 60-х годов, не имея никакой должности, просил канцлера Горчакова о назначении его на какой-либо дипломатический пост, решил назначить Шувалова послом в Лондоне, в случае выхода Бруннова. Горчаков и Шувалов были с государем в Лондоне. Шувалов поехал с ним в Эмс и Юхенгейм. Конечно, о предполагаемом назначении Шувалова государь говорил с Горчаковым, но Шувалову, который мог не знать об этом, не сказал ни слова, * хотя видел Шувалова ежедневно в Эмсе и Юхенгейме *. Это очень тяготило Шувалова. Когда же, месяц спустя по отъезде из Лондона государя, Бруннов прислал письмо, в котором по болезни просил полного увольнения, Шувалов решился просить государя

детельствует эпиграмма Ф. И. Тютчева, опубликованная Г. И. Чулковым: «Над Россией распростертой встал, внезапною грозой — Петр, по прозвищу четвертый, Аракчеев же второй». *С. Ш.*

о назначении послом в Лондон. Государь приказал ему ехать в Вильдбад к канцлеру князю Горчакову и просить его согласия на это назначение, которое вскоре последовало. Удаление Шувалова обрадовало всю Россию *этот временщик уже всем надоел своим самовластием, ничем неоправдываемым; в нем не было ни государственного ума, ни даже бескорыстия *.

Вскоре по удалении Шувалова был сменен министр путей сообщения граф А. П. Бобринский. Все считали эту смену только следствием удаления Шувалова, так как известно было, что Бобринский был им посажен в министры и постоянно поддерживаем. Полагали, что вслед за Бобринским будут сменены и другие клевреты Шувалова и между прочими министр юстиции граф К. И. Пален, который даже, как говорят, опасаясь смены, сам просил государя об увольнении от должности, но в его просьбе ему было отказано, и никто из прочих министров сменен не был. Увольнение же Бобринского последовало не по случаю удаления Шувалова, а по следующей причине. Я уже говорил, что государь постоянно был не расположен к Бобринскому, всегда ратовавшему против министра финансов М. Х. Рейтерна, в надежде занять его место. Гибельные последствия предложенного Бобринским в начале 1874 г. способа выдачи концессий на жел. дороги были окончательным поводом к смене Бобринского. Они обнаружились в апреле 1874 г., и государь 17 апреля, в день своего рождения, призвав К. Н. Посьета,

объявил ему о желании своем назначить его министром путей сообщения [1].

Посьет, объявив государю, что по незнакомству с путями сообщения он не желает принять этой должности, указал на меня, как на человека, по его мнению, наиболее способного занять ее. Но государь отвечал, что его непременное желание видеть Посьета министром путей сообщения, и дал ему два дня подумать. 19 апреля, в день своего отъезда в Эмс, государь повторил свое требование, но Посьет продолжал отговариваться неспособностью. Слух об этом разнесся по всему Петербургу, и мне его передавали лица, которым о нем говорил великий князь Константин Николаевич. Когда я сказал об этом слухе Посьету, он мне передал разговоры государя с ним 17 и 19 апреля. Он присовокупил, что прежде не сообщал мне о них, почитая себя не в праве их разглашать, и что он просил государя передать в его ведение одни водяные пути, которые он постарался бы устроить, но государь на такое раз-

[1] С. Ю. Витте («Воспоминания» т. III) рассказывает об отставке А. Бобринского в связи с концессиями на железные дороги и участием в этих делах княгини Е. М. Долгорукой-Юрьевской: «Подобного рода действия [противодействие интересам царской фаворитки] Алексею Бобринскому даром не прошли. Через некоторое время Александр проезжал по варшавской железной дороге, его встретил граф Бобринский, который при этом был одет в несоответствующую форму. Увидев это, император приказал ему итти на гауптвахту Бобринский отправился, но затем подал в отставку, уехал к себе в деревню и больше уже из своей деревни не выезжал. Если он и бывал в Петербурге, то только инкогнито». *С. Ш.*

деление министерства путей сообщения не согласился. Посьет надеялся, что все кончится одними этими разговорами. Он полагал, если государь снова заговорит с ним об этом назначении, предложить меня в министры, а себя в товарищи, которому предоставить управление водяными путями. Я поблагодарил его за то, что он говорил обо мне государю, но просил впоследствии этого не делать, потому что государь никогда не согласится назначить меня, а если бы это, сверх чаяния, и случилось, то я непременно откажусь и уже приготовил веские поводы моему отказу, который послужит только к бóльшему на меня неудовольствию государя. Мое мнение было выражено так решительно, что Посьет не мог нисколько в нем сомневаться.

По возвращении из-за границы, государь, в бытность в Царском селе, при докладе графа А. П. Бобринского 7 июля, сказал ему, что он нашел нужным его заменить, а на другой день сказал Посьету, в присутствии министра финансов М. Х. Рейтерна, что не принимает никаких отговорок и назначает Посьета министром путей сообщения. Посьет прямо из дворца пришел ко мне и сказало происшедшем и о том, что он просил государя не объявлять несколько времени об его назначении, чтобы дать ему возможность познакомиться с делами, на что государь согласился, сказав, что в этот промежуток времени может управлять товарищ министра. Я не оправдывал этой напрасной отсрочки в виду того, что в несколько дней Посьет не может познакомиться с делами, а

в это время многое могут напутать. Тогда же А. В. Головнин сообщил мне, что Рейтерн, заехавший к нему после доклада у государя, передал ему слово в слово то же, что мне сообщил Посьет. Несмотря на лично государем объявленное Бобринскому повеление, он продолжал, как ни в чем не бывало, управлять министерством и после 4 июля сделал много важных распоряжений, которые вовсе не требовали поспешности и могли без неудобства быть отложены до вступления в должность нового министра.

В виду предстоявшей поездки императрицы по жел. дороге, он всеподданнейшею запискою от 8 июля, которую подписал «министр путей сообщения граф Бобринский», испрашивал разрешения государя о том, он или начальник управления жел. дорог Шернваль должен сопровождать императрицу по жел. дороге. Государь положил резолюцию: «ехать Шернвалю, а министерство немедля сдать товарищу». После этого Бобринский не мог более скрывать своего увольнения. 10 июля, говоря об этом с С. В. Кербедзом, преданным ему наравне со всеми поляками, утверждал, что не знает, кто будет назначен на его место, но во всяком случае не Посьет, хотя еще 4 числа государь ему сказал об этом назначении. Невольно рождается вопрос, с какою целью он лгал? На это один ответ, что он не умел говорить правды *; лганье ему было присуще *.

10 июля государь делал смотр флоту в Кронштадте, куда его сопровождал, между прочими, Посьет, как морской генерал-адъютант.

В журнале «Вестник Европы» за сентябрь 1874 г. была напечатана статья под заглавием: «История одного ведомства», весьма замечательная, хотя в ней есть неправильные факты.

«Вестник Европы» издается без предварительной цензуры, но, за несколько дней до выхода его книжек, они посылаются в цензурный комитет. Последний, несмотря на то, что в упомянутой статье ничего не было нецензурного, ее не пропустил собственно потому, что в ней доказывалось, между прочим, что ничего нет общего между устройством водяных сообщений в империи и морскою частью, а следовательно, что мнение о назначении адмирала министром путей сообщения собственно с этой целью неправильно, * в статье, конечно, не упоминалось, что это мнение принадлежит государю *. Уничтожение цензурою этой статьи было причиною того, что «Вестник Европы», весьма аккуратно выходящий 1 числа каждого месяца, вышел в сентябре 1874 г. только 8 числа. Как бы в награду за это уничтожение, цензура оставила напечатанную в этой же книжке весьма резкую статью о министерстве народного просвещения [1].

[1] В сентябрьской книге «Вестника Европы» напечатана за подписью X. статья под загл. «Заметка о способе постройки железных дорог». Из 34 страниц, которые статья занимала в книге журнала (369 — 402), читатели получили только четыре: 369, 400, 401 и 402 (причем страница 400 помечена на обороте 369, вместо 370), на которых, без всякого видимого разрыва, но со следами скомканности мысли говорится о необходимости ближайшего правительственного контроля и участия в постройке новых дорог. Резкая статья о министерстве нар. просвещения — статья М. С(тасюлевича)

В публике постоянно слышались неодобрительные отзывы о назначении Посьета. Находили, что он неспособен, не зная технической части путей сообщения, и что он не имеет никакой опытности в администрации. Эти отзывы меня сильно бесили.

Перед самым отъездом в Карлсбад (1875 г.), я передал Посьету слово в слово сказанное мне Головниным о желании великого князя [Константина Николаевича — назначить Дельвига членом государственного совета]. По возвращении моем в Петербург, Посьет ничего не говорил мне об этом предмете. Уверенный, что Головнин меня о нем спросит, я сам обратился с вопросом к Посьету, который отвечал, что он совсем позабыл о нашем разговоре, что при его слабой памяти весьма вероятно, но что он ни в каком случае не мог бы отнестись с какою бы то ни было просьбою к великому князю, так как в продолжение месячного моего отсутствия раза три имел самые неприятные столкновения с великим князем, вследствие недопущения адъютанта последнего, Семечкина, к конкуренции на концессию Донецкой жел. дороги. При последнем столкновении на балу в петергофском дворце, великий князь в самых резких *впрочем ему обычных* выражениях упрекал в этом Посьета, *называя этот поступок едва ли не бесчестным или как-то в этом роде*. Посьет,

о реформе французской средней школы с прозрачными намеками на реакционную школьную политику гр. Д. А. Толстого — помещена в октябрьской книге этого журнала. *С. Ш.*

при всем своем хладнокровии, также отвечал довольно смело, при чем обратил внимание на запрещение, указанное в уставе упомянутой дороги, допускать на конкуренцию лиц, участвующих в разработке каменноугольных и железных рудников вблизи направления дороги.

Великий князь утверждал, что Семечкин не участвует в таких разработках. Посьет же возражал, что Семечкин сам не только ему, но и публично в русском техническом обществе заявлял о своем участии, *каковое конечно было известно и великому князю, хотя может быть Семечкин был и неофициальным участником*. Впрочем, Посьет имел и другие причины для удаления Семечкина, а именно, повеление, данное ему государем, не допускать к конкуренции лиц, приближенных к императорской фамилии, *с целью прекращения ропота публики об оказываемом ее членами покровительстве при выдаче концессий на железные дороги*, и слух о том, что Семечкин состоит в товариществе с известным железнодорожным деятелем, прусским подданным Струсбергом, которого отнюдь не хотели видеть в числе строителей железных дорог в России.

До отъезда моего за границу в марте 1876 г. Головнин, говоря со мною о затруднениях при рассматривании дел в государственном совете, прибавил, что я сам оценю их, когда буду членом этого совета, но по возвращении моем из-за границы перестал говорить об этом назначении по неизвестной мне причине. Может быть великий князь ходатайствовал обо мне ко дню пасхи и не получил согласия государя.

Впрочем я вывожу это предположение из следующих обстоятельств. При разговоре моем с Головниным летом 1876 г., когда, между прочим, я упомянул, что, управляя министерством путей сообщения, я не соглашался дать концессию Ефимовичу, *которому покровительствовала известная княжна Долгорукая*, — Головнин сказал:

— Вот сколько врагов вы нажили себе.

Затем и слухи о назначении меня членом государственного совета прекратились. Нахожу этот результат очень полезным для моего здоровья. Присутствие в сенате, где нет ни начальства, ни подчиненных, доставляет полное спокойствие, тогда как в государственном совете снова явились бы подчинение председателю совета и столкновения с министрами и членами совета, которые в мои лета были бы тягостны и отзывались бы на моем здоровье.

Перехожу к рассказу о концессии на Донецкую жел. дорогу. По возвращении моем из Карлсбада в Петербург 21 июля 1876 г. я узнал, что на предыдущей неделе были произведены торги на Донецкую железную дорогу между шестью допущенными конкурентами и что высшую цену по 58 777 р. с версты назначил Мамонтов, а низшую по 38 600 р. Иван Кондратьевич Бабст, председатель правления московского купеческого банка.

По высочайше утвержденному положению комитета министров, министру путей сообщения было представлено утвердить низшую цену,

объявленную на торгах, или, заявив их несостоявшимися, предоставить об отдаче концессии по новому способу. Вскоре по возвращении моем из-за границы Посьет сказал мне, что он не утвердит концессии за Бабстом, так как он имеет верное сведение, что Бабст в товариществе с Поляковым и последний научил Бабста объявить цену, за которую нельзя построить дороги, и потому будет ее строить дурно, а впоследствии Поляков сумеет исходатайствовать выдачу ему надбавочной суммы. Новый же способ выдачи концессии на железную дорогу, который Посьет полагал представить в комитет министров, будет состоять в том, чтобы отдать ее Мамонтову, которого он надеется уговорить понизить объявленную им цену до цены предварительно исчисленной техническим комитетом железных дорог.

Несколько лиц неоднократно просили меня о том, чтобы я повлиял на допущение их к новым торгам на Донецкую железную дорогу. Я постоянно всем отвечал, что в подобные дела не вмешиваюсь и никогда не говорю о них с Посьетом.

Периодическая печать во второй половине января 1876 года восстала против принятого способа на выдачу концессии на Донецкую железную дорогу. О том же, что концессия достанется Мамонтову, было заявлено некоторыми газетами за несколько дней до вскрытия в совете министерства путей сообщения конвертов с предложениями, и кто-то назвал эти торги «торгами со взломом». Газеты говорили, что Мамонтов будет концессионером, потому что под его име-

нем скрывается влиятельное лицо, и разными намеками указывали на меня. «Биржевые ведомости», заявляя о том, что это влиятельное лицо скрывается по неизвестной причине, прибавили в скобках, что у всякого барона своя фантазия. Сознаюсь, что мне иногда было досадно читать эти нелепости. Грустно было видеть, что общественный деятель, доказавший свое честное направление в продолжение 45-ти лет, не избавлен от гнусных подозрений. Несколько лиц, действительно меня любящих, обвиняли меня в том, что я весною 1875 года позволил, по просьбе Ф. В. Чижова, записать себя в число учредителей общества Мурманского пароходства рядом с именем Ф. В. Чижова, и так как все уверены, что все дело по Донецкой железной дороге ведется последним, то мое участие в Мурманском пароходстве подало повод считать меня негласным учредителем общества этой дороги.

Те же лица обвиняли Чижова и Посьета в недостаточной ко мне дружбе, говоря, что, оберегая мое имя, первый из них должен был уговорить Мамонтова отказаться от дела, а последний не допустить Мамонтова к торгам. Я не соглашался с мнением этих лиц, почитая всегда себе за честь видеть свое имя рядом с именем Чижова. Сверх того я полагал Мурманское пароходство полезным для страстно любимого Чижовым севера России, не ожидая каких-либо выгод акционерам этого пароходства. Мнение же о недопущении Мамонтова к торгам на железную дорогу, только на основании подозрения, что я скрываюсь за ним, казалось мне неосновательным.

24 января 1876 года вечером посетил меня некто г. Крапивка, заявивший, что он со мною знаком по участию его в некоторых железнодорожных предприятиях и по встречам в одном знакомом мне доме, но я вовсе не помнил его лица. По причине моей весьма дурной памяти физиономий, я весьма редко интересуюсь узнавать фамилию лица, с которым случается мне встречаться. Крапивка заявил мне, что он приходил уже в этот день и, узнав от моих людей, что я ушел в английский клуб, он пришел вторично ко мне от принца Александра Гессендармштадтского * (родного брата нашей императрицы) *; при этом передал мне следующее:

Принц желает участвовать в торгах на Донецкую железную дорогу под чужим именем. Посьет, с которым он виделся немедля по приезде в Петербург, сначала не соглашался принять его в число конкурентов на эту дорогу, потому что между Посьетом и Рейтерном состоялось соглашение на допущение только четырех конкурентов, которым уже посланы повестки, но впоследствии заявил, что если бы принц имел в виду лицо, знакомое с железнодорожным делом, то он готов выслушать это лицо, и если оно ему докажет выгоды, представляемые допущением представителя принца к торгам, то Посьет об этом снесется с Рейтерном.

Принцу указали на меня, как на лицо наиболее способное для подобных переговоров с Посьетом, а потому принц просит меня назначить состоящему при нем свиты его величества генерал-майору князю Витгенштейну час, в ко-

торый я на другой день могу принять последнего для выслушавия предложений принца.

Я отвечал Крапивке, что не вмешиваюсь в дела путей сообщения, а тем более в дело по выдаче концессии на Донецкую железную дорогу, до крайности мне надоевшее, а потому свидание мое с Витгенштейном считаю бесполезным. Несмотря на мой решительный отказ, Крапивка в продолжение целаго часа, убеждал меня принять Витгенштейна,* говоря, что я этим сделаю удовольствие императрице, и намекал, что обращение императрицы ко мне не только известно государю, но даже делается по его указанию*; но конечно, не успел убедить меня. Крапивка вышел от меня вероятно в убеждении, что я имею сильное влияние на Посьета и что не хочу ничего сделать по просьбе принца, потому что сам участвую с Мамонтовым.

Следующий день был воскресный. Я в продолжение всей этой зимы каждое воскресенье обедал у Посьета, так как жена моя проводила ее в Канне. Я почел долгом о свидании с Крапивкою передать Посьету, который сказал мне, что принц, немедля по приезде в Петербург, был у него, хотя в прежние свои приезды, когда Посьет был воспитателем великаго князя Алексея Александровича и жил в Зимнем дворце, принц никогда к нему не заходил.

Посьет, которого принц не застал дома, был у него во дворце и на просьбу принца включить его в число конкурентов на Донецкую железную дорогу, просто отвечал, что исполнение ее невозможно, а о том, чтобы принц избрал лицо для разъяснения Посьету его пред-

положений, не было сказано ни слова. Следовательно, все переданное мне Крапивкою была чистейшая ложь. Впоследствии Посьет мне рассказал, что, при выходе в понедельник из государственного совета, ему было заявлено лицом, посланным от принца, что Рейтерн согласен допустить представителя принца на конкуренцию и остается только получить согласие Посьета. Последний отвечал, что не получил никого уведомления от Рейтерна, вместо которого в этот день присутствовал в совете товарищ министра финансов Шамшин. Посьет, вернувшись в залу заседания, спросил у Шамшина, знает ли он о согласии Рейтерна, и получил отрицательный ответ.

Оказалось, что Рейтерн согласия не давал, а вероятно, этим обманом хотели исторгнуть согласие Посьета и, получив его, заставить согласиться и Рейтерна.

Впрочем, подобные поступки принца Александра нисколько меня не удивили после того, что известно было о его прежних похождениях в России. После свадьбы императрицы он служил в России; женясь на ее фрейлине, графине Гауке, родной сестре известного в 1863 г. под именем Боссака предводителя польских мятежнических шаек, он должен был удалиться и поступил на службу в Австрию. В 1866 г. он самым нелепым образом распоряжался вверенною ему частью войск, действовавших против Пруссии. Вероятно, в виде утешения вслед за этой войною было ему пожаловано в Самарской губ. огромное количество превосходных земель (кажется тридцать тысяч десятин). По

введении его во владение он затеял нелепый процесс, который им был проигран в сенате; чтобы снова его утешить, ему отвели еще сколько-то земли и приказано было Рейтерну, в вознаграждение будто бы понесенных принцем убытков, выдать денежную сумму, которую последний старался по возможности уменьшить; однако все же эта выдача простиралась до 50 тыс. рублей *.

28-го января на торгах по Донецкой дороге осталось дело за Мамонтовым.

2 февраля 1875 года сгорела в Петербурге огромная паровая мукомольная мельница, стоившая до 900 тыс. руб. Немедля разнесся слух о поджоге, а 12 марта об обыске в доме известнаго хлеботорговца С. Т. Овсянникова и о взятии его под арест.

Сгоревшая мельница была выстроена известным своими значительными подрядами по военному ведомству Фейгиным, обязавшимся доставлять для гвардейскаго корпуса ржаную муку высшего достоинства, которую можно было приготовлять только на означенной мельнице. Фейгин обанкротился. Продолжение его подряда было сдано Овсянникову, в доме которого на Итальянской я жил с 1863 по 1867 год. Этот Овсянников был всегда большим плутом. Начав торговлю бедным крестьянином, он имеет состояние в несколько миллионов руб.

По распоряжению военного министра Милютина, Овсянников за свои плутни не должен был допускаться к подрядам по военному министерству, а потому ему не могло быть передано

и продолжение подряда Фейгина, но за Овсянникова, на основании ходатайства, как говорят, генерал-адъютанта Николая Матвеевича Толстого, вступился государь, приказавший Милютину допустить Овсянникова до означеннаго подряда.

Имение Фейгина, по его несостоятельности, продавалось с аукциона, на котором последняя за мельницу цена 108 100 руб. оставалась за Овсянниковым. Эта мельница была застрахована в 700 тыс. руб. В числе долгов Фейгина был долг В. А. Кокореву в 500 тыс. руб. Последний заявил свое, основанное на законе, право на мельницу жалобою в петербургский окружный суд, который уничтожил торги и присудил мельницу Кокореву. Это определение суда было обжаловано Овсянниковым, но судебная палата утвердила решение суда, и Кокорев в конце 1874 года был введен во владение мельницею, на которой, по осмотру Кокорева, многих вещей не доставало. Страховые общества, имея в виду дело о поджоге мельницы, отказали в уплате страховой за нее суммы. Народная молва была, что при сделанном у Овсянникова обыске найдены бумаги, служащие доказательством тому, что поджог мельницы был сделан по его приказанию, а также найдены какие-то подлоги и даже фальшивые ассигнации, и что последнее обстоятельство он объясняет своими огромными денежными оборотами, при которых ему попадалось много фальшивых бумажек и он их складывал вместе.

Говорили, что государь, очень раздраженный против Овсянникова, которого он навязал военному министру, призвав прокурора окружного

петербургского суда [1], приказал ему произвести следствие как можно скорее, и что при обыске Овсянникова найдены доказательства тому, что многие из лиц военного ведомства как в настоящее время, так и в войну 1853—1856 годов получали содержание от Овсянникова. Называли, между прочими, директора канцелярии военнаго министра генерал-адъютанта Д. С. Мордвинова и состоявшего при военном министерстве генерал-майора Викт. Мих. Аничкова. Рассказывали о найденной собственноручной отметке Овсянникова: «содержание, отпускавшееся Аничкову (по случаю выхода его в отставку), присовокупить к содержанию, выдаваемому Мордвинову». Эти слухи не могли не раздражить государя, все более и более убеждающегося, что он окружен мошенниками. Конечно, когда дело Овсянникова дойдет до гласного суда, то мы узнаем о многих проделках его и его соучастников [2].

[1] Прокурор этот был известный А. Ф. Кони, который в своих воспоминаниях рассказывает, что он назначил следствие по делу о пожаре по своему почину. В бумагах Овсянникова действительно «оказался именной список чинам главного и местных индендантских управлений с показанием мзды, ежемесячно платимой им влиятельным поставщиком муки военному ведомству». По словам А. Ф. Кони, в деле имелись «сведения о суровом и черством отношении Овсянникова к тяжелому положению простых и незаметных людей, находившихся от него в трудовой зависимости». *С. Ш.*

[2] Известно, что во время суда над Овсянниковым, по слухам о чинах военного министерства, не было разбирательства. *Авт.* Однако, А. Ф. Кони сообщает, в своих воспоминаниях, что он переслал список взяточников военному министру Д. А. Милютину. *С. Ш.*

Причины, которые могли побудить Овсянникова к поджогу мельницы, объяснялись следующим образом: так как по решению судебной палаты мельница поступила во владение Кокорева, то поставка на будущее время ржаной муки, приготовляемой по усовершенствованному способу, для гвардейскаго корпуса неминуемо была бы сдана Кокореву, через что Овсянников лишился бы выгодной поставки муки или должен был бы платить Кокореву большую сумму за аренду мельницы. Сверх того в контракте, заключенном военным министерством на поставку означенной муки, увеличена была ценность каждого куля муки на рубль за усовершенствование в ее помоле и не было выговорено того, что, в случае пожара на мельнице, будет ли ставиться обыкновенная мука по пониженной на рубль цене, вследствие чего Овсянников не надеялся, что ему будут в 1875 году платить и по сгорении мельницы ту же возвышенную цену за обыкновенную муку.

При приближавшейся сдаче мельницы Кокореву, Овсянников должен был истратить значительную сумму на ее ремонт и произвести другие расходы, всего на сумму до 350 тыс. руб.; вследствие пожара он освобождался от этих расходов. Овсянников подал жалобу в окружной суд на незаконность его арестования, при чем предлагал взять у него залог по усмотрению суда (говорят, что он предложил 2 миллиона руб.). 15 марта суд ему отказал. Он жаловался судебной палате, которая 27 марта также ему отказала, основываясь на том, что все меры к тому, чтобы пожар не мог быть потушен, как-то:

приостановка водоснабжения мельницы и т. п., были предварительно приняты явно по приказанию ее арендатора, Овсянникова.

В начале 1876 года с.-петербургский окружной суд признал виновными в пожаре мельницы Овсянникова и его двух пособников; все трое были приговорены к каторжной работе, но Овсянникову по преклонности лет наказание ограничено ссылкой в Сибирь [1].

В марте 1876 года было созвано в Петербурге губернское дворянское собрание, главными занятиями которого было рассмотрение действий с.-петербургскаго уезднаго предводителя дворянства Михаила Александровича Безобразова и проектов об учреждении всесословной волости. Безобразов, по решению сената, отдан под следствие с удалением от должности за превышение власти и неправильное расходование сумм дворянства и дворянской опеки.* Дворянство, как каста, отнеслось к нему снисходительно, а он ответил ему разными нахальствами и грубостями*.

Я упомянул о нем, чтобы показать, до какой степени падки к разного рода злоупотреблениям не одни только казенные чиновники, как объявлено, между прочим, в вышеприведенном разсказе об Овсянникове, но и лица, избираемые в почетные должности наиболее образованным сословием в государстве.

[1] Овсянников, при посредстве своих служащих, тративших на это огромные деньги, был через несколько лет возвращен в Россию и жил в Царском селе. *С. Ш.*

Надеясь, что описание трех проектов, представленных с.-петербургскому дворянскому собранию о всесословной волости, будет также помещено в записках моих современников, я ограничусь несколькими строками по этому весьма важному предмету. При освобождении крестьян от крепостной зависимости, часть дворянства добивалась такого устройства местных судов и полиций, чтобы помещики-дворяне были и судьями и полициймейстерами в делах крестьян, поселенных в соседней с их поместьями волости. Это им тогда не удалось, крестьяне получили самоуправление, которое, конечно, не могло итти хорошо при безграмотности массы народа и после его слишком 250-летнего закрепощения, при котором он, его семья и все ему принадлежащее были собственностью помещика.

Вскоре некоторая часть дворянства принялась преувеличивать беспорядки означенного самоуправления, причинявшего будто бы повсеместное обеднение крестьян (тогда как их состояние и в материальном отношении вообще улучшилось) и такие с их стороны беспорядки и своевольство, что хозяйство помещиков-дворян и жизнь их в своих поместьях сделались будто бы невозможными. Реакция в действиях правительства, начавшаяся немедля по издании манифеста 19 февраля 1861 года, дала возможность поднять голову этой части дворянства, желающей под новым видом закрепостить себе крестьян.

В петербургском дворянском собрании придумано было заменить существующие крестьянские учреждения всесословною волостью, ко-

торая избирала бы местных судей и полицеймейстеров из лиц такого высокого ценза, что они почти во всех случаях были бы из дворян. К этому присоединилось и учение, что Россия может быть счастливою только при разделении ее населения на культурный слой и на невежественную массу, конечно, клонившееся к полной эксплотации этой массы упомянутым слоем. Представителями этого мнения в периодической печати были газеты: «Русский мир», «Московские ведомости» и «Гражданин». Отставной генерал-майор Ростислав Андреевич Фадеев в особенности подвизался в означенном деле в «Русском мире», которого издание, с целью нападения на военного министра Милютина, было поддерживаемо * генерал-адъютантом графом Воронцовым-Дашковым и * многими высокопоставленными военными. Фадеев из своих статей составил особую книгу под заглавием: «Русское общество в настоящем и будущем (чем нам быть)», которую издала редакция «Русского мира». [1]

Книга Фадеева заключает в себе программу реформ, необходимых будто бы в настоящее

[1] Ген. Р. А. Фадеев — военный писатель и публицист (1824—1883). За пощечину офицеру-воспитателю (в артиллерийском училище) сослан солдатом в Бендеры. Был на Кавказе. Выслан из Петербурга за «болтовню». Участвовал в войне 1855—1856 гг. За оппозицию либеральным реформам Д. А. Милютина уволен в 1866 г. в отставку. Его книги по военным вопросам имели в свое время большое значение. Примыкал к славянофильству шовинистского толка, указывавшему на немецкую опасность для России. О нем — в «Воспоминаниях» его племянника С. Ю. Витте (т. III). *С. Ш.*

время для России, но на самом деле кажущихся полезным только для кружка, получившего название «партии яхт-клуба», задавшегося мыслью образовать у нас могущественный класс богатых людей, по образцу английской аристократии, и захватить всю власть в свои руки. Эта партия полагала, что книга Фадеева найдет огромное сочувствие в среде дворянства, но вполне ошиблась: ее аристократические затеи нашли весьма мало приверженцев в этой среде.

Фадеев разослал свою книгу весьма многим лицам и, между прочими, известному деятелю по крестьянскому вопросу и в Польше Юрию Феодоровичу Самарину. Фадеев, при посылке книги к последнему, просил его обратить на нее особое внимание, так как изложенное в ней мнение принадлежит сильной партии, которая может скоро его осуществить.

Самарин отвечал на это в высшей степени логичным и основанным на полном знании русского народа письмом, представляющим замечательный образец в литературном отношении [1]. Многие находили, что книга Фадеева не стоила такого блистательного критического раз-

[1] Ответ на книгу Фадеева Ю. Ф. Самарин, один из самых даровитых славянофилов-либералов, издал за границей в 1875 г. В своем блестящем очерке Самарин, высоко ценивший западную цивилизацию, с уничтожающей иронией осмеял крепостников с их стремлением запугать правительство и заставить его упразднить т. н. реформы 60-х годов. Сделанная Дельвигом оценка литературных достоинств ответа Фадееву верна: биограф Самарина отмечает, что это одно из самых замечательных полемических сочинений в русской литературе. *С. Ш.*

бора. Министр финансов Рейтерн, в разговоре со мною, отзываясь о письме Самарина с величайшим уважением, однако заметил, что последнего можно уподобить нашим эмигрантам, пишущим о России, не зная о том, что в ней делается, что Самарин хотя не эмигрировал из России, но, так сказать, эмигрировал от правительства и приписывает ему такие намерения, которых оно в виду не имеет. На его вопрос: кто же между правительственными лицами эти крепостники и ломатели реформ начала нынешнего царствования, я отвечал, что представленные в петербургское дворянское собрание три проекта о всесловной волости ясно указывают на дух времени * и что в публике существует мнение о солидарности наследника [Александра III] и его приближенных с идеями, выраженными в книге Фадеева *. На это Рейтерн отвечал мне, что петербургское дворянское собрание не законодательное место и что составление в нем и рассматривание проектов о всесословной волости не поведут за собой никаких последствий. Он полагал, что если проекты не провалятся в самом собрании (что уже и случилось), то будут представлены в правительственные учреждения, которыми они будут отклонены, так как главные деятели в этих учреждениях те же, которыя были и в 1861 году. * Относительно же влияния на это дело наследника и его двора, он мне сказал, что это влияние в настоящее время не имеет значения и что когда наследник вступит на престол, то во многом изменятся его взгляды, тем более, что он очень развивается,

В доказательство его развития и такта Рейтерн рассказал, что когда последний в Кавказском комитете отказывал в назначении значительной суммы на какие-то полезные предприятия на Кавказе, вследствие чего великие князья Константин и Михаил Николаевичи выразили ему неудовольствие с большим раздражением, наследник спросил их о том, что их так раздражает. Они отвечали, что они видят торможение дела, со стороны Рейтерна, тогда как государь уже его одобрил. Наследник им заметил, что государю и нужен для этого Рейтерн, чтобы было кому им отказывать, так как ему самому отказывать своим братьям было бы неприятно. Этим требование великих князей прекратилось, а надо сказать, что Рейтерн постоянно пользовался покровительством великого князя Константина Николаевича, а к наследнику не имел никаких особых отношений*.

Рейтерн, говоря со мною о предположениях Фадеева, сказал, между прочим, что в бытность графа Шувалова в силе, можно было ожидать от его влияния сильных реакционных мер, но с его назначением послом в Лондон, никто не пользуется влиянием на государя, достаточным для приведения таких мер в исполнение.

* Выше было мною вкратце описано дело игумении Митрофании (в мире баронессы Розен)[1];

[1] Записей Дельвига об этом деле нет ни в предыдущем издании его Воспоминаний, ни в рукописи, с которой они печатались. По существу это не имеет значения, так как он сам заявляет, что описывает дело вкратце. Дело игумении Митрофании (в миру баронесса Праск. Григ. Розен, фрейлина, дочь главнона-

теперь я изложил дело Овсянникова и коснулся неправильного употребления сумм с.-петербургским уездным предводителем дворянства Безобразовым, чтобы показать до какой степени извращена нравственность лиц, принадлежащих как к образованному, так и к богатому слою нашего общества. Но и верховная власть не имеет должного о ней понятия. В предыдущей главе «Моих воспоминаний» я передал об ее неблаговидном вмешательстве в отдачу концессий по железным дорогам *.

В марте 1875 года разнесся слух о злоупотреблениях, найденных при ревизии экспедиции заготовления государственных бумаг. Хотя государственный контроль был учрежден единовременно с учреждением министерств в России, но он до назначения государственным контролером тайного советника Татаринова не имел никакого значения.

Татаринову принадлежит честь устройства действительного контроля за государственными доходами и расходами, при чем начала публиковаться подробная смета ежегодных доходов и расходов по государству, введены разные правила по их контролированию и единство кассы.

После его смерти, последовавшей в январе

чальствующего на Кавказе при Николае первом) заключалось в том, что она для обогащения управляемого ею монастыря сделала подлоги, растраты и мошенничества в общем на сумму в 1 200 000; за это Митрофания была сослана в Сибирь с лишением всех прав и запрещением выезда оттуда, не смотря на ее связи в придворных кругах и близость к царской семье. Однако, царь разрешил ей жить в Ставрополе. *С. Ш.*

1871 года, государственным контролером назначен А. А. Абаза, при котором контрольные правила по военному и морскому министерствам изменились в отношении того, что министрам дозволялся перевод сумм из одной статьи расхода в другую и употребление сумм, оставшихся от расходов, на издержки в следующие годы.

Председатель департамента экономии государственного совета К. В. Чевкин по болезни не вернулся из-за границы осенью 1873 года, и на это место был назначен Абаза, а государственным контролером генерал-адъютант Самуил Алексеевич Грейг, который предписал произвести внезапную ревизию экспедиции заготовления государственных бумаг. По слухам, эта ревизия открыла много беспорядков в экспедиции, и между прочим, передачу госуд. кредитных билетов в государственный банк без установленных для этой передачи формальностей и ввоз во двор экспедиции на весьма значительную сумму разных материалов, которых израсходование не оправдывается имеющимися документами, так что явилось подозрение, что эти материалы превращены в кредитные билеты, которые были беззаконно вывезены из экспедиции. Сверх того оказалось, что некоторые документы изготовлялись в ней несвоевременно, а по истечении трех лет и более, следовательно, были подложные. * Грейг назначил эту ревизию, основываясь на постановлении о государственном контроле, упустив из вида, что в самодержавном государстве высочайшее повеление стоит выше этих постановлений и что он при ревизии мог наткнуться

на такое повеление. Рассказывают, что так и случилось *.

Привожу следующее, как слух, которому сам не верю и верить не хочу, и именно, что ревизия экспедиции будто бы, сверх всего выше изложенного, открыла, что процентных бумаг, называемых сериями, выпускаемыми каждый раз по именному указу, даваемому сенату, выпущено на большую сумму (на несколько миллионов руб.), чем значится в именном указе (216 мил. руб.).

Рассказывают, что впоследствии оказалось, что эта излишняя сумма будто бы выпущена по особому не обнародованному высочайшему повелению, данному министру финансов * незадолго до свадьбы великой княжны Марии Александровны *.

Говорят, что Грейг, узнав об этом повелении, убеждал ревизующего не выводить наружу о найденных им излишних сериях, но ревизующий на это не согласился. * Конечно, эта ревизия будет скрыта, но говорят, что государь был очень недоволен Рейтерном, что он не умел остановить ревизию так, чтобы она не открыла выпуска излишних серий [1]. Повторяю, что этот рассказ кажется мне неправдоподобным, но его подтверждают следующим рассказом. Будто бы государь в свадьбу великого князя Владимира Александровича поручил состоящему при последнем свиты его величества,

[1] Это было писано в начале 1875 г. По описанному делу никакого гласного следствия не было и слухи прекратились. Повторяю, что они были неправдоподобны (январь 1877 г.). *Авт.*

контр-адмиралу Егору Тимофеевичу Боку поместить часть капитала великого князя, состоявшего в сериях, верному банкиру. Бок будто бы адресовался к Розенталю, на которого эти серии навели какое-то сомнение, которое он через Чевкина передал Рейтерну. Это дошло до государя, который очень был раздражен неумелостью Бока, что между прочим выразилось и тем, что Бок, бывший воспитатель великого князя, а впоследствии его гофмейстер, не получил никакой награды в свадьбу великого князья, тогда как по этому случаю награды были получены лицами, не столь приближенными к последнему *.

В 1880 году мне была доставлена следующая выписка из конца доклада ревизионной комиссии от 5 февраля 1875 года по делу о беспорядках в экспедиции заготовления государственных бумаг:

«Указание г. министра финансов на то, что назначение формального следствия будет совершенно бесполезно, ибо у чинов экспедиции будут в готовности вполне удовлетворительные на все ответы, может вести только к успокоению министерства финансов за благополучный для его чинов исход дела, которому был бы, без сомнения, рад и государственный контроль: ибо в его намерения никогда не входит преследование лиц и вся его забота в настоящем случае направлена лишь к тому, что возбужденным ревизиею вопросом обеспечить правильное, законами ясно определенное, движение.

А так как для дел, подобных настоящему, в зако-

нах не указано никакого другого хода, кроме возбуждения по ним формального следствия, то ревизионная комиссия с своей стороны полагает, что государственный контроль, уступив в настоящем случае настояниям министерства финансов, изменил бы своему обычному и обязательному для него способу действия.

Назначение формального следствия статс-секретарь Рейтерн находит несогласным с требованием ст. 1089 уст. угол. суд., которою для предания суду по преступлению должности указываются лишь три случая: а) участие в преступлении частных лиц, б) причинение обвиняемым должностным лицом убытка и в) совершение им действия, которое влечет за собою лишение всех прав состояния, или же всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ.

Между тем, к настоящему случаю может быть не подходит лишь первый из трех исчисленных пунктов, и в том только случае, если окажется, что в предполагаемых государственным контролем незаконных действиях не принимало участия ни одно из частных лиц.

Что же касается двух остальных пунктов, то они прямо применяются к настоящему делу: так как государственным контролем возбужден вопрос, как о возможности растраты казенного имущества, так и о вероятности таких преступных действий (подложное составление книг, ложные показания, фальшивые скрепы и т. д.), которые могут подлежать наказанию по п. 3, ст. 1089 уст. угол. суд.

Наконец, г. министр финансов указывает на то, что отдача под следствие, без особенно важных и несомненных причин, управляющего экспедициею, поль-

зующегося по положению и по своей служебной деятельности справедливым со стороны его высшего начальства доверием, составила бы, даже и при совершенном оправдании его, незаслуженное и выше меры вины его оскорбление.

По этому поводу ревизионная комиссия считает нужным объяснить, что вообще контроль и доверие суть понятия трудно совместимые. Она не отрицает, что в иных случаях государственный контроль может, не изменив своему призванию, принять на веру показание того или другого министра, так, например: если бы какой-либо министр принял на свою нравственную ответственность удостоверение в действительности какого-либо им совершенного или же ему положительно известного, факта, который не был бы однако воспроизведен ни в одном из доставленных на ревизию отчетных документов, то государственный контроль, при отсутствии обстоятельств, наводящих подозрение в справедливости такого удостоверения, не лишен бы был нравственного права удовлетвориться таковым показанием.

Но в настоящем случае г. министр финансов предлагает государственному контролю не поверить его свидетельству об известном ему событии, но усвоить себе его личное доверие к действительному статскому советнику Винбергу, что было бы совершенно невозможно даже и в том случае, если бы обстоятельства настоящего дела и не поставляли таких сильных к тому препятствий. Если же принять во внимание, что д. с. с. Винберг дал целый ряд неверных показаний, единственною целию коих оставить его высшее начальство и государственный контроль в заблуждении, относительно истинного положения настоящего дела и его действительных причин, то к усвоению

государственным контролем того доверия, в коем еще не перестает отказывать управляющему экспедициею его высшее начальство, представится неодолимое препятствие.

В заключение ревизионная комиссия считает уместным обратить внимание совета государственного контроля на то, что, кроме выше изложенных соображений относящихся к существу вопроса, в настоящем случае представляются еще совершенно особые и по ее мнению немаловажные побуждения настаивать на производстве формального следствия.

Экспедиция заготовления государственных бумаг есть учреждение, которому, как показывает самое ее именование, вверено производство всех обращающихся в стране бумажных денежных знаков и которое, в отношение к этой стороне своей деятельности, пользуется совершенною свободою от надзора государственного контроля. Не имев прямых оснований в допущении каких-либо неправильностей, относительно операций, производимых по изготовлению и сдаче государственных бумаг, ревизионная комиссия не может, однако, вполне быть уверена в том, что в этой отрасли деятельности экспедиции никогда не откроется ничего несогласного с законом и с выгодами казны, и если бы со временем открылось что-либо подобное, а между тем настоящее дело оставлено было бы с согласия государственного контроля без дальнейших последствий то снисходительность государственного контроля без всякого сомнения была бы вменена ему в вину, так как в ней усмотрено было бы одно из препятствий к своевременному обнаружению и даже к предупреждению, правда только предполагаемого, но весьма возможного зла.

Заключение. По всем приведенным выше основаниям не признавая возможным исполнить просьбу г. министра финансов об оставлении настоящего дела без дальнейших последствий и принимая при этом в соображение, что прикосновенным к сему делу лицом является управляющий экспедициею заготовления государственных бумаг, над которым, как над чиновником IV класса, производство судебного следствия может быть назначено только правительствующим сенатом, ревизионная комиссия полагает, что на точном основании статьи 1085 устава уголовного судопроизводства настоящее дело должно быть внесено на рассмотрение 1-го департамента правительствующего сената, о чем и имеет честь представить на благоусмотрение совета государственного контроля».

Известно, что это дело было прекращено по высочайшему повелению, вследствие личного доклада министра финансов Рейтерна.

Грейг, по назначении его государственным контролером, насолил почти всем министрам и в особенности морскому, военному и юстиции. Морской министр генерал-адъютант Николай Павлович Краббе по болезни не выезжал из дома более года, но и в болезненном состоянии циническими выражениями, на которые он такой большой мастер, ругал Грейга. По рассказу члена госуд. совета и генерал-адъютанта адмирала графа Путятина, в одно из заседаний государственного совета в марте 1875 года почти все министры, в том числе военный Д. А. Милютин и юстиции граф К. И. Пален, напали на Грейга. О каком-то донесении его Милютин сказал председателю государственного со-

вета великому князю Константину Николаевичу, что он считает неприличным для великого князя выслушивать подобные доносы, а для себя их опровергать.

Пален же, по словам Путятина, подошел в совете к Грейгу разъяренным до того, что все полагали, что произойдет дуэль; я же полагаю, что просто опасались, чтобы не дошло до рукопашной. Не зная подробностей замечаний, сделанных Грейгом по разным министерствам, я не могу судить о них.

Март 1875 года был вообще чреват скандальными историями в Петербурге. В конце этого месяца рассматривалось в петербургском окружном суде дело по составлению фальшивого духовного завещания г-жею Седковою, урожденною Ераковою, от имени ее мужа [1]. Это дело, веденное нотариусом Лысенковым, выказало всю грязную безнравственность многих семейств в среднем слое нашего общества. В этом же

[1] Дело С. К. Седковой заключалось в том, что по наущению нотариуса Лысенкова и при участии целого ряда гвардейских офицеров и других дворян она представила к утверждению духовное завещание ее мужа, б. гвардейского капитана М. Е. Седкова, якобы оставившего ей все состояние в 200 тыс. руб., нажитое им посредством самого жестого ростовщичества. Завещание оказалось подложным и было составлено после смерти Седкова. Обвинителем по делу выступал А. Ф. Кони, Седкова (б. до замужества весьма легкомысленной особой, а на суд представшая 22-летней красавицей) оправдана, главный устроитель подлога Лысенков лишен прав состояния и сослан в Архангельскую губ., остальные также осуждены на разные сроки. *С. Ш.*

месяце распущен был слух, что разбогатевший от устройства железных дорог П. Г. Дервиз развелся со своею женою, от которой имел несколько детей. Рассказывают, что он в самый день своей серебряной свадьбы дал ей в собственность два миллиона рублей и что он женится на графине Келлер, жене сенатора, которой более 50-ти лет от роду и которая имеет взрослых детей.

Графиня Келлер, урожденная Ризничная, полька, была очень хороша собою в молодости и вела жизнь безнравственную. Конечно, перед выходом в замужество за Дервиза, она должна получить разводную, что, вероятно, не представит особых затруднений. Говорят, что граф Келлер согласился развестись и только выразил удивление, что нашелся дурак, который хочет жениться на его жене[1].

Около того же времени (1875 г.) был уволен от службы член совета министра народного

[1] Писано в начале марта 1875 г.; оказалось, что Дервиз не разводился со своею женою (январь 1877 г.). *Авт.* С. Ю. Витте рассказывает в своих «Воспоминаниях» (т. III), что Дервиз, нажив очень большое состояние, поселился в Италии, где построил дворец с театром для одного себя: «От роскоши и богатства совершенно сбрендил. Когда был 25-летний юбилей женитьбы Дервиза, он пригласил в свой замок родственников и друзей. Во время обеда встал и торжественно обратился к жене с благодарностью за то, что в течение стольких лет была такой верной женой и в знак благодарности делает ей подношение. В это время вошли люди и на подносе поднесли ей миллион рублей золотом. После этого он просил ее оставить его, так как он больше не желает, чтобы она была с ним». *С. Ш.*

просвещения камергер действительный статский советник Болеслав Михайлович Маркевич [1]. Хотя в приказе сказано было, что он увольняется по прошению, но всем было известно, что он прошения не подавал, и что ему грозила гораздо худшая участь, чем простое увольнение от службы. Поводом к увольнению было уличение во взятке Маркевича с издателя «Петербургских ведомостей» банкира Баймакова по следующему случаю. Издатели и редакторы «Московских ведомостей» Катков и Леонтьев, из которых последний вскоре умер, желали завладеть «Петербургскими ведомостями», издававшимися Валентином Феодоровичем Коршем по контракту, заключенному с ним Академиею наук, которая издавна пользовалась доходами от отдачи этой газеты в аренду. Срок контракта с Коршем оканчивался 1 января 1878 года; для немедленного же удаления его Катков и Леонтьев придумали, чтобы газета из ведения Академии наук перешла в министерство народного просвещения. Представление об этом министра народного просвещения графа Д. А. Толстого в государственный совет было дурно принято последним. Тогда министр внутренних дел А. Е. Тимашев,

[1] Это был великосветский хлыщ, занимавший деньги и не отдававший их. Одно время он был большим приятелем И. С. Тургенева, который впоследствии уклонялся от сношений с Маркевичем, за что последний распространял про Тургенева самые гнусные сплетни. Сам Маркевич писал повести из великосветской жизни, обличительные романы-пасквили и реакционные публицистические статьи с инсинуациями по адресу либералов, а особенно учащейся молодежи, с доносами на революционеров. *С. Ш.*

которому подведомственно главное цензурное управление, по наущению Толстого, испросил в ноябре 1874 года сепаратным всеподданнейшим докладом, помимо государственного совета, высочайшее повеление о передаче упомянутой газеты в министерство народного просвещения, на что он получил предварительное согласие президента Академии наук графа Литке, человека вполне равнодушного к русской литературе и журналистике.

Немедля по объявлении высочайшего повеления о переходе газеты в министерство народного просвещения, Толстой заявил Коршу, что он последнему дозволяет редактировать газету только до 1 января 1875 года и чтобы он к тому времени приискал нового редактора, выбор которого должен подвергнуться утверждению Толстого. Понятно было, что Корш при этих условиях не мог найти редактора. Он сначала думал отстаивать свои права по контракту, заключенному с Академией, но увидав, что обуха плетью не перешибешь, решился продать право на издание газеты на остальные три года, оставшиеся до окончания контрактного срока.

Катков и Леонтьев, только этого ждавшие, поручили Б. М. Марчевичу приобресть от Корша право на издание газеты. Они ему вполне доверяли, потому что он был им обязан своим довольно высоким положением в министерстве и доверенностию к нему министра, несмотря на заслуженную дурную репутацию, как человека, и плохую, как литератора. Толстой, конечно, поручил наблюдение за покупкой права на издание газеты у Корша тому же Маркевичу.

Но перед самым новым годом газета, вопреки желанию Каткова и Леонтьева, была куплена у Корша банкиром Баймаковым. Вскоре после этого Толстой, по ходатайству Каткова и Леонтьева, потребовал от Баймакова, чтобы редактором газеты был граф Салиас-де-Турнемир, автор романа «Пугачевцы» и сын русской писательницы, известной под псевдонимом Евгении Тур. Из прежних сотрудников «Петербургских ведомостей» никто, кроме Скальковского, не пожелали сотрудничать в новой редакции. Все ожидали, что газета будет плоха, вследствие чего число подписчиков, которых при прежней редакции было до 11 000, значительно уменьшилось; многие подписывались не на год, а только на один месяц, в виде пробы. Передовая статья и фельетон первого номера новой редакции показали ее бестолковость и неспособность, последующие номера были того же достоинства, так что я очень пожалел, что, подписываясь в декабре 1874 года на журналы и газеты наступающего года, подписался и для себя и для сестры Викулиной на два экземпляра «Петербургских ведомостей».

В виду значительного уменьшения подписчиков, Баймаков, уплативший большую сумму Коршу за право издания в продолжение 3-х лет, убедился, что при редакции Салиаса он понесет убыток. Он долго искал средства объяснить Толстому свое предположение о необходимости замены Салиаса другим лицом. Мало знакомый со мною, он обращался и ко мне с просьбою доставить ему аудиенцию у Толстого, в чем я ему отказал. Наконец, в виду того, что Катков

и Леонтьев желали перекупить газету, он был позван к Толстому, который предложил ему уступить газету за сумму, уплаченную им Коршу. Баймаков просил большую сумму, заявив, что он при заключении контракта понес значительные расходы и что выбор редактора по контракту предоставлен ему. Толстой отрицал последнее, а насчет расходов потребовал объяснения от Баймакова, который заявил, что при заключении контракта он обязался в продолжение 12 лет уплачивать Маркевичу ежегодно по 5 000 р., и что эта сумма за 1875 год им последнему отдана, в чем Маркевич расписался на заключенном между ними договоре. Сначала уговор об этой уплате был словесный, но впоследствии Маркевич заявил Баймакову, что он ему верит, пока они оба живы, но что Маркевич желал бы укрепить эту сделку между ними на случай смерти, в пользу своей жены, вследствие чего между ними состоялось письменное условие.

Вместе с тем Толстой узнал, что утвержденная им редакция проекта контракта между министерством народного просвещения и Баймаковым на издание газеты была Маркевичем изменена в том смысле, что редактор газеты назначается не по избранию министра, как значилось в проекте, а просто по выбору Баймакова. Вся эта история дошла до шефа жандирмов Потапова, прежде чем Толстой успел доложить о ней государю. Потапов произвел обыск в квартире Маркевича и с уликою налицо доложил о поступке последнего государю, который, говорят, хотел Маркевича отставить от

службы и предать суду, но впоследствии смиловался по ходатайству Толстого.

Вскоре весь город заговорил о поступке Маркевича, конечно, не извинительном, а сколько лиц из осуждавших его были такие же, как он, вероятно, взяточники, которых имя на Руси «легион»! Но отчего почти все нашли нужным порицать взяточника, а очень немногие порицали министра Толстого за удаление Корша от редакторства, на которое он, по заключенному им контракту, имел право в продолжение 3-х лет, *и тем ограбившего его и многочисленную его семью; это ведь грабеж с насилием, и поступок Толстого хуже поступка Маркевича; сверх того он был бесполезен*. Зачем было отнимать у Корша редакторство газеты весьма бесцветной, за исключением еженедельных фельетонов Суворина, которыми он задевал некоторые личности, но вообще не представлявших особой важности? Прошло бы три года, и Корш, не принеся своею газетою никакого вреда, был бы заменен другим редактором. Изгнание же его произвело общее неудовольствие и распространился слух, что он будет издавать русскую газету в Берлине, в которой, конечно, будет помещать много неприятного русскому правительству, чего не посмел бы напечатать в Петербурге, но этот слух не оправдался. Впрочем, относительно печати правительство в это время сделало много несообразностей.

Генерал-майор Черняев [1], собственник газеты «Русский мир», прежде сильно поддерживаемой

[1] Генерал Мих. Григ. Черняев, участник русских среднеазиатских войн, завоеватель Ташкента. Обвинен-

генерал-адъютантом Воронцовым-Дашковым и другими генералами, не охотниками до реформ настоящего царствования и в особенности до реформ в войсках, вводимых военным министром Д. А. Милютиным, отстав от той «партии яхт-клуба», тенденции которой мною описаны выше, лишился средств к продолжению издания газеты, и необходимость заставила бы его прекратить это издание, что было всем известно. Надо было ей дать умереть своею смертию. Правительство же пришло ей на помощь, приостановив на три месяца ее издание за помещенные в ней статьи об управлении Туркестанским краем и о способе введения нового положения между киргизами. Правительство таким образом возвело редакцию этой газеты в мученицы и дало ей возможность не продолжать своего издания, без возращения денег подписчикам, под предлогом, что эта приостановка разорила редакцию.

В конце 1874 года распространился слух, что известный публицист князь Александр Илларионович Васильчиков [1] просил о дозволении ему

ный отставкой, издавал газету «Русский мир» в реакционном направлении, главным образом порицал либеральные реформы военного министра Д. А. Милютина. Во время сербско-турецкой войны 1876 года неудачно командовал сербской армией. При Александре третьем снова занимал видные административные должности (в Туркестане), но в 1884 г. был уволен от службы. *С. Ш.*.

[1] Ал. Иллар. Васильчиков (род. в 1818 г., ум. в 1881 г.), сын известного александровского генерала и председателя госуд. совета при Николае I; окончив Петербургский университет, отказался от ожидавшей его блестящей бюрократической карьеры; был секундантом при

издавать ежедневную газету, в чем ему было отказано. Причина отказа осталась неизвестною; трудно даже отгадать ее, так как Васильчиков во всем, им напечатанном, постоянно хвалил реформы нынешнего царствования. Правительство, уничтожив Корша, приостановив «Русский мир» и запретив издание газеты Васильчикову, покровительствовало газете «Голос», которая постоянно была очень распространена, а с передачею «Петербургских ведомостей» новой редакции, приобрела еще до 3 000 подписчиков.

Между тем известно, что правительство не благоволит к редакции «Голоса». Как же объяснить его действия, которыми оно увеличивает ее денежные средства и распространение в публике? В марте 1875 года оно запретило ее розничную продажу, не находя нужным объяснить причины такового запрещения. Но это запрещение не только не нанесло убытка редакции «Голоса», но увеличило число подписчиков на

дуэли Лермонтова с Мартыновым (письмо и воспоминания А. И. В. об этой дуэли в труде П. Е. Щеголева «Книга о Лермонтове». ч. II, Лен. 1929); избег наказания за это в виду заслуг отца. В своей служебной деятельности (новгородский губернатор при Николае I) требовал уважения к закону, за что считался в правящих кругах «красным». После Крымской войны занимался хозяйством в своем имении, затем земской деятельностью. много писал по крестьянскому вопросу, и по вопросам самоуправления; всегда требовал справедливого отношения к крестьянам, облегчения их податного обложения, справедливого (в духе помещичьего либерализма) наделения их землею, но конечно, в политических убеждениях его не было даже намека на социализм, в чем обвиняли его правящие круги. *С.Ш*

эту газету, потому что публика, привыкнув к ежедневному чтению газеты, не имела другой, удовлетворяющей ее требованиям.

Таким образом правительство, в противность своему желанию, усиливало влияние «Голоса» [1], и ему придется считаться с этою газетою, тогда как это влияние при «Петербургских ведомостях» прежней редакции и при газете, предположенной к изданию Васильчиковым, было бы разделено между несколькими наиболее распространенными газетами, и правительству было бы легче сообразовать свои действия с действительными потребностями общества, выраженным в нескольких, ежедневно выходящих органах.

Редакторы почти всех петербургских периодических изданий, и в их числе даже неприязненные Коршу * были раздражены беззаконностью и бессовестностью действий Толстого; они * вместе с сотрудниками по изданию и редакции «Петербургских ведомостей» дали последнему обед, который, конечно, не обошелся без речей и стихов. Привожу здесь две заключительные строфы из последних, сказанных Брениным, подписывавшимся в фельетонах «Петербургских ведомостей» «Маститым литератором»:

* Как ныне сбирается тощий Толстой
Спустить старика Валентина (Корша).
Того не обдумав башкою пустой,
Что делает пакость, скотина!

[1] «Голос» — либеральная газета, издававшаяся (с 1863 г.) А. А. Краевским под редакцией известного историка В. А. Бильбасова. Прекратилась вследствие преследований правительства в 1883 г. *СШ*.

И вот он зазвал Баймакова к себе,
Зазвал он и графа Сальяса;
— Готовьтесь,— он молвил,— к великой борьбе,
Пусть гибнет зловредная раса!

Далее выражаются желания, чтобы новый орган проник в недра гимназий; чтобы гимназисты, читая его, исполнялись любовью к Толстому и к латыни; чтобы забыли о таких-то и таких-то зловредных сотрудниках, которые названы шайкою...

Чтобы эта шайка, не зная преград,
О боже, что может быть горше!
И в старых и малых вливала свой яд,
Его почерпаючи в Корше!

Вот две заключительные строфы*:

Запомни завет мой, Сальяс-Турнемир,
С отвагой гряди молодою,
И знай, что тебя мой избранник-банкир
Поддержит великою мздою.
А ты, Баймаков, если граф убежит,
Смутившись работой чертовской,
Лишь свистни, и знамя свое водрузит
Сейчас по контракту Скальковский.

Толстой, известный крепостник, при знакомстве моем с ним в начале 60-х годов, явно высказывал свою нелюбовь к просвещению, в особенности простого народа, а потому очень было странно назначение его в 1875 году министром народного просвещения. Едва ли он имел собственное мнение о лучшем способе образования в общественных учебных заведениях, а потому в этом деле вполне подчинился редакторам «Московских ведомостей» Каткову и Леонтьеву (умершему в 1874 году), которые

полагали единственным способом образования в этих заведениях изучение древних языков.

В этом была и задняя мысль: Толстой и бывший шеф жандармов граф П. А. Шувалов, тогда всемогущий, надеялись излишним изучением древних языков отнять у большей части молодых людей не только охоту, но и возможность оканчивать свое образование в университетах, так как в них могли поступать только окончившие с успехом курс в так называемых классических гимназиях и те из неучившихся в этих гимназиях, которые могли в них выдержать строгий экзамен, в особенности по знанию классических языков; окончившие курс в реальных гимназиях, в которых эти языки не преподавались, были лишены права на поступление в университеты.

Проект об этом был представлен Толстым в начале 1871 года в комиссию, учрежденную специально для этого при государственном совете. В проекте намекалось на то, что реальные науки ведут к нигилизму и к непризнанию властей. Разбор этого проекта, конечно, найдет место в воспоминаниях современников, более меня компетентных в этом вопросе; частию же он был разобран в выходивших тогда книжках журнала «Вестник Европы», и потому не буду излагать его подробностей, а ограничусь несколькими строками для указания, как означенный проект достиг утверждения. В комиссии, учрежденной из значительного числа членов государственного совета, он встретил оппозицию; но известно было, что государя успели убедить в тлетворности реального обучения и

в необходимости ограничить число лиц, могущих кончать образование в университетах. Даже в печатном представлении министра народного просвещения в государственный совет «Об изменениях и дополнениях в уставе гимназий и прогимназий, высочайше утвержденном 19 ноября 1864 года», министр приводит то же убеждение.

Для соглашения противоположных мнений, большинство членов комиссии, учрежденной при государственном совете, добивалось, чтобы в реальных гимназиях, которые Толстой предположил переименовать в училища, преподавался латинский язык с тем, чтобы окончившие с успехом курс в этих училищах могли поступать в университеты, за исключением филологического факультета. Но Толстой на это не соглашался. Несмотря на сильную оппозицию в упомянутой комиссии, проект Толстого был внесен в общее собрание государственного совета.

В это время я управлял министерством путей сообщения, а потому присутствовал в совете. Толстой и его помощники старались привлечь к себе большинство членов совета, вследствие чего он обратился и ко мне с изъявлением желания, чтобы я присоединился к его мнению. На мое замечание, что ему следовало бы согласиться на введение латинского языка в реальные училища, чтобы дать возможность окончившим в них курс поступать в некоторые из университетских факультетов, он мне отвечал, что это равнялось бы совершенному уничтожению классических гимназий, потому что все поступали бы в реальные училища.

Перед увольнением меня из министерства путей сообщения, я в последний раз присутствовал в совете 15 мая 1871 года. В этот день в общем его собрании был рассматриваем проект Толстого. Председатель государственного совета великий князь Константин Николаевич первый выразил свое мнение в пользу проекта Толстого; за него же более других говорили сам Толстой, граф С. Г. Строганов и П. А. Валуев и против проекта граф В. Н. Панин, объяснявшийся весьма красноречиво при превосходном знании русского языка, К. В. Чевкин и Д. А. Милютин. Последнего великий князь несколько раз останавливал, находя, что он будто бы вне вопроса, тогда как не делал этого замечания противной стороне, действительно в своих рассуждениях выходившей из вопроса.

После неоднократных остановок великим князем Милютина, последний заявил, что он, покоряясь воле председателя, будет молчать. За него кончил Чевкин, которого великий князь не решился останавливать. По отобрании голосов, оказалось за проект 19, а против проекта 29 членов. В числе первых были цесаревич, великие князья Константин и Николай Николаевичи, из которых последний почти никогда не бывает в государственном совете, принц Ольденбургский, графы С. Г. Строганов, П. А. Шувалов, Д. А. Толстой и К. И. Пален, князь С. Н. Урусов и почти все немцы. В числе оппонентов были единственный между членами совета знаток классических языков граф В. Н. Панин, К. В. Чевкин, Д. А. Милютин и я. Немцы, из которых большая часть не понимала обсуждаемого

вопроса, приняли сторону первых из желания угодить великим князьям, а те из них, которые не решались до последней минуты, какую принять сторону, дали голос в пользу проекта вследствие одной не совсем удачной фразы, сказанной Чевкиным, который заявил, что наибольшая часть наших чиновников уроженцы западных губерний, а так как классические языки в этих губерниях издавна преподавались, то в наших университетах, а затем и в государственной службе будет еще больший наплыв этих уроженцев в ущерб уроженцам наших внутренних губерний. Чевкин, вероятно, намекал на польских уроженцев, но немцы приняли его заключение на свой счет и вотировали против него.

Валуев, ратовавший за проект, говорил также красноречиво, но по обыкновению пустозвонно. Он уверял между прочим, что все великие открытия в естественных науках были сделаны в прошедшем столетии и в начале текущего, а что в последние 40 лет ничего в них не сделано и потому на их изучение довольно того времени, которое на это прежде употреблялось в училищах и теперь назначено по новой программе гимназий. При этом он в начале своей речи вызвал членов совета указать ему, кто и какие сделал в последние 40 лет открытия в естественных науках, требующие увеличения времени для них изучения, и при конце речи сказал, что, не получив ответа на сделанный им вопрос, он снова его предлагает гг. членам совета.

Понятно, что никто не отвечал на такую нелепость. Государь утвердил мнение меньшин-

ства, и проект Толстого вступил в силу. При приведении его в исполнение старались, посредством частных распоряжений министерства, сделать его еще вреднее для учащихся молодых людей. Трудно себе представить, какое уныние он навел на них и на их родителей. Последствия его оказались немедля. Оказалось, между прочим, что нет учителей греческого языка в России; выписали чехов, но большая их часть, не говоря уже о незнании ими русского языка, оказалась негодными.

В 1874 году граф Д. А. Толстой представил государю отчет о действиях министерства народного просвещения за 1873 год. Рассмотрение каждого из министерских годовых отчетов обыкновенно поручается особой комиссии из членов государственного совета; результат ее занятий представляется государю и с его замечаниями прочитывается в комитете министров. В комиссию для рассмотрения упомянутого отчета назначены были председателем принц Петр Ольденбургский и членами Титов, Делянов и князь Оболенский; из них второй, по званию председателя археографической комиссии, находится в зависимости от Толстого, а третий, по званию директора публичной библиотеки, просто ему подчинен. Понятно, что от этих лиц нельзя было ожидать добросовестного разбора отчета.

Оболенский же представил много замечаний, на которые Толстой сделал обширные возражения. Принц Ольденбургский много хлопотал о примирении враждующих. Рассказывают, что он употребил даже какого-то священника для

убеждения Оболенского, — которого уверял в своем с ним согласии,—прекратить его пререкания с Толстым. Не успев в этом, он накануне своего отъезда за границу представил государю не вывод из сделанного обзора отчета, а всю полемику между Толстым и Оболенским. Государь положил на замечаниях Оболенского несколько резолюций не в его пользу. Оболенский заметил, между прочим, что мерами, принятыми министерством народного просвещения, явно понижается уровень образования, так как вследствие этих мер число студентов в университетах убавилось 1 160-ю, а число гимназистов высшего класса, не получивших аттестата об окончании курса в гимназиях, дошло в один год до 4 000.

Государь против этого места написал, что возлагает на личную ответственность Оболенского, чтобы упомянутый факт не был разглашаем. Но он явствует из публикованного отчета министра, а замечание государя было прочтено в комитете министров и, следовательно, еще более обратило внимание всех на этот факт. В другой резолюции, на замечаниях Оболенского, государь выразил неудовольствие на то, что последний в государственные дела вводит свои личные отношения, которые были неприязненны между Оболенским и Толстым, когда они оба служили в морском министерстве.

Я не видел означенных резолюций, а потому не отвечаю за их буквальную точность, но полагаю, что смысл их передал верно. В продолжение десяти дней, в которые государь читал замечания Оболенского и возражения Толстого,

последний имел два личных доклада, которыми, конечно воспользовался, чтобы очернить Оболенского в глазах государя, написавшего в одной из резолюций на замечаниях Оболенского, что Толстой, все делает по его указаниям. Вследствие этого 13-го апреля 1875 года в грамоте, которою Толстому жалуются алмазные знаки к ордену Александра Невского, сказано, что не только он ведет свое министерство с усердием и знанием дела, но постоянно согласуется с преподаваемыми ему государем указаниями. В этот же день несколько министров получили ту же награду, и в грамотах к ним не упомянуто последнего обстоятельства, *так что можно подумать, что они в управлении своими министерствами не всегда действуют согласно с указаниями государя*. Замечания, сделанные государем Оболенскому, очень заняли публику. Многие уверяли, что последний писал разбор отчета Толстого со слов А. В. Головнина, который в свою очередь уверял всех, что и не видал означенного отчета прежде, чем появились на него замечания Оболенского.

Причиняемый системою Толстого вред обучающемуся поколению не только замечается всеми русскими, но и многими, хорошо знающими Россию, иностранцами. Так, в известном берлинском журнале «Unsere Zeit» за апрель 1875 года в статье: «Положение России в конце 1874 г.» сильно нападают на Толстого за введение им обучения классическим языкам в ущерб реальным наукам, без которых нельзя обойтись в наш век, по преимуществу реальный. Вообще упомянутая статья весьма замечательна. Люд

и факты в ней оценены весьма правильно, что очень редко встречается в иностранных книгах, а потому полагают, что статья эта написана русским.

Направление, по которому будет строиться жел. дорога в Сибирь, не было еще утверждено. По вопросу об этом направлении так много было печатано, что я нахожу излишним говорить о нем в «Моих воспоминаниях» в подробности. Считаю достаточным изложить то, что мне известно и не могло быть нигде напечатано. В представлении Посьета в комитет министров, к которому для обсуждения этого представления был присоединен комитет жел. дорог, он давал преимущество северному направлению. Все же члены комитета министров и комитета железных дорог, за исключением, сколько мне помнится, бывшего министра путей сообщения Мельникова, бывшего товарища министра путей сообщения Герстфельда и начальника управления жел. дорог Шерваля, отдали преимущество южному направлению.

На другой день заседания в комитете, я был у великого князя Константина Николаевича и у Рейтерна по делам бывшего тогда в Петербурге съезда машиностроителей. Они мне передали решение комитета в следующих выражениях. Великий князь, очень редко присутствующий в комитете министров, но бывший в означенном заседании, с торжественным видом сказал мне, что северное направление кануло в воду, что против него превосходно говорили государственный контролер Грейг и в особенности

председатель департамента экономии в государственном совете Абаза, речь которого совсем похоронила предложение Посьета.

Рейтерн спросил меня, какое мое мнение насчет направления в Сибирь. Я сказал, что я даю предпочтение северному. На это он отвечал, что, затрудняясь в выборе направления, он накануне заседания в комитете министров решился подать голос за северное направление, но увидав, что значительное большинство дает предпочтение южному, присоединился к большинству. На другой день бывшего в комитете министров заседания, я встретил на улице Шернваля, который, соскочив с дрожек, подошел ко мне и сказал, что накануне в комитете он думал обо мне, что будь я в числе защитников северного направления, оно, благодаря моему, как он выразился, красноречию, взяло бы верх, и что дело, по его мнению, проиграно потому, что он и Посьет не имеют дара слова.

Посьет, весьма равнодушный ко всем поражениям, которые он часто претерпевал в государственном совете и в комитете министров, был сильно огорчен результатом заседания комитета министров. Государь, находившийся в это время в Эмсе, не утвердил журнала этого заседания, а приказал рассмотреть снова вопрос о направлении дороги в Сибирь, по его возвращении в Россию, что сделано было, вероятно, вследствие письма Посьета, которым он просил об этом государя. Известно, что эта отсрочка не переменила дела: государем 30 декабря 1875 года было утверждено южное направление дороги в Сибирь. Мнение публики относительно

направления этой дороги разделилось почти поровну. Многие из предпочитавших северное направление обвиняли великого князя Константина Николаевича и Абазу в пристрастном мнении, поданном ими собственно для поддержания главного общества жел. дорог, которому принадлежит Московско-нижегородская жел. дорога, составляющая часть так называемого южного направления.

Одним из главных деятелей по выбору последнего направления был полковник Богданович, о котором, * как о замечательном проходимце * скажу несколько слов. В начале пятидесятых годов он служил в Одессе при новороссийском генерал-губернаторе, а в начале шестидесятых годов состоял при бывшем министре внутренних дел П. А. Валуеве и остался в том же звании при министре Тимашеве. Разъезжая под видом исполнения поручений министра, он во многих городах красноречиво заявлял о необходимости устройства значительных водоснабжений и газовых освещений. Казалось, что везде сочувствовали его предположениям образовать для означенного устройства акционерные общества, но они не осуществились ни в одном городе.

* Покойный купец Журавлев, человек весьма самостоятельный и резкий, рассказывал о посещении Богдановичем Рыбинска, где в то время Журавлев был головою, следущее: Богданович, пользуясь отсутствием Журавлева из города, убедил рыбинскую думу приступить немедля, тем или другим способом, к осуществлению устройства снабжения города водою и освещения его газом. Журавлев, возвратясь в город,

еще застал в нем Богдановича. Находя, что затеи последнего преждевременны в городе, не имеющем мостовых, он конечно не дал хода изъявленному в его отсутствие согласию, говоря, что Рыбинску не откуда взять капитала, нужного на означенные устройства. Тогда Богданович заявил Журавлеву, что его обокрали в дороге и ему не с чем выехать из Рыбинска, а потому просил дать ему взаймы 500 р. На это Журавлев отвечал, что сотен тысяч, потребных для исполнения предположений Богдановича нет, а такую сумму всегда дать может; этот долг не был заплачен.

Богданович дозволял себе разные неправильные требования не только от лиц, зависевших от министерства внутренних дел, но и от других, между прочим от начальников станций на железных дорогах и даже от служителей церкви.

Ф. В. Чижов, знавший разные проделки Богдановича, обходился с ним по его заслугам. Однажды на платформе московской станции Николаевской жел. дороги он подошел к Чижову с выражением удивления, что последний ему не кланяется; приписывая это тому, что Чижов его не узнал, он назвал себя. Чижов на это отвечал, что незнакомым не кланяется, а с ним не хочет быть знаком.

С 1866 года начали в весьма значительном числе появляться желающие производить исследования по устройству железных дорог и учреждать акционерные общества железных дорог. Богданович, видя, что некоторые из этих лиц наживают большие капиталы, старался быть

принятым ими в компанионы. Это ему не удалось, так как он, не имея ни капитала, ни кредита, ни специальных знаний, не мог быть полезен. Богданович сильно поддерживаемый Катковым и Леонтьевым, редакторами «Московских ведомостей», в которых печатал статьи о железных дорогах, наконец, был приглашен лицами, желавшими предпринять устройство железной дороги в Сибирь, по южному направлению, наблюдать за исследованиями по этому направлению, при чем Богданович получал значительное вознаграждение и должен был получить еще большее, если дорога будет строиться по упомянутому направлению.

Я знаю, что мое мнение о Богдановиче [1] разделяется большим числом наших соотечественников, но он вероятно утешается тем, что нет пророка в своем отечестве, и похвалами меньшинства.

[1] Евг. Вас. Богданович — известный аферист трех царствований. При Александре III и Николае II он продолжал, пристраиваясь к разным темным делам, играть ту же роль ловца в мутной воде, о которой говорит Дельвиг. Кроме этого, ханжа и лицемер с юных лет, он в последние десятилетия царизма стал играть роль столпа православия, был старостой Исаакиевского собора в Петербурге, издавал (на казенные деньги) религиозно-патриотические листовки, которые раздавал крестьянам и рабочим. Любопытно, что, несмотря на официальную приверженность и беззаветную преданность идее самодержавия и православия как самого Богдановича, так и его жены, оба они хорошо видели разложение носителей этой идеи — царя с его семьей и князей церкви. Наблюдения их отражены в дневнике жены Богдановича: «Три последних самодержца. Дневник А. В. Богданович», М. 1924. *С. Ш.*

Теперь еще он повсюду лезет с разными предложениями*.

По его инициативе было предложено общему железнодорожному съезду обсудить возможность иметь на всех железнодорожных станциях пожарную команду и инструменты для посылки помощи городам и селениям, прилегающим к жел. дорогам.

Это предложение не было принято съездом. В настоящем (1877) году он предложил собрать библиотеку для госпиталей, а во время ужина, даваемого ежегодно участниками в защите Севастополя, пустился в политику, заявляя о необходимости немедля привести в исполнение слова, сказанные государем в Кремле в октябре 1876 г. о войне с Турцией.

* Председательствовавший за ужином генерал-адъютант Тотлебен принужден был остановить Богдановича, который не кончил своей речи*.

Вскоре по моем приезде в Карлсбад (1875 г.), Поляков пригласил меня к обеду. Я отказался. Долго не получая второго приглашения, я думал, что Поляков, поняв мое нежелание участвовать на его обедах, более меня не приглашает. Незадолго до моего отъезда он однако же, снова пригласил меня, опираясь на то, что на его обедах лучшее общество, которому может странно показаться мое отсутствие. Тогда я ему объяснил, что я приехал в Карлсбад не для обедов, а для лечения, и что во всяком случае мое присутствие на его обедах в Карлсбаде мне кажется неудобным. Это объяснение не помешало Полякову приехать на станцию жел. до-

роги, чтобы проводить меня, когда я уезжал из Карлсбада.

Я уже упоминал, что при управлении министерством путей сообщения графом А. П. Бобринским, это министерство и пресса постоянно нападали на дурное содержание Поляковым жел. дорог, находящихся в его управлении, а по количеству имеемых им акций дорог, считаемых его собственностью. Эти нападения не прекращались и после назначения Посьета, но никогда не было объяснено, по каким именно статьям дороги Полякова содержатся хуже прочих. Поляков, считая преследование его министерством путей сообщения несправедливым, неоднократно просил меня указать ему лицо, которому он мог бы поручить означенное управление, предполагая сам со всем семейством удалиться на время за границу.

Я постоянно отвечал Полякову, что не имею в виду подобного лица. В июне 1874 года, при моем проезде из Москвы в Царское село, в одном со мною поезде ехал генерал-от-инфантерии Николай Петрович Синельников, недавно перед тем уволенный от должности генерал-губернатора Восточной Сибири с оставлением в звании сенатора, с правом не присутствовать в сенате, которым он, впрочем, пользовался и до назначения его генерал-губернатором. Синельников намерен был избрать для своего постоянного жительства один из городов южной России.

Поляков, в бытность Синельникова начальником Воронежской губернии, содержал почтовые станции в этой губернии. По назначении Синельникова сенатором, последний вызвался,

для улучшения быта арестантов гражданского ведомства, поставлять их для производства работ на жел. дорогах и наблюдать за ними. Между прочим он производил арестантами работы и на дорогах, уступленных Полякову, который, хорошо зная Синельникова и ценя его расторопность, предложил ему быть главноуправляющим Курско-харьковско-азовскою, Курско-воронежско-ростовскою и Орловско-грязскою ж. дор.

Синельников согласился под двумя условиями, именно подробного осмотра дорог, дабы убедиться, что он может быть полезен на предлагаемом ему месте, и разрешения государя на принятие им этой обязанности. При моей встрече с Синельниковым в поезде Николаевской жел. дороги, он возвращался с осмотра вышепоименованных дорог, которые по его мнению, были не хуже других, известных ему дорог, а потому заявил желание поступить на предложенное Поляковым место. Но по просьбе бывшего министра путей сообщения А. П. Бобринского к графу П. А. Шувалову, бывшему в то время с государем за границею, высочайшего разрешения на это не воспоследовало. С назначением Посьета министром путей сообщения, положение Полякова в этом министерстве не улучшилось, и он продолжал искать человека который мог бы заменить его в заведывании жел. дорогами с тем, чтобы самому уехать года на два за границу. В апреле 1875 года он снова меня просил указать ему такого человека, при чем рассказал следующее:

В проезд Полякова в начале 1875 года через Вену, к нему приехала жена нашего военного

агента в Австрии Молоствова, дочь князя Александра Аркадьевича Суворова-Италийского[1] графа Рымникского, генерал-адъютанта и члена государственного совета, человека близкого к императору и к императрице. Молоствова просила Полякова дать место ее отцу, которому, по ее словам, нечем жить. Полякову пришло в голову предложить Суворову принять на себя главное управление тремя вышеупомянутыми жел. дорогами, на что Суворов согласился.

Министр финансов, по его просьбе, докладывал об этом государю, который изъявил согласие, но Суворов, вследствие каких-то придворных интриг, как выражался Поляков, отказался. Меня крайне удивляли в этом рассказе согласие Суворова быть управляющим Полякова, разрешение государя, в особенности после отказа, сделанного Синельникову, и всего более намерение Полякова поручить столь важное дело, в котором заключается его благосостояние, семидесятилетнему старику, человеку вполне неспособному. Его могла побуждать к этому только надежда, что министерство путей сообщения не посмеет нападать на жел. дороги, во главе управления которыми будет стоять Суворов, а также тщеславие иметь последнего своим уполномоченным.

[1] Это внук знаменитого русского полководца; в молодости он был близок к членам тайных обществ, из которых вырос заговор декабристов, но участия в делах заговорщиков не принимал. Несмотря на более чем умеренные личные дарования, он сделал большую административную карьеру вследствие своей близости к Александру II и его жене; он был чужд реакционных взглядов большинства придворных. *С. Ш.*

Вскоре вышеприведенный рассказ был мне подтвержден Рейтерном, который мне говорил, что я оказал бы большую пользу и делу и Полякову, если бы указал последнему на лицо, которое могло бы его заменить в управлении жел. дорогами в виду того, что нерасположение министерства путей сообщения к Полякову влияет вредно на дело, а Рейтерн не может добиться причины этого нерасположения; Полякова же он считает не хуже других концессионеров. Он, улыбаясь, прибавил, что недавно государь изъявил согласие на принятие Суворовым обязанности уполномоченного Полякова по жел. дорогам. При этом он передал уже слышанное мною от Полякова с следующими добавлениями. При докладе Рейтерном государю о желании Суворова принять на себя означенную обязанность, государь спросил, совместима ли она с положением Суворова на государственной службе. Рейтерн отвечал, что жел. дороги представляют такую важность для государства, что он, если бы не был министром финансов, а членом государственного совета, с удовольствием принял бы на себя управление 2000 верстами жел. дорог, при чем собственно для меня прибавил: «конечно, не в зависимости от Полякова». Государь ответил Рейтерну: «Ты, конечно, взялся бы с тем, чтобы действительно дело делать», подразумевая, что Суворов берется за это дело совсем с другою целью.

Однако же государь изъявил согласие и предоставил Рейтерну об этом объявить Суворову. Рейтерн прямо после доклада поехал к последнему. Суворов очень обрадовался и благодарил

Рейтерна. Вскоре однако Суворов, заехав к Рейтерну, заявил, что отказывается от места у Полякова по следующей причине. Суворову показалось, что государь, после упомянутого доклада Рейтерна, сделался к нему менее внимательным, и потому он решил просить государя, не как его генерал-адъютант, а как человек, пользующийся 30 лет расположением государя и императрицы, сказать, нравится ли государю, что он принимает обязанность по жел. дорогам. Получив отрицательный ответ, Суворов от нее отказался. Конечно, единственною целью Суворова было получение от Полякова значительного содержания, но я не понимаю, как он мог так сильно нуждаться, получая ежегодно жалованья из государственного совета 17 000 руб. и аренды 5 000 руб., независимо от других, даваемых ему правительством пособий и доходов с его, впрочем, незначительных имений. В Карлсбаде, где Суворов праздновал свое семидесятилетие, он обращал общее внимание какою-то особенного покроя студенческою шапкою без козырька. Вообще, он до сих пор остался немецким буршем.

В X главе «Моих воспоминаний» изложено, что А. А. Бильбасов захватил наши 14 металлических билетов в 300 руб. каждый и что я считал эту сумму совершенно потерянною, но она была через Н. Н. Колесова уплачена по частям, собственно по настоянию моей жены. Последняя уплата в 700 руб. состоялась 26 июля 1875 года. По соглашению жены с Н. Н. Колесовым, Бильбасов обязан был нам уплатить 6%

в год на наши деньги, оставшиеся в его руках. По их требованию, я сделал расчет этих процентов, сумма которых оказалась в 1 998 руб., и передал расчет Н. Н. Колесову. Но в число этих денег Бильбасов не внес ни копейки. Вскоре мы уехали за границу, и жена вернулась только в половине мая 1876 года до того больная, что не имела уже прежней энергии, чтобы настаивать перед Колесовым об уплате означенной суммы. Впрочем, может быть, при всей энергии жены, Бильбасов ничего бы не внес, так как в последнее время доходили до меня слухи, что он продолжал разными обманами забирать чужие деньги, не брезгуя похищением и нескольких десятков рублей.

«Мои воспоминания» я начал писать, между прочим, с тем, чтобы, по достижении мною и моею женою старости, перечитывать вместе с нею некоторые из описанных в них эпизодов, но лишившись моего друга в 1878 году, я потерял охоту их писать. Впрочем, последние три зимы «Мои воспоминания» давали мне довольно занятий: я исправлял их перед перепискою гектографическими чернилами, затем исправлял экземпляр, переписанный этими чернилами, с которого снималось пять копий, так что составилось семь экземпляров «Моих воспоминаний», которые полагаю, для вернейшего их сохранения, раздать в разные места.

ДОБАВЛЕНИЯ КО II ТОМУ

О польском восстании 1863 года.

Изложенные на стр. 191 и дальше суждения А. И. Дельвига по поводу польского восстания 1863 года представляют собою мнение весьма умеренного либерала из русских чиновных немцев, старавшихся, наряду с сохранением баронских титулов, подчеркнуть свой «истинно-русский» патриотизм и преданность идее православно-монархического великодержавия. В пояснение к этим суждениям А. И. Дельвига приведу здесь отрывок из статьи В. И. Ленина «О праве наций на самоопределение» (Сочинения, изд. III, т. 17, М. 1929, стр. 457), написанной в феврале 1914 г. (гл. 7 — «Решение лондонского международного конгресса 1896 г.»). Говоря о дебатах по вопросу о независимости Польши, В. И. Ленин пишет по поводу польских восстаний середины XIX столетия: «Известно, что К. Маркс и Фр. Энгельс считали безусловно обязательным для всей западно-европейской демократии, а тем более социал-демократии, активную поддержку требования независимости Польши. Для эпохи 40-х и 60-х годов прошлого века, эпохи буржуазной революции Австрии и Германии, эпохи «крестьянской реформы» в России, эта точка зрения была вполне правильной и единственной последовательно-демократической и пролетарской точкой зрения. Пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, пока в этих странах не было самостоятельных, массовых, демократических движений, шляхетское освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской». Затем В. И. Ленин говорит, что если эта точка зрения Маркса была вполне

верна для второй трети или третьей четверти XIX века, то она перестала быть верной к XX веку.

С. Ш.

О первом рабочем союзе.

Краткое сообщение А. И. Дельвига (на стр. 505) об открытом в 1873 г. тайном рабочем обществе относится к организации первого рабочего союза в России. В своей последней работе по этому вопросу В. И. Невский пишет, что зарождение «Северного рабочего союза», действовавшего, главным образом, во второй половине 70-х годов, относится именно к 1873 году, а первые попытки пропагандистов 70-х годов сплотить питерских рабочих в самостоятельной организации восходят еще к 1872 году (См. В. И. Невский, Предшественники нашей партии — Северный союз русских рабочих, научно-популярная библиотека для парт-актива, М. 1930). В. И. Невский дает также в указанной работе список участников первого рабочего кружка, из которого вырос союз, и перечисляет 13 имен, среди которых большинство рабочих крупнейших питерских фабрик и заводов, причем почти все эти рабочие (преимущественно металлисты) участвовали также в дальнейшем развитии деятельности союза — вплоть до гибели его в начале 1880 года.

С. Ш.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абаза А. А. *I* 260. *II* 252, 413, 430, 475, 536, 562-3.
Абаза А. В. *I* 260-1, 380.
Абаза В. С. (Цурикова) *I* 249, 259.
Абаза М. В. *I* 465, 541. *II* 69.
Абаза П. А. . . . . . . *I* 260.
Абаза С. В. *I* 249, 259-60, 380-1, 465.
Авдеев М. В. (писатель) *I* 427-9, 451-2, 470-1 485.
Адамович Н. Е. *II* 359, 471.
Адамович . . . . *I* 415.
Адеркас . . . . *I* 311-2, 318.
Адлерберг А. В. *II* 129, 137, 167, 200, 289, 321, 369, 412, 435, 452, 455-8, 461, 470-3.
Адлерберг В. Ф. *I* 488, 525. *II* 481.
Адлерберг Н. В. *I* 491. *II* 32.
Айзеншток И. Я. . . . *I* 403.
Аксаков И. С. *II*. 225, 253, 442.
Аксакова А. Ф. (Тютчева) *II* 225, 442.
Аксаковы . . . . *II* 10.
Аладьин . . . . *I* 83.
Александр I *I* 31, 47-50, 63, 70, 86, 95, 177, 283, 386. *II* 12, 13, 19, 49, 144.
Александр II *I* 9, 10, 12, 18-21, 108, 129, 214-5, 220, 397, 408, 416, 512, 524, 543, 584. *II* 48-59, 83, 92, 100, 104, 111, 128-37, 144, 155, 160, 166-189, 196-7, 211, 216, 225-28, 231, 235, 255-6, 267-73. 291-305, 316, 320-1, 331-4, 340-1, 351, 361-3, 369-77, 380-1, 386, 390-1, 403, 413-4, 421-8, 433-51, 454-8, 460-5, 473, 484-90, 494-501, 505, 510-16, 523, 526, 537-8, 557-62, 569-71.
Александр III *II* 72, 92, 104, 271-2, 292, 330-4, 509, 533-4, 550, 556, 565.
Александр (Виртембергский) *I* 45-7, 78, 91, 120, 189, 231-3, 466.
Александр (Гессен - Дармштадский) *II* 339, 422-3, 521-5.
Александра Иосифовна (жена К. Н. Романова) *II* 156-9, 182, 208.
Александра Федоровна (жена Николая I)). *I* 186, 554, 567. *II* 131, 143.
Александров. . . . *I* 361.

Александрова А. С. (Викулина). *I* 352, 358, 361, 376.
Алексей Александрович (сын Александра II). *II* 487-9, 523.
Алексей (митроп.). *I* 169.
Альбединский П. П. *II* 168.
Альберт (принц английск.). *I* 456.
Ангальт Ф. . . . . *I* 70, 386.
Андреев Е. Н. . . . . *II* 301.
Андреев . . . . . *I* 268, 290.
Аничков В. М. . . . . *II* 527.
Анненков И. В. *II* 275-6, 279, 293.
Анненков Н. Н. *I* 553, 586.
Анненков П. В. *I* 5. *II* 275.
Аннет . . . . *I* 242.
Анреп И. В. *I* 330, 333-4, 337-47, 383, 467, 471, 481, 490-3, 505, 510-3. *II* 8.
Антонович-Войшин П. А. *I* 312-5.
Антье Б. . . . . *II* 429.
Аполлон . . . . *I* 62.
Апоньи (Трубецкая) *II* 85.
Апухтин . . . . *I* 574-82.
Аракчеев А. А. *I* 159, 165, 386-9, 396, 411. *II* 13, 20, 462, 511.
Арендт Н. Ф. *I* 92, 105, 167.
Армфельд А. Г. . . . . *II* 18.
Арсеньев К. К. . . . . *II* 288.
Арсеньева Н. А. . . . *I* 361.
Афанасьев . . . . . *I* 408-9.
Афанасьев Г. (крест.) *I* 279.
Бабст И. К. *II* 92-3, 519-20.
Бажанов В. И. . . . . *II* 175.
Базен *I* 86-7, 111, 114, 118-23, 233.
Базилевский . . . . . . *II* 56.
Баймаков Ф. П. *II* 545-8, 553.
Байрон . . . . *I* 94.
Бакунин М. А. *I* 206, 211-12, 263, 315. *II* 279, 320, 483.
Баландин А. И. *I* 185, 197, 349, 350, 471, 527. *II* 8, 35, 497.
Балк . . . . *I* 250.
Бальзак . . . . *I* 208.
Баранов Э. Т. *II* 129, 132, 189, 285-6, 452.
Барклай-де-Толли М. Ф. *I* 141. *II* 11-13.
Бартенев П. И. *I* 221. *II* 54. 458.
Барятинский А. И. *I* 343. *II* 146, 249, 289, 504.
Баташев И. Р. *I* 46, 442.
Баташевы . . . . *I* 444.
Батюшков К. Н. . . . . *I* 80.
Баумгартен А. К. *II* 506-9.
Баур . . . . *I* 203.
Бахрушин С. В. *II* 257, 442.
Башмаков А. Д. *II* 326-8.
Башмаков С. Д. *II* 326-8, 338-40.
Башуцкий П. . . . . . *I* 423.
Бебутов . . . . *I* 289.
Бевад *I* 489-92, 495, 499, 501, 508, 510-1, 517-9.
Бегичев Д. Н. . . . . *I* 376-9.
Безак А. П. *II* 125, 218.
Безобразов М. А. . . *II* 529.
Безобразов Н. А. . . *II* 257.
Безобразов С. Д. . . *II* 134-6.
Бекетова Е. Г. (Карелина) *II* 222.
Белинский В. Г. *I* 5, 211, 262.
Белогужев . . . . *I* 486.
Белуха-Кохановская Е. *I* 44-5.
Беляев М. Д. . . . . . . *I* 146.
Бем . . . . *I* 495.
Бенардаки Н. Д. . . . *II* 469.

Бенкендорф А. Х. *I* 95, 152-166, 356-8, 364-76.
Бентковский (революц.) *II* 197.
Бентковский (подполк.) *II* 197.
Беранже . . . *I* 66, 97, 192.
Берг Н. В. *II* 145, 158, 213.
Берг Ф. Ф. *I* 467, 517. *II* 206-7, 229-31, 315, 340, 480, 510.
Березовский (стрелявший в Александра II) *II* 320-1.
Бестужев А. А. (Марлинский) *I* 75-9, 101, 339. *II* 22.
Бестужев-Рюмин М. А. *I* 64, 132-3.
Бестужев-Рюмин М. П. (декабрист) *II* 573-4.
Бетанкур . . . . *I* 90.
Бибиков Д. Г. *I* 240, 402-8.
Бибикова Е. А. . . . . *I* 240.
Бильбасов А. А. *II* 281-8, 571-2.
Бильбасов В. А. . . . *II* 552.
Бирнбаум . . . . *I* 121.
Бируков А. С. . . . . *I* 67-8.
Бисмарк . . . . *II* 308.
Благой Д. Д. . . . . . . *I* 133.
Блейхредер (банкир) *II* 397, 407.
Блек . . . . *II* 85.
Блинов . . . . *II* 332.
Блиох И. С. . . . . *II* 418, 446.
Блудов Д. Н. *I* 163-4, 400, 467. *II* 143-4.
Бобринский А. А. *I* 261. *II* 246, 350, 384.
Бобринский А. П. *II* 264, 350, 360-8, 384-5, 407, 414, 429, 433-64, 473, 483-5, 492, 512-5, 567.
Бобринский В. А. *II* 181-2, 206, 264, 304, 348-54, 357, 363-76, 379-93, 397-8, 400-4, 408,-23, 428, 430, 433-54, 459-72, 478, 484.
Бобринский Л. А. . . *II* 384.
Бобрищев-Пушкин . . *II* 412.
Богданов . . . . *II* 51.
Богданович А. В. *II* 333, 565.
Богданович Е. В. *II* 333, 563-6.
Боголюбов . . . . *I* 164.
Богомолец М. Р. *II* 89-90, 153.
Бок Е. Т. . . . . *II* 538.
Болтин Н. П. . . . . *II* 74-5.
Боратынская А. С. *II* 481.
Боратынская (мать поэта) *I* 227.
Боратынская А. Л. (Энгельгардт, жена поэта) *I* 227, 253.
Боратынская С. М. (Салтыкова) — см. Дельвиг С. М.
Боратынские *I* 228-9, 253.
Боратынский Е. А. (поэт) *I* 55, 62-5, 73, 76, 83, 94, 129, 131-3, 143-4, 151, 173-4, 180, 190, 206, 227, 253. *II* 19.
Боратынский (Флоранский) *I* 101.
Боратынский Ир. А. *I* 227.
Боратынский Л. А. *I* 227.
Боратынский С. А. *I* 125-6, 192-7, 227-9, 253-4.
Борейша . . . . *I* 233.
Боричевский И. П. *II* 352.
Бороздин . . . . *I* 535.
Борх . . . . *II* 312.
Боссак (револ.) . . . *II* 524.
Бостанжогло В. М. *II* 469.
Боткин В. П. . . . . . *I* 273.
Боткин С. П. . . . . *II* 493-5.

Брандт Е. Е. . . . . *II* 318-19.
Брандт Л. В. . . . . *II* 353.
Брезгун . . . . *I* 450.
Бремзен . . . . *II* 159.
Брин . . . . *II* 126.
Брин . . . . *I* 485.
Брискорн . . . . . . *I* 401-2.
Бродский Н. Л. . . . *I* 131.
Бруннов Ф. И. . . . *II* 511.
Брюллов К. П. . . . *II* 366.
Брюховы . . . . *I* 443.
Бугров . . . . *I* 463.
Букье (Викторова) II 477.
Букье . . . . *II* 477.
Булгарин Ф. В. *I* 64, 77, 80, 102-3, 128-145, 150-3, 156, 168. *II* 353.
Булдаков . . . . *I* 125, 466.
Булдакова В. А. (Кокошкина, Клейнмихель) *I* 124, 125, 389, 532.
Бунге Н. Х. . . . . . *II* 220.
Буренин В. П. . . . *II* 552-3.
Буссе . . . . *II* 126.
Бусурин И. А. *II* 341-2, 364.
Бутурлин Д. П. . . . . *II* 60.
Бутурлин М. Д. . . . *I* 240-1.
Бутурлин Н. А. . . . *II* 289.
Бутурлин (Нижегор. губ.) *I* 271-3, 419.
Бутурлина . . . . *I* 241.
Бутурлина Е. И. (Нарышкина) *I* 240-1.
Быков . . . . *II* 331.
Вадковская? С. (Викулина) *I* 352-3, 357, 368, 372.
Вадковская (Меньшикова) *I* 49.
Вакх . . . . *I* 61.
Валуев П. А. *II* 138-42, 179, 189-90, 210-11, 222, 294, 327, 330, 333, 485-6, 501, 556, 563.
Вальховский В. Д. . . . *I* 57.
Варенцов . . . . *I* 45, 79, 33.
Варнек А. Л. . . . . . *I* 263.
Варшавский А. М. *II* 302-3, 364, 408, 446, 454.
Васильев И. В. . . . . II 224.
Васильева (актр.) *II* 127.
Васильчиков . . . . . . *I* 362,
Васильчиков А. В. *I* 203-4.
Васильчиков А. И. *II* 550-2.
Васильчиков А. С. . . . *I* 203.
Васильчикова А. А. *I* 203.
Вейсберг М. Я. *I* 424-8. *II* 342.
Велепольский *II* 152-3, 158, 229, 314.
Великопольский И. Е. *I* 84.
Вельяминова-Зернова Е. И. *II* 44.
Веневитинов А. В. . . . *I* 75.
Веневитинов Д. В. (поэт) *I* 74-5.
Веневитинов (сен.) *II* 324.
Вердеревский А. Е. *I* 359-60.
Вердеревский В. Б. *I* 359, 373, 421.
Веревкин В. Н. . . . *II* 308.
Верещагин . . . . . *II* 160-1.
Верзилин (ген.) . . . . *I* 492.
Верховский Ю. Н. *I* 98, 133. *II* 151, 345.
Веселитская М. С. (Зуева) *I* 44, 503.
Веселитский . . . . . . *I* 503.
Вигель . . . . *II* 324.
Вигель Ф. Ф. *II* 116. *II* 15, 324.
Видок . . . . *I* 134-8.
Викерсгейм *II* 421, 426, 433, 455-9.
Виктор-Эммануил (итал. король) *II* 129-33.

Виктория (англ. корол.) *I* 456. *II* 290.
Викторов Ф. А. *I* 51, 53, 71.
Викторовы. . . . *II* 179, 477.
Викулин А. А. *I* 32, 352-4.
Викулин А. С. *I* 351-2, 360, 373-4.
Викулин А. Ф. . . . . *I* 31-3.
Викулин В. А. . . . . . *I* 32.
Викулин И. А. . . . . . *I* 32.
Викулин П. С. . . . . *I* 352.
Викулин Сем. А. *I* 32, 251, 351-62, 365-6, 372, 375-9. *II* 116.
Викулин Сем. С. *I* 32, 352-4, 368, 374.
Викулин Серг. А. . . . . *I* 32.
Викулина А. И. (Дельвиг) *I* 30, 33, 49, 192-3, 201-4, 210, 235, 251, 263, 290, 351-5, 360-78, 429, 456. *II* 116, 129, 233, 273, 286-7, 472-3, 493-5, 547.
Викулина Вал. С. . . . *I* 351.
Викулина (Кугушева) *I* 32.
Викулина Эм. С. . . . *I* 351.
Викулины *I* 212, 215, 247, 352, 361, 376, 379.
Вильгельм I (имп. герм.) *II* 510.
Виноградов Г. Н. *I* 420, 427.
Виноградова В. Т. (Погуляева) *I* 420.
Виноградский . . . . . *I* 101.
Витгенштейн . . . . *II* 522-3
Витовтов П. А. . . . . *II* 289.
Витте С. Ю. *II* 413, 513, 531, 544.
Виттенгейм . . . . . *II* 247-8.
Владимир (вел. кн.) *I* 29. *II* 491.
Владимир Александрович (сын Александра II *II* 72, 320, 537-8.
Воейков (полк.) . . . . *II* 12.
Воейков А. Ф. (писатель) *I* 69, 108, 142-3.
Войцехович А. И. . . . *I* 401.
Волкенштейн . . . . . *I* 242.
Волков А. П. . . . . *II* 330.
Волковский . . . . . . *I* 364.
Волконская А. А. . . . *I* 30.
Волконская (Урусова) *I* 550.
Волконская М. Н. (Раевская) *I* 206, 300.
Волконская Н. А. *I* 30, 193.
Волконская П. А. . . . *I* 30.
Волконская Т. А. *I* 30, 365.
Волконский А. А. *I* 27, 29, 32, 34.
Волконский А. А. *I* 30, 43, 49, 195, 201, 204, 241, 249-50, 263, 365, 424, 429, 430, 452, 550.
Волконский А. Г. . . . *I* 29.
Волконский Г. И. . . . *I* 29.
Волконский Д. А. *I* 30-1, 42, 51-2, 204, 234-6, 242-3, 258, 361, 365-6, 372, 429. *II* 22-3.
Волконский Л. А. . . . *I* 35.
Волконский М. С. *II* 335-6.
Волконский Н. А. *I* 30-1, 43.
Волконский С. Г. (декабр.) *I* 206, 300. *II* 335.
Вольтер . . . . *I* 212.
Вонлярлярский А. А. *I* 409-10, 431-5, 551-89.
Вонлярлярский Е. П. *I* 410.
Воронцов М. С. *I* 289, 336, 472-3, 526.
Воронцов-Дашков И. И. *II* 531, 535, 550.
Врангель А. Е. . . . . *I* 302.
Врангель К. К. . . . . *II* 133.
Врангель (моряк) . . . *I* 58.
Вревский (капитан) *I* 320-3.

Вревский (полк.) . . *I* 317-8.
Второв Н. И. . . . . . *I* 131.
Вульф А. Н. *I* 94-5, 100, 107, 149.
Высоцкий . . . . *I* 38.
Вяземский П. А. (поэт) *I* 55, 83, 129, 139, 141, 155, 160, 456.
Гагарин Л. *I* 453-5, 460-2.
Гагарин П. П. *I* 378-9, 453. *II* 67, 304, 355, 473, 474, 478-9.
Гагарин С. И. . . . . *II* 99.
Гагарины . . . . *II* 258.
Гаевский В. П. *I* 133, 180.
Гамалея . . . . *I* 555.
Гамлет . . . . *I* 94.
Ганнибал А. П. . . . *I* 138-9.
Ганнибал ? А. . . . *I* 138-9.
Гаррисон . . . . *II* 325.
Гартмейер . . . . *II* 116.
Гауке . . . . *II* 524.
Гвейер . . . . *II* 318.
Гвоздевы . . . . *I* 49.
Гебра . . . . *II* 495.
Гегель . . . . *I* 212.
Гейден Ф. Л. . . . . . *II* 355.
Гейнс *II* 363, 375, 438, 449, 460-4.
Генс . . . . *I* 404-5.
Георгий Александрович (сын Ал. III) *II* 440.
Гергей (венг. револ.) А. 492-8, 503-14, 517-8, 522.
Герн . . . . , . *II* 358.
Герстфельд Э. И. *I* 493-4. 498, 561-2, 584-5. *II* 230-1, 380, 436-7, 440, 444-5, 561.
Герцен А. И. *I* 23, 115, 210-15, 267, 396, 429. *II* 66, 80-4, 115, 178, 199, 208-10, 237, 258, 280, 320-1.
Гершензон М. О. *I* 221, 223.
Герштенцвейг А. А. *I* 396.
Герштенцвейг А. Д. *I* 394-6.
Герштенцвейг Д. А. *I* 396.
Гессе . . . . *I* 535.
Гильденбрандт И. Ф. *I* 206, 210.
Гильдебрандт (Лан) *I* 210.
Гладин . . . . *II* 353-5.
Глазенап (ген.) . . . . *I* 500.
Глебов . . . . *I* 47.
Глинка С. Н. . . . . . *II* 22-3.
Глинка Ф. Н. (поэт и декабрист) *I* 73-4. *II* 22.
Глинка-Маврин (ген.) *I* 503.
Глинский . . . . *I* 442-3.
Глухов . . . . *I* 199.
Гнедич Н. И. *I* 76, 80-2, 172.
Гогель Г. Ф. *I* 418. *II* 104.
Гогенлоэ . . . . *II* 230.
Гоголь Н. В. *I* 171, 197-8, 222. *II* 91.
Годейн . . . . *I* 201.
Голицын . . . . . . *II* 284-6.
Голицын . . . . *II* 474.
Голицын А. Ф. *I* 369, 376, 584.
Голицын В. С. *I* 306, 549.
Голицын Д. В. *I* 238, 366. *II* 99.
Голицын Л. Г. . . . . *I* 443.
Голицын С. М. *II* 8, 474.
Голицына А. Д. (Шепелева) *I* 443.
Головин Е. А. *I* 300-4, 312-15.
Головина (Кошелева) *II* 126.
Головкин *II* 61, 65, 68, 153.
Головнин А. В. *I* 85, 477-82. *II* 19, 150, 176-9, 266-7 296, 490-1, 502-5, 515-8, 560.
Голохвастов Д. Д. . . *II* 257.
Гольмстрем . . . . . . *II* 328.
Горбов М. А. *II* 364, 468-71.
Горбунов И. Ф. . . . . *II* 32.

Горковенко А. С. . . *II* 490.
Городецкая Е. Т. (Погуляева) *I* 420.
Городецкий . . . . . . *I* 420.
Горсткин . . . . *II* 337.
Горчаков А. М. *I* 57, 65, 455. *II* 129-32, 193, 316, 511-2.
Горчаков М. Д. *I* 485-6, 493-7, 509-10, 517-8, 523, *II* 30. 34, 39, 42, 59, 145, 158, 289.
Горчаков П. Д. . . . . *II* 38.
Готман П. Д. *I* 273, 417, 421. *II* 180.
Гоу . . . . *II* 325.
Гофман (полк.) . . . . *I* 365.
Гофман М. Л. (пушкинист) *I* 14, 100, 133.
Гофман (нем. писат.) *I* 72, 106.
Граббе . . . . *I* 304-5.
Граббе П. Х. *I* 296, 299-307, 311, 314, 318-20, 330, 486, 496-7, 506. *II* 214-220.
Граве В. И. *II* 183, 188, 233, 321-2, 347-8, 372.
Гранси . . . . *II* 458.
Грейг С. А. *II* 163, 354-5, 457, 536-43, 561.
Греч Н. И. 102-3, 128-32, 136-7, 141-3, 151-2, 165, 252. *II* 365.
Грибоедов А. С. *I* 49, 124, 135.
Григорьев . . . . *I* 461.
Гроссман Л. П. (писатель) *I* 46.
Грот К. К. . . . . *II* 58, 259.
Грузинский Е. А. *I* 274, 435, 464.
Губин . . . . *II* 181.
Губонин П. И. *II* 53, 318. 336, 369, 396, 400, 408, 417, 421-2, 425-6, 455-7, 460, 470-1, 491.
Гулевич А. М. . . . . *I* 537-9.
Гумбольдт А. . . . . . *I* 235.
Гурбандт ? Е. . . . *I* 256, 349.
Гурбандт Е. М. *I* 92, 105, 182, 187, 197, 256.
Гурбандт (Дельвиг) *I* 28, 92.
Гуюс . . . . . . *I* 536 569-71.
Гюнтер . . . . *II* 290-1.
Давыд. . . . . *I* 66, 73.
Давыдов Д. В. . . . *I* 264-5.
Дагмара (см. Мария Феодоровна).
Данзас К. К. . . . . *I* 57, 338.
Даниельсон Н. Ф. . . . . *I* 8.
Данненберг П. А. *II* 34, 42-3, 127.
Данненштерн . . . . II 305.
Дашков Д. В. . . . . . *I* 163.
Девонширский (герц.) *I* 46.
Девриер . . . . . *II* 412, 435.
Делавинь К. (поэт) *I* 135, 154. *II* 143.
Делагарди . . . . . *II* 273-80.
Делагарди Е. Д. *II* 273-80.
Деларю Д. . . . . *I* 256.
Деларю М. Д. *I* 125-6, 172, 182, 197, 256.
Дельвиг А. А. (поэт) *I* 14, 21, 51-86, 92-112, 122-136, 142, 155, 158-191, 195-6, 205, 227, 466, 523. *II* 132, 143, 157, 481, 573-4.
Дельвиг А. А. (отец поэта) *I* 28, 33-4, 57, 109, 170.
Дельвиг А. А. (брат поэта) *I* 109, 188, 193-4.
Дельвиг А. А. (Волконская — мать автора) *I* 27-9, 33, 36-7, 181, 191-3, 196, 201, 204, 234-5, 251, 286, 290, 345, 364-5, 368-72, 429.

Дельвиг А. И. (брат автора) *I* 30-3, 80, 84, 92, 100, 105, 109, 127, 147-9, 161, 166, 187, 197, 201.
Дельвиг А. Н. (плем-ца автора) *II* 126-7.
Дельвиг Д. Н. (плем. автора) *II* 128.
Дельвиг Е. А. (дочь поэта) *I* 126, 148, 172, 176, 181, 184-5, 191-3, 196. *II* 90, 481.
Дельвиг И. А. (отец автора) *I* 28, 30, 181.
Дельвиг И. А. (брат поэта) *I* 109, 188, 193-4.
Дельвиг Л. М. (Красильникова—мать поэта) *I* 28, 168-9, 193-4.
Дельвиг Н. И. (брат автора) *I* 30 201-2, 251, 255, 265, 288, 290, 364, 367, 453, 463, 483. *II* 29-32, 37. 42, 59-60, 126-36, 160.
Дельвиг (жена предыд.) *II* 29, 32, 127.
Дельвиг С. М. (жена поэта, рожд. Салтыкова, во 2 браке Боратынская) *I* 21, 54, 70-2, 74, 92, 97-108, 122-7, 146-9, 172, 175-188, 191-7, 207, 227-9, 253-4. *II* 90, 481.
Дельвиг Эм. Н. (Левашева—жена автора) *I* 262-4, 282, 290-1, 297, 306, 328, 347-9, 356-8, 418-9, 483, 523, 541. *II* 44, 60, 63, 68, 76, 90, 120, 156, 179-80, 198, 233, 238, 245, 281-3, 288, 297, 571-2.
Дельвиги . . . . *I* 27.
Делянов И. Д. . . . . . *II* 558
Демор П. Ф. . . . . . *II* 353.
Демут (гостиница) . . *II* 27.
Депре . . . . *I* 192-3.
Дервиз И. Г. . . . . . . *II* 466.
Дервиз П. Г. *II* 297, 309-12. 394, 466-7, 544.
Державин Г. Р. *I* 43-44, 51, 160, 173.
Дестрем *I* 86-7, 189, 467, 565, 587.
Джаксон . . . . *I* 293-4.
Дженеев . . . . *I* 405.
Дибич И. И. . . *I* 227. *II* 57.
Дмитриев И. И. (поэт) *I* 44, 160, 206-7.
Дмитриев М. А. . . . *I* 206.
Дмитриев-Мамонов М. А. *I* 40.
Долгорукая А. С. (фаворитка Александра II, Альбединская) *II* 167-8.
Долгорукая В. Г. . . *II* 458.
Долгорукая Е. М. (фаворитка Александра II, Юрьевская) *II* 168, 422, 458, 460, 513. 519.
Долгорукие . . . . . . *I* 124.
Долгорукий Вас. А. *II* 137, 167, 178, 186, 293, 501.
Долгорукий Вл. А. *II* 225.
Долгорукий В. М. *II* 422-3.
Долгорукий М. М. . . *II* 458.
Долгорукий С. А. . . *II* 492.
Дондуков - Корсаков А. М. 217-8.
Дон-Кихот . . . . . . *I* 133.
Дорофеев С. . . . . . . *I* 222.
Дребуш А. Ф. . . . . . *I* 548.
Дрентельн А. Р. . . . *II* 218.
Дружинин . . . . *I* 198.
Друцкая-Соколинская Л. А. (Закревская, Нессельроде) *II* 14, 18-19, 94-7.
Друцкой-Соколинский Д. В. (муж предыдущей) *I* 550. *II* 94-6.

Друцко-Соколинский (смол. предв. двор.) *I* 572-3.
Дубельт Л. В. *I* 356-8, 363, 366-76. *II* 209.
Дубянская Е. П. . . . *I* 226-7.
Дубянские . . . . . *I* 226-7.
Дунин-Слепец . . . . *II* 358.
Духовской Е. М. *II* 328, 339, 459-60.
Евгений (Болховитинов) *I* 38.
Екатерина II—*I* 40, 70, 139, 202-4, 386. *II* 458.
Екатерина Павловна (вел. кн.) *I* 30.
Елагина А. П. . . . . . *II* 54.
Елена Павловна (вел. кн.) *II* 30, 41, 248-52, 290.
Елена (св.) . . . . *I* 88.
Елизавета Петровна (имп.) *I* 535-6. *II* 28, 176.
Ермолов А. П. . . . *II* 107-8.
Есаков ? С. . . . . . . *II* 157.
Ефимович *II* 337, 408, 421-7, 433, 439, 446, 452, 455-60, 485, 519.
Ефремов В. П. . . . . *II* 247.
Жданович . . . . . . *II* 397.
Желтухин А. Д. . . . . *II* 67.
Жельверт . . . . . . *I* 107-8.
Жемчужников В. В. . *II* 407.
Житков . *II* 159, 233, 265-6.
Жуков Н. И. . . . *I* 46, 49.
Жукова С. И. (Исленева) *I* 46.
Жуковская (дочь поэта) *II* 487-9.
Жуковский В. А. (поэт) *I* 55, 60, 67-8, 76, 80-1, 85, 129-130, 142-3, 160, 163, 173, 523-4. *II* 54, 487.
Журавлев . . . . *II* 563-4.
Журавский Д. И. *I* 546-7. *II* 106, 135.
Завадовская А. Н. (Пулло) *I* 309.
Завадовский Н. С. *I* 308-10, 321, 336, 382.
Загорецкий («Горе от ума») *I* 124.
Загоскин Н. Н. . . . *I* 245.
Загоскина (Мертваго) *I* 245.
Задлер . . . *II* 401-7, 448-9.
Заика Н. Е. *I* 564. *II* 26.
Зайцев В. А. (писатель) *II* 279.
Зайцев . . . . *I* 198.
Закревская А. Ф. (Толстая) *II* 13, 18-19.
Закревский А. А. *I* 260, 588-9. *II* 7-27, 54, 94-8.
Залесский . . . . . *I* 404-5.
Зальман (Греч, Брюллова) *II* 365.
Зальман *II* 160-1, 163, 174, 365.
Замков Н. К. (писатель) *I* 14, 150, 154.
Замятин А. Г. *I* 191, 212-15.
Замятин Г. А. *I* 191, 206, 212-15. *II* 81.
Замятина П. А. *I* 191, 368.
Замятнин Н. А. *I* 29. *II* 243.
Засецкая . . . . . . *II* 284-6.
Засс . . . *I* 307, 492-3, 505.
Затлер . . . . *I* 491.
Здекауэр Н. Ф. *II* 270-1. 484.
Зеленый А. А. *II* 211, 268, 355, 391, 433-6, 506.
Зенгбуш . . . . *I* 447-8, 461.
Зиновьев Н. В. *I* 227. *II* 104, 272, 331.
Зичи . . . . *I* 501.
Золотарев *II* 363, 375, 384, 392, 416, 439, 446, 459-60, 471-484.

Золотницкий А. М. *I* 243.
Зонтаг (певица) . . . *I* 54.
Зоц . . . . *II* 241-2.
Зубков . . . . *II* 122-3.
Зубов . . . . *I* 431.
Зуев А. П. . . . . *I* 45.
Зуев Д. П. . . . . . *II* 344.
Зуев Л. С. . . . . *I* 44.
Зуев П. П. . . . . . . *II* 344.
Зуев С. . . . . *I* 44.
Зуева А. О. . *I* 44-5. *II* 344.
Зуева В. . . . . *I* 44.
Зуева М. . . . . *I* 44-5.
Иванов (студент, убитый Нечаевым) *II* 463.
Иванов А. А. (художник) *II* 91.
Иванов Н. А. (проф. Каз. ун.) *II* 21.
Иванов (писатель) *I* 545.
Иванов Д. . . . . . . *I* 455.
Иванова А. С. (Толстая) *II* 21-2.
Измайлов Л. Д. . . . *I* 274.
Измайлов А. Е. *I* 60, 64, 67-8, 103, 132.
Измайлов Н. В. (пушкинист) *I* 146.
Икар . . . . *I* 62.
Икскуль . . . . *II* 167.
Илличевский А. Д. *I* 59, 72.
Илья . . . . *I* 498.
Инценблиц . . . . . . *II* 250.
Иоанн IV (Грозный) *I* 55.
Иогель П. А. . . . . . . *I* 37.
Исаков Н. В. . . . . . . *I* 39.
Искрицкий Д. А. . . . *I* 80.
Иссерлин Е. М. . . . . *II* 296.
Истомина Е. И. . . . *I* 199.
Кабат И. И. . . . . . *II* 247.
Кавелин К. Д. . . . *II* 220.
Кавур К. . . . . *II* 130.
Казаков . . . . *II* 318.
Казачковский . . . . *II* 289.
Казначеев (инж.) *II* 151, 237.
Калст . . . . *I* 273.
Каменский Н. М. . *II* 11-12.
Канкрин В. Б. . . . . *I* 320.
Канкрин Е. Ф. *I* 6, 224, 270-1, 320, 391.
Каншин . . . . . *I* 171, 181.
Капнист В. В. . . . . . *I* 44.
Каракозов В. Д. *II* 279-80, 292-7.
Карамзин Н. М. *I* 43, 135, 160, 172, 340.
Карамзины . . . . *I* 85.
Карелин В. С. . . . . . *I* 93.
Карелина А. Н. (Семенова) *I* 179, 196-7.
Карл XII . . . . *I* 115.
Карнаухова М. Т. . *II* 483.
Катенин П. А. . . . . *I* 129.
Катер А. Х. . . . . . *II* 185.
Катков М. Н. *I* 159. *II* 61, 125, 222-3, 502-3, 545-7, 553, 564.
Кауфман К. П. . . *II* *268-9*.
Каховский П. Г. (декабрист) *I* 175.
Каци-Моргани *I* 334-5, 340.
Качалов Н. А. . . *II* 331-4.
Квицинский . . . . . . *II* 38.
Келлер (Ризничная) *II* 544.
Келлер . . . . *II* 544.
Кениг . . . . . . *II* 225, 356.
Кенике . .. . *I* 41.
Кербедз С. В. *II* 106, 133, 153, 160-2, 183-4, 208, 222-3, 229-31, 261-2, 358, 371, 515.
Керн А. П. *I* 21, 98-101, 106. *II* 151, 344-5.
Керн Е. Ф. . . . . *I* 98.
Кесарь . . . . *I* 158.

Кетчер Н. Х. *I* 206, 210-11, 264-8, 290. *II* 220.
Киприянов В. А. *II* 249, 346.
Киреев Н. . . . . . *II* 462-3.
Киреев (офиц.) . . . *II* 156.
Киреев (домовл.) . . . *II* 8.
Киреевская Е. С. (Толстая) *I* 282. *II* 71.
Киреевский И. В. *I* 144. *II* 10.
Киреевский П. В. *II* 10.
Киселев П. Д. *I* 456, 584-5. *II* 19-21, 132.
Киселева С. С. (Потоцкая) *I* 456.
Кистер . . . . *II* 458.
Китары М. Я. . . . . *II* 100.
Клапка Г. (венг. револ.) *I* 506.
Клевецкий . . *II* 228-9, 478.
Клейнмихель А. А. *I* 386-7.
Клейнмихель А. . . . *I* 386.
Клейнмихель А. Ф. (Ришар) *I* 124, 386.
Клейнмихель В. А. (Кокошкина) см. Булдакова.
Клейнмихель В. П. *II* 293.
Клейнмихель К. П. (Хорват, Ильинская) *I* 389-91, 399, 412-3, 528-9, 567. *II* 26, 59.
Клейнмихель М. П. . *I* 540.
Клейнмихель П. А. *I* 122-5, 224, 382, 385-402, 405-17, 426, 429-35, 438-42, 446-51, 467-71, 474-5, 483-4, 487-8, 523-39, 543-6, 549-57, 562-71, 580, 583-90. *II* 8, 13, 17, 20, 25-8, 46-52, 98-9, 138, 144, 150, 200, 249, 263-4, 289, 436-7.
Клейнмихель (сестры) *I* 124.
Климов Д. В. . . *I* 424, 452.
Климов Ф. Д. . . . . *II* 506.
Ключарев . . . . . . *II* 398.
Княжевич А. М. . . *II* 134.
Княжевич В. М. . . *II* 32-3.
Княжевич Д. М. . . . *I* 84.
Кобазов . . . . *I* 328.
Ковалевский Е. П. . *II* 151.
Ковалевский . . . . . *I* 362.
Ковалевский . *I* 356-8, 366.
Кожевников . . . . . . *I* 136.
Кожин . . . . *I* 122-3.
Козен А. П. (Клейнмихель) *I* 539-40.
Козлов И. И. . . . *I* 104-5.
Козлянинов Н. Ф. . *II* 218.
Кокорев В. А. *I* 36. *II* 88, 137, 331, 526-8.
Кокошкин Н. А. . . . *I* 532.
Кокошкин С. А. . . . *I* 124.
Колебякин Н. П. . . *I* 340-4.
Колесов В. П. . *II* 119, 224.
Колесов И. Н. *I* 243-7, 476. *II* 8, 27, 224, 281-2, 288, 299, 486.
Колесов Н. Н. *II* 281-8, 571-2.
Колесова Ю. С. . . . *I* 368.
Кологривов И. С. . . *II* 205.
Кологривов . . . . . . *I* 226.
Кологривова А. Ф. (Вельяминова-Зернова) *I* 226, 263.
Колотушкин . . . . . *I* 199.
Комаров . . . . *II* 8.
Комиссаров О. И. (Костромской) *II* 292-5.
Комовский . . . . *I* 65.
Кони А. Ф. . . . *II* 527, 543.
Констан Б. (франц. писат.) *I* 135.
Константин Николаевич (в. кн.) *I* 478-81, 490, 497-8, 509. *II* 50, 152, 155-62,

182, 187, 190, 207-8, 229, 266-7, 280, 299, 304-8, 314-6, 391, 411, 489-90, 503, 513, 517, 519, 534, 543, 556, 561, 563.
Константин Павлович (вел. кн.) *I* 47-8, 161.
Коншин Н. М. . . . . . *I* 83.
Коп . . . . *I* 237-8.
Коптев В. И. . . . . . . *I* 296.
Копьев (рабочий) . . *I* 442.
Коризна . . . . *I* 281.
Корниани . . . . . *I* 379-80.
Корниани А. Н. (Тютчева) *I* 379. *II* 244-5.
Корнилов В. А. . . . *II* 39.
Корнилович . . . . . *II* 463.
Корнильев В. Д. . . . *I* 190.
Короленко В. Г. . . . *II* 295.
Корф М. А. . . . . . . *I* 65.
Корш В. Ф. *II* 545-9, 551-3.
Космократов (см. Титов В. П.).
Косцюшко Т. . . . . . *I* 137.
Коцебу П. Е. . . . *II* 251-4.
Кочубей . . . . *I* 532.
Кошелев А. И. *II* 101, 105-6.
Кошелева . . . . . . *II* 126.
Кошут Л. *I* 501, 504, 507, 513, 518, 519.
Краббе Н. К. . *II* 124, 542.
Краевский А. А. *I* 267. *II* 552.
Крапивка . . . . . . *II* 522-4.
Красинский . . . . . *II* 164.
Крафт Н. О. *I* 547. *II* 106.
Крейслер . . . . *II* 126.
Крепейн А. А. . . . *I* 265-8.
Кривцов Н. И. . . *I* 228-30.
Кривцов С. И. . . . . *I* 228.
Кропоткин П. А. . . *I* 315.
Крузе Н. Ф. . . . *II* 61, 258.
Крупп А. . . . . . . *II* 250-1.
Крыжановский Н. А. *II* 211-12.
Крылов И. А. *I* 55, 76, 129, 142, 304, 340.
Кугушев Г. В. (писат.)) *II* 117.
Кукин (крест.) . . . *I* 436-7.
Купреянов . . . . *I* 486, 500.
Курочкин Н. С. *II* 275, 280.
Кутайсов И. П. . . .*I* 443-4.
Кутайсов . . . . *I* 239.
Кутайсова Е. Д. (Шепелева) *I* 443-4.
Кутузов М. И. (Смоленский) *I* 396, 398. *II* 16.
Куцевич Е. А. (Дельвиг) *I* 28.
Кушников С. С. . . . *I* 179.
Кюхельбекер В. К. *I* 59, 78-9.
Лазарев М. П. . . . . *I* 314.
Лазарев-Станищев . *II* 397.
Ламанский Е. М. . . *II* 198.
Ламармора (ит. ген.) *II* 129-30.
Ламберт К. К. *I* 395-6, 524. *II* 145, 290.
Ламздорф . . . . . . *II* 189.
Лампе П. И. . . . . *II* 247.
Лан (доктор) . . *I* 206, 209.
Лан Ф. . . . . *I* *209.*
Ланской П. П. . . . *I* 468.
Ланской С. С. *II* 66, 138-9.
Лаппа И. В. . . . . . *II* 397.
Левашев А. Н. . . . *I* 263.
Левашев Вал. Н. *I* 223, 262-3, 268. 289-91, 541. *II* 76, 241.
Левашев В. . . . . . *I* 223.
Левашев Вас. Вас. (граф) *I* 58.
Левашев Вас. Н. . . *I* 263.

Левашев Н. В. *I* 171, 191, 205-7, 210-2, 215-8, 222-6, 253, 262-8, 273-4, 277-80, 284-5, 290-3, 300, 310, 465. *II* 10, 76.
Левашев Н. Н. *I* 263, 541. *II* 76.
Левашева Е. Г. *I* 191, 205-18, 225-6, 253, 262-8, 291-2, 300, 310, 571. *II* 63, 81.
Левашева (Замятина) *I* 191.
Левашевы *I* 181, 286, 289.
Левенсон . . . . *II* 436.
Лейхтенбергская (Акинфиева) *II* 302.
Лейхтенбергский М. (герц.) *II* 326.
Лейхтенбергский Н. М. (герц.) *II* 27, 301-3.
Леметр Ф. . . . . . . *II* 429.
Лемке М. К. (писатель) *I* 207, 214. *II* 83, 237, 280.
Лендорф-Штейнрот *II* 364.
Ленин В. И. *I* 15, 358. *II* 575-6.
Леонов . . . . *I* 545-6.
Леонтьев П. М. *I* 459. *II* 61, 125, 222, 545-8, 553, 565.
Лепковский . . . . . . *I* 403.
Лермантов В. Н. *I* 110-14, 118, 120, 417-8.
Лермантов М. Ю. *I* 124, 304-7, 320, 405, 492. *II* 551.
Лернер Н. О. (пушкинист) *I* 24, 86, 124, 141, 150.
Лещов О. И. . . . . *I* 275-6.
Лещов П. О. . . . . . *I* 276.
Ливен. . . . . *I* 485.
Лидерс А. Н. *II* 59, 152, 155, 159-60, 202, 289-90.
Лин. . . . . *I* 542.
Лингевич . . . . *II* 197.
Линд Женни . . . . . *I* 456.
Липин Н. И. *II* 338, 366, 369.
Липранди П. П. . . . *II* 34.
Литке Ф. П. . . . . *II* 546.
Лобанов . . . . . . *I* 513-16.
Лобанов (дом.) . . . . *I* 351.
Ломоносов М. В. *I* 43, 315.
Лонгинов М. Н. *II* 62, 65, 68, 153.
Лопухин А. Ф. *I* 35, 38, 39.
Лопухин П. Ф. *I* 35, 38, 39.
Лопухин Ф. А. . . . . *I* 35.
Лопухина Д. Н. *I* 20, 35-8, 42, 47, 49, 51, 225.
Лопухина П. Ф. . . *I* 35, 38.
Лорер Н. И. (декабр.) *I* 316, 328.
Лосев . . . . *I* 360.
Лубяновский П. Ф. . *I* 535.
Лубяновский Ф. П. . *I* 535.
Лугинин Ф. Н. *I* 210, 379.
Лугинина В. П. (Полуденская) *I* 210.
Луи-Филипп . . . . *I* 8.
Лукин . . . . *I* 199.
Лысенков . . . . . . *II* 543.
Людовик XVIII *I* 40, 208.
Лямин . . . . *II* 378.
Лямин И. А. . . . . *II* 469.
Магомет . . . . I 307.
Маков Л. С. . . . . *II* 241.
Максимка-вор . . . . . *I* 489.
Максимов . . . *I* 242-3, 285.
Максимович М. А. . . *I* 83.
Максимовский . . . . *II* 399.
Максутов *I* 120, 230, 238, 243, 251.
Максутов П. Н. *I* 114, 210, 230, 238, 240, 243, 251, 254, 255.
Максутова Р. И. (Лан, см. Посьет).

Малиновский В. Ф. *I* 169-70.
Малиновский И. В. . . *I* 65.
Маль . . . . *II* 195.
Мальцева А. Н. *II* 351, 435.
Мамонтов А. Н. *II* 468-71, 519-21.
Мамонтов И. Ф. *II* 89, 102, 109.
Мамонтов С. И. . . . *II* 469.
Мандт М. М. (доктор) *II* 47.
Мансырева . . . . *II* 7.
Мария Александровна (жена Александра II) *II* 49, 59, 104, 164, 166, 225, 270-2, 298, 339, 422, 438, 442, 458, 473, 487-9, 491, 506-9, 522-4, 569.
Мария Александровна (дочь Александра II) *II* 224-5, 509-11, 537.
Мария Николаевна (дочь Николая I, Строганова) *II* 249, 290, 343, 485.
Мария Федоровна (жена Павла I) *I* 107, 409.
Мария Федоровна (жена Александра III) *II* 270.
Маркевич Б. М. . *II* 545-9.
Марков . . . . *I* 84.
Маркс Карл . . *I* 8. *II* 575.
Мартынов Н. П. . . . *I* 379.
Мартынов Н. С. (убийца Лермонтова) *I* 405, 492. 551.
Маслов С. А. . . . *I* 99-102.
Матюшкин Ф. Ф. *I* 58, 65.
Махотин . . . . *I* 445.
Мацнев . . . . *II* 244-5.
Мацнева . . . . . . *II* 244-5.
Медокс Р. М. . . . . . *II* 66.
Мейендорфы . . . . . . *I* 91.
Мейер Н. В. . . . *I* 317, 328.
Мейер С. А. (Эргардт) *I* 317.
Мейн . . . . *II* 312.
Мекк К. Ф. *II* 309, 312-3, 394, 408, 446, 456-60.
Мелиссино . . . . . *I* 386-7.
Меллер . . . . *II* 250-1.
Мельников А. П. *II* 164, 477.
Мельников П. П. *I* 123-4, 397, 547. *II* 47-50, 88, 106, 164, 179, 181, 183, 189, 195-7, 207, 213-14, 233-4, 249, 252, 259-64, 269, 293, 304-10, 316, 319, 322, 325, 328-9, 339-40, 345, 347, 351-2, 380-1, 394, 398, 409, 412, 433, 435-7, 451, 474-9, 561.
Мельников-Печерский П. И. *I* 459.
Мельникова (Викторова) *II* 477.
Меньков П. К. *I* 343-4. *II* 249, 288-91.
Меньшиков А. Д. *I* 29, 535-7.
Меньшиков А. С. *I* 49, 453, 484. *II* 8-9, 23, 37-45, 58.
Меньшиков В. А. . . *I* 525.
Меньшиков М. А. . . . *I* 49.
Мессинг А. И. . . . . *I* 420.
Мец . . . . *I* 22.
Мец (ген.) . . . . *I* 110.
Мечников И. И. . . *II* 279.
Мещерская Е. Н. (Карамзина) *I* 85.
Мещерский П. И. . . . *I* 85.
Милютин Д. А. *II* 128, 139, 146, 148, 170-1, 213-18, 268, 365, 371-2, 399, 405, 482-4, 503, 525--7, 531, 542, 550, 556.
Милютин И. А. (купец) *II* 331-4.

Милютин Н. А. *I* 407-8. *II* 139-40, 229, 269, 314-5, 377, 501.
Минерва . . . . *I* 57.
Митрофания (игум., П. Г. Розен) *II* 534-5.
Митьков . . . . . *II* 112-113.
Михаил (вел. кн. Черниговский) *I* 29.
Михаил Николаевич (вел. кн.) *II* 217, 359-61, 534.
Михаил Павлович (вел. кн.) *I* 79, 115-6, 284, 338, 524.
Михайлов . . . . . . *II* 122-3.
Михайлов М. И. (писатель) *II* 178.
Михайловский Н. К. (писатель) *II* 279.
Мицкевич (инж.) *I* 571. *II* 27.
Мицкевич Адам. *I* 106-7, 137, 170. *II* 145.
Мичурин . . . . *I* 470.
Моденов . . . . *I* 67.
Модзалевский Б. Л. (пушкинист) *I* 59, 146, 175, 179, 300, 444, *II* 345.
Моисеева А. С. (Толстая). *I* 283.
Молчанов П. С. . . . *I* 177.
Монтебелло. . . . . . *II* 152.
Мордвинов Д. С. . . *II* 527.
Морозов Т. С. *I* 36. *II* 136, 469.
Музальков И. Е. *I* 354, 361.
Муравьев . . . . *I* 361.
Муравьев А. Н. (декабр.). *I* 206-7. *II* 66, 72-80, 141-2, 239-40.
Муравьев Андр. Н. . *I* 206.
Муравьев Л. М. . . . *II* 298.
Муравьев М. Н. (Виленский). *I* 206-7, 211, 222-6, 469, 471, 544-5, 569-71. *II* 120, 198-213, 231-3, 265-9, 294-7, 501.
Муравьев Н. Н. (Амурский), *I* 315, 335, 339-40. *II* 335.
Муравьев Н. Н. (Карский), *I* 206-7. *II* 54, 199-204.
Муравьев С. Н. *I* 206, 210, 211.
Муравьев-Апостол М. И. (дек.). *I* 91. *II* 64.
Муравьев-Апостол С. И. (дек.). *I* 91, 316. *II* 213.
Муравьева П. В. (Шереметева). *I* 222-3. *II* 198, 202-3, 232-3, 297,
Мусин-Пушкин М. Н. *II* 60.
Мусин-Пушкин (полк.) *I* 124.
Мусин-Пушкин А. О. (Ришар) *I* 124.
Мутвиц . . . . *II* 236.
Мюрат . . . . *I* 46.
Мяновский И. И. *II* 156-7.
Мясниковы . . . . . *II* 287-8.
Мясоедов А. И. *I* 554-5, 563-4.
Набоков В. Д. . . . . *II* 157.
Набоков Д. Н. *II* 156-7, 377.
Назимов В. И. *I* 547-9. *II* 43-4.
Наитаки . . . . *I* 299.
Наполеон I. *I* 86-8, 140. *II* 12.
Наполеон III. *I* 9. *II* 83-4, 132, 272, 290, 374.
Нарышкин . . . . *I* 241.
Нарышкин А. И. *I* 241-2, 248-50, 355, 358-60. *II* 34, 45, 244.
Нарышкин А. Л. . . *I* 283.
Нарышкин Д. Л. . . *I* 147.
Нарышкин С. А. . . *II* 34.
Нарышкина (Цурикова) *I* 249-50.

Нарышкина Е. И. *I* 240, 246.
Небольсин . . . . *I* 364.
Невский В. И. . . . . *II* 576.
Нейдгардт . . . . *I* 263.
Некрасов Н. А. (поэт) *I* 5, 12, *II* 292-6, 335.
Нелидов А. А. . . *I* 390, 534.
Нелидова В. А. (фаворитка Николая I). *I* 390-1, 400, 410, 431-5, 551-3, 583.
Нелидова (Ильинская). *I* 390, 534.
Немчинов . . . . *II* 241.
Немчинова А. Н. *I* 424-6.
Нессельроде Л. А. (см. Друцкая).
Нессельроде К. В. *II* 94-5.
Нессельроде Д. К. *II* 14, 18, 94-6.
Нечаев С. Г. (револ.). *II* 482-3.
Нечкина М. В. . . *II* 573-4.
Никитин А. . . . . *II* 151-2.
Никитин Н. М. . . . *I* 431-3.
Никифораки А. Э. *I* 404-5.
Николай I. *I* 5, 6, 11, 19-21, 44-6, 48-50, 78-80, 95-6, 115-6, 143, 157-164, 206, 224-5, 232-3, 270-2, 295, 306, 315, 350, 374, 385-93, 400, 410-11, 414-5, 421, 423, 446-8, 453-4, 469-71, 483-4, 487-8, 498, 504-5, 508, 512-16, 524-5, 531, 546-7, 551-4, 562-7, 583-90. *II* 8-9, 13-15, 24-5, 41, 44-7, 50-5, 58, 60, 64, 91, 144, 200, 213, 216, 238, 246, 366, 434, 458, 500, 535, 550-1,
Николай II. . . . . . *II* 565.
Николай Александрович (сын Александра II). *II* 92, 103-4, 220-3, 228-9 268-72, 293.
Николай Константинович (вел. кн.). *II* 305.
Николай Николаевич (вел. кн., старший). *II* 293, 313-14, 391, 556.
Новосильцев . . . . . . *II* 25.
Ножкин Н. Д. (ученый и революц.). *II* 273-80.
Ножкина Е. Д. (см. Делагарди).
Ножкина М. Д. . . *II* 273-80.
Норов П. Д. *I* 352, 357-8, 368, 373, 379.
Норова Т. С. (Викулина). *I* 352-3, 357, 368, 372.
Обермиллер А. Л. . . *II* 404.
Оболенская (Сумарокова). *I* 122.
Оболенский . . . . *II* 558-60.
Оболенский А. В. . *II* 121-3.
Оболенский А. П. . . *I* 379.
Оболенский Ю. А. *II* 160-3.
Обрезков. . . . . *I* 50.
Обручев Н. Н. . . . . *II* 399.
Овсянников С. Т. *II* 525-9, 535.
Огарев Н. А. *I* 537, 543-4, 584-5.
Огарев Н. П. (поэт) *II* 82.
Оголин . . . . *II* 195.
Огранович . . . . *II* 324.
Огрызко Иос. . . . . *II* 209.
Одоевская О. С. (Ланская). *I* 72.
Одоевский А. И. (декабр.). *I* 78.
Одоевский В. Ф. . . *I* 71-2.
Озеров . . . . *I* 33.
Оксман Ю. Г. (писатель). *II* 168, 296.
Оленников . . . . *I* 337.

Ольга Николаевна (дочь Николая I). *II* 298.
Ольденбургский Г. (принц). *I* 30.
Ольденбургский П. Г. (пр.). *II* 150, 556-8.
Ольшевский М. М. *II* 289.
Опперман А. К. . . . *I* 333.
Опперман (мл.). . . . *I* 334.
Оржевский . . . . *I* 466.
Орлов . . . . *I* 356.
Орлов А. Ф. *I* 206, 369-70, 584-5. *II* 13, 96, 209, 246, 267, 458.
Орлов М. Ф. (декабрист). *I* 206-9, 215, 310, 363, 368. *II* 314.
Орлов Н. А. *I* 456-7, 490, *II* 55.
Орлов Н. М. . . . . . *II* 314.
Орлова А. А. . . . . *I* 368-9.
Орлова Е. Н. (Раевская). *I* 206, 209, 310.
Орлов-Давыдов В. П. *II* 257, 331-2, 507-9.
Орсини (ит. револ.) *II* 84-6.
Осипова П. А. (Вымдонская, Вульф). *I* 98-99.
Оффенгейм . . . . . . *II* 354.
Павел I. *I* 284, 386. *II* 458.
Павский П. Г. . . . . . *I* 108.
Пален К. И. *II* 406, 430, 482-3, 502, 505, 512, 542-3, 556.
Пален . . . . *I* 230.
Паль . . . . *I* 230.
Панаев Вал. А. . . *II* 214-20.
Панин В. Н. *I* 584-5. *II* 176-8, 556.
Панов В. М. . . . *II* 179-82.
Панов М. М. . . *I* 419, 446.
Панова А. М. . . . *I* 179-80.
Пантелеев Л. Ф. . . *II* 222.
Панфилов А. И. *I* 314-5, 333.
Паскевич И. Ф. *I* 232, 302, 485-91, 496-504, 509-19, 523, 562. *II* 57, 289.
Пассек В. В. . . . . . *I* 115.
Пассек Д. В. *I* 112-115, 120, 188-9, 199-200, 286-9.
Пассек Т. П. . . . . . *I* 115.
Паткуль Х. А. (Дельвиг). *I* 28.
Паулуччи . . . . *II* 158.
Пашков . . . . *I* 474.
Пеликан Е. В. . . . . *II* 46.
Пель . . . . *I* 183.
Переселенков С. А. . *II* 83.
Перовский А. А. (Погорельский). *I* 130.
Перовский Б. А. . . *II* 104.
Перовский Л. А. *I* 407, 466, 568-9. *II* 200.
Перон . . . . *I* 40-42.
Перозио . . . . *II* 474.
Перфильев . . . . . . *I* 363-7.
Пестель В. И. . . . . . *II* 41.
Пестель П. И. (декабр.). *I* 316. *II* 41.
Петерс . . . . *I* 183.
Петр (апост.). . . . . *I* 547.
Петр I—*I* 29, 43, 115, 138-9, 535, 542. *II* 91, 165, 487
Петров . . . . *I* 550.
Петров А. Г. . . . . . *I* 404-5.
Петров В. П. (писат.) *I* 44, 57.
Пиа Ф. . . . . *II* 33.
Пиксанов Н. К. (писатель). *I* 24.
Пиллер Е. П. (Клейнмихель) *I* 539-40. *II* 46.
Пимен . . . . *II* 7.
Пирогов Н. И. . . . *II* 46-7.
Писарев Н. Э. . . *I* 403, 406.
Писарева С. Г. *I* 403, 406

Пито . . . . *II* 317-8.
Плетнев П. А. *I* 54, 63, 71, 80, 103, 129, 142, 166, 172-3, 182, 187, 197-8, 256, 267, 471. *II* 61, 224.
Плетнева А. В. (Щетинина) *II* 61, 224.
Плетнева С. А. (Раевская). *I* 72.
Погодин М. П. . . . . *I* 128.
Погуляев Т. . . . . . . *I* 421.
Погуляев Т. Г. *I* 419-22, 461.
Подолинский А. И. *I* 55, 72, 80.
Поземковский Ф. А. *II* 328-9.
Покровская М. Н. (Толстая) *II* 70-71.
Покровский (врач) *II* 70.
Покровский М. Н. . . . *I* 6.
Полевой Кс. А. . . . . *II* 22.
Полевой Н. А. *I* 84, 127, 143, 145, 152. *II* 22.
Поленов . . . . *I* 285.
Полторацкий П. М. . . *I* 98.
Полуденский П. С. *I* 206, 379.
Поляков Сам. Сол. *I* 397-8. *II* 142-3, 310-12, 317, 323-4, 327-30, 335, 338, 353-5, 360-1, 421, 492-5, 520, 566-71.
Поляков . . . . *I* 167.
Помье . . . . *I* 151-2.
Пономарева С. Д. (Позняк). *I* 66-7.
Попов . . . . *II* 85.
Попов . . . . . . *II* 474, 489.
Посполитаки А. Л. . *I* 382.
Посполитаки И. Л. . *I* 324.
Постельс К. Ф. *I* 312-3, 319.
Посьет К. Н. *I* 333. *II* 263, 291, 407, 487-9, 507, 512-24, 562, 567.
Посьет Р. И. (Лан, Максутова) *I* 210, 262.
Потапов (донской атаман). *I* 397.
Потапов А. Л. *I* 223. *II* 123, 212, 265-8, 273, 341.
Потапов Е. В. . . . . *II* 265.
Потемкин Г. А. *I* 35, 70, 547.
Потье . . . . *I* 86-7.
Потоцкая С. К. (Глявоне). *I* 456.
Прокопович-Антонский. *II* 108-11.
Прутченко Б. Е. *I* 419-20, 438, 454, 542.
Прутченко Д. Б. . . . *I* 462.
Пукалова В. П. . . . . *II* 20.
Пулло А. П. . . . . . *I* 309.
Путята Д. В. . . . . . *II* 493.
Путятин Е. Ф. *II* 147-151, 542-3.
Пушкин А. С. *I* 14, 20-4, 55-65, 68, 71, 76, 80-6, 93-8, 102-4, 109, 127-137, 141-154, 159-165, 169, 172-5, 180, 190, 197-9, 206, 209, 211, 220, 300, 310, 344, 455, 467-8, 523. *II* 275, 345, 573-4.
Пушкин В. Л. . . . . . *I* 84.
Пушкин Л. С. *I* 54, 73-4, 147, 186, 304-7, 320, 467-8.
Пушкин С. Л. *I* 54, 190, 468.
Пушкина Е. А. (Загряжская) *I* 467-8.
Пушкина Н. Н. (Гончарова, Ланская). *I* 54, 138, 190, 468-9. *II* 275.
Пущин И. И. (декабрист). *I* 96.
Пфефер . . . . . *I* 113, 118.
Пыхачев М. И. . . *II* 573-4.
Радзевская Е. Е. *I* 348, 418.

Радзивилл . . . . *I* 423.
Радзивилл (Урусова, фаворитка Николая I). *I* 423, 446.
Раевская А. М. (Бороздина). *I* 314-19, 328.
Раевская Е. П. (Киндякова). *I* 209.
Раевский А. Н. *I* 206, 209, 255, 329.
Раевский Н. Н. (отец). *I* 206, 329, 363.
Раевский Н. Н. (сын). *I* 74, 300-6, 310-14, 317-19, 328-32, 336, 348.
Раевский Н. Н. (внук). *I* 319.
Разумовский А. Г. *I* 535-7.
Рамазанов Н. А. . . . *I* 52-3.
Распопова . . . . *II* 162.
Рафалович . . . . . . *II* 252.
Рахманов . . . . *II* 75.
Редер . . . . *I* 527.
Резимон *I* 89, 111, 176, 187-9. 199, 288.
Рейнгардт М. И. . . . *I* 484.
Рейс . . . . *II* 365.
Рейтерн М. Х. *II* 258, 340, 354-6, 390-4, 403, 407-9, 413-14, 417-19, 423-6, 430, 449, 455-8, 462, 465-74, 478-9, 512-15, 522-5, 533-4, 537-42, 561-2, 569-71.
Рекур . . . . *I* 88.
Ренар . . . . *II* 230.
Репин И. Е. . . . . . . *I* 24.
Репнин Н. Г. (Волконский). *I* 535-8.
Рерберг . . . . *I* 527.
Рерберг И. Ф. . . . . . *I* 6.
Решетова Е. А. . . . . *I* 265.
Ридигер Ф. В. *I* 486, 504-7.
Римский-Корсаков . . *II* 34.
Ришар М. и Ф. . . . *I* 124.
Ровинский . . . . *I* 50.
Родзевич М. А. (Дельвиг) *I* 109.
Робер-Макер (герой комедии) *II* 429.
Родионова Е. Н. . . . *I* 454.
Розен Г. В. . . . *II* 289, 535.
Розен Е. Ф. *I* 55, 72, 80, 83, 129, 172.
Розенталь . . . . . . *II* 538.
Рокассовский А. И. *I* 412, 471, 536.
Романовы . . . . *I* 13. *II* 458.
Ромберг-Гердоуэн . . *II* 364.
Ропп Л. *I* 189, 252, 563.
Ропп . . . . *I* 199.
Ростовцев Я. И. *I* 297, 527-8, 584.
Ростопчин . . . . *II* 112.
Ротчев . . . . *II* 194.
Ротшильд . . . . *II* 289.
Рудольф (австр. принц). *II* 493-4.
Рукавишников В. Н. *II* 469.
Рукавишников . . . *II* 49, 56.
Рылеев К. Ф. (декабр.) *I* 65, 75-8, 101.
Рюмин Н. Г. . . . *II* 89, 102.
Рюрик . . . . *I* 28, 345.
Рябинин. *II* 369, 396-8, 400, 408, 415.
Рябинин . . . . *I* 240.
Рябинина Е. А. (Черкасская) *I* 239-40.
Сабуров А. И. . . . . *II* 246.
Савелий . . . . *I* 293-4.
Садовский (инж.) *II* 53-4, 318.
Сазиков . . . . *II* 285.
Саитов В. И. (писатель) *I* 59.
Сакен Д. Е. . . *I* 502, 526.

Салиас-де-Турнемир Е. А. (писатель) *II* 547, 553.
Салиас-де-Турнемир Е. В. Сухово-Кобылина) *I* 46, *II* 547.
Саломон (врач) . . . *I* 167.
Салтыков А. М. . . . . *I* 71.
Салтыков М. А. *I* 70-1, 172, 175-6, 179, 181, 191-2, 196, 206-7, 215, 217.
Салтыков М. Е. (Щедрин) *I* 11-12, *II* 502.
Салтыков М. М. *I* 175-8, 183.
Салтыкова Е. Ф. (Ришар) *I* 70, 124, 175.
Салтыкова С. М. (см. Дельвиг).
Самарин Ю. Ф. *II* 532-3.
Самсон . . . . *I* 134.
Сватиков С. Г. . . . . *II* 279.
Седков М. К. . . . . . *II* 543.
Седкова С. К. (Еракова) *II* 543.
Селецкий . . . . *I* 534.
Семевский В. И. (историк) *II* 212.
Семенов В. Н. . . *I* 153, 156.
Семечкин Л. П. . *II* 517-18.
Семичев В. С. *I* 483. *II* 342, 346, 477.
Семякин . . . . *II* 134.
Сеновер . . . . *I* 88.
Сенявин . . . . *I* 355-8.
Сераковская А. . . . *II* 210.
Сераковский Сиг. . *II* 209-10.
Серапин . . . . *I* 368.
Сергеев Д. . . . . *I* 452.
Сергеев П. И. . *II* 335, 346.
Серебряков (инж.) *I* 529-30, 537-9, 554-6, 563-4, 569-71. *II* 226.
Серебряков Л. М. *I* 313, 333.
Сибирский (князь) . . *II* 75.
Сивков А. Д. . . *I* 110, 187.
Синельников Н. Н. *II* 56, 567-9.
Скалозуб («Горе от ума») *I* 49, 265.
Скальковский А. А. *II* 547, 553.
Скарятин В. Д. *II* 257, 343.
Скобелев М. Д.. . . . *I* 115.
Скордули . . . . *I* 38-9.
Скордули Е. Ф. (Лопухина) *I* 35, 38-9.
Слезкин . . . . *I* 575.
Сленин И. В. *I* 75-6, 136, 167.
Смирдин А. Ф. . . . . . *I* 142.
Смирнов М. А. . . . . . *I* 255.
Смолин . . . . *II* 26, 54.
Собакины . . . . *I* 274-5, 424.
Соболевский В. П. *II* 169-70.
Соболевский С. А. *I* 96-9. *II* 116.
Соймонов А. Н. *I* 96, 238-9, 251.
Соймонова Е. А. *I* 238-9, 272.
Соколов П. И. . . . . . *I* 74.
Солдатенков В. И. . . *I* 526.
Солдатенкова В. Г. (Филиппсон) *I* 526.
Соловьев М. (отец историка) *I* 49.
Соловьев С. М. (историк) *II* 220.
Соловьев Я. А. *II* 238-9, 243.
Сологуб Ф. К. (Тетерников) *I* 86.
Соломон (библ.) . . . . *I* 66.
Сомов О. М. (Байский) *I* 64, 76, 78-9, 101-4, 129, 141-2, 165-6, 182, 197, 256.
Сорокин . . . . *I* 497.
Сперанский М. М. . . . *II* 12.
Спиридон . . . . *I* 42.
Стакельберг Н. С. . . . *II* 46.

Сталь (ген.) *I* 39, 213. *II* 80.
Станевич *I* 555-6, 559, 570, 586-8.
Станкевич Н. В. . . . . *I* 211.
Стасюлевич М. М. . . *II* 516.
Стояновская (Оленина) *II* 482.
Стояновский Н. И. . . *II* 482.
Страковский . . . . . . *I* 120.
Стремоухов В. П. *I* 273, 421-2, 439-40, 451. *II* 323.
Стремоухов П. Д. *II* 141-2, 239-40, 323-4.
Стржелецкий . . . . *II* 386-7.
Строганов А. Г. . . . . . *I* 90.
Строганов Г. А. *II* 249, 294, 343, 485-6.
Строганов С. А. . . . . *I* 90.
Строганов С. Г. *I* 379. *II* 69, 97-8, 104, 221, 228, 270-1, 316, 403, 419, 473, 479, 482, 556.
Струве (братья) . . . *II* 418.
Струсберг Б. *II* 364-5, 518.
Суворин А. С. (журнал.) *II* 344, 549.
Суворов А. А. *I* 475. *II* 178, 212, 294, 568-71.
Суворов А. В. *I* 43. *II* 569.
Сумароков (гр.) . . . . *I* 122.
Сухово-Кобылин А. В. (писат.) *I* 46, 444.
Сухово-Кобылин В. А. *I* 444.
Сухово-Кобылина М. И. (Шепелева) *I* 46.
Сухозанет И. О. . . . . *I* 413.
Сухозанет Н. О. *I* 33. *II* 128, 133.
Сухотины . . . . *I* 234.
Сушинский . . . . . . *II* 104.
Сущов Н. Н. *II* 373, 456-7, 486.
Таке . . . . *I* 198.
Танеев А. С. . . . . *I* 525.
Танеев В. С. . . . . . . *II* 116-7.
Танеев Н. В. . . . *II* 117-124.
Танеев С. В. *II* 117, 124-7.
Танеева Н. Д. (Новикова) *II* 116-7, 122-7, 273, 280.
Татаринов В. А. . . . *II* 535.
Таубе Ф. И. *I* 416. *II* 246-8, 328.
Тейлс . . . . *I* 256-7.
Тейлс Н. Д. . . . . . . *I* 256-7.
Темира . . . . , *I* 61.
Тесмин А. Н. . . . . . . *II* 247.
Тим В. Ф. . . . . *II* 106.
Тимашев А. Е. *II* 331, 502, 505, 508, 545, 563.
Титов В. П. (Космократов) *I* 85-6. *II* 558.
Тихон (Задонский) . . . *I* 20.
Толстая А. С. *I* 282-4, 289-92.
Толстая Л. Н. (Левашева) *I* 262, 266-7, 282, 284, 289-93, 418-9. *II* 68-71, 76.
Толстой Г. М. . . . . *I* 396-8.
Толстой Д. А. *II* 296, 495-7, 500-4, 517, 545-9, 552-60.
Толстой И. М. *I* 397. *II* 134, 310-12, 317, 323-4, 328.
Толстой Н. М. . . . . . *II* 526.
Толстой Н. Н. (сын Н. С.) *II* 70-1.
Толстой Н. Н. . . . . . *II* 64.
Толстой Н. С. *I* 275, 284-5, 291-3, 418-9, 449, 541-2. *II* 62-3 67-80, 99, 108.
Толстой С. В. . . . . *I* 282-3.
Толь . . . . *II* 190.
Толь К. Ф. *I* 6, 209, 231-3, 287, 295-6, 300-1, 310, 350-1, 391-3, 397, 572. *II* 264.
Томашевский Б. В. (пушкинист) *I* 146.

Тон К. А. . . . . *II* 7-8.
Топильский М. И. . . . *I* 374.
Тотлебен Э. И. *II* 37-39, 402, 566.
Травин . . . . *I* 408.
Трап (доктор) . . . . *I* 455.
Трепов Ф. Ф. *II* 230-1, 293-4, 441, 482.
Трескин А. С. (Траскин) *I* 299, 304, 306, 318, 320.
Троицкий . . . . *II* 95.
Трофимович . . . . . . *I* 430.
Трубецкой С. П. (декабр.) *II* 573-4.
Туманский В. И. . . . . *I* 172.
Тургенев А. И. . . . . *II* 144.
Тургенев Ив. С. *I* 247. *II* 168, 545.
Тургенев Н. И. . . . *II* 143-4.
Тучкова-Огарева Н. А. *II* 82-3.
Тхоржевский Ст. . . . *II* 83.
Тютчев Н. Н. *I* 101. *II* 245, 331-4.
Тютчев Ф. И. (поэт) *I* 222. *II* 442, 511.
Тютчев (орл. предв.) *I* 362.
Тютчева А. Ф. (см. Аксакова).
Тюфяев К. . . . . *I* 214.
Уайнанс В. *II* 154, 259-64, 325-6, 355-9.
Уатт Дж. . . . . *II* 85.
Удом . . . . *I* 35, 38-9.
Уислер . . . . *II* 325.
Ульрихс Ю. П. *I* 37, 41-2.
Унгерн-Штернберг *II* 251-4, 413.
Унковский И. С. . . . *II* 387.
Урусов . . . . *II* 280.
Урусов В. А. . . . . . . *I* 34.
Урусов М. А. *I* 20, 422-6, 444-9, 454, 458-63, 469-71.
Урусов Пав. А. . . . . *I* 460.
Урусов С. Н. *I* 233-4. *II* 556.
Урусов ? Н. . . . . . *I* 233-4.
Урусова . . . *I* 454-5, 459-62.
Урусова И. Н. . . . . . *I* 234.
Урусова Н. А. . . . . . *I* 239.
Устимович . . . . *I* 534.
Ухтомский *II* 156, 160, 163, 305-6.
Ухтомский . . . . *I* 355.
Фабр А. Я. . . . . *I* 86-7, 471.
Фадеев Р. А. . . . . *II* 531-4.
Фалькенгаген . . . . . *II* 361.
Фамусов («Горе от ума») *I* 265.
Федоров Б. М. . . . . *I* 68-9.
Федорова . . . . *I* 124. *II* 245.
Фейгин . . . . *II* 525-6.
Фейхтнер . . . . *I* 430-1, 528.
Фельдман . . . . *II* 456.
Феокрит . . . . *I* 65.
Феоктистов Е. М. *I* 444. *II* 139, 168, 458.
Фердинанд I (австр. имп.) *I* 507-8.
Фиглярин (см. Булгарин).
Филарет (Дроздов) *I* 370. *II* 61, 102-3, 112.
Филлель . . . . . *II* 125, 412.
Филиппов Д. . . . . . *I* 361.
Филипсон Г. И. *I* 310, 314-19, 323-5, 328, 332, 338-41, 526. *II* 146-151, 224.
Фиркс Ф. И. (Шедо-Ферроти) *I* 230, 238-9, 243-7, 251-2, 472-81.
Фирсов Н. Н. . . . . . *II* 292.
Фитингоф . . . . *II* 321.
Флаге . . . . *I* 37.
Флоранский (см. Боратынский).
Фомин П. С. . . . . *II* 217-19.
Фомины . . . . *II* 14.

Франц-Иосиф I (австр. имп.) *I* 508-9. *II* 493-4
Фрейтаг . . . . *II* 121.
Фрейтаг (ген.) . . . . *I* 499.
Френкель . . . . . . *II* 318.
Фролов . . . . . *I* 49. *II* 212.
Фуллон . . . . *II* 27.
Фундуклей И. И. *I* 405. *II* 289.
Фуфаевский . . . . *II* 400-2.
Харичков . . . . . *I* 589-590.
Хвостов . . . . *I* 84.
Херасков М. М. . . . . *I* 51.
Херхеулидзев З. С. *I* 316, 328, 567, 573-4, 577-80.
Хилевский . . . . *I* 120.
Хитров А. Н. . . . . . *I* 234.
Хитрово Е. М. (Кутузова) I 146, 154.
Хмельницкая П. Ю. *II* 296.
Хмельницкий И. Д. *II* 353.
Хмельницкий . . . . . *I* 572.
Хомутов М. Г. *II* 213, 216-18.
Хомяков А. С. *I* 21, 246-7. *II* 10, 28, 101, 105-6.
Хрущов А. П. . . . . . . *II* 268.
Циммерман . . . . *I* 186.
Цицурин Ф. С. *II* 248, 289, 481.
Цуриков А. С. *I* 235-59, 263, 296, 441, 477, 533. *II* 243-4.
Цуриков С. В. *I* 236, 247-50
Цурикова Е. А. . . . . *I* 235.
Цявловский М. А. (пушкинист) *I* 24. *II* 54, 458.
Чаадаев П. Я. *I* 206-11, 215-21, 263-5, 277-9 *II* 10, 24, 26, 28-9, 52-5, 61.
Чацкий («Горе от ума») *I* 141, 265.
Чевкин К. В. *I* 392-3. *II* 49-58, 65, 89, 94, 98, 106, 138, 144, 154-5, 163, 167-76, 189, 196, 231, 258, 261-4, 303, 316, 362, 377, 392-4, 405-7, 419, 428-9, 436-7, 451, 485, 491-2, 536-8, 556-7.
Чевкин ? К. . . . . . . *II* 56-7.
Чевкина . . . . . . *II* 56, 492.
Чедаев (ген.) . . . . . *I* 408
Чеодаев М. И. *I* 221, 486, 502-3.
Черкасский В. А. *II* 377-8.
Чернышев А. И. *I* 224, 232, 295, 306, 311, 317-18, 350-1, 381-2, 385, 389, 402. *II* 57.
Чернышевский Н. Г. *II* 151, 178, 209, 295.
Черняев М. Г. *II* 549-50.
Четвериков П. Ф.. . . *I* 188.
Четвертинский В. . . . *I* 260.
Чиальдини . . . . . . *II* 131.
Чижов Ф. В. *II* 90-3, 110-11, 114-5, 121, 153, 335, 350-1, 396, 451-3, 467-71, 521, 564.
Чичерин . . . . *II* 159.
Чичерин Б. Н. *II* 54, 150-1, 220, 257.
Чуковский К. И. *II* 292, 295.
Чулков Г. И. . . . . . *II* 511.
Шабельский . . . . . . *I* 91.
Шакеев . . . . *II* 128.
Шаликов П. И. . . . . *I* 104.
Шамиль . . . . *I* 302.
Шамшин . . . . *II* 524.
Шаховской . . . . *II* 75.
Шаховской Д. И. . . . *I* 221.
Шванебах . . . . *I* 572.
Шевалье (ресторан) . . *I* 6.
Шевалье (эконом.) . . *II* 55.
Шевченко Т. Г. . . . . *I* 403.
Шедо-Ферроти (см. Фиркс).
Шекспир . . . . *I* 211.
Шелгунов Н. В. *I* 226. *II* 47, 151.
Шеле А. И. . . . . . . *II* 324-5

Шембель . . . . *I* 576.
Шеншин В. А. . . . . . *I* 282.
Шеншина А. С. . . . *I* 282.
Шеншины . . . . *I* 282.
Шепелев Д. Д. *I* 45-6, 442-4.
Шепелев И. Д. . . . . *I* 443.
Шепелев Н. Д. . . . . *I* 443.
Шепелева А. И. (Баташева) *I* 46, 442.
Шепелевы . . . . . . *I* 442-4.
Шервашидзе А. . . . *I* 335.
Шервашидзе М. . . . *I* 334-5.
Шереметев А. В. . . *II* 317-8.
Шереметев В. А. . . . *I* 468.
Шереметев Н. В. *I* 435-6, 468.
Шереметев С. В. *I* 435-7, 444-6, 468-71.
Шереметева Н. Н. (Тютчева) *I* 222. *II* 198.
Шереметьева С. М. (Муравьева) *II* 232, 265, 298.
Шереметева Ю. В. . . *I* 468.
Шернваль К. И. *II* 366, 401. 3, 408, 411, 418, 446-48, 515, 561-2.
Шефлер . . . . . . *I* 113-122.
Шидловский . . . . . *II* 353.
Шидловский М. Р. . . *II* 56.
Шиллер Фр. . . . . . . *I* 211.
Шилов А. А. (писат.) *I* 226. *II* 47, 151, 296, 483.
Шипов А. П. . . . . *II* 87-9.
Шипов Д. П. *II* 87-90, 102.
Шипов Н. П. . . . . *II* 87-9.
Шипов С. П. *I* 440-1. *II* 22, 87-9, 99-101, 227-8.
Шипова А. Е. (Комаровская) *I* 441. *II* 22.
Широков . . . . *I* 277.
Шишов . . . . *I* 404.
Шмидт Я. Я. . . . . . *II* 156.
Шпилев . . . . . *II* 398, 408.
Шприх («Маскарад» Лермонтова) *I* 124.
Штейнгель . . . . . *II* 360-1.
Штомпф . . . . *II* 358-9.
Штрайх Н. В. (Васильева) *I* 24.
Штрайх С. Я. *I* 3, 13-24, 96, 116. *II* 15, 66.
Шуберский Э. И. *II* 229, 315.
Шубина А. Н. . . . . . . *II* 7.
Шувалов А. Павл. *II* 257-8.
Шувалов А. Петр. *II* 455.
Шувалов П. А. (Петр IV) *II* 139-40, 194, 218, 257, 293, 300-1, 361, 380, 406, 414-5, 422, 429, 434-5, 441-5, 450-2, 456, 459-62, 472, 484, 500-5, 508, 510-12, 534, 554-6.
Шульгин А. С. *I* 50, 401.
Шульц (полк.) *I* 295, 301-3, 308, 319-26.
Шульц . . . *I* 216. *II* 10, 55.
Шумахер . . . . *II* 331.
Шюц . . . . *II* 322.
Щастный В. Н. *I* 55, 72, 80, 166, 180.
Щеглов Н. П. . . . . . *I* 153.
Щеголев П. Е. (пушкинист) *I* 86, 100. *II* 297, 483, 551.
Щепин-Ростовский Д. А. (декабрист) *I* 78.
Щепкин Мих. Сем. . . *II* 220.
Щепочкин . . . . . . *II* 75-6.
Щербатов *II* 363, 375, 382-8, 392.
Щербатова А. М. . . . *I* 379.
Щербачев Г. Д. . . . . *II* 51.
Эбелинг . . . . *I* 77.
Эдинбургский (герц.) *II* 509-11.
Эдип . . . . I 65.

Эдуард VII (кор. англ.) *II* 509.
Эзоп . . . . *II* 58.
Элькан А. Л. . . . . . . *I* 122-4.
Энгельгардт (генерал) *I* 417-18.
Энгельгардт Е. А. . . . *I* 57.
Энгельс Фр. . . . . *II* 575.
Эпштейн . . . *II* 375, 388-92.
Эристов Д. А. *I* 54, 72, 166, 197.
Юз Дж. . . . . *II* 409-11.
Языков Н. М. *I* 83, 94, 96, 174. *II* 91.
Языков А. И. *II* 279, 288.
Языков П. А. *I* 399-400, 527, 532-3, 587-8 *II* 273.
Яковлев М. Л. *I* 54, 59, 72, 96, 147, 166, 176, 178, 180, 182-4, 197.
Якушкин В. И. . . . . . *I* 222.
Якушкин Е. И. . . . . . *I* 222.
Якушкин И. Д. (декабрист) *I* 222, 300. *II* 63-4, 198.
Якушкина А. В. (Шереметева) *I* 222. *II* 198.
Янши . . . . *I* 46.
Ярцев Ф. И. . . . . *I* 31.
Ярцева А. И. (Семичева) *I* 34.
Ярцева А. Ф. . . . . *I* 34.
Ястржембский . . . . . *I* 555.
Ястржембский Н. Ф. *I* 112, 188, 199.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Глава седьмая	7
Глава восьмая	87
Глава девятая	187
Глава десятая	323
Глава одиннадцатая	379
Глава двенадцатая	487
Дополнения ко II тому	573
Указатель имен	575

